

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика	Микробиология
Агрохимия	Микроэлектроника
Азия и Африка сегодня	Мировая экономика и международные отношения
Акустический журнал	Молекулярная биология
Алгебра и анализ	Наука в России
Астрономический вестник	Научное приборостроение
Астрономический журнал	Нейрохимия
Биологические мембраны	Неорганические материалы
Биология внутренних вод	Нефтехимия
Биология моря	Новая и новейшая история
Биоорганическая химия	Общественные науки и современность
Биофизика	Общество и экономика
Биохимия	Океанология
Ботанический журнал	Онтогенез
Вестник РАН	Оптика и спектроскопия
Вестник древней истории	Палеонтологический журнал
Вестник Южного научного центра	Паразитология
Водные ресурсы	Петрология
Вопросы истории естествознания и техники	Письма в Астрономический журнал
Вопросы ихтиологии	Письма в Журнал технической физики
Вопросы философии	Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики
Вопросы языкознания	Поверхность
Восток	Почвоведение
Вулканология и сейсмология	Приборы и техника эксперимента
Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)	Прикладная биохимия и микробиология
Генетика	Прикладная математика и механика
Геология рудных месторождений	Природа
Геомагнетизм и аэрономия	Проблемы Дальнего Востока
Геоморфология	Проблемы машиностроения и надежности машин
Геотектоника	Проблемы передачи информации
Геохимия	Программирование
Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология	Психологический журнал
Государство и право	Радиационная биология. Радиоэкология
Дефектоскопия	Радиотехника и электроника
Дискретная математика	Радиохимия
Дифференциальные уравнения	Расплавы
Доклады Академии наук	Растительные ресурсы
Журнал аналитической химии	Российская археология
Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова	Российская история
Журнал вычислительной математики и математической физики	Российский иммунологический журнал
Журнал неорганической химии	Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова
Журнал общей биологии	Русская литература
Журнал общей химии	Русская речь
Журнал органической химии	Сенсорные системы
Журнал прикладной химии	Славяноведение
Журнал технической физики	Социологические исследования
Журнал физической химии	Стратиграфия. Геологическая корреляция
Журнал эволюционной биохимии и физиологии	США. Канада. Экономика - политика - культура
Журнал экспериментальной и теоретической физики	Теоретическая и математическая физика
Записки Российского минералогического общества	Теоретические основы химической технологии
Земля и Вселенная	Теория вероятностей и ее применение
Зоологический журнал	Теплофизика высоких температур
Известия РАН. Механика жидкости и газа	Труды Математического института имени В.А. Стеклова
Известия РАН. Механика твердого тела	Успехи математических наук
Известия РАН. Серия биологическая	Успехи современной биологии
Известия РАН. Серия географическая	Успехи физиологических наук
Известия РАН. Серия литературы и языка	Физика Земли
Известия РАН. Серия математическая	Физика и техника полупроводников
Известия РАН. Серия физическая	Физика и химия стекла
Известия РАН. Теория и системы управления	Физика металлов и металловедение
Известия РАН. Физика атмосферы и океана	Физика плазмы
Известия РАН. Энергетика	Физика твердого тела
Известия русского географического общества	Физикохимия поверхности и защита материалов
Исследование Земли из космоса	Физиология растений
Кинетика и катализ	Физиология человека
Коллоидный журнал	Функциональный анализ и его применение
Координационная химия	Химическая физика
Космические исследования	Химия высоких энергий
Кристаллография	Химия твердого топлива
Латинская Америка	Цитология
Лесоведение	Человек
Лёд и Снег	Экология
Литология и полезные ископаемые	Экономика и математические методы
Математические заметки	Электрохимия
Математический сборник	Энергия, экономика, техника, экология
Математическое моделирование	Этнографическое обозрение
Микология и фитопатология	Энтомологическое обозрение
	Ядерная физика

Номер 3

Июль–Август–Сентябрь
2017

ISSN 0869-6063

ISSN 0869-6063 Российская археология, 2017, № 3

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ • № 3 • 2017

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журналу

1957 – 2017

<http://www.naukaran.com>

“Н А У К А”

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 2017

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

чл.-корр. РАН Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров, акад. РАН В.И. Молодин,
д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов, д.и.н. А.А. Тишкин, акад. РАН В.Л. Янин,
проф. А. Буко (Польша), докт. М. Вемхофф (Германия), проф. Т. Дарвилл (Великобритания),
проф. Ж.-П. Демуть (Франция), чл.-корр. НАН Украины Г.Ю. Ивакин, проф. Ф. Кол (США),
Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
д.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
д.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. В.Д. Кузнецов, д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон (499)124-34-42
E-mail: ra@iaran.ru

Москва
Издательство “Наука”

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2017

О мобильности энеолитического населения Балкан (по материалам раскопок телля Юнаците в Болгарии)	
<i>Медникова М.Б.</i>	5
Земледельческие орудия скифского времени на Среднем Дону	
<i>Меркулов А.Н.</i>	19
Признаки социальной стратификации у населения самбийско-нотангийской культуры в начале средневековья (середина V – VII в.)	
<i>Казанский М.М., Мастыкова А.В., Скворцов К.Н.</i>	28
Шерстяные ткани Мошевой балки и могильника Янхай	
<i>Пахунов А.С., Елкина И.И., Дэвлет Е.Г., Вагнер М., Тарасов П.Е.</i>	46
Реконструкция возможного использования сфероконуса из Болгара	
<i>Дэвлет Е.Г., Нуретдинова А.Р., Сивицкий М.В.</i>	57
О расселении ранних славян на восток в римское время	
<i>Обломский А.М.</i>	71
Формы “причерноморских” амфор VIII–X вв.	
<i>Суханов Е.В.</i>	89

Публикации

Курган с ровиками в низовьях р. Елань	
<i>Медведев А.П.</i>	105
Зеликакинский могильник албано-сарматского времени в Прикаспийском Дагестане	
<i>Абиев А.К., Боруцкая С.Б., Васильев С.В., Малашев В.Ю., Фризен С.Ю.</i>	117
Поселение эпохи Великого переселения народов Троица 1 на оз. Удомля (по материалам исследований 1984, 1985, 1987, 2002 и 2003 гг.)	
<i>Исланова И.В., Лагуткина Е.В., Лагуткин А.В.</i>	133
Скульптурные изображения человека Дмитриевского могильника салтово-маяцкой культуры	
<i>Сарапулкин В.А.</i>	144

История науки

К 120-летию Александра Александровича Иессена	
<i>Мунчаев Р.М., Мусеибли Н.</i>	154

Критика и библиография

Славяне на Дунае. Обретение Родины. Кишинев, 2015	
<i>Обломский А.М.</i>	161
Очерки истории отечественной археологии. М., 2015	
<i>Руденко К.А.</i>	168
Василий Алексеевич Городцов. Дневники. 1928–1944. М., 2015	
<i>Щавелев С.П.</i>	172

ХРОНИКА

XX-е Уральское археологическое совещание. Ижевск, 2016

*Выборнов А.А., Зданович Г.Б., Кузьминых С.В., Лещинская Н.А., Мельникова О.М.,
Руденко К.А., Чаиркина Н.М., Черных Е.М., Ютина Т.К.* 176

Новые палеоэкологические исследования в науках о прошлом

Матвеева Н.П., Рябогина Н.Е. 179

Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации. Болгар, 2016

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. 182

К юбилею Андрея Михайловича Обломского

От друзей и учеников Гавритухин И.О., Воронцов А.М., Радюш О.А. 186

К юбилею Натальи Борисовны Крыласовой

Белавин А.М., Сарапулов А.Н. 188

Правила для авторов 190

Content

Number 3, 2017

The mobility of the eneolithic population of the Balkans from the record of tell Yunatsite in Bulgaria	
<i>Mednikova M.B.</i>	5
Agricultural implements of the scythian time on the Middle Don	
<i>Merkulov A.N.</i>	19
Markers of social stratification among the bearers of the Sambian-Natangian culture in the early Middle Ages (the mid-5 th –7 th centuries AD)	
<i>Kazanski M.M., Mastykova A.V., Skvortsov K.N.</i>	28
Wool fabrics from Moshchevaya Balka and the Yanghai cemetery	
<i>Pakhunov A.S., Elkina I.I., Devlet E.G., Wagner M., Tarasov P.E.</i>	46
A reconstruction of a possible use of a spheroconical vessel from Bolgar	
<i>Devlet E.G., Nuretdinova A.R., Sivitskiy M.V.</i>	57
On the eastward spread of the early Slavs in the Roman time	
<i>Oblomskiy A.M.</i>	71
Shapes of 'Pontic' amphorae of the 8 th – 10 th centuries AD	
<i>Sukhanov E. V.</i>	89

Publications

A barrow with trenches in the lower reaches of the Yelan river	
<i>Medvedev A.P.</i>	105
The Zelikaka cemetery of the Albanian-Sarmatian time in Caspian Dagestan	
<i>Abiev A.K., Borutskaya S.B., Vasilyev S.V., Malashev V. Yu., Frizen S. Yu.</i>	117
Troitsa 1, a settlement of the Migrations epoch on the Udomlya Lake (from the investigations of 1984, 1985, 1987, 2002 and 2003)	
<i>Islanova I.V., Lagutkina E.V., Lagutkin A.V.</i>	133
Anthropomorphic sculptures from the Dmitrievka cemetery of the Saltovo-Mayatskoe culture	
<i>Sarapulkin V.A.</i>	144

History of Science

To the 120 th anniversary of Aleksandr Aleksandrovich Iessen	
<i>Munchaev R.M., Museibli N.</i>	154

Review of Books

The Slavs on the Danube. The acquisition of the Homeland. Kishinev, 2015	
<i>Oblomskiy A.M.</i>	161
A Contribution to the History of Russian Archaeology. Issue IV. Moscow, 2015	
<i>Rudenko K.A.</i>	168
Vasiliiy Alekseevich Gorodtsov. Diaries. 1928–1994. Moscow, 2015	
<i>Shchhavelev S.P.</i>	172

CURRENT NEWS

The 20th Urals Archaeological Conference. Izhevsk, 25–29 October 2016

Vybornov A.A., Zdanovich G.B., Kuzminykh S.V., Leshchinskaya N.A., Melnikova O.M., Rudenko K.A., Chairkina N.M., Chernykh E.M., Yutina T.K. 176

New palaeoecological studies in the sciences of the past

Matveeva N.P., Ryabogina N.E. 179

The Ananyino World: Cultural Space, Relations, Traditions and Innovations. Bolgar, 2016

Kuzminykh S.V., Chizhevskiy A.A. 182

To Andrey Mikhaylovich Oblomskiy's jubilee

Gavritukhin I.O., Vorontsov A.M., Radyush O.A. 186

To the anniversary of Nataliya Borisovna Krylasova

Belavin A.M., Sarapulov A.N. 188

Rules for authors 190

О МОБИЛЬНОСТИ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАЛКАН (по материалам раскопок телья Юнаците в Болгарии)

© 2017 г. М.Б. Медникова

Институт археологии РАН, Москва, Россия (medna_pa@mail.ru)

Поступила в редакцию 22.02.2016 г.

Разработка новых инструментальных методов открывает перспективы для понимания влияния глубинных исторических процессов на качество и образ жизни людей. Телья Юнаците на Фракийской равнине в течение многих полевых сезонов изучался совместной болгаро-российской экспедицией. В том числе раскопан энеолитический слой со следами гибели поселка, где найдены останки его жителей, погибших насильственной смертью. В статье обсуждаются результаты анализа соотношения изотопов стронция в зубной эмали людей, большинство из которых были современниками и соседями на телье Юнаците. Вопреки ожиданиям, только один образец (тридцатилетней женщины № 69) демонстрирует изотопную подпись, характерную для локальных условий. Выделяются, как минимум, две группы, происходящие из разных местностей с геохимическими характеристиками, отличающимися от Юнаците. Для телья характерны высокие показатели стронция (0.711363), типичные для старых гор, как, по-видимому, для Балкан в целом. Но наиболее многочисленная и старшая по возрасту группа мигрантов (40 — старше 50 лет на момент смерти) объединена низкими показателями $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ (0.708), что означает их происхождение из районов лессовых почв или молодых скальных формаций. Ее приход на телья произошел не ранее, чем за 30 лет до гибели на Юнаците, что можно определить по срокам формирования зубов второй генерации, запечатлевших геохимическую обстановку места, где эти люди провели детство. Кроме того, на протяжении существования поселка Юнаците при жизни этого поколения неоднократно зафиксирован более поздний приток более молодых людей (женщин и мужчин) из этого и других местонахождений. В энеолитической группе Юнаците произведена оценка встречаемости индикаторов физиологического стресса в детском возрасте, в том числе, так называемых линий Гарриса (ЛГ) на рентгенограммах мелких трубчатых костей. Выявлен высокий уровень негативного воздействия в детстве (свыше 77% множественных ЛГ), особенно у мужчин первого поколения переселенцев. В целом, наши данные свидетельствуют о высоком уровне мобильности, об экзогамии и сложных социальных связях населения Балкан в энеолитическую эпоху.

Ключевые слова: энеолит, телья Юнаците, Фракия, Болгария, соотношение изотопов стронция, мобильность населения, микрофокусная цифровая рентгенография трубчатых костей человека, индикаторы физиологического стресса.

Телья Юнаците, или Плоская могила во Фракийской долине Болгарии на протяжении девятнадцати полевых сезонов (1982–2001) изучался международной Болгаро-Российской экспедицией под руководством Р. Катинчарова (Болгария) и Н.Я. Мерперта (СССР, Россия). В том числе были раскопаны верхние отложения эпохи энеолита (так называемый пласт В), содержавшие многочисленные останки людей, погибших на поселении. Эти останки со следами насильственной смерти были тщательно исследованы с антропологической точки зрения (Бужилова, 2005, С. 106–113; Zauner, 2006; Zäuner, 2011). Продолжается активное обсуждение хроностратиграфических, планиграфических особенностей этого комплекса, и энеолитического могильника

на телье Юнаците, имеющего культурные соответствия в Караново VI и Сэлкуце III (Balabina, Mishina, 2011; in press; Балабина, Мишина, 2012). Согласно предположению российских исследователей, антропология эпохи энеолита представлена двумя блоками. Первый — это останки индивидов разного пола и возраста под руинами поселка, разрушенного в результате военного конфликта. Второй блок — это могильник, состоящий из погребений взрослых мужчин и женщин, впрочем, не слишком отдаленный хронологически от времени гибели поселка. Эта точка зрения контрастирует с мнением зарубежных коллег, согласно которому все останки, найденные в энеолитических слоях Юнаците принадлежат людям, погибшим при нападении (Мацанова, 2000; Бояджиев,

2006). В любом случае, при соотнесении с категорией палеопопуляции, объединяющей обычно несколько поколений, энеолитическая выборка с телля Юнаците представляет синхронный пласт населения.

Возможности изучения мобильности древнего населения. Анализ изотопного состава останков позвоночных животных выявляет особенности среды обитания и позволяет оценить прижизненную мобильность (Koch et al., 1995; Норре, Koch, Carlson, 1999). В частности, соотношение изотопов $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в зубной эмали отражает геохимические характеристики окружающей среды, в которой рос человек и формировались коронки его зубов. В старых горах, богатых элементом рубидием, обычно повышено соотношение изотопов стронция по сравнению с более молодыми скальными формациями. «Геологический» стронций с почвой, точнее, почвенными водами попадает в пищевую цепь, консервируясь в малых количествах в организме. Зубы остаются неизменными после того, как они минерализуются, следовательно, за исключением «зубов мудрости», формирующихся позже, они сохраняют информацию о периоде детства. Трабекулярное или губчатое костное вещество перестраивается на протяжении человеческой жизни быстрее всего, в том числе по сравнению с компактой, образующей стенки трубчатых костей. При этом толстые стенки длинных костей содержат больше материала, синтезированного в раннем онтогенезе, по сравнению с тонкостенными ребрами, в которых велика пропорция трабекул. Соответственно, в отличие от зубов образцы костной ткани несут информацию о геохимической обстановке, в которой человек провел последние годы, при этом для анализа предпочтительно использовать мелкие, тонкостенные трубчатые кости или ребра.

Примечательно, что уже самые ранние работы археологов, посвященные мобильности древнего населения, затронули тему выявления мигрантов в раннеземледельческом населении Центральной Европы. В фокусе внимания оказались данные о соотношении изотопов стронция у представителей культуры колоколовидных кубков. Критика и дискуссия вокруг этих исследований оказали воздействие на последующие интерпретации работ в этой области (Grupe et al., 1997; Hogn, Mueller-Sohnius, 1999). Отвечая своим оппонентам П. Хорну и М. Мюллер-Сониусу, Г. Групе и соавторы (Grupe et al., 1999. Р. 271) подчеркивали, что все авторы согласны с возможностью оценки реконструкции мобильности в целом. Разногласия касались аспектов лабораторных работ

и интерпретации данных, они могли быть решены в рамках археометрического подхода.

В других исследованиях тоже обсуждались методические сложности, в частности, влияние на изотопные сигналы стронция процессов диагенеза и контаминации при изучении морских млекопитающих (Норре, Koch, Furutani, 2003). Для того, чтобы отличать последствия внешних загрязнений от биогенного стронция, было предложено несколько протоколов пробоподготовки. Наиболее эффективно пробоподготовка устраняла контаминацию, когда объектом исследования была зубная эмаль.

В междисциплинарных археологических работах последних десяти лет анализ изотопов стронция для выявления мигрантов стал рутинной процедурой. Преимущество отдано именно изучению образцов зубной эмали, формирующейся в детстве и менее подверженной посмертным трансформациям (Evans, Tatham, 2004; Buckley et al., 2007; Montgomery, Evans, Cooper, 2007; Price et al., 2008; Kaiser, Burger, Schreier, 2012; и др.).

Впрочем, правы авторы, подчеркивающие, что «изотопная подпись» стронция в зубах и костях не просто регистрирует миграцию индивида из пункта А в пункт Б, но является более сложным отображением многих областей, формировавших диету, включавших места, которые посещала эта персона, или — потенциально — удаленные места, где произрастала или паслась ее еда. По этой причине мы предпочитаем использовать термин «неместный», а не «иммигрант» (Bentley, Price, Stephan, 2004. Р. 366).

Анализ применяется для решения конкретных вопросов. Например, был предпринят поиск мигрантов среди людей с искусственной деформацией головы в составе палеопопуляций тевтонов и гепидов. Большинство изученных индивидуумов имели местное происхождение (Schweissing, Grupe, 2000. Р. 99). По соотношению изотопов стронция в зубной эмали домашнего скота изучены сезонные миграции африканских пастухов (Balasse, Ambrose, 2002).

Благодаря анализу изотопов $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ определены передвижения древних египтян и нубийцев в долине Нила. Исследование подтвердило гипотезу о проникновении египтян в Нубию во времена Нового Царства. Напротив, в период 25 династии, когда нубийцы управляли Египтом, стронциевые сигналы отображают только местные характеристики (Buzon, Simonetti, 2013).

Анализ соотношения изотопов Sr в костной ткани человека также послужил решению

Таблица 1. Результаты изотопного анализа Sr из образцов зубной эмали жителей энеолитического поселка Юнаците**Table 1.** The results of Sr-isotope analysis from samples of dental enamel of the inhabitants of the Eneolithic settlement of Yunatsite

Номер скелета	Пол, возраст*	Категория образца**	$^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$	2σ
24	Мужчина, 35–39	Первый правый моляр нижней челюсти справа	0.710434	10
99***	Мужчина, 45–55 Мужчина, около 30	Клык верхней челюсти	0.710920	7
74	Женщина, 35–45 Женщина, около 70 Женщина, 35–39	Моляр нижней челюсти	0.708480	7
69	Женщина? 35–45 Женщина? 18–20 Женщина, 18–20	Клык нижней челюсти	0.711112	8
87	Женщина, 35–45 Женщина, 25–30 Женщина, 30–34	Первый моляр верхней челюсти справа	0.708632	7
94	Мужчина, 35–45 Мужчина, 40–50 Мужчина, Adultus 2, 40	Второй моляр верхней челюсти справа	0.709266	6
78***	Женщина? 45–55 Женщина, 50–60 Женщина, около 30	Второй моляр верхней челюсти справа	0.708740	8
97	Мужчина, 35–45 Мужчина, 40–50 Мужчина, 40–49	Премоляр нижней челюсти	0.708893	7
68	Женщина? 50+ Женщина? 50–60 Женщина, 50 +	Второй моляр верхней челюсти	0.709062	9
80/69A****	Женщина, 30–35 Женщина, 25–35 Женщина, около 30	Первый моляр нижней челюсти	0.708866	14
Без номера	?	Резец нижней челюсти	0.708985	8
93	?, около 15 Мужчина? 19–20	Обожженные фрагменты зубной эмали	0.708865	8
	Мужчина? Женщина, 18–20 Женщина? около 19 Женщина, Adultus 1			

* Для всех образцов приводятся определения (сверху вниз) А.П. Бужиловой, С. Цойнера, М.Б. Медниковой; скелет без номера – определение М.Б. Медниковой.

** Фоновый почвенный образец: погребенная почва из колонки D, низ засыпки, глубина –518, время хиату-са: $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr} = 0.711363$, $2s = 9$).

*** Соответствует номеру погребения.

**** Обследованный нами скелет в коллекции Юнаците в настоящее время хранится под таким шифром; он может принадлежать индивидууму № 80 или 69, найденным в постройке 5.

некоторых весьма болезненных вопросов – например, о происхождении африканских рабов, вывезенных через Атлантику на Барбадос с конца XVII по XIX век. Для всестороннего изучения

маршрутов работорговли была использована комбинация анализов изотопов углерода, азота, кислорода и стронция (Schroeder et al., 2009). Соотношения изотопов углерода и азота определялись

в коллагене, выделенном из человеческих костей и дентина; изотопы кислорода и стронция определялись в зубной эмали. Большинство из 25 человек, останки которых подверглись изучению, родились уже на острове. Но образцы семи человек показали отличающиеся сигналы O и Sr, что доказывает их происхождение в другом месте. Данные по изотопам C и N также выделяют этих людей: образцы из костной ткани и зубов у них сильно отличались. Это отражает радикальное изменение питания после их пленения и рабства, связанного с перевозкой на Барбадос. Хотя пока невозможно определить место их точного происхождения, будущие рабы росли не в одном месте Африки, а по меньшей мере, в трех областях, включавших Золотой Берег и Сенегамбию.

Наконец, в рамках масштабного исследования населения культуры линейно-ленточной керамики были проанализированы образцы зубной эмали свыше 550 индивидуумов из 18 памятников в Венгрии, Чехии, Австрии, Германии и Восточной Франции (Bickle, Whittle, 2013). Определены не только параметры мобильности, типичные для локальных вариантов этой культурной традиции, но составлена база данных для характеристики поселений этих ранних земледельцев в Центральной Европе.

Изотопные исследования образцов из археологических раскопок в России в последние годы переживают очевидный подъем, помогая решать широкий спектр вопросов. Анализ стронциевого соотношения, к примеру, применялся при изучении мобильности алтайских неандертальцев (Dobrovolskaya, 2014, 2015; Медникова, Добровольская, 2015) и донских алан (Афанасьев и др., 2015); при изучении населения степей Северной Евразии в бронзовом – раннем железном веках (Шишлина, 2015).

Отдельно стоит выделить широкомасштабное изотопное исследование системы питания средневекового древнерусского населения, позволившее в том числе оценить влияние миграционных процессов в пределах домонгольского Ярославля (Engovatova et al., 2013; Энговатова и др., 2015).

Материал и методы исследования. В данной работе определялись соотношения изотопов стронция в эмали зубов второй генерации. Отбор образцов производился автором в 2015 г. на базе Болгарской археологической экспедиции на телле Юнаците (с. Юнаците в 10 км от г. Пазарджик, Болгария). Предпочтение отдавалось первым-вторым молярам, но, учитывая сохранность материала, были также отобраны премоляр, клык и резец. Первый постоянный моляр

нижней челюсти начинает процесс минерализации в момент рождения человека и заканчивает к 9–10 годам. Второй моляр начинает развиваться в 2.5–3 года и заканчивает к 14–16. Премоляры верхней челюсти формируются с 1.5 до 12–13 лет; клыки верхней челюсти – с 4–5 месяцев до 13–15 лет; клыки нижней челюсти – с 4–5 месяцев до 12–13 лет; центральные резцы верхней челюсти – от года до 10 лет (Scheid, 2007 цит. по Schroeder et al., 2009. Р. 549). Исследованы образцы двенадцати человек, останки которых найдены в энеолитическом слое телля Юнаците (горизонт B1), а также один контрольный образец погребенной почвы (табл. 1). Это составляет пятую часть от числа индивидуумов суммарной энеолитической выборки. Большинство исследованных образцов принадлежат людям, погибшим при нападении на поселение. Два проанализированных образца происходят из погребений 78 и 99, совершенных на теле спустя некоторое время после этой катастрофы. Соответственно, в нашем исследовании время проживания в определенной геохимической ситуации представляло разницу между возрастом смерти человека и анатомическим возрастом окончания роста зуба, который использован для анализа. Учитывая одномоментный характер выборки, данные о сроках имеют особое значение, позволяя оценить возможный приход на памятник новых групп мигрантов.

Анализ изотопного состава стронция в образцах осуществлялся по стандартной методике на базе ВСЕГЕИ РАН. Навески проб массой до 200 мг истирались в агатовой ступке до получения мелкодисперсной субстанции. Далее промыванием проб в течение 1 часа в растворе 1N HCl удалялись вторичные загрязнения. Затем центрифугированием из раствора выделялись чистые субстанции образцов, которые в дальнейшем подвергались разложению в смеси азотной и плавиковой кислот. Степень разложения контролировалась с помощью центрифугирования. По достижении полного разложения образцов из них производилось выделение стронция для изотопного анализа методом катионообменной хроматографии на смоле марки AG50W-X8. Изотопный анализ Sr производился на мультиколлекторном масс-спектрометре TRITON в статическом режиме. Коррекция на изотопное фракционирование стронция выполнялась при помощи нормализации измеренных значений по отношению $^{88}\text{Sr}/^{86}\text{Sr} = 8.37521$. Нормализованные отношения приводились к значению $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr} = 0.71025$ в международном изотопном стандарте NBS-987. Контроль чистоты эксперимента производился путем

сравнения экспериментально полученного значения отношения $^{84}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ с истинной природной величиной, равной 0.05658.

Кроме того, для 27 представителей энеолитической выборки Юнаците нами производилось радиологическое исследование мелких трубчатых костей кисти и стопы. Особенность этих элементов посткраниального скелета заключается в том, что их рост заканчивается раньше, чем у длинных костей скелета, в подростковом возрасте (около 12–13 лет для девочек и 14 лет для мальчиков). Таким образом, мы имели возможность сопоставить уровень негативного воздействия на организм детей в связи с местом их развития.

На микрофокусных цифровых рентгенограммах, выполненных в ИА РАН при помощи установки ПРДУ, мы регистрировали так называемые линии Гарриса (ЛГ), наличие которых отражает кратковременные остановки роста под воздействием физиологических стрессов. Ранее было показано, что именно мелкие трубчатые кости способны в большей степени консервировать в своих структурах следы перенесенных стрессов по сравнению с многими крупными костями (Медникова, 2012). Попутно описывалась встречаемость дефектов зубной эмали, так называемая эмалевая гипоплазия и сроки ее появления.

Важным аспектом данной работы было максимально точное определение биологического возраста. С энеолитической коллекцией телля Юнаците обстоятельно работали А.П. Бужилова и С. Цойнер, половозрастные определения которых в ряде случаев разошлись. Для устранения этих противоречий было предпринято повторное обследование антропологических материалов. Дополнительным критерием для определения возраста служило радиологическое исследование мелких трубчатых костей, особенно эффективное для выявления скрытых случаев возможного остеопороза, характерного для старших возрастных категорий. Как можно видеть из таблицы 1, определения антропологов в основном совпадают. Но было выявлено несколько случаев расхождений, на которых следует остановиться подробнее.

Скелет № 24 из постройки 1. Мужчина, около 30 лет. Парадонтопатия и зубной камень, возможно, ранее повлияли на завышение возраста для этого человека. На рентгенограмме медиальной фаланги 3-го луча кисти губчатая ткань наполняет медуллярный канал. На снимке в боковой проекции обращает на себя внимание утолщение дорзальной и вентральной стенок. Рентгенологическая картина не соответствует старшему

возрасту, подтверждая впечатление о принадлежности останков достаточно молодому человеку.

Скелет № 74 из постройки 12. В настоящий момент нумерация этого скелета соответствует останкам индивидуума юношеского возраста.

Скелет № 94 из постройки 3. Женщина, около 30 лет. Аргументы в пользу молодого возраста: частично сохранилась линия прирастания эпифиза на головке бедра и сочленовная поверхность верхнего эпифиза лучевой кости разделена на две фазы. Патологическое состояние зубной системы (кариес, наличие зубного камня и функциональной стертости коронок) могло повлиять на оценку предыдущими исследователями возраста этой женщины как пожилого.

Погребение 99. Женщина, 35–39 лет. Нами выполнены бипланарные микрофокусные рентгенограммы проксимальной фаланги предположительно 3-го луча левой кисти и медиальной фаланги 2–4-го луча кисти. На снимке первого объекта можно видеть следы 2 резорбированных ЛГ. На снимке медиальной фаланги в передне-задней проекции в метафизарной области и даже в полости медуллярного канала наблюдается большое количество трабекул. В боковой проекции видны до 6 ЛГ. Стенки достаточно тонкие, что при наличии сравнительных данных может говорить о развитии остеопороза. Но наружные дегенеративно-дистрофические изменения суставов, а также другие возрастные изменения — узлы Эбердена и Бушара не встречены. Эта картина не соответствует старческому возрасту, биологический возраст этой женщины не превышал 40 лет.

Результаты. Сохранность большинства зубов, в том числе найденных изолированно, позволила идентифицировать их категорию. Соответственно, опираясь на знания о средних сроках формирования резцов, клыков, премоляров и моляров верхней и нижней челюсти, можно было определить, за сколько лет до смерти люди с телля Юнаците находились в конкретной геохимической ситуации.

Итак, для индивидуума № 24 определен изотопный сигнал для места его пребывания за 20 лет до смерти; для № 99 — за 20–26 лет; для № 74 — за 9 лет; для № 69 — за 20 лет; для № 87 — за 30 лет; для № 94 — за 16–14 лет; для № 78 — за 31–33 года; для № 97 — за 37–40 лет; для № 68 — за 14–16 лет; для № 80/69А — за 9 лет; для останков мужчины без номера — за 30 лет¹.

¹Для индивидуума № 93 (женщина, около 20 лет) для масс-спектрометрии были отобраны обожженные в пожаре на поселении фрагменты зубной эмали. Категорию зуба установить не удалось.

Таблица 2. Максимальное количество линий Гарриса (N) на рентгенограммах мелких трубчатых костей у представителей энеолитической популяции Юнаците

Table 2. The maximum number of Harris lines (N) on X-ray photographs of small tubular bones among the representatives of the Eneolithic population of Tell Yunatsite

Номер объекта	Пол, возраст	Категория объекта	N
20	Подросток, 12–15	Метатарзальная, 5-й луч	2
24	Мужчина, около 30	Медиальная фаланга, 3-й луч кисти	3
31	Мужчина, 40–49	Медиальная фаланга кисти	8
54	Мужчина, 40–49	Метатарзальная, 4-й луч стопы	6
54a	Женщина, Adultus	Метакарпальная, 3-й луч	0
56	Мужчина, 30–39	Проксимальная фаланга, 1-й луч стопы	8
66	Женщина, 30	Проксимальные и медиальные фаланги кисти	5
67	Женщина, 40–49	Метаркарпальная, 3-й луч	0
68	Женщина, 30	Проксимальная фаланга стопы	6
69	Женщина, 20–24	Проксимальная фаланга кисти и медиальная фаланга стопы	2
71	Женщина, ?	Проксимальная фаланга стопы	5
72	Мужчина, 25–29	Проксимальная фаланга стопы	6
74	Женщина, 18–20	Проксимальная фаланга кисти	5
75	Женщина, Adultus	Метатарзальные, 3 и 4-й луч	0
76	Женщина, Adultus	Проксимальная фаланга, 3-й луч кисти	2
78	Мужчина, 40–49	Проксимальная фаланга, 3-й луч кисти и проксимальная фаланга стопы	6
82	Ребенок, 6 лет	Метатарзальная	0
83	Женщина, 18–20	Медиальная фаланга кисти	13
86	Мужчина? 15–18	Метакарпальная	7
87	Мужчина, 30–39	Проксимальная фаланга кисти	6
88	Мужчина, 25–35	Проксимальные и дистальные фаланги кисти	0
90	Женщина, Adultus	Проксимальная фаланга кисти	4
93	Женщина, Adultus	Метакарпальная, 1-й луч	0
97	Женщина, 50+	Проксимальная фаланга кисти	7
98	Женщина, 50+	Метакарпальная, 3-й луч	4
99	Женщина, 30–39	Проксимальная фаланга кисти	6
102	Ребенок, 5 лет	Метатарзальная, 4-й луч	6

При рассмотрении показателей соотношения изотопов стронция выделяются, как минимум, две группы людей, происходящих из разных местностей (табл. 1). Самая многочисленная группа включает женщин и мужчин старше 40 лет (№ 97, 78, 87, без номера). От них на одно или два поколения по биологическому возрасту отстоят три индивидуума юношеского возраста (№ 93, 80/69A, 74), происходящие из этой же местности. В другой (удаленной) местности родились женщины № 68 и 94. Наконец, тридцатилетние мужчина и женщина (№ 24 и 99) происходят из третьего места, возможно, близкого по характеристикам к поселку на телле. Женщина № 69 — единственная из обследованных индивидуумов, чья изотопная подпись в зубной эмали совпадает с контрольным образцом, взятым из погребенной почвы на поселении Юнаците.

По результатам рентгенографического обследования 77.8% обследованных демонстрируют

присутствие линий Гарриса, во всех случаях множественных (табл. 2). Максимальное их число (13) встречено у одного человека (4.8% от общей выборки с ЛГ); 8 или 7 ЛГ у 2 человек (9.5%); 6 ЛГ — у 6 (28.57%); 5 ЛГ — у 3 (14.29%); 4 ЛГ — у 2 (9.5%); 3 ЛГ — у 1 (4.8%); 2 ЛГ — у 3 (14.29%).

В выборке из 12 человек, для которых получены изотопные данные, рентгенограммы мелких трубчатых костей было возможно получить в 9 случаях. У 4 индивидов встречено 6 ЛГ, у 1–5, у 1–3, у 2–2, у 1 — ЛГ не выявлены. По 6 ЛГ встречены у людей из погр. 78 и 99, отличающихся разными изотопными сигналами, а также у погибших в поселке № 87 и 68, выросших на “прародине” первой волны переселенцев.

Случаи эмалевой гипоплазии (ЭГ) встречены только в женской части выборки. У женщины № 68 на клыке имеются линии задержки роста, сформированные в 3, 4.5 и 6 лет (у нее же 6 ЛГ).

У женщины 18–20 лет, не обследованной на содержание стронция, зафиксирована множественная ЭГ в 3 и 4.5 года наряду с 13 ЛГ. У женщины № 69, 20–24 лет — множественная ЭГ в 3 года и только 2 ЛГ. У женщины № 96, 35–39 лет — множественная ЭГ в 3 года.

Разработка инструментальных методов, возможность их привлечения к анализу даже фрагментарных находок открывает совершенно новые перспективы для понимания влияния глубинных исторических процессов на качество и образ жизни людей. Изотопные сигналы стронция в зубной эмали отражают информацию о географической локации, где человек или животное провели первые годы жизни. Поэтому наше исследование, с одной стороны, помогает проследить индивидуальную историю людей, с другой — позволяет понять механизм формирования населения энеолитического поселка.

В исследованных образцах встречены четыре варианта изотопных сигналов. Самые высокие значения стронция демонстрирует контрольный образец почвы с телля Юнаците (0.711363). С ним совпадает образец зубной эмали женщины № 69.

В Центральной Европе подобные сигналы характерны для местонахождений, подстилаемых гранитами и метаморфными скалами возрастом до 500 млн лет. Старые граниты контрастируют с юрскими и более молодыми песчаниками низин, часто покрытыми лессовыми отложениями (Bickle, Whittle, 2013. Р. 38, 39). Большинство неолитических земледельческих поселений Центральной Европы, за исключением Венгрии (Болгария, к сожалению, в этот анализ не входила), были расположены в лессовом поясе с типичными сигналами 0.7085–0.710. Примечательно, что в условиях Центральной Европы “нелессовые” области могут отстоять от “лессовых” всего на несколько километров.

В выборке из Юнаците сигналы 0.708 характерны для зубной эмали № 74, 87, 97, 78, 80/69а, 93, для индивидуума без номера. Значит, эти семь человек провели свое детство в “лессовой” зоне или среди молодых скальных формаций, а не в поселке на телле Юнаците.

Исходя из размерности сигналов Sr, № 94 и 68 тоже выросли в “лессовой” зоне, но это место несколько отличалось от предыдущего.

Напротив, другая пара — № 24 и 99 — демонстрирует завышение показателя (0.710434 и 0.710920), что указывает на проживание в условиях гранитных скал, и близко к значениям для телля Юнаците.

Сравнительные данные по стронцию для смежных с Юнаците регионов, которыми мы располагаем, пока слишком малочисленны, кроме того, следует учитывать геологическую сложность и локальное разнообразие.

Для “археологического” образца почвы с поселения Виминаций в Сербии получено значение 0.7116059 (Schweissing, Grupe, 2000. Р. 101). Экспертами, проверяющими аутентичность продуктов, определены сигналы, характерные для местных вин из Косова (Horn et al., 1993. Р. 408), порядка 0.710. Можно ожидать, что на изотопные сигналы жителей Балкан, как на жителей Юнаците, оказывают влияние местные граниты.

С другой стороны, интерес представляют характеристики простирающейся за Родопами Греции, а также данные по Анатолии. По-видимому, здесь встречаются более низкие показатели (например, зубы озерного карпа, археологические образцы из Сагагласса в Анатолии 0.7066–0.7075 (Dufour et al., 2007); мраморы Наксоса в Пелопоннесе 0.70832 (Herz, 1987)).

Рассмотрим наши данные сквозь призму половозрастного состава выборки. Напомним, энеолитическая серия из Юнаците уникальна, в ней преобладают люди, погибшие при нападении на поселение, например, у мужчин № 87 и 24 на черепе имеются предсмертные ранения. Заслуживают обсуждения две модели, связанные с формированием энеолитического поселка.

Гипотеза № 1. Все найденные в энеолитическом слое погибли одновременно и погребены под руинами поселка (принимается зарубежными исследователями).

Тогда, основываясь на определениях биологического возраста по останкам из слоя В и на знаниях о сроках формирования зубов, запечатлевших изотопный сигнал, мы можем заключить, что первое поколение мигрантов не раньше, чем за 30 лет до смерти пришло из некоей предположительно низинной местности или со стороны Родоп (рисунок). В эту группу входили и мужчины, и женщины (№ 97, 78, 87, без номера). Судя по стратиграфии, телль Юнаците к этому моменту уже существовал, но среди изученных нами образцов нет представителей старшего поколения, которые были бы его взрослыми аборигенами на момент прихода этой группы. Но за 30 лет до гибели поселка на телле Юнаците рождается девочка (№ 69), судя по возрасту она могла быть рождена в семье тех первых переселенцев.

Спустя 10–15 лет после этой первой миграции на телль из второго места, возможно,

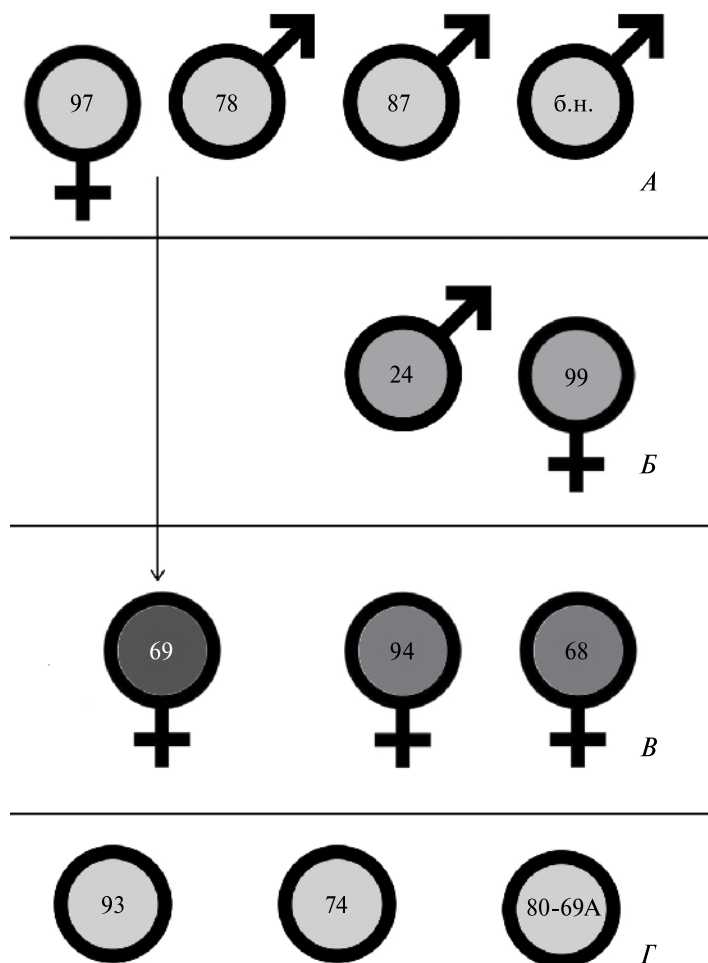

Схема заселения энеолитического поселка на телле Юнаците мигрантами разных волн: *A* — первое поколение мигрантов за 30 лет до гибели поселка; *B* — спустя 5–10 лет миграция из места, близкого к теллю; *B* — спустя еще 5 лет миграция из места, близкого к месту рождения первого поколения, но не идентичного (69 — в поселке Юнаците рождается девочка, которая по возрасту может происходить из первого поколения мигрантов); *Γ* — спустя 10–12 лет четвертая волна мигрантов из поселка первых переселенцев; ровесники-подростки, на момент гибели им 18–20 лет. Одинаковыми оттенками серого цвета обозначены индивидуумы со сходным соотношением изотопов стронция в зубной эмали.

Pattern of settlement of Eneolithic immigrants of different waves at Tell Yunatsite

территориально близкого к Юнаците, пришли мужчина № 24 и женщина № 99. Спустя еще 5 лет происходит миграция двух женщин-ровесниц из места, близкого (но не идентичного) по своим характеристикам к месту рождения старшего поколения мигрантов (№ 24 и 68). Затем, еще через 10–12 лет приходит четвертая волна мигрантов из родного поселка первых поселенцев. Это подростки, точнее, юноши и девушки, на момент смерти им 18–20 лет. Все эти люди, включая мигранта первой волны (№ 87), застигнуты и убиты на телле.

Гипотеза № 2. Не все найденные скелеты принадлежат жителям, погибшим в момент нападения. Часть из них (№ 99 и 78) захоронена в могильнике на разгромленном и заброшенном

поселении в другие годы (поддерживается российскими исследователями).

Сперва рассмотрим информацию о двух погребенных, избежавших насильственной смерти. Они происходят из разных мест. Мужчине из погр. 78 на момент смерти 40–49 лет, он вырос на родине первых переселенцев. Если он умер через несколько лет после гибели поселка, он мог быть участником этой первой волны мигрантов.

Женщине из погр. 99 на момент смерти около 35 лет. Она происходит из другого места, может быть, неподалеку от Юнаците. И если она прожила после гибели поселка несколько лет, то была ровесницей мужчины № 24, с которым она сближается по соотношению изотопов стронция.

Возможно, появление этих людей на телле совпадает хронологически.

В остальном вторая модель вновь свидетельствует о широких контактах населения поселка, о периодически возобновлявшихся миграциях из определенного места. Примечательно, что путешествовали и селились на телле Юнаците и мужчины и женщины, выросшие в других местах. В целом, эта гипотеза или модель не противоречит первой, а лишь ее уточняет.

Рассмотрение показателей физиологического стресса свидетельствует, что в своем детстве многие будущие переселенцы часто испытывали неблагоприятные воздействия. В 4 из 5 случаев максимальная выраженность линий Гарриса (в этой подгруппе по 6 или 5 ЛГ) связана с расселением с территорий с низким соотношением стронция. Возможно, в этот момент условия там были менее благоприятны. В целом у представителей младшего поколения жителей Юнаците, а также у большинства женщин количество ЛГ на рентгенограммах трубчатых костей меньше. Однако эмалевая гипоплазия, которая образуется несколько раньше, чем большинство линий Гарриса, и, соответственно, отражает стресс раннего детства, напротив, встречается преимущественно у женщин. На этот факт первой обратила внимание А.П. Бужилова (2005. С. 113), предположившая разницу социального положения мальчиков и девочек, когда питанием в первую очередь обеспечивались мальчики.

Судя по нашим наблюдениям, задержки роста, приводившие к множественной эмалевой гипоплазии у девочек, носили сезонный характер или знаменовали их переход от грудного вскармливания на взрослую диету в возрасте около 3 лет. Вместе тем, множественные линии Гарриса на рентгенограммах выявлены у мужчин, причем преимущественно старшего поколения — № 31, 54, 56, 78, 87 (ЭГ у них нет возможности проследить из-за стертости зубов).

Обнаруженная благодаря изотопному анализу мобильность энеолитического населения этой части Болгарии также напоминает о давней дискуссии про возникновение отгонного скотоводства в северном Средиземноморье и на южных Балканах и, в частности, о том, насколько этот процесс был связан с развитием, начиная с позднего неолита, “сложных” обществ. Этот вариант пастушества рассматривался как возможный механизм, объясняющий связи высокогорья и низкогорья (Chang, 1993. Р. 697, 698). Недавнее комплексное исследование теллей в Румынии, использовавшее данные археозоологии, установило наличие сложных социо-экономических связей между

энеолитическими поселками (Brehard, Balasescu, 2012. Р. 3181). Изотопное исследование антропологических материалов с телля Юнаците говорит о постоянстве подобных связей.

Результаты определения соотношения изотопов стронция свидетельствуют о высоком уровне мобильности, об экзогамии и сложных социальных связях населения Балкан в энеолитическую эпоху. О том, что эти взаимоотношения не всегда были мирными, говорит печальная судьба поселения на телле Юнаците. Похожие события, случившиеся в Анатолии уже в эпоху ранней бронзы, связывали с ухудшением климатических условий, популяционным ростом и политическими потрясениями (Erdal, 2012. Р. 17).

Почти все обследованные нами индивидуумы оказались на телле Юнаците мигрантами, причем из разных мест. Это свидетельствует о высоком уровне кооперации и социальной адаптации, а также, если говорить в терминах генетики, о достаточно высоком уровне панмиксии, т.е. об отсутствии традиции близкородственных браков.

Данное заключение согласуется с наблюдениями о единичных случаях генетически наследуемых аномалий среди населения этого энеолитического поселка (Бужилова, 2005. С. 109). Состояние здоровья и детей, и взрослых жителей Юнаците было достаточно благополучным для той эпохи. Выявленные в нашей работе последствия неоднократных физиологических стрессов, скорее всего, отражают сезонность земледельческого и пастушеского уклада, но они запечатлели негативное воздействие, испытанное в детстве, на других территориях.

Что было причиной миграций — экзогамный брак, память о родственных связях или поиск лучшего места для жизни? Ответить на эти вопросы смогут будущие междисциплинарные исследования этого уникального археологического комплекса и ему подобных.

Автор приносит глубокую благодарность Е.С. Богомолу (ИГГД РАН) за масс-спектрометрический анализ образцов; В.И. Балабиной и Т.Н. Мишиной (ИА РАН) — за внимательное и критическое чтение рукописи.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 15-06-02098.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев Г.Е., Добровольская М.В., Коробов Д.С., Решетова И.К. Новые археологические, антропологические и генетические аспекты в изучении донских алан // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 64–79.

- Балабина В.И., Мишина Т.Н. Энеолитический могильник на телле Юнаците — проблемы интерпретации // РА. 2012. № 4. С. 48–65.
- Бояджиев Я. Мобильность на индивидуите и контакти между отделните общности през V хилядолетие пр. Хр. (по данни от некрополите) // Известия на археологическия институт. София, 2006. XXXIX. С. 13–55.
- Бужилова А.П. *Homo sapiens*: история болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.
- Мацанова В. Интрамурални погребения от късния халколит в селищната могила при с. Юнаците, Пазарджишко // Карановски конференции праисторията на Балканите I. Тракия и съседните райони през неолита и халколита. София, 2000. С. 121–131.
- Медникова М.Б. Кисть сунгирца (новые данные о строении трубчатых костей) // Вестник МГУ. Серия XXIII. 2012. № 4. С. 4–17.
- Медникова М.Б., Добровольская М.В. Эволюция евразийских Номо в эпохи среднего и верхнего палеолита (недеструктивная микроскопия и физико-химические методы исследования фрагментарных антропологических находок) // Естественнонаучные методы исследования и парадигма современной археологии / Ред. М.В. Добровольская, Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 141–145.
- Шишлина Н.И. Изотопная подпись археологического источника и система жизнеобеспечения населения степей Северной Евразии и сопредельных территорий в бронзовом — раннем железном веке // Естественнонаучные методы исследования и парадигма современной археологии / Ред. М.В. Добровольская, Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 111–116.
- Энговатова А.В., Добровольская М.В., Зайцева Г.И., Антипина Е.Е., Клещенко Е.А., Медникова М.Б., Тарасова А.А., Яворская Л.В. Естественнонаучные методы в реконструкции системы питания и социальной стратификации населения средневекового европейского города // Естественнонаучные методы исследования и парадигма современной археологии / Ред. М.В. Добровольская, Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 117–125.
- Balabina V., Mishina T. Considering the Destruction of the Latest Eneolithic Village at Tell Yunatsite // Златното пето хилядолетие. Тракия и съседните райони през каменно-медната епоха. София, 2011. С. 39–48.
- Balabina V., Mishina T. The Chalcolithic Necropolis at Tell Yunatsite: Problems of Interpretation // *Studia Praehistorica* (in press).
- Balasse M., Ambrose S.H. The Seasonal Mobility Model for Prehistoric Herders in the South-western Cape of South Africa Assessed by Isotopic Analysis of Sheep Tooth Enamel // *J. Archaeol. Sci.* 2002. V. 29, iss. 9. P. 917–932.
- Bentley R.A., Price T.D., Stephan E. Determining the 'local' $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ range for archaeological skeletons: a case study from Neolithic Europe // *J. Archaeol. Sci.* 2004. V. 31, iss. 4. P. 365–375.
- The first farmers of Central Europe: diversity in LBK lifeways / Eds P. Bickle, A. Whittle. Oxford: Oxbow books, 2013. 528 p.
- Brehard S., Balasesku A. What behind the tell phenomenon? An archaeozoological approach of Eneolithic sites in Romania // *J. Archaeol. Sci.* 2012. V. 39, iss. 10. P. 3167–3183.
- Bentley R. A., Buckley H. R., Spriggs M., Bedford S., Ottley Ch. J., Nowell G. M., Macpherson C. G., Pearson D. G. Lapita Migrants in the Pacific's Oldest Cemetery: Isotopic Analysis at Teouma, Vanuatu // *American Antiquity*. 2007. № 72(4). P. 645–656.
- Buzon M. R., Simonetti A. Strontium Isotope ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$) Variability in the Nile Valley: Identifying Residential Mobility During Ancient Egyptian and Nubian Sociopolitical Changes in the New Kingdom and Napatan Periods // *American Journal of Physical Anthropology*. 2013. V. 151, iss. 1. P. 1–9.
- Chang C. Pastoral Transhumance in the Southern Balkans as a Social Ideology: ethnoarcheological Research in Northern Greece // *American Anthropologist*. 1993. V. 95, № 3. P. 687–703.
- Dobrovolskaya M. Diets and mobility of Altai Neanderthals from isotopic analysis data // European Society for the study of Human Evolution (ESHE) (London, UK, 10–12 September 2015): 5th Annual Meeting. (Proceedings of the European Society for the study of Human Evolution; 4.). London, 2015. P. 79.
- Dobrovolskaya M. V. The Neanderthals of Altai: New data from isotopic analysis // Культурная динамика в палеолите Евразии и формирование человека современного физического вида = Cultural developments in the Eurasian paleolithic and the origin of anatomically modern humans: матер. междунар. симп. (1–7 июля 2014 г., Денисова пещера, Алтай) / Отв. ред. А.П. Деревянко, М.В. Шуньков. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 111–120.
- Dufour E., Holmden C., Van Neer W., Zazzo A., Patterson W. P., Degryse P., Keppens K. Oxygen and strontium isotopes as provenance indicators of fish at archaeological sites: the case study of Sagalassos, SW Turkey // *J. Archaeol. Sci.* 2007. V. 34. P. 1226–1239.
- Engovatova A., Bogomolov E., Dobrovolskaya M., Zaitseva G. The first results of the analysis of strontium isotopes content in human bone remains from medieval burials in the city of Yaroslavl (Central Russia) // 7th International Symposium "Radiocarbon and Archaeology" (8–12 April 2013): Book of Abstracts. Gent: Universiteit Gent, 2013. P. 101–102.
- Erdal O. A possible massacre at Early Bronze age Titris Hoyuk, Anatolia // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2012. V. 22. № 1. P. 1–21.
- Evans J. A., Tatham S. Defining 'local signature' in terms of Sr isotope composition using a tenth- to twelfth-century Anglo-Saxon population living on a Jurassic clay-carbonate terrain, Rutland, UK // Geological society London Special publications. 2004. V. 232. № 1. P. 237–248.

- Grupe G., Price T. D., Sollner F. Mobility of Bell Beaker people revealed by strontium isotope ratios of tooth and bone: a study of southern Bavarian skeletal remains. A reply to the comment by Peter Horn and Dieter Muller-Sohnius // *Applied Geochemistry*. 1999. V. 14. P. 271–275.
- Grupe G., Price, T.D., Schroter P., Sollner F., Johnson C.M., Beard B.L. Mobility of Bell Beaker people revealed by strontium isotope ratios of tooth and bone: a study of southern Bavarian skeletal remains // *Applied Geochemistry*. 1997. V. 12. P. 517–525.
- Herz N. Carbon and Oxygen Isotopic Ratios: A Data Base For Classical Greek And Roman Marble // *Archaeometry*. 1987. V. 29, iss. 1. P. 35–43.
- Hoppe K. A., Koch P. L., Furutani T.T. Assessing the Preservation of Biogenic Strontium in Fossil Bones and Tooth Enamel // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2003. V. 13. P. 20–28.
- Hoppe K.A., Koch P.L., Carlson R.W. Tracking mammoths and mastodons: Reconstruction of migratory behavior using strontium isotope ratios // *Geology*. 1999. V. 27, iss. 5. P. 439–444.
- Horn P., Mueller-Sohnius D. Comment on “Mobility of Bell Beaker people revealed by strontium isotope ratios of tooth and bone: a study of southern Bavarian skeletal remains” by Gisela Grupe, T. Douglas Price, Peter Schroter, Frank Sollner, Clark M. Johnson and Brian L. Beard // *Applied Geochemistry*. 1999. V. 14. P. 263–269.
- Horn P., Schaaf P., Holbach B., Holzl S., Eschnauer H. $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ from rock and soil into vine and wine // *Zeitschrift fur Lebensmittel Untersuchung und Forschung*. 1993. V. 196, iss. 5. P. 407–409.
- Population dynamics in prehistory and early history. New approaches using stable isotopes and genetics / Eds E. Kaiser, I. Burger, W. Schreier. Berlin: Walter de Gruyter&Co, 2012. 353 S.
- Koch P.L., Heisinger J., Moss C., Carlson R.W., Fogel M.L., Behrensmeyer A.K. Isotopic Tracking of Change in Diet and Habitat Use in African Elephants // *Science*. 1995. V. 267. P. 1340–1343.
- Montgomery J., Evans J.A., Cooper R.E. Resolving archaeological populations with Sr-isotope mixing models // *Applied Geochemistry*. 2007. V. 22, iss. 7. P. 1502–1514.
- Price T. D., Burton J. H., Fullagar P.D., Wright L.E., Buikstra J.E., Tiesler V. Strontium Isotopes and the Study of Human Mobility in Ancient Mesoamerica // *Latin American Antiquity*. 2008. V. 19, iss. 2. P. 167–180.
- Scheid R.C. Woelfel’s dental anatomy. 7th Edition. Philadelphia: Lippincott: Williams & Wilkins, 2007. 534 p.
- Schroeder H., O’Connell T.C., Evans, J.A., Shuler K.A., Hedges R.E.M. Trans-Atlantic Slavery: Isotopic Evidence for Forced Migration to Barbados // *American Journal of Physical Anthropology*. 2009. V. 139, iss. 4. P. 547–557.
- Schweissing M.M., Grupe G. Local or nonlocal? A research of strontium isotope ratios of the teeth and bones on skeletal remains with artificial deformed skulls // *Anthropologischer Anzeiger*. 2000. V. 58, iss. 1. P. 99–103.
- Zauner S. Anthropologische Untersuchung der Skelettreste aus dem Tell Junazite (Bulgarien) – ein chalkolithischer Kriegsschauplatz?: Schriftliche Arbeit zur Erlangung des Mastergrades / Universitat Tübingen, Institut für Ur- und Frühgeschichte und Archäologie des Mittelalters, Abteilung ältere Urgeschichte und Quartärökologie. Tübingen, 2006. 171 S.
- Zäuner S. The Dark Side of the Chalcolithic. Evidence for Warfare at Tell Yunatsite? An anthropological approach // Златното пето хилядолетие. Тракия и съседните райони през каменно-медната епоха: доклади от международния симпозиум в Пазарджик (Юндола, 26–30.10.2009). София: Национален археологически институт и музей, 2011. С. 57–66.

THE MOBILITY OF THE ENEOLITHIC POPULATION OF THE BALKANS FROM THE RECORD OF TELL YUNATSITE IN BULGARIA

Maria B. Mednikova

The Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia (medma_pa@mail.ru)

The elaboration of new instrumental methods gives an insight into the influence of deep-seated historical processes on the quality and way of human life. Tell Yunatsite on the Thracian plain has been investigated by a joint Bulgarian-Russian expedition for many fieldwork seasons. An Eneolithic layer with traces of destruction yielding the remains of the inhabitants of the settlement who had died a violent death was excavated among others. This paper discusses the results of an analysis of the ratio of isotopes of strontium in dental enamel of the people who were for the most part contemporaries and neighbours at Tell Yunatsite. Contrary to the expectations only a single sample, that of a woman 30 years old, no. 69, shows the isotope signature characteristic of local conditions. At least two groups originating from different areas with geochemical characteristics differing from those of Yunatsite can be distinguished. The tell is characterized by high strontium values (0.711363) typical of old mountains and, seemingly, of the Balkans as a whole. Yet the most numerous and aged (40 – over 50 years at the time of death) group of migrants is united by low values of $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ (0.708) indicative of their origin from the areas of either

loess soils or recent rock formations. Their coming to the tell took place not earlier than 30 years before the death at Yunatsite, which can be determined by the time of formation of teeth of the second generation having recorded geochemical environment of the locality where these people spent their childhood. Moreover, an influx of younger people, both men and women, from this and other sites, was repeatedly attested in the lifetime of this generation during the existence of the Yunatsite settlement. Evaluation of occurrence of markers of physiological stress undergone during one's childhood including the so-called Harris lines (HL) on X-ray films of small tubular bones was made for the Eneolithic group of Yunatsite. A high level of negative influence in childhood (more than 77% of multiple HL), especially among the men of the first generation of settlers was revealed. On the whole, our data imply a high level of mobility, exogamy and complex social ties of the population of the Balkans in the Eneolithic.

Keywords: Eneolithic, tell Yunatsite, Thrace, Bulgaria, ratio of strontium isotopes, population mobility, microfocus digital radiography of human tubular bones, markers of physiological stress

REFERENCES

- Afanas'ev G.E., Dobrovolskaya M.V., Korobov D.S., Reshetova I.K., 2015. New archaeological, anthropological and genetic perspectives in the study of the Don Alans. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief communications of the Institute of Archaeology]*, 237, pp. 64–79. (In Russ.)
- Balabina V., Mishina T., 2011. Considering the Destruction of the Latest Eneolithic Village at Tell Yunatsite. *Zlatnoto peto khilyadoletie. Trakiya i s'ednite rayoni prez kamenno-mednata epokha [The Golden Fifth Millennium. Thrace and the Adjacent Areas in the Chalcolithic Epoch]*. Sofiya, pp. 39–48. (In Bulgarian)
- Balabina V., Mishina T., (in press). The Chalcolithic Necropolis at Tell Yunatsite: Problems of Interpretation. *Studia Praehistorica*.
- Balabina V.I., Mishina T.N., 2012 The Eneolithic cemetery at tell Unatsite: Issues of interpretation. *Ross. arkheol.*, 4, pp. 48–65. (In Russ.)
- Balasse M., Ambrose S.H., 2002. The Seasonal Mobility Model for Prehistoric Herders in the South-western Cape of South Africa Assessed by Isotopic Analysis of Sheep Tooth Enamel. *Journal of Archaeological Science*, vol. 29, iss. 9, pp. 917–932.
- Bentley R.A., Buckley H.R., Spriggs M., Bedford S., Ottley Ch.J., Nowell G.M., Macpherson C.G., Pearson D.G., 2007. Lapita Migrants in the Pacific's Oldest Cemetery: Isotopic Analysis at Teouma, Vanuatu. *American Antiquity*, 72(4), pp. 645–656.
- Bentley R.A., Price T.D., Stephan E., 2004. Determining the 'local' $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ range for archaeological skeletons: a case study from Neolithic Europe. *Journal of Archaeological Science*, vol. 31, iss. 4, pp. 365–375.
- Boyadzhiev Ya., 2006. Mobility of people and contacts of different communities in the 5th millennium BC (on necropoli data). *Izvestiya na arkheologicheskiya institut [Bulletin of the Institut of Archaeology]*, XXXIX. Sofiya, pp. 13–55. (In Bulgarian)
- Brehard S., Balasesku A., 2012. What behind the tell phenomenon? An archaeozoological approach of Eneolithic sites in Romania. *Journal of Archaeological Science*, vol. 39, iss. 10, pp. 3167–3183.
- Buzhilova A.P., 2005. Homo sapiens: istoriya bolezni [Homo sapiens: Case History]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 320 p.
- Buzon M.R., Simonetti A., 2013. Strontium Isotope ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$) Variability in the Nile Valley: Identifying Residential Mobility during Ancient Egyptian and Nubian Sociopolitical Changes in the New Kingdom and Napatan Periods. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 151, iss. 1, pp. 1–9.
- Chang C., 1993. Pastoral Transhumance in the Southern Balkans as a Social Ideology: Ethnoarchaeological Research in Northern Greece. *American Anthropologist*, vol. 95, no. 3, pp. 687–703.
- Dobrovolskaya M., 2015. Diets and mobility of Altai Neanderthals from isotopic analysis data. *European Society for the study of Human Evolution (ESHE): 5th Annual Meeting*. London, pp. 79. (Proceedings of the European Society for the study of Human Evolution, 4).
- Dobrovolskaya M.V., 2014. The Neanderthals of Altai: New data from isotopic analysis. *Культурная динамика в палеолите Евразии и формирование человека современного физического вида = Cultural developments in the Eurasian paleolithic and the origin of anatomically modern humans*. A.P. Derevyanko, M.V. Shun'kov, eds. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 111–120.
- Dufour E., Holmden C., Van Neer W., Zazzo A., Patterson W.P., Degryse P., Keppens K., 2007. Oxygen and strontium isotopes as provenance indicators of fish at archaeological sites: the case study of Sagalassos, SW Turkey. *Journal of Archaeological Science*, vol. 34, pp. 1226–1239.
- Engovatova A., Bogomolov E., Dobrovolskaya M., Zaitseva G., 2013. The first results of the analysis of strontium isotopes content in human bone remains from medieval burials in the city of Yaroslavl (Central Russia). *7th International Symposium "Radiocarbon and Archaeology"* (8–12 April 2013): Book of Abstracts. Gent: Universiteit Gent, pp. 101–102.

- Engovatova A. V., Dobrovol'skaya M. V., Zaytseva G. I., Antipina E. E., Kleshchenko E. A., Mednikova M. B., Tarasova A. A., Yavorskaya L. V., 2015. Scientific methods in the reconstruction of the diet system and social stratification of the population of the medieval European city. *Estestvennonauchnye metody issledovaniya i paradigma sovremennoy arkheologii [Scientific Methods of the Study and the Paradigm of Modern Archaeology]*. M. V. Dobrovol'skaya, E. N. Chernykh, eds. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 117–125. (In Russ.).
- Erdal O., 2012. A possible massacre at Early Bronze age Titris Hoyuk, Anatolia. *International Journal of Osteoarchaeology*, vol. 22, no. 1, pp. 1–21.
- Evans J. A., Tatham S., 2004. Defining 'local signature' in terms of Sr isotope composition using a tenth- to twelfth-century Anglo-Saxon population living on a Jurassic clay-carbonate terrain, Rutland, UK. *Geological society London Special publications*, vol. 232, no. 1, pp. 237–248.
- Grupe G., Price T. D., Sollner F., 1999. Mobility of Bell Beaker people revealed by strontium isotope ratios of tooth and bone: a study of southern Bavarian skeletal remains. A reply to the comment by Peter Horn and Dieter Muller-Sohnius. *Applied Geochemistry*, 14, pp. 271–275.
- Grupe G., Price, T. D., Schroter P., Sollner F., Johnson C. M., Beard B. L., 1997. Mobility of Bell Beaker people revealed by strontium isotope ratios of tooth and bone: a study of southern Bavarian skeletal remains. *Applied Geochemistry*, 12, pp. 517–525.
- Herz N., 1987. Carbon and Oxygen Isotopic Ratios: A Data Base For Classical Greek And Roman Marble. *Archaeometry*, vol. 29, iss. 1, pp. 35–43.
- Hoppe K. A., Koch P. L., Furutani T. T., 2003. Assessing the Preservation of Biogenic Strontium in Fossil Bones and Tooth Enamel. *International Journal of Osteoarchaeology*, 13, pp. 20–28.
- Hoppe K. A., Koch P. L., Carlson R. W., 1999. Tracking mammoths and mastodons: Reconstruction of migratory behavior using strontium isotope ratios. *Geology*, vol. 27, iss. 5, pp. 439–444.
- Horn P., Mueller-Sohnius D., 1999. Comment on "Mobility of Bell Beaker people revealed by strontium isotope ratios of tooth and bone: a study of southern Bavarian skeletal remains" by Gisela Grupe, T. Douglas Price, Peter Schroter, Frank Sollner, Clark M. Johnson and Brian L. Beard. *Applied Geochemistry*, 14, pp. 263–269.
- Horn P., Schaaf P., Holbach B., Holzl S., Eschnauer H., 1993. $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ from rock and soil into vine and wine. *Zeitschrift fur Lebensmittel Untersuchung und Forschung*, vol. 196, iss. 5, pp. 407–409.
- Koch P. L., Heisinger J., Moss C., Carlson R. W., Fogel M. L., Behrensmeyer A. K., 1995. Isotopic Tracking of Change in Diet and Habitat Use in African Elephants. *Science*, 267, pp. 1340–1343.
- Matsanova V., 2000. Intramural burials of the Late Chalcolithic at the site of Unatsite in the Pazarjik district. *Karanovski konferentsii praistoriyata na Balkanite, I. Trakiya i s'sednite rayoni prez neolita i khalkolita [Karanovo Conference on Prehistory in the Balkans. I. Thrace and the Adjacent Areas in the Neolithic and Chalcolithic]*. V. Nikolov, ed. Sofiya, pp. 121–131. (In Bulgarian)
- Mednikova M. B., 2012. Sungir man's hand: The new data on the structure of tubular bones. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Moscow State university]*. Series XXIII, 4, pp. 4–17. (In Russ.)
- Mednikova M. B., Dobrovol'skaya M. V., 2015. The evolution of Eurasian *Homo* in the Middle and Upper Palaeolithic: Non-destructive microscopy and physical-chemical methods of the study of fragmentary physical anthropological finds. *Estestvennonauchnye metody issledovaniya i paradigma sovremennoy arkheologii [Scientific Methods of the Study and the Paradigm of Modern Archaeology]*. M. V. Dobrovol'skaya, E. N. Chernykh, eds. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 141–145. (In Russ.)
- Montgomery J., Evans J. A., Cooper R. E., 2007. Resolving archaeological populations with Sr-isotope mixing models. *Applied Geochemistry*, vol. 22, iss. 7, pp. 1502–1514.
- Population dynamics in prehistory and early history. New approaches using stable isotopes and genetics. E. Kaiser, I. Burger, W. Schreier, eds. Berlin: Walter de Gruyter & Co, 2012. 353 p.
- Price T. D., Burton J. H., Fullagar P. D., Wright L. E., Buikstra J. E., Tiesler V., 2008. Strontium Isotopes and the Study of Human Mobility in Ancient Mesoamerica. *Latin American Antiquity*, vol. 19, iss. 2, pp. 167–180.
- Scheid R. C., 2007. Woelfel's dental anatomy. 7th Edition. Philadelphia: Lippincott: Williams & Wilkins. 534 p.
- Schroeder H., O'Connell T. C., Evans, J. A., Shuler K. A., Hedges R. E. M., 2009. Trans-Atlantic Slavery: Isotopic Evidence for Forced Migration to Barbados. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 139, iss. 4, pp. 547–557.
- Schweissing M. M., Grupe G., 2000. Local or nonlocal? A research of strontium isotope ratios of the teeth and bones on skeletal remains with artificial deformed skulls. *Anthropologischer Anzeiger*, vol. 58, iss. 1, pp. 99–103.
- Shishlina N. I., 2015. Isotope signature of the archaeological source and the life-support system of the steppe population of Northern Eurasia and the adjacent territories in the Bronze-Early Iron Age. *Estestvennonauchnye metody issledovaniya i paradigma sovremennoy arkheologii [Scientific Methods of the Study and the Paradigm of Modern Archaeology]*. M. V. Dobrovol'skaya, E. N. Chernykh,

- eds. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 111–116. (In Russ.)
- The first farmers of Central Europe: diversity in LBK lifeways. P. Bickle, A. Whittle, eds. Oxford: Oxbow books, 2013. 528 p.
- Zauner S., 2006. Anthropologische Untersuchung der Skelettreste aus dem Tell Junazite (Bulgarien) – ein chalkolitischer Kriegsschauplatz?: Schriftliche Arbeit zur Erlangung des Mastergrades. Universität Tübingen, Institut für Ur- und Frühgeschichte und Archäologie des Mittelalters, Abteilung ältere Urgeschichte und Quartärökologie. Tübingen. 171 p.
- Zäuner S., 2011. The Dark Side of the Chalcolithic. Evidence for Warfare at Tell Yunatsite? An anthropological approach. *Zlatoto peto khilyadoletie. Trakiya i s"sednite rayoni prez kamenno-mednata epokha: doklady ot mezhdunarodniya simpozium v Pazardzhik (Yundola, 26–30.10.2009) [The Golden Fifth Millennium. Thrace and the Adjacent Areas in the Chalcolithic Epoch]*. Sofiya: Natsionalen arkheologicheski institut i muzey, pp. 57–66.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОРУДИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

© 2017 г. А.Н. Меркулов

Воронежский государственный педагогический университет, Россия (aleksandrmerkulov@mail.ru)

Поступила в редакцию 22.10.2015 г.

В статье обобщены данные о земледельческих орудиях, найденных на среднедонских памятниках скифского времени. Охарактеризован инвентарь, применявшийся на разных стадиях земледельческих работ: выделены орудия для обработки почвы, уборки и переработки урожая. Проанализированный орудийный комплекс демонстрирует сходство с земледельческим инвентарем лесостепной Скифии и свидетельствует о высоком уровне развития данной отрасли хозяйства у населения Среднего Дона.

Ключевые слова: среднедонская культура скифского времени, хозяйство, земледелие, орудия труда.

Одной из важнейших отраслей хозяйства среднедонского населения скифского времени было земледелие. Подтверждением тому служат не только многочисленные отпечатки злаковых культур на лепной керамике местного производства (Горбаненко, 2013), фрагменты зерновок, обнаруженные при флотации (Лебедева, 2000, 2001, 2004; Лебедева, Антипина, 2009), свидетельства земледельческих культов (Пузикова, 1969. С. 79; Медведев, 1999. С. 79; Воропаева, 2007. С. 18), но и находки земледельческих орудий. Несмотря на небольшое количество, они показательны и довольно полно отражают цикл полевых работ. Обнаруженные предметы делятся на несколько функциональных групп: орудия для обработки почвы; инструменты, используемые при жатве; приспособления, предназначенные для переработки полученного урожая.

Несомненно, что до нас дошла лишь часть инвентаря, применявшегося в земледельческом цикле. Многие орудия могли изготавливаться из дерева и попросту не сохранились до наших дней.

Орудия для обработки почвы представлены мотыжками, пять из которых сделаны из железа, четыре — из кости и рога. Два железных изделия крепились к рукояти при помощи черешка, а еще два имеют несомкнутую втулку.

Мотыжки с черешками обнаружены при исследовании подкурганных погребений. Одна из них найдена в кургане 7 группы Частых. Она плоская, пальштабовидной формы с боковыми полукруглыми выступами. Длина изделия составляет 15 см, толщина — 0,8, ширина лезвия — 38 (рис. 1, 1). С.Н. Замятнин интерпретирует находку как

долото или стамеску, крепившуюся в расщепе деревянной рукояти (1946. С. 30). Стамеской называют это орудие П.Д. Либеров (1971. С. 398, 399) и А.И. Пузикова (1971. С. 140), не исключавшие, однако, возможности использования его и в качестве наконечника мотыги.

Иного мнения придерживается Б.А. Шрамко, считавший, что находки подобного рода могли применяться для обработки земли после вспашки и для прополки посевов. Исследователь предлагает и реконструкцию мотыги с таким наконечником (Шрамко, 1961. С. 87, 89). С Б.А. Шрамко соглашается О.Н. Мельниковская, отмечавшая, что подобное изделие было найдено вместе с земледельческими орудиями в составе Горошковскогоклада на правом берегу Днепра (Мельниковская, 1967. С. 57, 58).

Использование пальштабовидных орудий с односторонне заостренным и слегка утолщенным лезвием в качестве мотыг подтверждает и металлографический анализ находок такого типа. Так, на подобном изделии из коллекции Харьковского исторического музея Б.А. Шрамко зафиксирована односторонняя цементация наружной стороны мотыжки, т.е. именно той части, которая наиболее подвержена износу при земляных работах. К тому же на ее рабочей поверхности обнаружены крупные выщерблины и продольные царапины, которые, по мнению исследователя, могли возникнуть при контакте изделия с грунтом (Шрамко, 1965. Л. 254, 255).

Другая мотыжка происходит из кургана 1 у с. Абрамовка (рис. 1, 5). Рабочая часть инструмента имеет трапециевидную форму с закругленными углами, ширина лезвия у основания — 5 см,

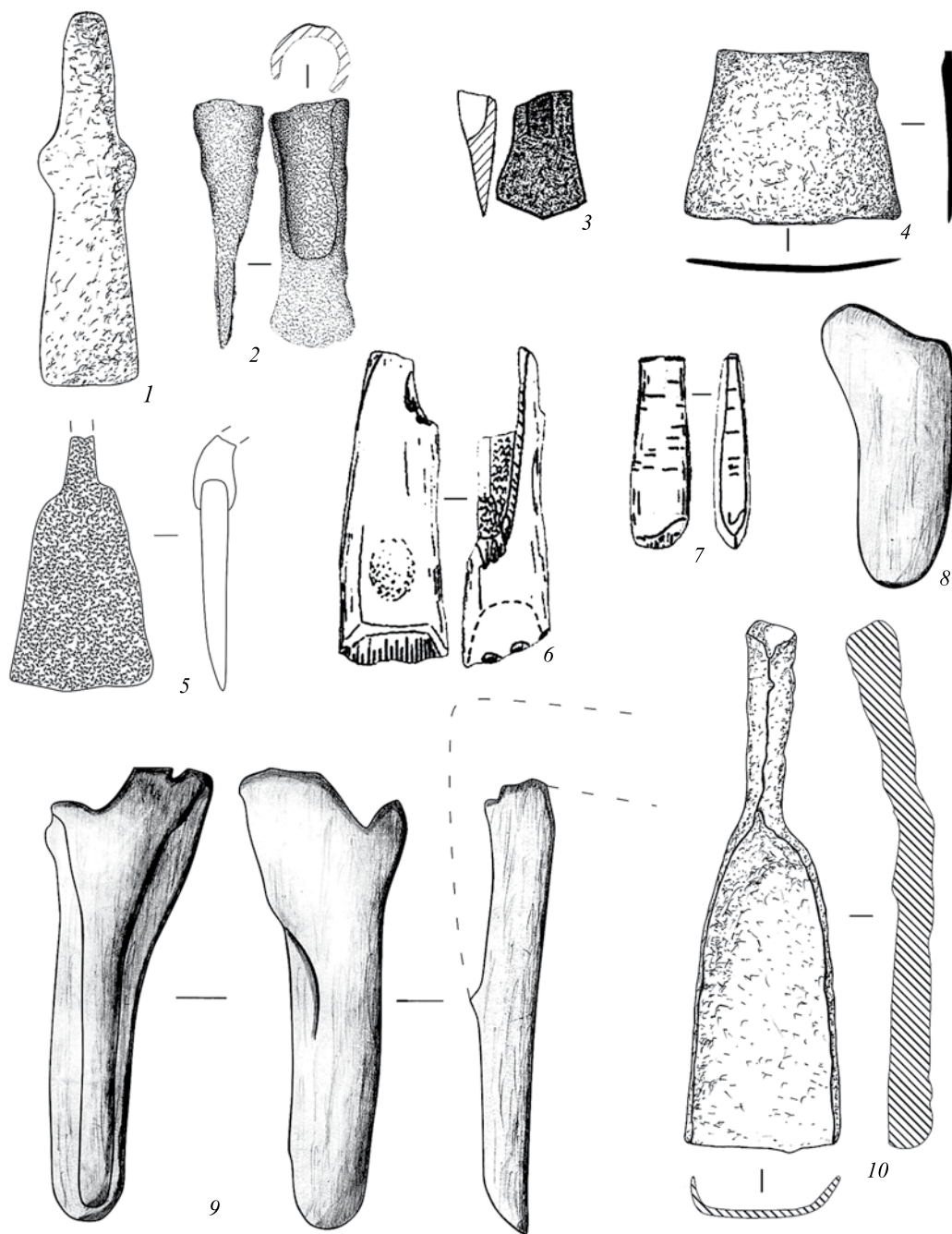

Рис. 1. Железные (1–5, 10) и костяные орудия (6–9) для обработки почвы. 1 – Частые курганы, к. 7 (по: Замятнин, 1946); 2, 3 – Семилуки (по: Пряхин, Разуваев, 1995); 4 – Пекшево; 5 – Абрамовка (по: Медведев, Ефимов, 2001); 6, 7 – Мостище (по: Килейников, 2001); 8 – Архангельское (по: Москаленко, 1956); 9 – Большое Сторожевое (по: Пузикова, 1969); 10 – Мاستюгино (по: Либеров, 1965).

Fig. 1. Iron (1–5, 10) and bone tools (6–9) for land cultivation

в верхней части – 2.5, высота – 9, толщина – 0.9. К верхней части орудия приварен круглый в сечении загнутый черешок, диаметр которого составляет 0.8 см (Медведев, Ефимов, 2001. С. 209).

Две мотыжки с несомкнутой втулкой обнаружены при исследовании городища у г. Семилуки (Пряхин, Разуваев, 1995. С. 60, 61). Одно изделие

(рис. 1, 2) в профиле клиновидное, имеет дугообразное лезвие. При переходе от втулки к лезвию фиксируется небольшой выступ-упор, плечики выражены слабо. На стенках втулки – следы деревянной рукояти. Общие размеры экземпляра следующие: длина – 9.6 см, ширина лезвия – 3.2, толщина – 0.7, диаметр втулки – 2.3, длина – 6.

Вторая находка с Семилукского городища представлена обломком мотыжки клиновидной в профиле формы с несомкнутой втулкой и лезвием в виде треугольника, повернутого вершиной вниз (рис. 1, 3). Ширина лезвия составляет 3,6 см.

При исследовании Пекшевского городища в заполнении котлована постройки 15 обнаружен фрагмент рабочей части мотыжки (Медведев, 1988б. С. 17). Верхняя часть орудия обломана (рис. 1, 4). Рабочая часть изделия имеет трапецевидную форму. Лезвие прямое, спинка слегка выгнута наружу, ширина лезвия — 9,2 см, длина — 7,2, толщина у обушка — 0,6, у лезвия — 0,3.

Материалом для изготовления мотыжек служило не только железо, но также кости и рога животных. Так, В.В. Килейников в результате функционально-трассологического анализа выделил две мотыги среди костяного инвентаря Мостищенского городища (2001а. С. 180). Первое орудие (рис. 1, 6) с втулкой и прямым лезвием сделано из трубчатой кости животного длиной 13,6 см, ширина его рабочей части — 5. Другой инструмент (рис. 1, 7) не имеет втулки и представляет собой орудие тесловидной формы длиной 8,4 см. Орудие в профиле плоское, обладает сильно заполированной рабочей частью, ширина которой — 2,8 см, толщина — 1,4.

Еще одна костяная мотыжка обнаружена на городище Большое Сторожевое (рис. 1, 9). Она изготовлена из расколотовой вдоль длинной плечевой кости крупного животного, имеет заостренный конец, на котором заметны следы сработанности. Длина сохранившейся части — 21,5 см, диаметр отверстия для рукояти — 8, ширина рабочей части — 3 (Пузикова, 1969. С. 66). О находке обломка мотыги, сделанной из рога лося (рис. 1, 8), в нижнем слое Архангельского городища упоминает А.Н. Москаленко (1956. С. 87).

Интересны варианты интерпретации функционального назначения железного совкообразного орудия из кургана 2 у с. Мастюгино (рис. 1, 10). Некоторые исследователи предполагают использование этого изделия для обработки дерева (Макаренко, 1911. С. 63; Пузикова, 1971. С. 140, 141), другие называют его мотыгой (Шрамко, 1961. С. 89; Либеров, 1971. С. 400), третьи относят предмет к кухонной утвари (Манцевич, 1973. С. 31). А.П. Медведев полагает, что данное орудие могло использоваться при создании погребального сооружения (1999. С. 109).

О невозможности применения этого изделия для обработки дерева из-за довольно тонкой втульчатой рукояти говорил П.Д. Либеров (1971.

С. 400). Наличие у предмета загнутых боковых краев усложняет его проникновение в почву при использовании изделия в качестве мотыги. В то же время эта технологическая особенность позволяет пользоваться инструментом как совком для выброса разрыхленной земли.

Мотыги широко использовались разными народами при занятии земледелием. Их применение фиксируется вплоть до конца XVIII — начала XIX в., особенно в зонах подсеки. Из этнографических наблюдений составлено общее описание мотыги. Это “толстый железный кусок, несколько длинноватый, заканчивающийся тупым острием, насаженным на палку, похожую на обыкновенное топорщище” (Третьяков, 1932. С. 21). Общая длина инструмента могла составлять 2,5 вершка (11,125 см), ширина лезвия — 1 вершок (4,45 см) (Георгиевский, 1908. С. 7). Эти размеры очень близки основным параметрам рассматриваемых орудий, а в некоторых случаях совпадают с ними абсолютно.

В раннем железном веке мотыга, вероятно, состояла из простой коленчатой рукояти, к которой посредством втулки либо черешка крепился сам инструмент. Диаметр полувтулок найденных изделий колеблется от 2,3 до 3 см. Однако он мог быть разнообразным, так как скорее всего края втулки железных мотыг обжимались под размеры рукояти.

Этнографические источники дают информацию о функциональном назначении мотыг. При подсеке орудия применялись для разбивания комьев земли и рыхления почвы около пней, там, где не могла пройти соха. Остальная посевная площадка взрыхлялась деревянным ралом (Третьяков, 1932. С. 21). Подобное назначение мотыга могла иметь и при пашенном земледелии.

Из этнографии также известно, что работа мотыгой — преимущественно женская обязанность. К примеру, у шорцев Алтае-Саянского нагорья она входила в состав приданного (Третьяков, 1932. С. 23). Трудозатраты на обработку мотыгой десятины земли (1,09 га) были велики и составляли, по данным А.В. Советова, 20–25 женских трудодней (1897. С. 695).

Не исключено, что для обработки почвы среднедонское население использовало и примитивные пашенные орудия труда, наподобие тех, которые найдены в торфяниках у с. Токари Сумской обл. (Украина) и с. Сергеевск Брянской обл. (Шрамко, 1961. С. 75–83; 1964). Однако такие находки на Среднем Дону пока не обнаружены.

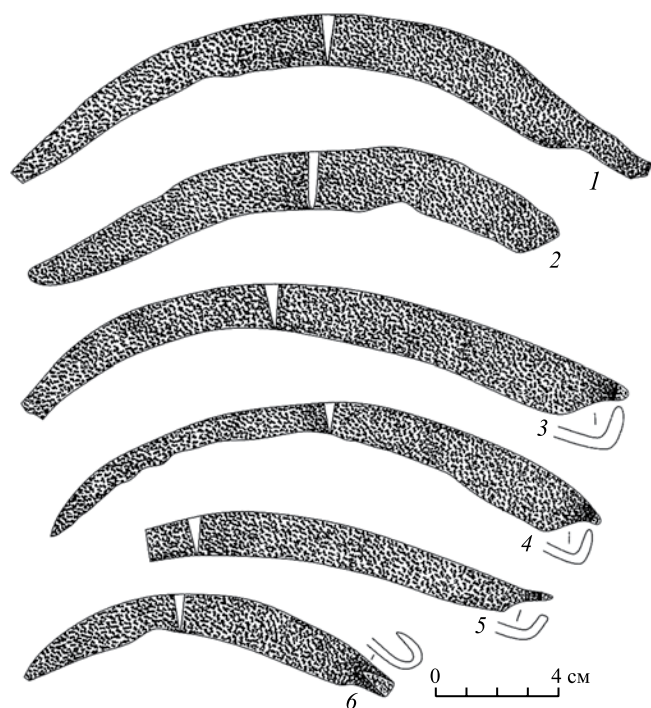

Рис. 2. Железные серпы. 1, 2 – Пекшево; 3 – Круглое; 4 – Волошино II; 5 – Чертовикское 2; 6 – Урыв.

Fig. 2. Iron sickles

Для уборки урожая применялись железные серпы. Всего на территории лесостепного Подонья известно семь таких находок, пять из которых практически целые. Серпы найдены на городищах Круглое, Волошино II, Большое Сторожевое, Пекшево (2 экз.), Чертовикское 2 и на поселении 1 у с. Урыв. Следуя классификации Р.С. Минасяна (1978), в основу которой положена конструкция задней части клинка и черенка, эти находки разделены на три группы.

К первой относятся орудия, клинок которых непосредственно переходит в черенок, отделенный от лезвия уступом со стороны режущей кромки. Такой серп (рис. 2, 1) происходит с городища у с. Пекшево, постройка 19 (Медведев, 1988б. С. 20; 1999. С. 79). Его длина по обуху – 21.5 см, наибольшая ширина лезвия – 1.8, толщина – 0.4. По названной классификации он относится к варианту “Д” первой группы (Минасян, 1978. С. 79).

Еще одно орудие (рис. 2, 2), которое, по-видимому, также можно причислить к этой группе, – из слоя VI–V вв. до н.э. Пекшевского городища (Медведев, 1999. С. 79). Часть серпа с черенком и пятой обломана, что затрудняет его атрибуцию в рамках конкретной классификационной группы, однако по форме он близок к предыдущей находке. Наибольшая ширина лезвия – 2,2 см,

толщина в разрезе – 0.5. Упомянутые орудия, по мнению А.П. Медведева (1999. С. 79), – самые ранние свидетельства распространения хозяйственно-культурного типа земледельческих племен на территории лесостепного Подонья.

Ко второй группе относятся серпы со слабо-изогнутым клинком и небольшим черенком, расположенным у пяты и загнутым перпендикулярно плоскости лезвия. Всего на поселениях среднедонской культуры известно четыре таких орудия, все они близки между собой по морфологическим признакам и могут быть отнесены к первой подгруппе II группы по классификации Р.С. Минасяна (1978. С. 79).

Длина серпа с городища Круглого по тыльной стороне – 21.5 см, ширина лезвия у рукоятки – 1.9, толщина обушка в разрезе – 0.4 (рис. 2, 3). Край острия серпа обломан.

Серп, обнаруженный на городище Волошино II, имел длину по тыльной стороне 21 см, наибольшая ширина лезвия зафиксирована у рукоятки и составляет 2 см, толщина обушка – 0.3 (рис. 2, 4).

Небольшой обломок подобного орудия был найден и на городище Большое Сторожевое, однако из-за плохой сохранности установить точные размеры сохранившейся части невозможно (Пузикова, 1969. С. 66).

Крупный фрагмент серпа найден при исследовании городища Чертовикское 2 (Медведев, 1988а). Максимальная ширина его лезвия – 1.5 см, толщина – 0.4 (рис. 2, 5).

Третья “группа” представлена всего лишь одним серпом с плоским коротким черенком, загнутым внутрь к основанию лезвия под острым углом (рис. 2, 6). Он был обнаружен Н.Н. Белой и П.М. Золотаревым при обследовании поселения 1 у с. Урыв в 2015 г.¹ Данный серп имеет довольно небольшие размеры. Его длина – всего лишь 11.5 см, ширина – 1.5, максимальная толщина лезвия – 0.4. По способу крепления рукоятки к черенку эта находка входит в IV группу серпов по классификации Р.С. Минасяна (1978. С. 81). Однако по форме клинка и черенка она гораздо ближе к серпам первой подгруппы II группы. Подобные находки крайне редки на поселенческих памятниках Днепро-Донского междуречья. Автору статьи удалось обнаружить лишь одну аналогию данному орудью на Бельском городище (Шрамко, 1987. С. 86, 87).

¹ Автор выражает благодарность исследователям за возможность оперативной публикации находки.

Любопытно отметить, что серпы I группы варианта “Д”, происходящие с Пекшевского городища, типологически близки к орудиям северо-западных территорий Восточной Европы, в то время как серпы с других среднедонских памятников типичны для скифской степи и лесостепи (Минасян, 1978. С. 79).

В.П. Левашева (1956. С. 64, 65) и Ю.А. Краснов (1971. С. 68, 69) связывают производительность серпов не только с размерами самого предмета, но и с формой его лезвия. Последняя напрямую влияет на угол резания серпа, который, в идеале, во всех точках должен составлять порядка 50° . Если же углы резания неодинаковы, то усилие, прилагаемое человеком к инструменту при работе, будет неравномерным, что делает такое орудие неудобным в использовании, а следовательно и менее производительным.

У среднедонских серпов углы резания колеблются довольно широко: от 7° до 40° . Однако в большинстве точек они составляют порядка $20\text{--}30^\circ$, что свидетельствует о невысоком КПД инструмента.

Для переработки урожая использовались довольно примитивные зернотерки и песты. Они изготавливались из разных пород камня: кварцитовидного песчаника, гранита, сланца.

Целые и фрагментированные зернотерки найдены на поселении Подгорное 3, городищах Русская Тростянка, Волошино I и II, Семилуки, Пекшево, Петино, Устье.

Кварцитовая зернотерка с поселения Подгорное 3 имела длину рабочей части 36 см, ширину — 27, высоту — 11. Гранитная зернотерка с I Волошинского городища была меньших размеров: длиной 33 см; шириной 18, высотой 12.5. Глубина прогиба рабочей части равнялась 3.7–5 см. На том же городище найдено еще одно изделие, представляющее собой удлиненную песчаниковую плитку размерами 17.5×10.5 см. Крупная зернотерка (длина 50, ширина 40, высота 15 см) происходит с городища Русская Тростянка (Пузикова, 1969. С. 69).

К зернотеркам А.И. Пузикова относит и фрагменты каменных блюд, обнаруженных на городищах Большое Сторожевое и Круглое (1969. С. 69).

Важно отметить, что все указанные зернотерки выделены А.И. Пузиковой по внешним морфологическим признакам. Однако данные трасологии показывают, что далеко не все орудия труда из камня связаны с земледелием. В.В. Килейников среди материалов Мостищенского и Семилуцкого городищ обнаружил всего лишь один

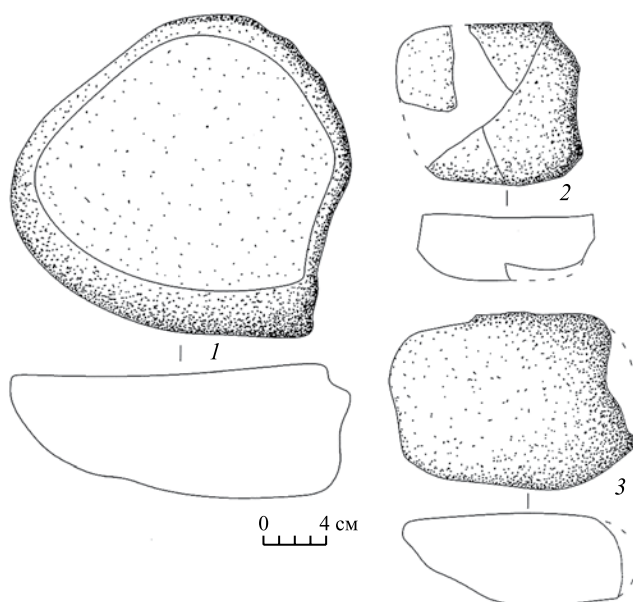

Рис. 3. Каменные зернотерки (1, 2) и песты (3). 1 — Петино; 2, 3 — Пекшево.

Fig. 3. Grinding stones (1, 2) and pestles (3)

фрагмент зернотерки из розового гранита (Килейников, 2001а, б). Большая же часть находок из камня была связана с металлургическим и металлообрабатывающим производством.

По результатам трасологического анализа каменного инвентаря городищ у с. Петино и с. Пекшево удалось выявить еще несколько зернотерок, изготовленных из серого кварцитовидного песчаника. Орудие с Петинского городища представляет собой крупный фрагмент плиты овальной формы высотой 10 см, шириной 23 (рис. 3, 1). На городище у с. Пекшево найдены одна сильно фрагментированная и одна практически целая зернотерки. Это обработанная плитка прямоугольной формы (рис. 3, 2) размерами 11×10 см, при высоте 3.5. Ее центральная часть сильно сработана.

Для размол зерна помимо зернотерок применялись и каменные песты-терочки. По размерам они гораздо меньше зернотерок. Форма их различна: уплощенные с одной или двумя сработанными плоскостями, шестигранные, конусовидные.

Фрагмент песта для растирания зерна из розового сланца обнаружен на городище у с. Устье (Меркулов, 2015. С. 14). Его рабочая поверхность выровнена. При рассмотрении под микроскопом заметны отдельные хорошо заполированные зерна с незначительной оплавленностью.

Два фрагментированных и один целый пест из желтого и серого гранита, а также из сланца

найжены на Пекшевском городище. Длина целого орудия составила 8 см, ширина — 5.4, высота — 3.7 (рис. 3, 3).

Результаты трасологического анализа каменного инвентаря среднедонских поселенческих памятников говорят о крайне малой доле земледельческих орудий труда среди прочего инструмента. С одной стороны, это может быть связано с рядом проблем, возникающих при их функциональной интерпретации. Для рассматриваемой территории наиболее характерными минералами являются песчаники, кварциты, граниты, а также сланец и галечники. Все они, за исключением гранита, имеют либо зернистую, либо мелкодисперсную структуру. В процессе работы в момент соприкосновения зернотерки и песта происходило постоянное обновление их поверхностей, что не способствовало формированию трасологических признаков.

С другой стороны, малая доля земледельческих орудий среди каменного инвентаря поселенческих памятников может свидетельствовать о том, что для переработки урожая среднедонское население использовало деревянные ступы и песты. О применении подобного инвентаря для обмола та зерна и получения крупы говорят и этнографические данные (Краснов, 1971. С. 85).

Земледельческие орудия труда найдены в основном на поселенческих памятниках. Исключением являются лишь две мотыги, обнаруженные в кургане 7 из группы Частых и кургана 1 у с. Абрамовка. Здесь стоит заметить, что мотыжки, несомненно, применялись не только для обработки почвы, но и для проведения иных земляных работ. По-видимому, с помощью подобных орудий сооружались и могильные ямы.

Описанный набор инструментов тождествен земледельческому орудийному комплексу, известному в лесостепной Скифии. Это свидетельствует о высоком уровне агрокультуры среднедонского населения.

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-31-01218.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Воропаева Н.Н.* Культовый комплекс в системе хозяйственно-бытовых построек городища Волошино I // Актуальні проблеми відчизняної та всесвітньої історії. Вип. 10. Харків: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2007. С. 17–23.
- Георгиевский М.Д.* Карелы // Вестник Олонецкого Губернского Земства. № 10. Петрозаводск: Олонецкая губ. тип., 1908. С. 6–8.
- Горбаненко С.А.* Новые палеозитоботанические данные с Мостищенского городища скифской эпохи // Восточноевропейские древности. Вып. 3. Воронеж: Научная книга, 2013. С. 63–68.
- Замятнин С.Н.* Скифский могильник Частые Курганы под Воронежем // СА. 1946. Вып. VIII. С. 9–50.
- Килейников В.В.* Функциональный анализ каменных, костяных и керамических орудий труда Мостищенского городища // Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы — ранний железный век). Воронеж: ВГПУ, 2001а. С. 179–190.
- Килейников В.В.* Функциональный анализ каменных орудий труда с Семилукского городища // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк: Успех-Инфо, 2001б. С. 28–35.
- Краснов Ю.А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.: Наука, 1971 (МИА; № 174). 168 с.
- Лебедева Е.Ю.* Итоги археоботанических исследований на Среднем и Нижнем Дону в 2001–2003 гг. // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: тр. Донской (Потуданской) экспедиции ИА РАН. М.: ИА РАН, 2004. С. 119–126.
- Лебедева Е.Ю.* Новые данные о земледелии на Среднем Дону в скифское время // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: тр. Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. М.: ИА РАН, 2001. С. 188–195.
- Лебедева Е.Ю.* Палеозитоботанические материалы по земледелию скифской эпохи: проблемы интерпретации // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М.: ИА РАН, 2000. С. 91–100.
- Лебедева Е.Ю., Антипина Е.Е.* Городище Россошки I — “постоянный адрес или временная прописка?” // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: тр. Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. М.: ИА РАН, 2009. С. 198–220.
- Левашева В.П.* Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Госкультпросветиздат, 1956 (Тр. ГИМ; № 32). С. 19–105.
- Либеров П.Д.* Древняя история населения Подонья: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1971. Ч. II. 687 л. // Архив ИА РАН. Р-2. № 2089.
- Либеров П.Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону. М.: Наука, 1965 (САИ; Вып. Д1–31). 110 с.
- Макаренко Н.Е.* Археологические исследования 1907–1909 гг. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1911 (ИАК; Вып. 43). 135 с.
- Манцевич А.П.* Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа //

- Археологический сб. ГЭ. Вып. 15. Л.: Изд-во ГЭ, 1973. С. 12–42.
- Медведев А.П. Городище Чертовицкое 2 // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж: ВГПИ, 1988а. С. 111–117.
- Медведев А.П. Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции Воронежского госуниверситета о работах в 1987 г. // Архив ИА РАН. 1988б. Р-1. № 12056.
- Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья: Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. М.: Наука, 1999. 160 с.
- Медведев А.П., Ефимов К.Ю. Курган скифского времени у с. Абрамовка // Археология среднего Дона в скифскую эпоху: тр. Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. М.: ИА РАН, 2001. С. 202–210.
- Мельниковская О.Н. Племена южной Белоруссии в раннем железном веке. М.: Наука, 1967. 194 с.
- Меркулов А.Н. Отчет о раскопках городища скифской эпохи у с. Устье в Хохольском районе Воронежской области в 2014 г. // Архив ИА РАН. 2015.
- Минасян Р.С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // Археологический сб. ГЭ. Вып. 19. Л.: Изд-во ГЭ, 1978. С. 74–85.
- Москаленко А.Н. Раскопки на Архангельском городище 1952–1953 гг. // КСИИМК. 1956. Вып. 62. С. 84–94.
- Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. Семилюкское городище позднескифского времени на р. Дон (основные результаты раскопок 1984–1993 гг.) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань, 1995. С. 43–68.
- Пузикова А.И. Культура оседлых племен правобережья среднего Дона: дис. ... канд. ист. наук. М., 1971 // Архив ИА РАН. Р-2. № 2087. 338 л.
- Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона // Население Среднего Дона в скифское время. М.: Наука, 1969 (МИА; № 151). С. 41–95.
- Советов А.В. Огневое хозяйство // Энциклопедический словарь. Т. XXI А: Нэшвилль – Опацкий. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1897. С. 695–697.
- Третьяков П.Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе. Л.: Печатный двор, 1932 (Известия ГАИМК; Т. XIV, вып. 1). 39 с.
- Шрамко Б.А. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника // СА. 1964. № 4. С. 84–100.
- Шрамко Б.А. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе // СА. 1961. № 1. С. 73–90.
- Шрамко Б.А. Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху: дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1965 // Архив ИА НАН Украины. Ф. 12. Оп. 2. Д. 528. 421 л.
- Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наук. думка, 1987. 182 с.

AGRICULTURAL IMPLEMENTS OF THE SCYTHIAN TIME ON THE MIDDLE DON

Aleksandr N. Merkulov

Voronezh State Pedagogical University, Russia (aleksandrmerkulov@mail.ru)

This paper summarizes the data on agricultural implements recovered from the Middle Don sites of the Scythian time. The equipment is classified by its use at different phases of farming: tools for tillage, harvesting and conversion of the crop are distinguished. The tool complex under study shows analogies to that of steppe-forest Scythia and is indicative of the high level of development of this branch of economy among the population of the Middle Don.

Keywords: Middle Don culture, Scythian time, economy, farming, agricultural tools.

REFERENCES

- Georgievskiy M.D., 1908. Karely [The Karels]. *Vestnik Olonetskogo Gubernskogo Zemstva [Bulletin of the Olonets Provincial Zemstvo (Elective Council)]*, 10. Petrozavodsk: Olonet. gub. tip., pp. 6–8.
- Gorbanenko S.A., 2013. Novye paleoetnobotanicheskie dannye s Mostishchenskogo gorodishcha skifskoy epokhi [The new palaeoethnobotanic data from the Mostishchenskoe site of the Scythian epoch]. *Vostochnoevropeyskie drevnosti [Eastern European Antiquities]*, 3. Voronezh: Nauch. kniga, pp. 63–68.
- Kileynikov V.V., 2001a. Funktsional'nyy analiz kamennykh, kostyanykh i keramicheskikh orudiy truda Mostishchenskogo gorodishcha [A functional analysis of stone, bone and ceramic implements from the Mostishchenskoe site]. *Sinyuk A.T., Berezutskiy V.D. Mostishchenskiy kompleks drevnikh pamyatnikov (epokha bronzy – ranniy zheleznyy vek) [The Mostishchenskoe*

- Complex of Early Sites of the Bronze–Early Iron Age*. Voronezh: Voronezh. gos. ped. univ., pp. 179–190.
- Kileynikov V.V., 2001b. Funktsional'nyy analiz kamennykh orudiy truda s Semilukskogo gorodishcha [A functional analysis of stone tools from the Semiluki settlement]. *Verkhnedonskoy arkheologicheskoy sbornik [The Upper Don Collection of Archaeological Papers]*, 2. Lipetsk: Uspekh-Info, pp. 28–35.
- Krasnov Yu.A., 1971. Rannee zemledelie i zhivotnovodstvo v lesnoy polose Vostochnoy Evropy [Early Agriculture and Stock-raising in the Forest Zone of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 168 p. (MIA, 174).
- Lebedeva E. Yu., 2000. Paleoetnobotanicheskie materialy po zemledeliyu skifskoy epokhi: problemy interpretatsii [Palaeobotanical materials on agriculture of the Scythian epoch: Problems of interpretation]. *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.e.: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya [The Scyths and Sarmatians in the 7th–3rd centuries BC: Palaeoecology, Physical Anthropology and Archaeology]*. Moscow: IA RAN, pp. 91–100.
- Lebedeva E. Yu., 2001. Novye dannye o zemledelii na Srednem Donu v skifskoe vremya [New data on agriculture on the Middle Don in the Scythian time]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 1993–2000 gg. [Archaeology of the Middle Don in the Scythian Epoch: Transactions of the Potudan Archaeological Expedition of the IA RAS, 1993–2000]*. Moscow: IA RAN, pp. 188–195.
- Lebedeva E. Yu., 2004. Itogi arkheobotanicheskikh issledovaniy na Srednem i Nizhnem Donu v 2001–2003 gg. [The results of archaeobotanical investigations on the Middle and Lower Don in 2001–2003]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: trudy Donskoy (Potudanskoy) ekspeditsii IA RAN [Archaeology of the Middle Don in the Scythian Epoch: Transactions of the Don (Potudan) Expedition of the IA RAS]*. Moscow: IA RAN, pp. 119–126.
- Lebedeva E. Yu., Antipina E.E., 2009. Gorodishche Rossoshki I – «postoyannyy adres ili vremennaya propiska?» [The Rossoshki I settlement: Permanent address or temporary registration?]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2004–2008 gg. [Archaeology of the Middle Don in the Scythian Epoch: Transactions of the Don Expedition of the IA RAS, 2004–2008]*. Moscow: IA RAN, pp. 198–220.
- Levasheva V.P., 1956. Sel'skoe khozyaystvo [Agriculture]. *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. [Essays on the History of the Russian Village of the 10th–13th Centuries]*. Moscow: Goskul'tprosvetizdat, pp. 19–105. (Trudy GIM, iss. 32).
- Liberov P.D., 1965. Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu [Sites of the Scythian Time on the Middle Don]. Moscow: Nauka. 110 p. (SAI, DI-31).
- Liberov P.D., 1971. Drevnyaya istoriya naseleniya Podon'ya: diss. ... d-ra ist. nauk. Moskva. Ch. II. 687 l. [Early History of the Don Basin Population. Dr. Litt. Thesis. Moskva, 1971. Ч. II. 687 л.]. *Arkhib IA RAN [The Archives of the IA RAS]*, R-2, № 2089 (Unpublished).
- Makarenko N.E., 1911. Arkheologicheskie issledovaniya 1907–1909 gg. [Archaeological Investigations of 1907–1909]. St. Petersburg: Tip. Glav. Upravl. Udelov. 135 p. (Izvestiya Imperat. Arkheol. Komissii, 43).
- Mantsevich A.P., 1973. Mastuginskie kurgany po materialam iz sobraniya gosudarstvennogo Ermitazha [The Mastugino barrows from the materials in the State Hermitage Collection]. *ASGE [The State Hermitage Collection of Archaeological Papers]*, 15. Leningrad: Izd. GE, pp. 12–42.
- Medvedev A.P., 1988a. Gorodishche Chertovitskoe 2 [The Chertovitskoe 2 fortified settlement]. *Issledovanie pamyatnikov arkheologii Vostochnoy Evropy [The Study of Archaeological Sites of Eastern Europe]*. Voronezh: Voronezh. gos. ped. Inst., pp. 111–117.
- Medvedev A.P., 1988b. Otchet skifo-sarmatskogo otryada arkheologicheskoy ekspeditsii Voronezhskogo gosuniversiteta o rabotakh v 1987 g. [A Report of the Scytho-Sarmatian Detachment of the Archaeological Expedition of Voronezh State University on Fieldwork of 1987]. *Arkhib IA RAN [The Archives of the IA RAS]*, R-1, № 12056 (Unpublished).
- Medvedev A.P., 1999. Ranniy zheleznyy vek lesostepnogo Podon'ya: Arkheologiya i etnokul'turnaya istoriya I tysyacheletiya do n.e. [The Early Iron Age of the Steppe-forest Don Basin: Archaeology and Ethnocultural History of the 1st millennium BC]. Moscow: Nauka. 160 p.
- Medvedev A.P., Efimov K. Yu., 2001. Kurgan skifskogo vremeni u s. Abramovka [A barrow of the Scythian time near the village of Abramovka]. *Arkheologiya srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 1993–2000 gg. [Archaeology of the Middle Don in the Scythian Epoch: Transactions of the Potudan Archaeological Expedition of the IA RAS, 1993–2000]*. Moscow: IA RAN, pp. 202–210.
- Mel'nikovskaya O.N., 1967. Plemena yuzhnoy Belorussii v rannem zheleznom veke [Tribes of Southern Belorussia in the Early Iron Age]. Moscow: Nauka. 194 p.
- Merkulov A.N., 2015. Otchet o raskopkakh gorodishcha skifskoy epokhi u s. Ust'e v Khokhol'skom rayone Voronezhskoy oblasti v 2014 g. [A Report on the Excavations of a Settlement of the Scythian Epoch near the village of Ustye in the Khokhol District of the Voronezh Oblast in 2014]. *Arkhib IA RAN [The Archives of the IA RAS]* (Unpublished).
- Minasyan R.S., 1978. Klassifikatsiya serpov Vostochnoy Evropy zhelezного века i rannego srednevekov'ya [Classification of the Iron Age and early medieval sickles of Eastern Europe]. *ASGE [The State Hermitage*

- Collection of Archaeological Papers*], 19. Leningrad: Izd. GE, pp. 74–85.
- Moskalenko A.N., 1956. Raskopki na Arkhangel'skom gorodishche 1952–1953 gg. [Excavations at the Arkhangel'sk habitation site in 1952–1953]. *KSIIMK [Brief Communications of the Institute of Archaeology RAS]*, 62, pp. 84–94.
- Pryakhin A.D., Razuvaev Yu.D., 1995. Semilukskoe gorodishche pozdneskifskogo vremeni na r. Don (osnovnye rezul'taty raskopok 1984–1993 gg.) [The Semiluki settlement of the late Scythian time on the Don River: The main results of excavations of 1984–1993]. *Arkheologicheskie pamyatniki Srednego Pooch'ya [Archaeological Sites of the Middle Oka Basin]*, 4. Ryazan', pp. 43–68.
- Puzikova A.I., 1969. Poseleniya Srednego Dona [Settlements of the Middle Don]. *Naselenie Srednego Dona v skifskoe vremya [The Population of the Middle Don in the Scythian Time]*. Moscow: Nauka, pp. 41–95. (MIA, 151).
- Puzikova A.I., 1971. Kul'tura osedlykh plemen pravoberezh'ya srednego Dona: diss. ... kand. ist. nauk [The Culture of Sedentary Tribes of the Right Bank of the Middle Don. PhD Thesis. *Arkhiv IA RAN [The Archives of the IA RAS]*, R-2, № 2087. Moscow. 338 l (Unpublished).
- Shramko B.A., 1961. K voprosu o tekhnike zemledeliya u plemen skifskogo vremeni v Vostochnoy Evrope [On agricultural techniques of the tribes of the Scythian time in Eastern Europe]. *SA [Sov. Archaeol.]*, 1, pp. 73–90.
- Shramko B.A., 1964. Drevniy derevyannyi plug iz Sergeevskogo torfyanika [An ancient wooden plough from the Sergeevskiy peatbog]. *SA [Sov. Archaeol.]*, 4, pp. 84–100.
- Shramko B.A., 1965. Khozyaystvo lesostepnykh plemen Vostochnoy Evropy v skifskuyu epokhu: diss. ... d-ra ist. nauk [The Economy of Steppe-forest Tribes of Eastern Europe in the Scythian Time. Dr Litt. Thesis]. *Arkhiv IA NAN Ukrainy [The Archives of the National Academy of Sciences of the Ukraine]*, F. 12, Op. 2, D. 528. Kiev. 421 l.
- Shramko B.A., 1987. Bel'skoe gorodishche skifskoy epokhi (gorod Gelon) [The Belsk Site of the Scythian Epoch: The City of Gelon]. Kiev: Nauk. dumka. 182 p.
- Sovetov A.V., 1897. Ognevoe khozyaystvo [Slash and burn economy]. *Entsiklopedicheskiy slovar' [An Encyclopaedic Dictionary]*, XXI A. St. Petersburg: F.A. Brokgauz, I.A. Efron, pp. 695–697.
- Tret'yakov P.N., 1932. Podsechnoe zemledelie v Vostochnoy Evrope [Slash and burn agriculture in Eastern Europe]. Leningrad: Pechatnyy dvor. 39 p. (Izvestiya Gos. akademii istorii material'noy kul'tury, vol. XIV, iss. 1).
- Voropaeva N.N., 2007. Kul'tovyy kompleks v sisteme khozyaystvenno-bytovykh postroek gorodishcha Voloshino I [A cult complex in the pattern of household structures of the Voloshino I settlement]. *Aktual'ni problemi vidchiznyanoi ta vsesvitnoi istorii [Topical Issues of National and World History]*, 10. Kharkiv: Khark. nats. univ. im. V.N. Karazina, pp. 17–23.
- Zamyatnin S.N., 1946. Skifskiy mogil'nik Chastye Kurgany pod Voronezhem [Chastye Kurgany, a Scythian barrow near Voronezh]. *SA [Sov. Archaeol.]*, VIII, pp. 9–50.

ПРИЗНАКИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ У НАСЕЛЕНИЯ САМБИЙСКО-НАТАНГИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НАЧАЛЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (середина V – VII в.)

© 2017 г. М.М. Казанский*, А.В. Мастыкова**, К.Н. Скворцов**

* Национальный Центр научных исследований, Париж, Франция
(michel.kazanski53@gmail.com)

** Институт археологии РАН, Москва, Россия
(amastykova@mail.ru; sn_arch_exp@mail.ru)

Поступила в редакцию 03.10.2016 г.

В статье рассматриваются гендерные индикаторы и показатели социальной стратификации погребений поздней фазы самбийско-натынгийской культуры (середина V – VII в.), принадлежавшей эстиям. Данные антропологии позволяют выявить разницу в погребальном инвентаре между мужскими, женскими и детскими погребениями. По составу погребального инвентаря и некоторым чертам погребального обряда условно выделяются три уровня погребений: привилегированные могилы, содержавшие относительно богатый погребальный инвентарь, в том числе престижные элементы костюма, предметы вооружения, конского снаряжения, питьевые рога; погребения “среднего класса” с устоявшимся набором инвентаря, включающем предметы личного убора из недорогих цветных металлов, отдельные предметы вооружения; и захоронения “низов”, практически без погребального инвентаря или же сопровождаемые керамическими сосудами. Выявляются территориальные группы, возможно соответствующие политическим объединениям эстиев.

Ключевые слова: самбийско-натынгийская культура, эстии, Великое переселение народов, меровингское время, погребальный обряд, гендерные признаки, социальная стратификация.

Статья посвящена выявлению гендерных индикаторов и показателей социальной стратификации погребений поздней фазы самбийско-натынгийской культуры (период Е западнобалтской хронологии, соответствующий примерно 450–675 гг.: Скворцов, 2010. С. 9, 10), принадлежавшей раннесредневековым эстиям¹.

Гендерные признаки. До недавнего времени половозрастное определение погребенных в могильниках на территории Калининградской обл. базировалось исключительно на археологических критериях, т.е. на составе погребального инвентаря. Считается, что широко распространенные здесь захоронения коней являются маркерами мужских могил. Исследования М.В. Добровольской на могильниках Митино (2010),

Заостровье 1 (раскопки Э.Б. Зальцмана, 2010 г.; материал готовится к публикации) и Шлакалькен 5 (Schlakalken) (Mastykova, Dobrovolskaia, 2013. Р. 277) позволили определить некоторые закономерности распределения погребального инвентаря в зависимости от половозрастной принадлежности погребенных (рис. 1) (Мастыкова, Добровольская, 2013; Mastykova, Dobrovolskaia, 2013).

Оказалось, что по набору вещей и погребальному обряду детские погребения сходны с захоронениями взрослых людей. Количество безынвентарных погребений, подвергнутых антропологическому анализу, у мужчин и женщин также сопоставимо. Многие предметы погребального инвентаря общие для мужских, женских и детских захоронений, однако неравномерное количество находок с этими предметами позволяет выявить некоторые тенденции в составе погребального инвентаря. К числу предметов и признаков, общих для мужских, женских и детских погребений, относится наличие одной или двух

¹ Для второй половины V – начала VIII в. здесь используется условный термин “меровингское время”, как это делается и для других территорий, не входивших в состав меровингского королевства (например, Чехия, Норвегия, Финляндия, Ленинградская обл. РФ), но где прослеживается меровингское культурное влияние.

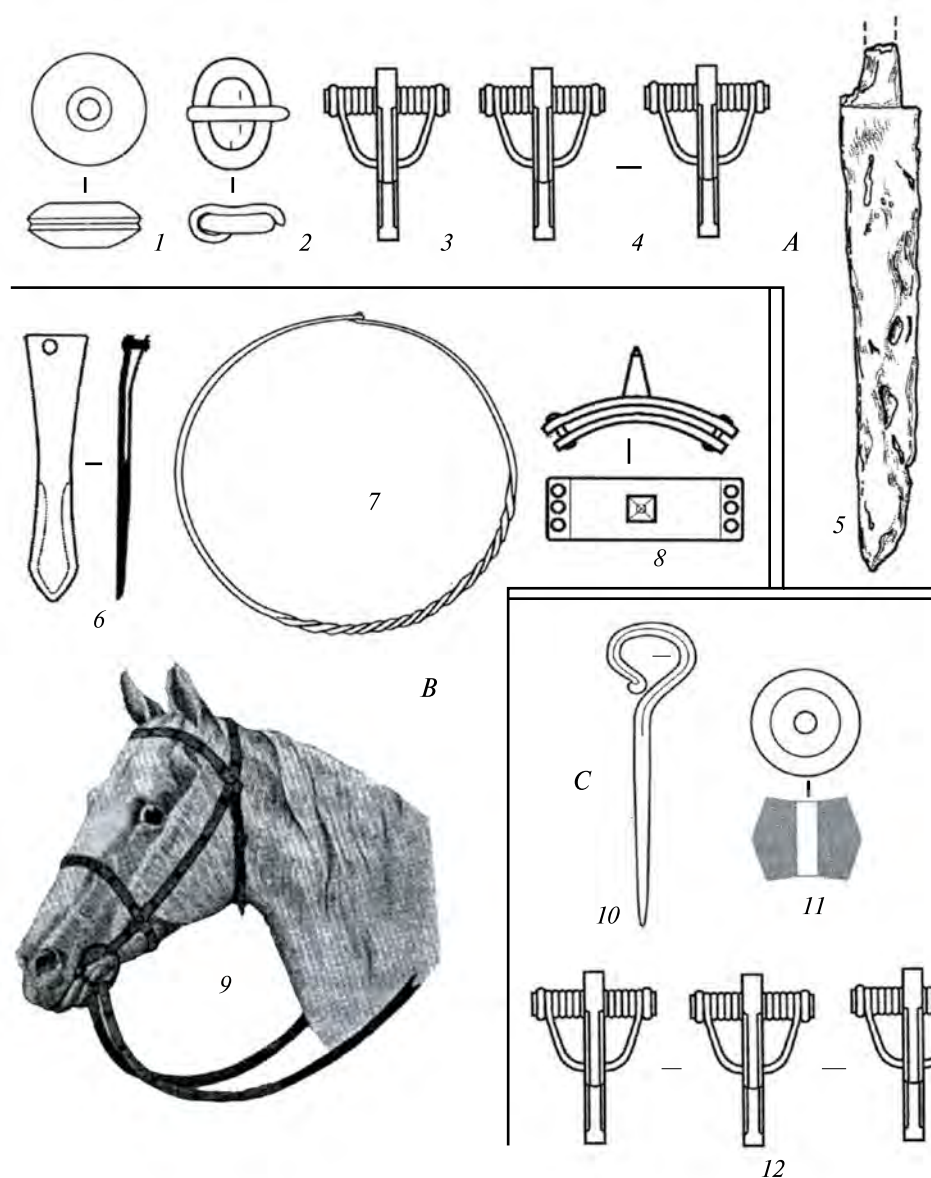

Рис. 1. Гендерные признаки погребений позднего этапа самбийско-натангйской культуры. *А* — вещи, типичные для мужских и женских могил; *В* — вещи, типичные для мужских могил; *С* — вещи, типичные для женских могил. 1 — бусы; 2 — пряжки; 3 — одиночные фибулы; 4 — пары фибул; 5 — ножи; 6 — ременные наконечники; 7 — браслеты (гривны?); 8 — шпоры; 9 — конское снаряжение и погребения коней; 10 — булавки; 11 — пряслица; 12 — три фибулы (по: Mastykova, Dobrovolskaia, 2013).

Fig. 1. Gender markers of burials of the late phase of the Sambian-Natangian culture (after Mastykova, Dobrovolskaia, 2013)

фибул, разрозненных бус, пряжек, ножей (пряжки и ножи лучше представлены в погребениях взрослых людей), кусков необработанного янтаря (рис. 1, *А*) (Мастыкова, Добровольская, 2013. С. 77; Mastykova, Dobrovolskaia, 2013. Р. 273–275). Мужские погребения отличаются наличием шпор, ременных наконечников, браслетов (гривны?), оружия, предметов конского снаряжения (рис. 1, *В*). Ножи также чаще встречаются в мужских могилах. Признаки женских захоронений выступают

не так четко. Можно полагать, что наличие трех арбалетных фибул, булавок и керамических пряслиц является скорее индикатором женских могил (рис. 1, *С*) (Мастыкова, Добровольская, 2013. С. 77; Mastykova, Dobrovolskaia, 2013. Р. 273–275).

Сложнее обстоит дело с погребениями, сопровождавшимися захоронениями коней. В Митино этот признак связан в первую очередь с мужскими могилами (девять случаев, т.е. приблизительно 30% от общего числа определенных как мужские, и три

женских, т.е. 14%) (Мастыкова, Добровольская, 2013. С. 77). Но на Заостровье 1 остатки коней найдены в одном мужском захоронении, а также в пяти других захоронениях, по антропологическим данным отнесенных к мужским условно. В то же время конские захоронения здесь сопровождали четыре женских погребения, а также четыре детских, что не зафиксировано на могильнике Митино.

Признаки социальной стратификации. В “варварской” археологии давно принят принцип выявления социальной дифференциации по степени богатства, редкости и престижности погребального инвентаря, а также по особенностям погребального обряда (Hedeager, 1992. Р. 285 и сл.). Базовым считается исследование Р. Кристляйна по меровингским могильникам, где по признакам ценности и редкости предметов выявлены три уровня, или “качественные группы” захоронений, в целом соответствующие делению меровингского общества на некие социальные страты (Christlein, 1973; Казанский, Перен, 2014. С. 264, 265). Его методика, с разными модификациями, успешно применяется для самых разных варварских социумов (Bierbrauer, 1980. S. 138–140; 1989a, b; Харке, Савенко, 2000a, б; Мастыкова, 2008; 2009. С. 159–164, там же библиография; Пинар Жил, 2016).

Социологические дефиниции Р. Кристляйна встретили возражения (Steuer, 1982, 1989; Brather, 2006)², но его археологическая классификация, тем не менее, не оспаривалась, хотя и имеются

работы, отрицающие возможность социальных реконструкций по археологическому анализу погребального инвентаря (см. подробнее: Харке, Савенко, 2000a). Разумеется, не следует искать в археологическом материале прямого отражения социальной шкалы, выявленной по письменным свидетельствам, — соотношение данных разных дисциплин нуждается в отдельном изучении (Périn, 1998. Р. 169, 170, 180, там же библиография). Поэтому все попытки прямолинейно “приклеить” к археологическим стратам дефиниции, полученные из анализа письменных источников, остаются не убедительными. Представляется, что принципы стратификации, предложенные Р. Кристляйном, вполне применимы и к древностям западных балтов, поскольку письменные источники, правда более поздние, указывают на связь между социальным статусом умерших и богатством вещей, задействованных в погребальных ритуалах (Орозий короля Альфреда, цит. по: Матузова, 1979. С. 26; Петр из Дусбурга, III.5).

Для самбийско-натангийской культуры принципы, отработанные на общеевропейском материале, уже применялись (Скворцов, 2010. С. 35, 36)³. В целом на памятниках заключительной фазы этой культуры по степени значимости погребального инвентаря и некоторым деталям погребального обряда удается выявить три основных уровня погребений. Какие группы населения стоят за ними, можно установить лишь при наличии прямых свидетельств письменных источников, а их практически нет. При этом очень опасно переносить социальную модель или терминологию, выработанную на материале других социумов, поскольку все они имели свои структурные особенности. Надо также учитывать, что в погребальном обряде могут отражаться не только социальная позиция погребенных, но и обстоятельства и время их смерти, возраст, происхождение, род занятий, конфессиональные различия, культурные традиции и пр. Поэтому социальная реконструкция на основе только погребального обряда при отсутствии письменных свидетельств всегда сугубо гипотетична.

² По Х. Штойеру, меровингское общество было организовано по принципу “вертикальной мобильности”, когда престиж, богатство и социальное положение конкретной семьи зависели прежде всего от ее близости к королевской власти. Анализ же взаимовстречаемости погребальных вещей демонстрирует “горизонтальную” иерархию и отражают личную зажиточность погребенных индивидумов (Steuer, 1982. S. 517–532). Кроме того, по антропологическим данным, у меровингов богатство погребального инвентаря зависит от возраста погребенных (Stauch, 2008). Но судя по многочисленным этнографическим параллелям, в архаических обществах личное богатство обычно соответствует комфортабельной социальной позиции. Несомненно и в меровингском королевстве многие могилы с богатым инвентарем принадлежали местной социальной верхушке, сильным и “благородным” кланам и фамилиям, традиционно сохранявшим на местах власть и авторитет, независимо от близости к королевской власти. Как показал Ж. Пинар Жил на визиготском и частично меровингском материале, уровень личного богатства погребенного прямо соотносится с “привилегированной” топографией могилы, а в ряде случаев его высокое социальное положение подтверждается письменными источниками (Пинар Жил, 2016).

³ Социальная стратификация для западных балтов I–VI вв. по богатству погребального инвентаря и особенностям обряда была предложена В.И. Кулаковым (2005. С. 341–366). Но необоснованное использование римской терминологии, создающее ложное впечатление о социальной структуре балтов, отсутствие антропологических данных и четко сформулированных критериев выделения социальных страт, а также чрезвычайно малая выборка погребений V–VII вв., привлеченных для исследования, не позволяют использовать схему В.И. Кулакова.

Уровень 1. Привилегированные погребения. В Европе эпохи переселения народов и меровингского времени к привилегированным относят отдельные погребения или небольшие кладбища, отличающиеся неординарным, богатым по местным рамкам инвентарем, иногда особым погребальным обрядом, и в ряде случаев особой топографической позицией. Для данного уровня, опираясь прежде всего на хорошо изученный материал восточногерманских народов (Bierbrauer, 1989b), можно выделить две страты.

Уровень 1а. Это так называемые королевские и княжеские погребения и клады. Разумеется, социальная терминология здесь условна (Steuer, 1987, 2006). Эти находки отличаются не только экстраординарностью инвентаря и особыми деталями обряда, но и “статусными” предметами – регалиями власти (Bierbrauer, 1989b. S. 77; Quast, 1993. S. 107, 108). Для середины V – раннего VI в. особо значимы такие памятники, как погребение франкского короля Хильдерика в Турнэ (Tournai) в Валлонии (Казанский, Перен, 2005; Kazanski, Périn, 2005; Périn, Kazanski, 2005; Das Grab..., 2015), погребение Пуан (Pouan) в Шампани (L'Or des princes barbares, 2000. № 27), камерные погребения в монументальном кургане в Журани (Žuráň), захоронение в Блучине (Blučina) в Моравии (Poulik, 1995; Tihelka, 1963; L'Or des princes barbares, 2000. № 33), небольшое “королевское” кладбище в Апахиде (Apathida) в Трансильвании (Harhoiu, 1998. S. 157–161. Taf. 58–69; L'Or des princes barbares, 2000. № 29–31), подкурганное захоронение в Хегом (Högom) в Норрланде (Ramqvist, 1992).

В несколько более позднее время, VI–VII вв., в циркумбалтийском регионе к числу таких погребений относятся знаменитые “королевские” курганы в Уппсале (Duczko, 1996; Ljungqvist, 2008).

Среди женских находок особым богатством выделяются клады в Клуж-Сомешени (Cluj-Someşeni) в Трансильвании (Harhoiu, 1998. S. 171. Taf. 70, 71; L'Or des princes barbares, 2000. № 32) и в Доманьяно (Domagnano) в Италии (Bierbrauer, 1975. S. 272–281. Taf. 18–21; I Goti a San Marino..., 1995). Погребения данного уровня имеют следующие характеристики:

– Богатый инвентарь, как правило, с золотыми и импортными вещами. Мужские погребения – с “парадным” оружием, такими как мечи, богатым конским снаряжением. Женский убор, как, например, в Клуж-Сомешени, имитирует костюм византийской/позднеримской знати (Казанский, Мастыкова, 2014) или же, как “орлиные” фибулы

в Доманьяно, опосредованно отражает имперское влияние (von Rummel, 2007. S. 331–337; 2012).

– Регалии – символы власти. Это массивные золотые браслеты с расширенными концами (Турнэ, Пуан, Блучина, Апахида и др.) (Вернер, 2013), посох или скипетр (Хегом, возможно, Турнэ) (Arrhenius, 1995. P. 317. Fig. 5; Quast, 2010). Встречаются и статусные вещи, связанные с римской иерархией: Т-образные фибулы высших римских чиновников, носившиеся на “форменном” плаще (Апахида, Турнэ, имитация в Блучине) (Theune-Grosskopf, 1995), именные перстни (Апахида, Пуан, Турнэ).

– Часто особый погребальный обряд: наличие больших курганов (Хегом, Журань, Уппсала, возможно, Турнэ) (Müller-Wille, 1997), захоронения нескольких коней (Турнэ, Журань) (Kazanski, Périn, 2005; Périn, Kazanski, 2005).

– Иногда фиксируется изолированность “королевских” и “княжеских” погребений (Журань), подчас формирующих отдельные небольшие кладбища (Апахида) или же их привязанность к большим культовым и/или политическим центрам (Уппсала). Такие погребения могут занимать в некрополе особую, центральную позицию, вокруг которой и формируется кладбище (Турнэ).

На территории самбийско-натангийской культуры в V–VII вв. погребения уровня 1а не выявлены⁴.

Уровень 1в. Иногда погребения этого уровня называются “вождескими” (например, *les tombes des chefs* в меровингской археологии Франции). Могила уровня 1в имеют следующие признаки:

– Богатый инвентарь, подчеркивающий особое положение погребенного. В мужских могилах это “парадный” меч или скрамасакс с декором, шлем, сопровождающие конские погребения с богатым снаряжением, или его отдельные элементы – седло, декорированные удила и сбруя, а также посуда пиршественного набора (стеклянные кубки, питьевые рога с металлическим декором) (Vaitkunsienė, 1995. P. 104). Для женских могил характерен особо богатый набор украшений из золота или позолоченного серебра.

– Такие погребения могут занимать обособленную позицию (участок) в некрополе, и/или иметь

⁴Найденные в Хаммерсдорф-Млотечно (Hammersdorf-Młotecznno) клады и погребения (?) соответствуют высшему социальному уровню (Кулаков, 1998; Cieśliński, 2008. S. 124–127). Однако данные находки обнаружены близ устья р. Пасленка, на западном пограничье самбийско-натангинской культуры, и их культурная принадлежность до конца не ясна (Cieśliński, 2008. S. 124–128).

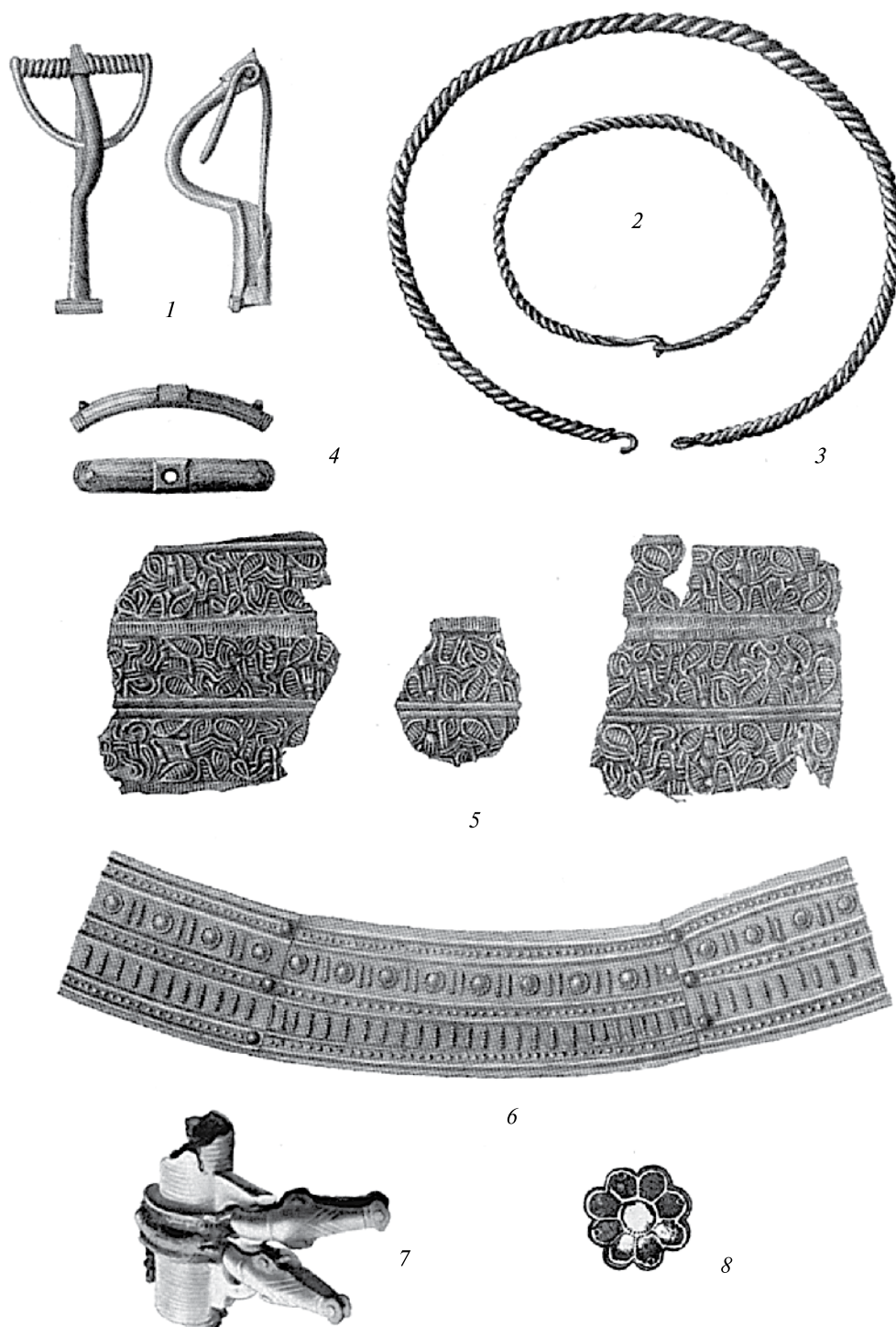

Рис. 2. Уровень 1в. Варникам-Первомайское, погр. 1. Без масштаба (по: Hilberg, 2009).

Fig. 2. Level 1b. Warnikam-Pervomayskoe, burial 1. Scaleless drawing (after Hilberg, 2009)

особую погребальную конструкцию (например, погребальная камера, оградка, курган).

В качестве примера таких погребений в Северной Европе можно назвать “богатые” захоронения с мечами: Снартемо (Snartemo), погр. 2

и 5; Эвебе (Evebø) в Норвегии; Лове (Lovö); Бруцебо (Brucebo), погр. 23; Туна (Tuna), погр. 14 в Швеции или Тетеров (Teterow) в Северной Германии (Menghin, 1983. № 24–27, 30, 105, 106). На территории самбийско-натангийской культуры

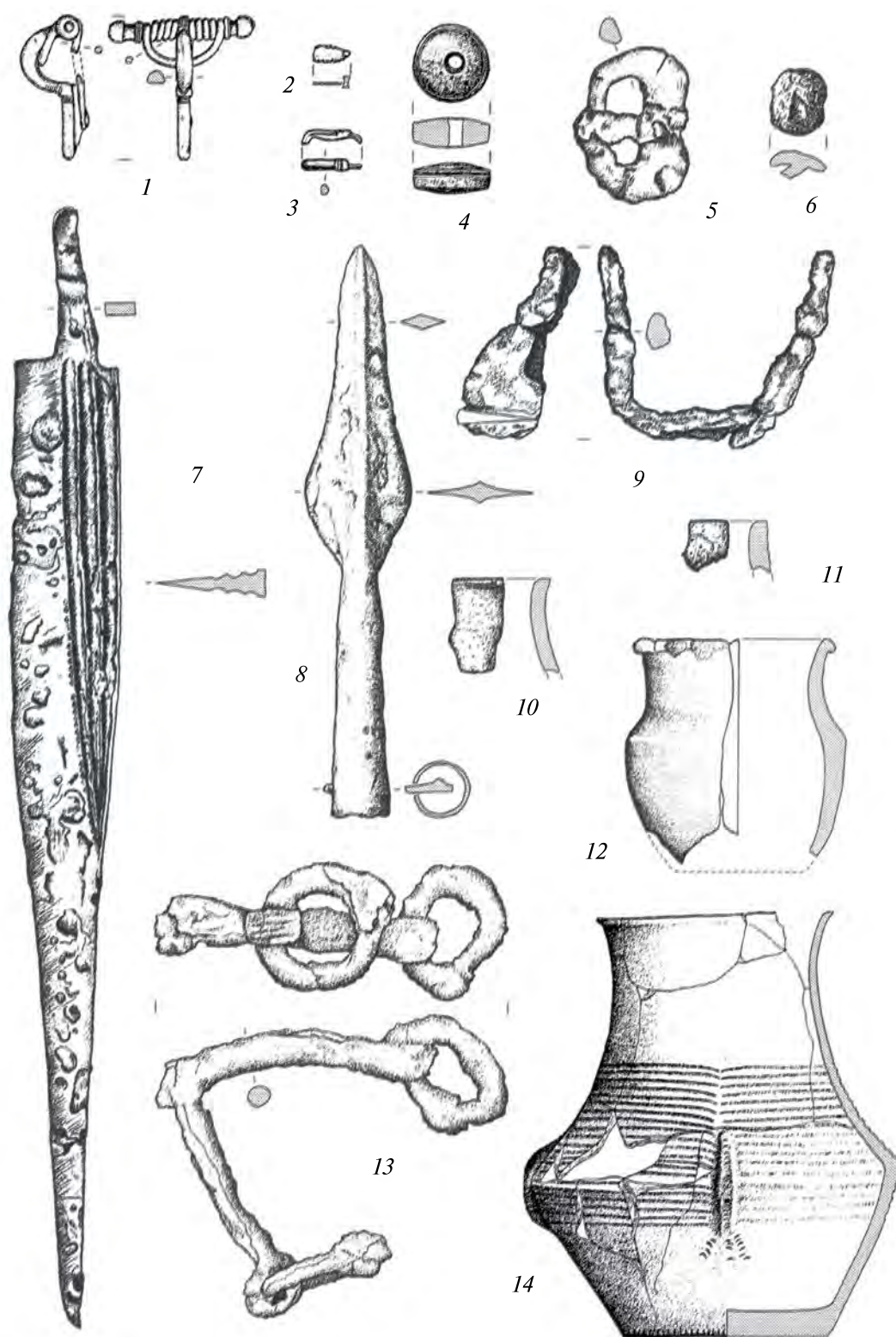

Рис. 3. Уровень 2а. Лаут-Большое Исаково, погр. 52. Без масштаба (по: Skvorzov, 2007).

Fig. 3. Level 2a. Laut-Bolshoe Isakovo, burial 52. Scaleless drawing (after Skvorzov, 2007)

рассматриваемого времени к данной категории могут быть отнесены погребения с “парадным” оружием и/или конским снаряжением: Варникам (Warnikam)-Первомайское, погр. 1 (рис. 2) и 4; Тенген (Tengen); Экриттен (Ekritten)-Ветрово и, вероятно, Коддин (Koddien)⁵; погр. 14. Такие погребения уже идентифицированы исследователями как привилегированные (Кулаков, 1997; Hilberg, 2009. S. 311–342; Skvorzov, 2013a; Сковорцов, 2016).

К этой же категории могут быть причислены находки без парадного оружия, но с престижным конским убором (узда, седла), отражающие скандинавскую моду, такие как Варенген (Warengen)-Котельниково, Митино, погр. 335 (Hilberg, 2009. S. 331. Abb. 9, 19; Skvorzov, 2013a; Сковорцов, 2016) и недавно обнаруженные погребения могильников Шоссейное и Кляйн Меденау (Klein Medenau)-Логвино (Skvorzov, 2013a; Сковорцов, Хохлов, 2014; Сковорцов, 2016). Относится к этому уровню и погр. 21 могильника Кляйнхайде (Kleinheide)-Гурьевск, содержавшее помимо оружия золотой браслет или гривну (Сковорцов, 2010. С. 35). Если это гривна, то можно предположить ее связь с римской воинской модой (Souvaut, 2003. P. 71), проявившейся в погребениях варварских вождей с V в. в разных регионах Европы. Погребение 65 могильника Варникам-Первомайское (Tischler, Kemke, 1902. S. 45; Кулаков, 1997. С. 147) с обычным оружием, но с золотой обкладкой, возможно, от ритона, и со стеклянным импортным кубком, также может быть отнесено к этому уровню. Наконец, следует упомянуть и находку погребения с питьевым рогом в серебряной позолоченной оправе в Гаутен (Gauten)-Путилово 1 (Сковорцов, 2016). Что же касается женских погребений уровня 1в, то они для самбийско-нотангийской культуры пока не известны.

Уровень 2. Погребения “среднего класса”. К этому “народному” уровню, соответствующему значительной части населения, так называемому среднему классу варварского общества, обычно относят рядовые могилы со сравнительно недорогими металлическими украшениями и деталями костюма (Амброз, 1968. С. 22; Christlein,

⁵ Здесь обнаружена пара лошадей, захороненных под каменной кладкой с богатым снаряжением, состоявшем из многочисленных элементов сбруи, железных удиц, накладок, пряжек и наконечников ремней, изготовленных из бронзы. Один из наконечников был украшен лицевой стороны золотой фольгой с зооморфным окончанием, некоторые накладки также частично декорированы серебряными, а четверики золотыми пластинами (La Vaute, 1944. S. 16, 17).

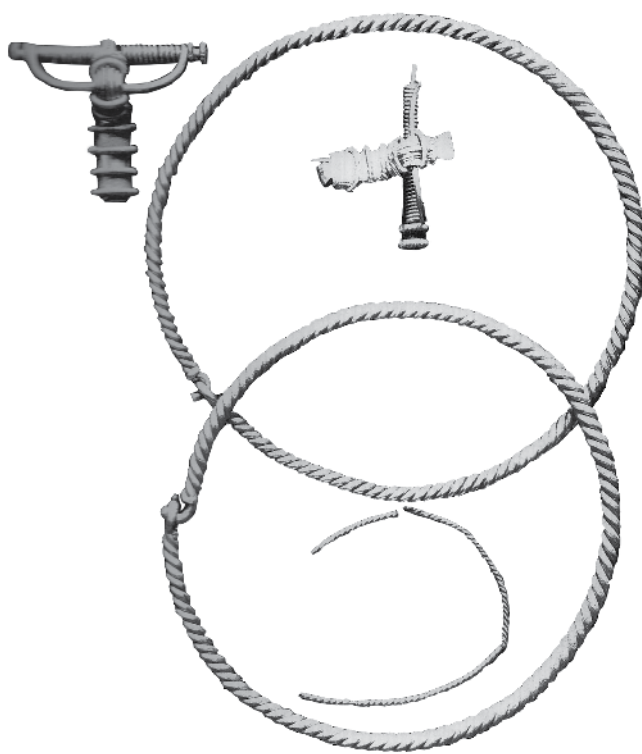

Рис. 4. Уровень 2а. Кляйн Оттерн, клад. Без масштаба (по: Hilberg, 2009).

Fig. 4. Level 2a. Klein Ottern, hoard. Scaleless drawing (after Hilberg, 2009)

1973. S. 153–156. Abb. 11; Bierbrauer, 1989a. S. 152–155; Пинар Жил, 2016). Данный уровень хорошо представлен материалами могильников самбийско-нотангийской культуры V–VII вв., в частности, Митино (Сковорцов, 2010. Т. 2. С. 35, 36), Доллькайм (Dollkeim)-Коврово (Кулаков, 2004, 2007), Лаут (Lauth)-Большое Исаково (Skvorzov, 2007), Варникам-Первомайское (Tischler, Kemke, 1902. S. 41–45; Кулаков, 1997), Зопфен (Zopfen)-Суворово, Хюненберг (Hünenberg)-Гора Великанов (Кулаков, 1990, 2014) и др. К этому уровню относятся погребения с металлическими украшениями из недорогих цветных металлов или даже железа (фибулы, браслеты, элементы ременной гарнитуры, булавки), в мужских захоронениях присутствует оружие и/или всадническое снаряжение, чаще всего копья, скрамасаксы, шпоры. Характерно также наличие сопровождающего конского захоронения.

По характеру инвентаря такие могилы можно разделить на три страты.

Уровень 2а. Погребения, выделяющиеся своим инвентарем, — мужские захоронения с оружием или всадническим снаряжением, таким как шпоры: Доллькайм-Коврово, погр. 279; Митино, погр.

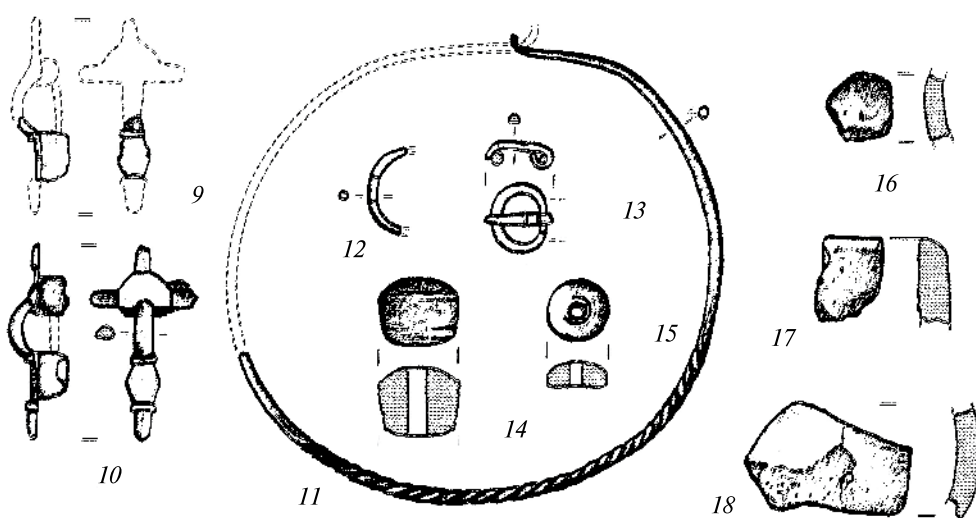
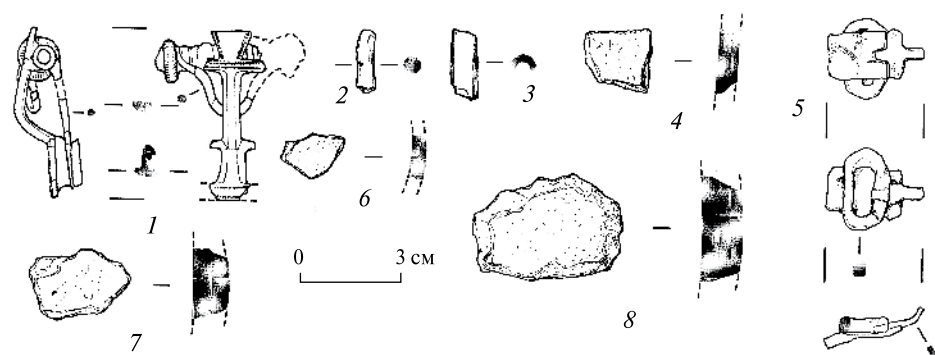

Рис. 5. Уровень 2в. Митино, погр. 30 (1–8). Лаут-Большое Исаково, погр. 33 (9–18). 9–18 – без масштаба. 1–8 – по: Скворцов, 2010; 9–18 – по: Skvorzov, 2007.

Fig. 5. Level 2b. Mitino, burial 30 (1–8). Laut-Bolshoe Isakovo, burial 33 (9–18). 9–18 – Scaleless drawing. 1–8 – after Скворцов, 2010; 9–18 – after Skvorzov, 2007

29, 226. Типичный набор оружия этого уровня – копья и скрамасаксы – представлен на могильниках Митино (погр. 287), Доллякайм-Коврово (погр. 69, 75a, 119, 191, 325a), Лаут-Большое Исаково (погр. 35, 39, 46, 52), Грейбау (Greibau)-Люблино-Краснополье (погр. 1.1992 г.), Зопфен-Суворова (погр. 392) и др. (рис. 3). К этому уровню стоит отнести и погребения, сопровождавшиеся двойными захоронениями коней с серебряной гарнитурой оголовий (Митино, погр. 119, 259), а также находки с серебряными витыми/тордированными браслетами и гривнами: Митино, погр. 208, 300, 319, 326, 336, Гросс Саусгардене (Gross Sausgarden), погр. 32 или клад Кляйн Оттерн (Klein Ottern) (рис. 4) (Скворцов, 2010. Т. 2. С. 36; Hilberg, 2009. S. 324. Abb. 9.16a, 9.17).

Из женских погребений к уровню 2а следовало бы отнести могилы с особо богатым убором, но

пока надежно их выделить не удастся. Теоретически можно предположить, что к этой категории относятся женские могилы с пальчатыми фибулами особо крупных размеров, известными в виде изолированных находок (Hilberg, 2009. Taf. 22, 186, 188).

Уровень 2в. Погребения с довольно устойчивым набором вещей или его составляющими: фибулы, бронзовые браслеты и гривны, пряжки, бусы, ножи, пряслица, керамика (рис. 5). Они часто сопровождаются конскими захоронениями. Эти погребения довольно многочисленны, назовем показательные находки:

– Митино: погр. 27, 28, 30, 57, 60, 61, 65, 76, 84, 86, 97, 167, 206, 207, 209, 217, 253, 257, 259, 262, 266–268, 271, 273–275, 279, 296, 300–304, 307, 309, 316, 318, 321, 332, 344, 354, 355, 358, 361, 364, 365, 378, 381, 386, 390, 396;

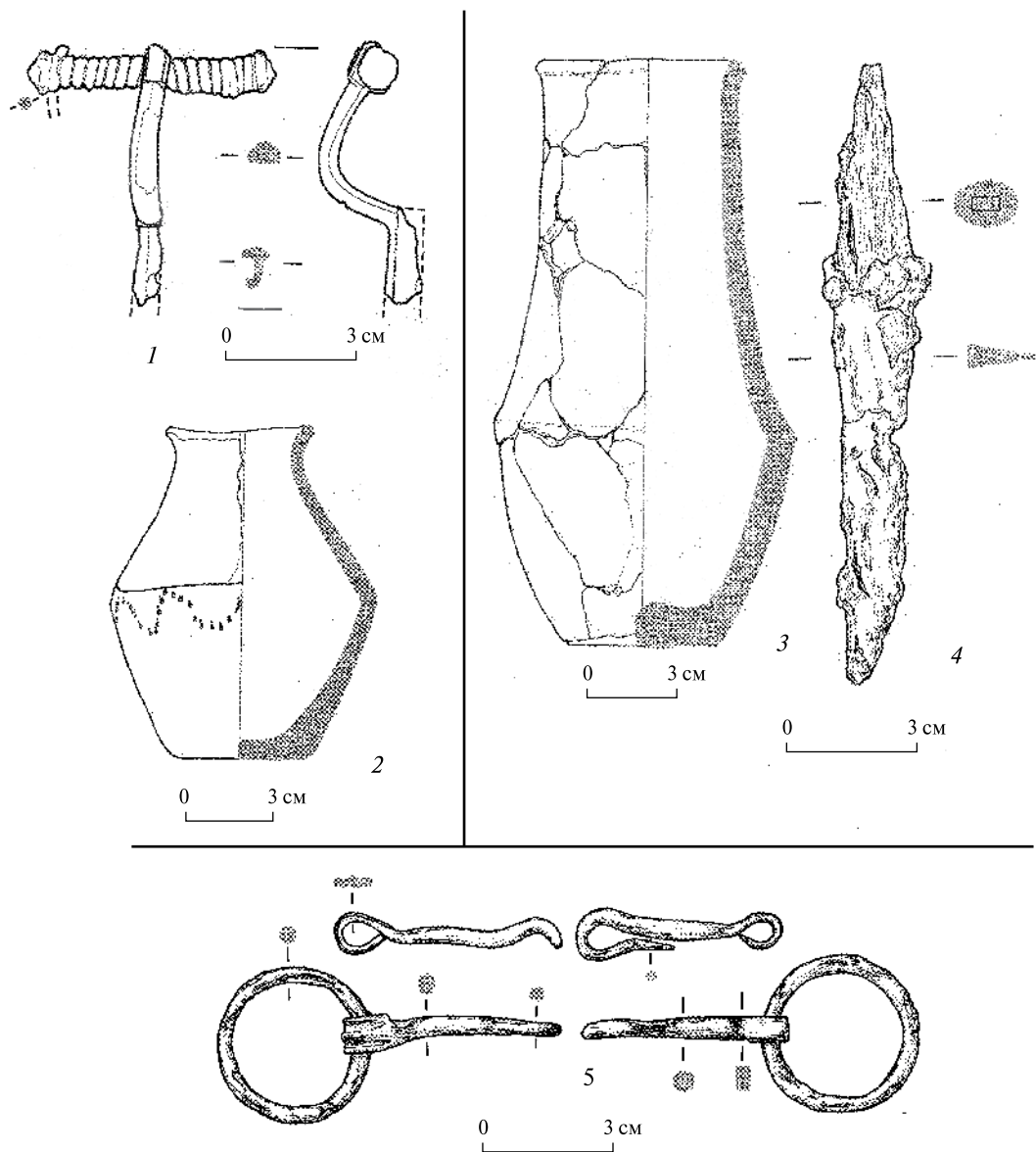

Рис. 6. Уровень 2с. Митино, погр. 314 (1, 2), погр. 366 (3, 4), погр. 97 (5) (по: Скворцов, 2010).

Fig. 6. Level 2c. Mitino, burial 314 (1, 2), burial 366 (3, 4), burial 97 (5) (after Скворцов, 2010)

– Зопфен-Суворово: погр. 15, 94, 131, 138, 140, 156, 157, 171, 179, 186, 192, 198, 200, 204, 213, 222, 237, 264, 284, 286, 303, 307, 317, 319, 342, 381, 384, 386;

– Лаут-Большое Исаково: погр. 33, 34, 38, 41, 43, 56, 61;

– Долъяк-Коврово: погребения и связанные с ними конские захоронения 92, 114, 116, 147, 150, 183, 209, 270, 272, 273, 275, 276, 280, 282, 284, 288, 289, 291, 294, 298, 304, 308, 325, 327, 336, 342, 355, 364, 366;

– Кляйнхайде-Гурьевск: погр 15;

– Детлевсру (Detlevsruh): погр. 7, 13, 20, 22, 23, 25, 26, 28с, 29;

– Айслитен (Eisliethen)-Геройское: погр. 43, 197, 210, 241;

– Хюненберг-Гора Великанов: погр. 15, 42, 51, 57, 106, 185;

– Вакерн (Wackern)-Елановка: погр. 3;

– Варенген-Котельниково: погр. 18;

– Попелкен (Popelken)-Гвардейск: погр. 37;

– Шлакалькен III: погр. 39.

Сюда же, возможно, следует отнести и малоинвентарные могилы, сопровождавшиеся конским захоронением, содержащим бронзовые элементы сбруи, например Митино, погр. 216.

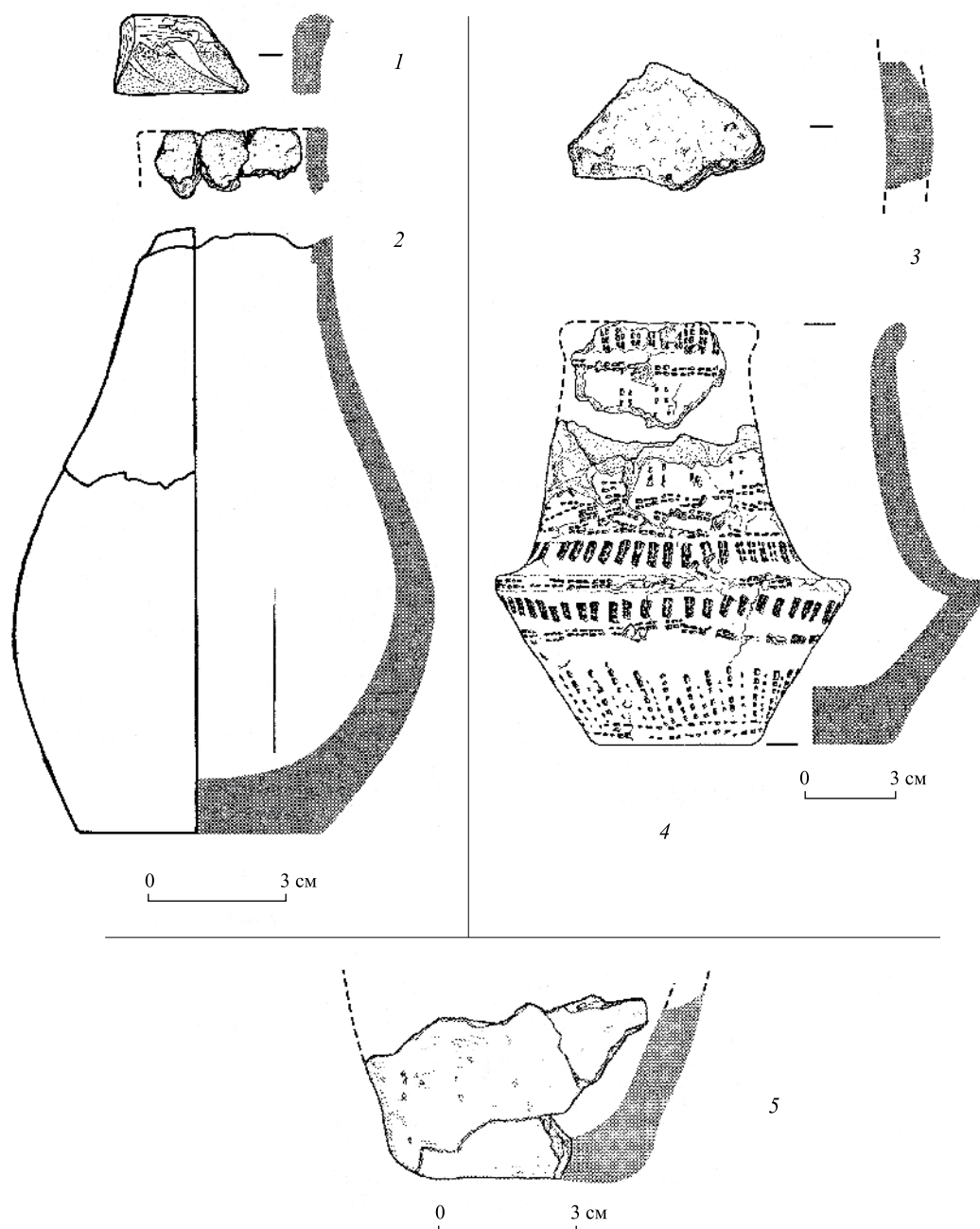

Рис. 7. Уровень 3. Митино, погр. 13 (1, 2), погр. 41 (3, 4), погр. 46 (5)
(по: Скворцов, 2010).

Fig. 7. Level 3. Mitino, burial 13 (1, 2), burial 41 (3, 4), burial 46 (5)
(after Скворцов, 2010)

Уровень 2с. Погребения с единичными вещами, не считая керамики, а также безынвентарные погребения с конями (с удилами и подпружными пряжками или без них) (рис. 6), например:

— Митино: погр. 1, 8, 12, 17, 18, 34, 35, 40, 45, 47, 49, 52, 59, 63, 67–71, 78, 89, 90, 92, 99, 101, 102, 104, 106, 112, 116, 118, 121, 123, 125, 129, 137, 146, 153, 155–158, 160, 161, 164, 166, 168, 169, 181, 183, 193, 197–199, 212, 244,

245, 266, 272, 279, 282, 284, 288, 289, 292–294, 297, 298, 305, 311, 314, 320, 322–324, 329, 330, 340–342, 346–351, 353, 366, 373, 375, 380, 385, 388;

— Доллькайм-Коврово: погр. 107, 262, 310, 315а, 316, 319;

— Кляйнхайде-Гурьевск: погр. 16, 29с,

— Зопфен-Суворово: погр. 18, 13, 123, 216, 387.

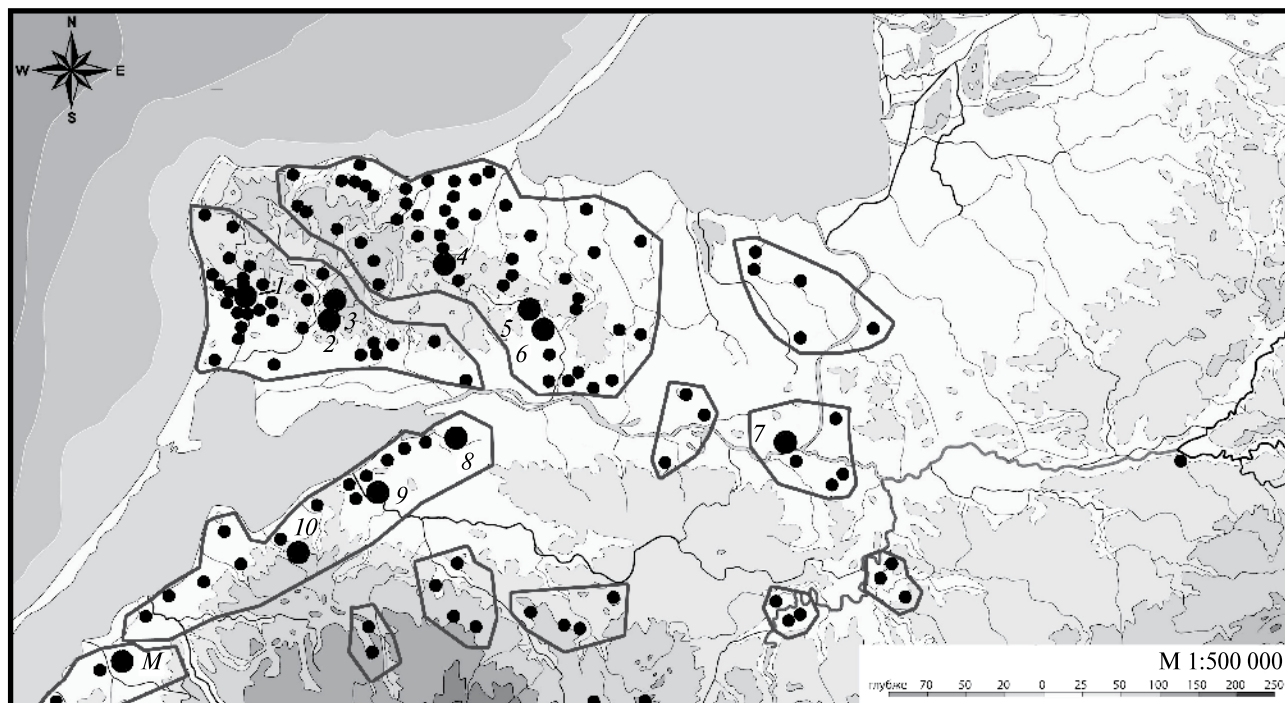

Рис. 8. Распространение памятников поздней фазы самбийско-натангийской культуры (период E) и география привилегированных погребений. 1 – Гаутен-Путилово 1; 2 – Кляйн Меденау-Логвино; 3 – Варенген-Котельниково; 4 – Экриттен-Ветрово; 5 – Митино; 6 – Кляйнхайде-Гурьевск; 7 – Коддин; 8 – Шоссейное; 9 – Тенген; 10 – Варникам-Первомайское; М – Хаммерсдорф-Млотечно.

Fig. 8. Spread of sites of the late phase of the Sambian-Natangian culture (period E) and the location of privileged burials

В целом граница между уровнями 2в и 2с довольно расплывчата, тем более что погребальный инвентарь часто очень фрагментирован.

Уровень 3. Погребения “низов”. К данному уровню относятся погребения без инвентаря, за исключением керамики, без конских сопровождающих захоронений (рис. 7). Скорее всего они принадлежали социальным группам, которые рассматривались в древности как “низшие”. Их количество, как правило, велико для любой варварской археологической культуры, а подчас и доминирует, как, например, у германцев V в. в Карпато-Дунайском бассейне (Bierbrauer, 1989a. S. 76). На могильниках Митино, Заостровье 1, Доллякайм-Коврово и др. зафиксировано значительное число безынвентарных погребений, при этом для Митино они составляют большинство антропологически изученных погребений, как мужских, так и женских (Мастыкова, Добровольская, 2013. С. 76).

Надо подчеркнуть, что в ряде случаев соотношение бедного погребального обряда и “низкой” социальной позиции может быть ложным. Многие зависит от культурных и погребальных традиций конкретного населения. Так, в поздней Римской империи представителей социальных верхов

хоронили чаще всего без сопровождавшего инвентаря — здесь социальное положение погребенного выражалось богатством погребальной архитектуры (Пинар Жил, 2016).

Разумеется, количество могил разных уровней не отражает их реального процентного соотношения. Действительно, ряд членов социума мог быть захоронен в другом месте или по археологически неуловимому обряду (подвешивание на деревьях, погребение в воде и т.д.), или вообще не подвергаться захоронению (например, новорожденные младенцы). Наконец, для самбийско-натангийской культуры пока нет полностью раскопанных могильников.

При сравнении материала из разных погребальных памятников выявляется неравномерность в богатстве погребального инвентаря. Эта разница отчетливо выступает при сравнении, например, Митино и Заостровья 1 с некрополем Варникам-Первомайское. Скорее всего проявится разница и в богатстве инвентаря на разных участках одного и того же некрополя, принадлежавших разным группам (семьям, кланам).

В целом погребальные памятники финальной части эпохи переселения народов и меровингского времени в самбийско-натангийском регионе

выглядят беднее, чем могильники конца римского времени и начальной фазы эпохи переселения — погребений с металлическим инвентарем меньше, набор вещей беднее, при этом ярко выступают подражания литовским или мазурским образцам (Okulicz, 1973. S. 472, 474). Наблюдается отчетливый контраст между самбийско-натангийским скромным и богатым погребальным инвентарем других западно-балтских групп — эльблонгской и ольштынской (Okulicz, 1973. S. 471)⁶. В самбийско-натангийской группе в конце V в. практически полностью исчезает обычай класть в могилы оружие (Okulicz, 1973. S. 384) в отличие от римского времени и Великого переселения народов (Okulicz, 1973. S. 342, 344, 362). При этом разрыва традиций ни в погребальном обряде, ни в композиции инвентаря не наблюдается. Видимо наблюдаемые изменения имели социальную или общеполитическую подоснову при сохранении общих культурных традиций.

География привилегированных погребений. Могильники Самбийского п-ова эпохи переселения народов и меровингского времени на полуострове по состоянию исследований на сегодняшний день распадаются на две территориальные группы: северную и южную, разделенные гребнем Самбийской возвышенности (рис. 8)⁷. Памятники северной группы занимают северо-восточный склон Самбийского моренного плато, а южная — находится соответственно на его южном склоне и на прилегающей заболоченной приморской низине. Учитывая высокую степень исследованности полуострова, можно предполагать, что эта карта отражает реальную ситуацию.

Вне пределов Самбии памятников известно гораздо меньше, и поэтому зоны их концентрации, выявленные при картировании находок, пока чисто условны. Компактная группа памятников выделяется в Натангии, от р. Преголя до бассейна р. Мамоновка. Западнее, за р. Пасленка располагаются уже памятники эльблонгской

группы. Провести реальную границу между памятниками самбийско-натангийской и эльблонгской культур затруднительно, поскольку те и другие обладают очень близкими культурными характеристиками.

Возможно, выявленные территориальные группы имели социально-политическую обособленность. Они могли представлять собой относительно замкнутые коллективы с четко разграниченной территорией, разделенной пустующими зонами, — ситуация, многократно описанная для варваров античными и средневековыми авторами. На такую мысль наводит карта распространения престижных погребений уровня I (рис. 8). Это уже называвшиеся погребения в Экриттен-Ветрово, Митино, Кляйнхайде-Гурьевске, Варенген-Котельниково, Гаутен-Путилово I, Кляйн Меденау-Логвино, Шоссейном, Варникам-Первомайском, Тенгене. Как видно, каждой значительной территориальной группе памятников соответствует некоторое количество “вождеских” захоронений. Сложно сказать, соотносятся ли эти группы с так называемыми малыми варварскими королевствами, известными по историческим и археологическим данным как в Скандинавии (Ramqvist, 1991), так и в Восточной и Южной Прибалтике (Ramqvist, 1991, 1992; Wyszomirska-Werbar, 1992; Näsman, 1999, 2006; Кулаков, 1998)⁸. Отметим, что на территории самбийско-натангийской культуры пока неизвестны “княжеские” находки уровня Ia (см. выше), которые обычно маркируют такие королевства.

Но, судя по погребальному обряду, эстии, носители самбийско-натангийской культуры, в начале средневековья обладают достаточно развитой, “трехступенчатой” социальной структурой, типичной для варваров того времени и в других регионах Европы (Bierbrauer, 1989b; Мاستыкова, 2008; 2009. С. 159–177). При этом на материале мужских погребений эта стратификация выявляется четче, чем среди женских захоронений.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-06-00058-А.

⁶ Интересно, что погребальный инвентарь могильников V–VI вв. Нижнего Немана также становится весьма скудным (Tautavičius, 1996. P. 77, 82).

⁷ Особое значение имела и сама Самбийская возвышенность (Alk-Gebirge), упоминаемая в многочисленных местных легендах и связанная, судя по названию, со священными для древних балтов местами (Schlicht, 1922. S. 153–155; Pēteraitis, 1997. P. 48). Престижные находки, маркирующие центры власти римского времени и эпохи переселения народов, тяготеют либо к местам сбора янтаря, либо к путям его доставки к устью Вислы, что показывает важную роль элиты эстиев в янтарной торговле (Skvorzov, 2013a. P. 360. Fig. 6; 2013b. P. 176; Сковорцов, 2016).

⁸ Показательно, что 15 археологически выявляемых центров власти Феннскандии (Ramqvist, 1991. S. 46. Fig. 1) соответствуют числу королевств у скандинавских народов, которое указывает Прокопий (Прокопий. Война с готами, II.15.15).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А.К.* Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI–VII вв.) // КСИА. 1968. Вып. 113. С. 10–23.
- Вернер И.* Золотой браслет короля франков Хильдерика и германские браслеты позднеримского времени // *Stratum plus*. 2013. № 4. С. 315–350.
- Добровольская М.В.* Результаты антропологического анализа материалов, происходящих из погребальных комплексов могильника Митино // Сковцов К.Н. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). По результатам исследований 2008 г. М.: ИА РАН, 2010. С. 199–217.
- Казанский М.М., Мاستыкова А.В.* Женские могилы знати постгуннского времени в понтийских степях и константинопольская мода // IV “Анфимовские чтения” по археологии Западного Кавказа / Ред. Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар: Традиция, 2014. С. 97–108.
- Казанский М.М., Перен П.* Могила Хильдерика (481/482 г.) // КСИА. 2005. Вып. 218. С. 24–42.
- Казанский М.М., Перен П.* “Королевские” и “вожде-ские” погребения раннемеровингского времени в Галлии: состояние исследований // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 262–286.
- Кулаков В.И.* Древности пруссов VI–XIII вв. М.: Наука, 1990. (САИ; Вып. Г 1-9). 167 с.
- Кулаков В.И.* Варникам. Древности прусских вождей // Гістарычна-Археалагічны Зборнік. 1997. № 12. С. 143–171.
- Кулаков В.И.* Holibo. Междуречье Ильфинг и Фришинг в 5 в.н.э. // Гістарычна-Археалагічны Зборнік. 1998. № 13. С. 98–119.
- Кулаков В.И.* Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск: Ин-т истории НАН Беларуси, 2004. 135 с.
- Кулаков В.И.* Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I–XI вв.н.э. // *Stratum plus*. 2005. № 4. С. 278–382.
- Кулаков В.И.* Доллькайм-Коврово. Исследования 1992–2002 гг. Минск: Ин-т истории НАН Беларуси, 2007. 335 с.
- Кулаков В.И.* Hünenberg – “Гора Великанов”. Могильник III–IV вв. на севере Самбии // *Barbaricum*. Т. 10. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 2014. С. 199–363.
- Мастыкова А.В.* “Варварские королевства” эпохи Великого переселения народов у алан Центрального Предкавказья // ПИФК. 2008. Вып. XXI. С. 149–159.
- Мастыкова А.В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
- Мастыкова А.В., Добровольская М.В.* Палеоантропологические исследования и погребальный инвентарь самбийско-натангинской культуры // Археология Балтийского региона / Ред. Н.А. Макаров, А.В. Мاستыкова, А.Н. Хохлов. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 74–79.
- Орозий короля Альфреда* // Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М.: Наука, 1979. С. 13–35.
- Петр из Дусбурга.* Хроника Земли Прусской / Введ., пер. и коммент. В.И. Матузовой. М.: Ладомир, 1997. 384 с.
- Пинар Жил Ж.* Украшения, топография и архитектура: индикаторы социальной стратификации на могильниках раннего вестготского периода в Испании и Южной Франции // КСИА. 2016. Вып. 244. С. 13–47.
- Прокопий из Кесарии.* Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 516 с.
- Сковцов К.Н.* Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область): в 2-х т. М.: ИА РАН, 2010. (Мат-лы охранных археологических исследований; Т. 15). Т. 1 – 258 с. Т. 2 – 806 с.
- Сковцов К.Н.* Формирование социальных элит у эсти-ев в конце римского времени и в эпоху Великого переселения народов // КСИА. 2016. Вып. 244. С. 146–165.
- Сковцов К.Н., Хохлов А.Н.* Погребение всадника конца V – первой половины VI в. из могильника Шоссейное Калининградской области // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 151–159.
- Харке Г., Савенко С.И.* Проблемы исследования древних погребений в американской археологии // РА. 2000а. № 2. С. 212–220.
- Харке Г., Савенко С.И.* Проблемы исследования древних погребений в западноевропейской археологии // РА. 2000б. № 1. С. 217–226.
- Arrhenius B.* Regalia in Svealand in Early Medieval Times // *Tor*. 1995. V. 27, iss. 1. P. 311–335.
- Bierbrauer V.* Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull'Alto medioevo, 1975. 368 S.
- Bierbrauer V.* Zur chronologischen, soziologischen und regionalen Gliederung des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa // *Die Völker an der mittleren und unteren Donau im 5. und 6. Jahrhundert / Hrsg. H. Wolfram, F. Daim*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1980. S. 131–142.
- Bierbrauer V.* Bronzene Bügelfibeln des 5. Jahrhunderts aus Südosteuropa // *Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte*. 1989a. Bd. 72. S. 141–160.
- Bierbrauer V.* Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und der frühen Mittelalters // *Peregrinatio Gothica*. Łódź: Katedra Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, 1989b. (*Archaeologia Baltica*; VIII). S. 39–106.

- Brather S.* Kleidung, Bestattung, Ritual. Die Präsentation sozialer Rollen im frühen Mittelalter // Zwischen Spätantike und Frühmittelalter. Archäologie des 4. bis 7. Jahrhunderts im Westen / Hrsg. S. Brather. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 2006. S. 237–273.
- Christlein R.* Besitzabstufungen zur Merowingerzeit im Spiegel reicher Grabfunde aus West- und Süddeutschland // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1973. Jg. 20. S. 147–180.
- Cieśliński A.* Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit an der Passarge/Pasłęka // The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period / Hrsg. B. Niezabitowska-Wisniewska, M. Juściński, P. Łuczkiwicz, S. Sadowski. Lublin: Instytut Archeologii UMCS, 2008. S. 113–131.
- Das Grab des fränkischen Königs Childerich I in Tournai und die Anastasis Childerici von Jean-Jacques Chifflet aus dem Jahre 1655 / Hrsg. D. Quast. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 2015. 514 S.
- Duczko W.* Uppsalahögarna som symboler och arkeologiska källor // Arkeologi och miljögeologi i Gamla Uppsala / Ed. W. Duczko. Uppsala: Uppsala Univ., 1996. P. 59–93.
- Harhoiu R.* Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest: Editura Enciclopedică, 1998. 268 S.
- Hedeager L.* Kingdoms, ethnicity and material culture: Denmark in a European perspective // The Age of Sutton Hoo: The seventh century in northwestern Europe / Ed. M.O. Carver. Woodbridge: Boydell Press, 1992. P. 279–300.
- Hilberg V.* Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen dervölkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2009 (Daumen und Kellaren-Tumiany i Kielary; Bd. 2). 615 S.
- I Goti a San Marino. Il tesoro di Domagnano / Eds.: M.G. Curletti, C. Della Porta. Milano: Electa, 1995. 61 p.
- Kazanski M., Périn P.* La tombe de Childéric: un tumulus oriental? // Travaux et Mémoires. 15: Mélanges Jean-Pierre Sordini. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, 2005. P. 287–298.
- La Baume W.* Altpreußische Zaumzeug // Alt Preußen. 1944. Jhg. 9. H. 1/2. S. 2–19.
- Ljungkvist J.* Dating two Royal Mounds of Old Upsala. Evaluating the Elite of the 6th–7th centuries in Middle Sweden // Archäologische Korrespondenzblatt. 2008. Jg. 38. H. 2. P. 263–282.
- Mastykova A., Dobrovol'skaia M.* Grave Goods in the Semeteries from the Late Roman and Early Mediaeval Periods on the Sambian Peninsula and Anthropological Accounts // Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / Eds I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya, 2013. P. 272–281.
- Menghin W.* Das Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart: Konrad Theisse Verlag, 1983. 368 S.
- Müller-Wille M.* Les tombes royales et aristocratiques à tumuli // Antiquités Nationales. 1997. 27. P. 245–257.
- Näsman U.* The Ethnogenesis of the Danes and the Making of a Danish kingdom // The Making of Kingdoms / Eds T. Dickinson, D. Griffiths. Oxford: Oxford Univ. Committee for Archaeology, 1999. (Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History; 10). P. 1–10.
- Näsman U.* Danerne og het danske kongeriges opkomst. Om forskningsprogrammet "Fra Stamme til Stat i Danmark" // Kuml. 2006. № 55. S. 205–241.
- Okulicz J.* Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n.e. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1973. 588 S.
- L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve s. après J.-C. Paris: Réunion des Musées nationaux, 2000. 224 p.
- Périn P.* Possibilités et limites de l'interprétation sociale des cimetières mérovingiens // Antiquités Nationales. 1998. 30. P. 169–184.
- Périn P., Kazanski M.* La tombe de Childéric, le Danube et la Méditerranée. // Villes et campagnes en Neustrie / Dir. L. Verslype. Montagnac: Ed. Monique Mergoïl, 2005. (Europe médiévale; 8). P. 29–38.
- Pėteraitis V.* Mažosios Lietuvos ir Tvankstos vietovardžiai, Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas. Vilnius: Mažosios Lietuvos fondas, 1997. 608 p.
- Poulik J.* Žurāņ in der Geschichte Mitteleuropas // Slovenská Archeologiči. 1995. V. 43, iss. 1. S. 27–109.
- Quast D.* Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen. Stuttgart: Kommissionsverlag-Konrad Theiss Verlag, 1993. 162 S.
- Quast D.* Ein spätantikes Zepter aus dem Childerichgrab // Archäologisches Korrespondenzblatt. 2010. V. 40, № 2. S. 285–296.
- Ramqvist P.H.* Über ökonomische und sozio-politische Beziehungen der Gesellschaft der nordischen Völkerwanderungszeit // Frühmittelalterliche Studien. 1991. Bd. 35. S. 45–72.
- Ramqvist P.H.* Högom. The Excavations 1949–1984. Part I. Neumünster: Karl Wachholtz, 1992. 236 p.
- von Rummel P.* *Habitus barbarus*: Kleidung und Repräsentation spätantiker Eliten im 4. und 5. Jahrhundert. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 2007. 482 S.
- von Rummel P.* L'aquila gotica. Sull'interpretazione di un simbolo // La trasformazione del mondo romano e le grandi migrazioni. Nuovi popoli dall'Europa settentrionale e centro-orientale alle coste del Mediterraneo / Eds C. Ebanista, M. Rotili. Cimitile: Tavorario, 2012. P. 51–66.
- Skvorzov K.* Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'soe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus den Grabungen 1998 und 1999 // Offa. 2007. 61/62. S. 111–219.

- Skvortsov K.N.* "The amber coast masters" some observations on rich burials in the sambian-natangian culture ca. ad. 500 // *Inter Ambo Maria: Northen Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea* / Eds I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya, 2013a. P. 352–364.
- Skvortsov K.N.* The Formation of a sambian-natangian Culture Patrimonial Elite in the Roman Period in the Context of the Amber Trade // *Archaeologia Baltica*. 2013b. V. 18, № 2. P. 167–191.
- Schlicht O.* Das westliche Samland. II Band. Dresden: Kolbe und Schlicht, 1922. 312 S.
- Stauch E.* Alter ist Silber, Jugend ist Gold! Zur altersdifferenzierten Analyse frühgeschichtlicher Bestattungen. Zwischen Spätantike und Frühmittelalter. Archäologie des 4. bis 7. Jahrhunderts im Westen / Hrsg. S. Brather. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 2008. S. 275–295.
- Steuer H.* Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa: eine Analyse der Auswertungsmethoden des archäologischen Quellenmaterials. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1982. 613 S.
- Steuer H.* Helm und Rignschwert. Prunkbewaffnung und Rangabzeichen germanischer Krieger // *Studien zur Sachsenforschung*. 1987. V. 6. S. 190–236.
- Steuer H.* Archaeology and history: proposals on the social structure of the Merovingian kingdom // *The birth of Europe. Archaeology and social development in the first millennium AD* / Ed. K. Randsborg. Roma: L'Erma di Bretschneider, 1989. P. 100–122.
- Steuer H.* Fürstengräber, Adelsgräber, Elitegräber: Methodisches zur Anthropologie der Prunkgräber // *Herrschaft – Tod – Bestattung. Zu den vor- und frühgeschichtlichen Prunkgräbern als archäologisch-historische Quelle* / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim, D. Krause, A. Wesse. Bonn: Rudolf Habelt, 2006. S. 11–25.
- Tautavičius A.* Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V–IX a.). Vilnius: Lietuvos pilys, 1996. 367 p.
- Tihelka K.* Knížecí hrob z období stěhování národů u Blučiny, okr. Brno-Venkov // *Památky Archeologické*. 1963. T. 65, 2. S. 467–498.
- Tischler O., Kemke H.* Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Cristi Geburt. Königsberg: In Kommission bei Wilh Koch, 1902. 86 S.
- Theune-Grosskopf B.* Zweibelknopffiben und ihre Träger – Schmuck und Rangabzeichen // *Die Schrupe zwischen Macht und Pracht. Das Gewinde in der Antike* / Hrsg. B. Deppert-Lippitz, R. Würth. Sigmaringen: Thorbecke, 1995. S. 77–112.
- Vaitkunskienė L.* The formation of a warrior elite during the Middle Iron Age in Lithuania // *Archaeologia Baltica*. 1995. V. 1. P. 94–106.
- Wyszomirska-Werbart B.* Scandinavians and the Eastern Baltic during the Migration Period. The Cultural Interactions // *Contacts across the Baltic Sea during the Late Iron Age (5th–12th centuries)* / Eds B. Hårdt, B. Wyszomirska-Werbart. Lund: Univ. of Lund, 1992. P. 59–72.

MARKERS OF SOCIAL STRATIFICATION AMONG THE BEARERS OF THE SAMBIAN-NATANGIAN CULTURE IN THE EARLY MIDDLE AGES (the mid-5th–7th centuries AD)

Mikhail M. Kazanski*, Anna V. Mastykova**, Konstantin N. Skvortsov**

* Centre National des Recherches Scientifiques, Paris, France
(michel.kazanski53@gmail.com)

** Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
(amastykova@mail.ru; sn_arch_exp@mail.ru)

This paper deals with gender indicators and markers of social stratification yielded by the burials of the late phase of the Sambian-Natangian culture of the Aestians of the mid-5th–7th centuries AD. The data of physical anthropology enable us to differentiate male, female, and children's grave goods. Three levels of burials can be tentatively distinguished from grave goods and certain funerary rites, i.e. (1) privileged tombs with relatively rich grave goods including prestigious costume elements, weapons, horse harness items, and drinking horns; (2) 'middle class' tombs with standard grave goods including ornaments from cheap non-ferrous metals, and some weapons; (3) tombs of lower classes either practically lacking in grave goods or containing but pottery. Territorial groups probably corresponding to Aestian policies can be revealed.

Keywords: Sambian-Natangian culture, Aestians, great migrations, Merovingian time, funerary rites, gender markers, social stratification.

REFERENCES

- Ambroz A.K., 1968. Danubian elements in early medieval culture of the Crimea. *Kratkie soobshcheniya In-ta arkheol. [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 113, pp. 10–23. (In Russ.).
- Arrhenius B., 1995. Regalia in Svealand in Early Medieval Times. *Tor*, vol. 27, iss. 1, pp. 311–335.
- Bierbrauer V., 1975. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull'Alto medioevo. 368 p.
- Bierbrauer V., 1980. Zur chronologischen, soziologischen und regionalen Gliederung des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa. *Die Völker an der mittleren und unteren Donau im 5. und 6. Jahrhundert*. H. Wolfram, F. Daim, eds. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, pp. 131–142.
- Bierbrauer V., 1989a. Bronzene Bügelfibeln des 5. Jahrhunderts aus Südosteuropa. *Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte*, 72, pp. 141–160.
- Bierbrauer V., 1989b. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und der frühen Mittelalters. *Peregrinatio Gothica*. Łódź: Katedra Archeol. Uniw. Łódź., pp. 39–106. (Archaeologia Baltica, VIII).
- Brather S., 2006. Kleidung, Bestattung, Ritual. Die Präsentation sozialer Rollen im frühen Mittelalter. *Zwischen Spätantike und Frühmittelalter*. Archäologie des 4. bis 7. Jahrhunderts im Westen. S. Brather, ed. Berlin; New York: Walter de Gruyter, pp. 237–273.
- Christlein R., 1973. Besitzabstufungen zur Merowingerzeit im Spiegel reicher Grabfunde aus West- und Süddeutschland. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*, 20, pp. 147–180.
- Cieśliński A., 2008. Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit an der Passarge/Pasłęka. *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period*. B. Niezabitowska-Wiśniewska, ed. Lublin: In-t Archeol. Uniw. M. Curie-Skłodowskiej, pp. 113–131.
- Das Grab des fränkischen Königs Childerich I in Tournai und die Anastasis Childerici von Jean-Jacques Chifflet aus dem Jahre 1655. D. Quast, ed. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 2015. 514 p.
- Dobrovol'skaya M.V., 2010. The results of physical anthropological analysis of the materials recovered from burial complexes of the Mitino cemetery. *Skvortsov K.N. Mogil'nik Mitino V–XIV vv. (Kaliningradskaya oblast'). Po rezul'tatam issledovaniy 2008 g. [The Mitino Cemetery of the 5th–14th centuries AD in the Kaliningrad Oblast from the Investigations of 2008]*. Moscow: IA RAN, pp. 199–217. (In Russ.).
- Duczko W., 1996. Uppsalahögarna som symboler och arkeologiska källor. *Arkeologi och miljögeologi i Gamla Uppsala*. W. Duczko, ed. Uppsala: Upp. Univ., pp. 59–93.
- Harhoiu R., 1998. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest: Editura Enciclopedică. 268 p.
- Härke H., Savenko S.I., 2000a. Issues of the study of early burials in American archaeology. *Ross. arkheol. [Russ. Archaeol.]*, 2, pp. 212–220. (In Russ.).
- Härke H., Savenko S.I., 2000b. Issues of the study of early burials in Western European archaeology. *Ross. arkheol. [Russ. Archaeol.]*, 1, pp. 217–226. (In Russ.).
- Hedeager L., 1992. Kingdoms, ethnicity and material culture: Denmark in a European perspective. *The Age of Sutton Hoo: The seventh century in northwestern Europe*. M.O. Carver, ed. Woodbridge: Boydell Press, pp. 279–300.
- Hilberg V., 2009. Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Neumünster: Wachholtz Verlag. 615 p. (Daumen und Kellaren-Tumiany i Kielary, 2).
- I Goti a San Marino. Il tesoro di Domagnano. M.G. Curletti, C. Della Porta, eds. Milano: Electa, 1995. 61 p.
- Kazanski M., Périn P., 2005. La tombe de Childéric: un tumulus oriental? *Travaux et Mémoires, 15. Mélanges Jean-Pierre Sordini*. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, pp. 287–298.
- Kazanskiy M.M., Mastikova A.V., 2014. Female burials of nobility of the post-Hunnic time on the Pontic steppes and Constantinople vogue [The 4 Anfimov Conf. on the Archaeology of the West Caucasus IV "Anfimovskie chteniya" po arkheologii Zapadnogo Kavkaza]. T.A. Pavlenko, R.B. Skhatum, V.V. Ulitin, eds. Krasnodar: Traditsiya, pp. 97–108. (In Russ.).
- Kazanskiy M.M., Périn P., 2005. Childeric's tomb (481/482). *Kratkie soobshcheniya In-ta arkheol. [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 218, pp. 24–42. (In Russ.).
- Kazanskiy M.M., Périn P., 2014. 'Royal' and 'princely' burials of the early Merovingian time in Gaul: the present state of the study. *Kratkie soobshcheniya In-ta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 234, pp. 262–286. (In Russ.).
- Kulakov V.I., 1997. Warnikam. Antiquities of Prussian princes. *Gistarychna-Arkhealagichny Zbornik*, 12, pp. 143–171. (In Russ.).
- Kulakov V.I., 1998. Holibo. The Ilfing – Frisching interfluvium in the 5th century AD. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik*, 13, pp. 98–119. (In Russ.).
- Kulakov V.I., 2004. Doll'kaym-Kovrovo. Issledovaniya 1879 g. Dollkeim-Kovrovo. Investigations of 1879. Minsk: In-t istorii NAN Belarusi. 135 p.
- Kulakov V.I., 2005. Archaeological criteria of social history of the Amber Coast in the 1st–11th centuries AD. *Stratum plus*, 4, pp. 278–382. (In Russ.).
- Kulakov V.I., 2007. Doll'kaym-Kovrovo. Issledovaniya 1992–2002 gg. [Dollkeim-Kovrovo. Investigations of 1992–2002]. Minsk: In-t istorii NAN Belarusi. 335 p.

- Kulakov V.I., 2014. Hünenberg, the Mountain of Giants. A cemetery of the 3rd–4th century AD in the north of Sambi. *Barbaricum*, 10. Warszawa: In-t Archeologii Uniw. Warszaw., pp. 199–363. (In Russ.)
- L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve s. après J.-C. Paris: Réunion des Musées nationaux, 2000. 224 p.
- La Baume W., 1944. Altpreußische Zaumzeug. *Alt Preußen*, 9, 1/2, pp. 2–19.
- Ljungkvist J., 2008. Dating two Royal Mounds of Old Upsala. Evaluating the Elite of the 6th–7th Century in Middle Sweden. *Archäologische Korrespondenzblatt*, 38, 2, pp. 263–282.
- Mastykova A., Dobrovol'skaia M., 2013. Grave Goods in the Cemeteries from the Late Roman and Early Mediaeval Periods on the Sambian Peninsula and Anthropological Accounts. *Inter Ambo Maria*. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar, eds. Kristiansand; Simferopol: Dolya, pp. 272–281.
- Mastykova A.V., 2008. 'Barbarian kingdoms' of the migration time among the Alans of Central Ciscaucasia. *Problemy istorii, filologii i kul'tury [Issues of History, Philology and Culture]*, XXI, pp. 149–159. (In Russ.)
- Mastykova A.V., 2009. Zhenskiy kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV – seredine VI v.n.e. [Female Dress of Central and Western Ciscaucasia in the late 4th–mid-6th centuries AD]. Moscow: IA RAN. 502 p.
- Mastykova A.V., Dobrovol'skaya M.V., 2013. Palaeoanthropological studies and grave goods of the Sambian-Natangian culture. *Arkheologiya Baltiyskogo regiona [Archaeology of the Baltic Region]*. N.A. Makarov, A.V. Mastykova, A.N. Khokhlov, eds. Moscow: IA RAN; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 74–79. (In Russ.)
- Matuzova V.I., 1979. King Alfred's Orosius. *Matuzova V.I. Angliyskie srednevekovye istochniki IX–XIII vv. [English Medieval Sources of the 9th–13th centuries]*. Moscow: Nauka, pp. 13–35. (In Russ.)
- Menghin W., 1983. Das Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag. 368 p.
- Müller-Wille M., 1997. Les tombes royales et aristocratiques à tumuli. *Antiquités Nationales*, 27, pp. 245–257.
- Näsman U., 1999. The Ethnogenesis of the Danes and the Making of a Danish kingdom. *The Making of Kingdoms*. T. Dickinson, D. Griffiths, eds. Oxford: Oxf. Univ. Committee for Archaeology, pp. 1–10. (Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History, 10).
- Näsman U., 2006. Danerne og het danske kongeriges opkomst. Om forskingsprogrammet "Fra Stamme til Stat i Danmark". *Kuml*, 55, pp. 205–241.
- Okulicz J., 1973. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n.e. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 588 p.
- Périn P., 1998. Possibilités et limites de l'interprétation sociale des cimetières mérovingiens. *Antiquités Nationales*, 30, pp. 169–184.
- Périn P., Kazanski M., 2005. La tombe de Childéric, le Danube et la Méditerranée. *Villes et campagnes en Neustrie*. L. Verslype, ed. Montagnac: Ed. Monique Mergoïl, pp. 29–38. (Europe médiévale, 8).
- Pėteraitis V., 1997. Mažosios Lietuvos ir Tvankstos vietovardžiai, Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas. Vilnius: Mažosios Lietuvos fondas. 608 p.
- Petr iz Duysburga [Peter von Duisburg], 1997. Khronika Zemli Prusskoy [The Chronicle of Prussian Land]. V. I. Matuzova, ed. Moscow: Lodomir. 384 p.
- Pinar Gil J., 2016. Ornaments, topography and architecture: Markers of social stratification in the cemeteries of the early Visigoth period in Spain and South France. *Kratkie soobshcheniya In-ta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 244, pp. 13–47. (In Russ.)
- Poulik J., 1995. Žuráň in der Geschichte Mitteleuropas. *Slovenská Archeológia*, vol. 43, iss. 1, pp. 27–109.
- Prokopiy iz Kesarii [Procopius from Caesarea], 1950. Voyna s gotami [The War with the Goths]. S.P. Kondrat'ev, trans. Moscow: Izd-vo AN SSSR. 516 p.
- Quast D., 1993. Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen. Stuttgart: Kommissionsverlag-Konrad Theiss Verlag. 162 p.
- Quast D., 2010. Ein spätantikes Zepter aus dem Childerichgrab. *Archäologisches Korrespondenzblatt*, vol. 40, no. 2, pp. 285–296.
- Ramqvist P.H., 1991. Über ökonomische und sozio-politische Beziehungen der Gesellschaft der nordischen Völkerwanderungszeit. *Frühmittelalterliche Studien*, 35, pp. 45–72.
- Ramqvist P.H., 1992. Högom. The Excavations 1949–1984, part I. Neumünster: Karl Wachholtz. 236 p.
- Schlicht O., 1922. Das westliche Samland. II Band. Dresden: Kolbe und Schlicht. 312 p.
- Skvortsov K.N., 2010. Mogil'nik Mitino V–XIV vv. (Kaliningradskaya oblast') [The Mitino Cemetery of the 5th–14th centuries in the Kaliningrad Oblast]. Moscow: IA RAN. 2 vols. T. 1 – 258 p. T. 2 – 806 p. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 15).
- Skvortsov K.N., 2016. The formation of social élites among the Estians in the Late Roman time and the migration period. *Kratkie soobshcheniya In-ta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 244, pp. 146–165. (In Russ.)
- Skvortsov K.N., Khokhlov A.N., 2014. A horseman's burial of the late 5th – first half of the 6th century AD in the Shosseynoe cemetery in the Kaliningrad Oblast. *Kratkie soobshcheniya In-ta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 232, pp. 151–159. (In Russ.)

- Skvorzov K., 2007. Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'soe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus den Grabungen 1998 und 1999. *Offa*, 61/62, pp. 111–219.
- Skvorzov K.N., 2013a. 'The Amber Coast masters': Some observations on rich burials in the Sambian-Natangian culture ca. AD500. *Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea. I*. Khrapunov, F.-A. Stylegar, eds. Kristiansand; Simferopol: Dolya, pp. 352–364.
- Skvorzov K.N., 2013b. The Formation of a sambian-natangian Culture Patrimonial Elite in the Roman Period in the Context of the Amber Trade. *Archaeologia Baltica*, vol. 18, no. 2, pp. 167–191.
- Stauch E., 2008. Alter ist Silber, Jugend ist Gold! Zur altersdifferenzierten Analyse frühgeschichtlicher Bestattungen. Zwischen Spätantike und Frühmittelalter. *Archäologie des 4. bis 7. Jahrhunderts im Westen*. S. Brather, ed. Berlin; New York: Walter de Gruyter, pp. 275–295.
- Steuer H., 1982. Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa: eine Analyse der Auswertungsmethoden des archäologischen Quellenmaterials. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 613 p.
- Steuer H., 1987. Helm und Rignschwert. Prunkbewaffnung und Rangabzeichen germanischer Krieger. *Studien zur Sachsenforschung*, 6, pp. 190–236.
- Steuer H., 1989. Archaeology and history: proposals on the social structure of the Merovingian kingdom. *The birth of Europe. Archaeology and social development in the first millennium AD*. K. Randsborg, ed. Roma: L'Erma di Bretschneider, pp. 100–122.
- Steuer H., 2006. Fürstengräber, Adelsgräber, Elitegräber: Methodisches zur Anthropologie der Prunkgräber. *Herrschaft – Tod – Bestattung. Zu den vor- und frühgeschichtlichen Prunkgräbern als archäologisch-historische Quelle*. C. von Carnap-Bornheim, ed. Bonn: Rudolf Habelt, pp. 11–25.
- Tautavičius A., 1996. Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V–IX a.). Vilnius: Lietuvos pilys. 367 p.
- Theune-Grosskopf B., 1995. Zweibelknopffiben und ihre Träger – Schmuck und Rangabzeichen. *Die Schrupe zwischen Macht und Pracht. Das Gewinde in der Antike*. B. Deppert-Lippitz, R. Würth, eds. Sigmaringen: Thorbecke, pp. 77–112.
- Tihelka K., 1963. Knížecí hrob z období stěhování národů u Blučiny, okr. Brno-Venkov. *Památky Archeologické*, vol. 65, iss. 2, pp. 467–498.
- Tischler O., Kemke H., 1902. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Cristi Geburt. Königsberg: In Kommission bei Wilh Koch. 86 p.
- Vaitkunskienė L., 1995. The formation of a warrior elite during the Middle Iron Age in Lithuania. *Archaeologia Baltica*, 1, pp. 94–106.
- Verner I., 2013. A gold armring of Childeric, the king of Franks, and Germanic armrings of the Late Roman time. *Stratum plus*, 4, pp. 315–350. (In Russ.)
- Von Rummel P., 2007. Habitus barbarus: Kleidung und Repräsentation spätantiker Eliten im 4. und 5. Jahrhundert. Berlin; New York: Walter de Gruyter. 482 p.
- Von Rummel P., 2012. L'aquila gotica. Sull'interpretazione di un simbolo. *La trasformazione del mondo romano e le grandi migrazioni. Nuovi popoli dall'Europa settentrionale e centro-orientale alle coste del Mediterraneo*. C. Ebanista, M. Rotili, eds. Cimitile: Tavorario, pp. 51–66.
- Wyszomirska-Werbart B., 1992. Scandinavians and the Eastern Baltic during the Migration Period. The Cultural Interactions. *Contacts across the Baltic Sea during the Late Iron Age (5th–12th centuries)*. B. Hårdt, B. Wyszomirska-Werbart, eds. Lund: Univ. of Lund, pp. 59–72.

ШЕРСТЯНЫЕ ТКАНИ МОЩЕВОЙ БАЛКИ И МОГИЛЬНИКА ЯНХАЙ

© 2017 г. А.С. Пахунов*, И.И. Елкина*, Е.Г. Дэвлет*,
М. Вагнер**, П.Е. Тарасов***

* Институт археологии РАН, Москва, Россия (*science@pakhunov.com*,
ira-elkina@yandex.ru, *eketek@yandex.ru*)

** Германский археологический институт, Берлин, Германия (*mayke.wagner@dainst.de*)

*** Свободный университет, Берлин, Германия (*ptarasov@zedat.fu-berlin.de*)

Поступила в редакцию 07.02.2017 г.

В работе рассматривается применение разных фотографических техник для изучения и описания образцов шерсти из двух могильников, расположенных на Великом шелковом пути — Янхай (Синьцзян-Уйгурский автономный район, Северо-Западный Китай) и Мошевая Балка (Карачаево-Черкесия, Северный Кавказ, Россия). Образцы из Янхая местного производства, фрагменты тканей из Мошевой Балки существенно различаются между собой: один из них, более грубый, местного производства, второй происходит из Средиземноморского региона. Фотосъемка высокого разрешения с применением полноспектральной фотокамеры и набора источников излучения от ближнего ультрафиолетового (УФ) до ближнего инфракрасного (ИК) диапазона позволила провести подробное описание структуры текстильных фрагментов: определить тип переплетения, его плотность, количество применявшихся красителей. Многоугольная теневая фотосъемка была использована для оценки технологических свойств нитей (толщина нити и ворсистости) и тканей (плотность переплетения). Описанная техника является бюджетной относительно специализированных мультиспектральных систем и простой в работе, а первичная настройка оборудования проводится в течение получаса в любых условиях, вплоть до полевых.

Ключевые слова: исследовательская фотосъемка, шерсть, текстиль, Великий шелковый путь, Мошевая Балка, Янхай.

Производство одежды — комплексная технология, включающая различные стадии, такие как выращивание и/или сбор сырья, его подготовка, крашение (это отдельная индустрия), прядение нитей, производство ткани и, наконец, пошив предмета одежды. Изучение археологических текстильных материалов обычно связано с попыткой реконструкции технологий, применявшихся на каждой из стадий, что позволяет судить о структуре общества и общественных связях, уровне развития науки, социальном устройстве государства и о торговых связях (Strand et al., 2013; Nosch, 2014).

Археологические материалы доходят до нас в разном состоянии. В зависимости от размера фрагмента, сохранившегося от целого в прошлом изделия, можно осуществить реконструкции разных уровней. В работе используется пять категорий образцов: изделие, деталь, фрагмент, нить, волокно. Чем выше образец в иерархии, тем больший объем информации в нем содержится.

Изделие — предмет полностью или частично сохранившийся, по которому возможно реконструировать его крой (Полосьмак, 2001; Полосьмак, Баркова, 2005; Orfinskaya, Arzhantseva, 2013; Елкина, 2014; Beck et al., 2014).

Деталь — часть предмета, сохранившая информацию о методах соединения деталей в изделии.

Фрагмент — часть полотна без швов, по которому возможно реконструировать технику переплетения и рисунок (Shishlina et al., 2003).

Нить — можно определить плотность нити, степень скрученности, распределение волокон по диаметру (Ryder, 1964; Gleba, 2012; Rast-Eicher, Jørgensen, 2013).

Волокно — тонкая неспряданная нить растительного или животного происхождения. Анализ отдельных волокон позволяет определить их тип (Cho, 2007; Good, 2009) и применявшиеся красители (Szostek et al., 2003; Petroviciu et al., 2010; Manhita et al., 2013; Karapanagiotis, Karadag, 2015).

Таблица 1. Области применения различных методов визуализации в зависимости от размера образца**Table 1.** Field of application of different visualisation techniges depending on the sample size

	Фотография	Оптическая микроскопия	Поляризационная микроскопия	Сканирующая электронная микроскопия
Изделие	+	+		
Деталь	+	+		
Фрагмент	+	+		+
Нить	+	+	+	+
Волокно			+	+

Таблица 2. Описание образцов**Table 2.** Description of samples

Номер образца	Место находки	Фотография (цв. вклейка)	Описание	Размер, см
20110615-OF1a	Китай, м-к Янхай, подъемный материал	Рис. 4	Фрагмент окрашенного текстиля	3 × 2.4
20110615-OF6a	Китай, м-к Янхай, подъемный материал	Рис. 5	Фрагмент окрашенного текстиля	3 × 1.2
435 (2358)	Россия, Карачаево-Черкесия, м-к Мощевая Балка	Рис. 6, 7	Фрагмент окрашенного текстиля с орнаментом	16 × 11
436 (1023)	Россия, Карачаево-Черкесия, м-к Мощевая Балка	Рис. 8	Фрагмент окрашенного текстиля с орнаментом	14 × 8.5

Размер образца определяет возможность применения методов визуализации, что связано со спецификой конструкции приборов. Для работы с крупными предметами используют разнообразные фотографические техники (традиционная фотография, макрофотография, фотография в ИК- и УФ-свете, многоугольная теневая фотосъемка), переходя к более мелким образцам, применяют оптическую и цифровую микроскопию, сканирующую электронную микроскопию (табл. 1).

Использование микроскопических техник не всегда возможно и целесообразно в полевых условиях. Переносные цифровые микроскопы класса *Keyence* позволяют получать изображения отдельных нитей и волокон, однако их стоимость затрудняет применение данных микроскопов массово. Также ограничением является возможность проводить с их помощью только микросъемку, в то время как фотоаппарат, при аналогичном масштабе при микросъемке, позволяет также решать многие задачи, связанные с раскопками и исследованием находок: проведение полевой фиксации, фотограмметрической и многоугольной теневой фотосъемки и др.

Применение разных фотографических техник для изучения объектов культурного наследия имеет продолжительную историю, однако, несмотря на доступность для работы, в том числе в полевых условиях, фотосъемки в ИК- и УФ-диапазоне, лишь несколько работ посвящены использованию данных методов для изучения археологических текстильных материалов, которые ориентированы прежде всего на поиск и анализ красителей (Baldia, Jakes, 2007; Conti et al., 2008; Ciatti et al., 2010; Ciatti, Conti, 2014).

Детальная фиксация находок особенно актуальна в мультидисциплинарных проектах и позволяет специалистам из разных стран работать с археологическими материалами, в том числе не подлежащими вывозу.

В настоящей работе рассматривается, как фотографические методы исследования применяются для решения разных вопросов описания фрагментов текстильных материалов (рис. 1–8; табл. 2). Фотосъемка и измерения проводились А. Пахуновым в отделе археологии Евразии Германского археологического института (Берлин) и в Институте археологии РАН (Москва),

описание выполнено И. Елкиной в ИА РАН только на основе фотоматериалов.

Описание памятников. Рассматриваемые образцы происходят из могильников Янхай в оазисе Турфан Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая и Мошечая Балка на Северном Кавказе. Памятники относятся к разным эпохам, однако с возникновением северного ответвления Великого шелкового пути они оказались связаны между собой. Производство шерсти в Китае началось в бронзовом веке, хотя уникальным товаром, предназначавшимся для экспорта, прежде всего был шелк, а одной из статей импорта — изделия из шерсти из средиземноморских стран. Однако исследуемые образцы, вероятно, имеют местное происхождение.

Янхай — древний могильник в Турфанском оазисе, в 43 км к юго-востоку от современного г. Турфан на северо-западе Китая. Климат этого района — экстраконтинентальный с холодной зимой и очень сухим жарким летом. Межсезонные колебания температуры достигают 70° С, а годовая сумма осадков не превышает 50 мм (Domrös, Peng, 1988). Крайняя сухость климата обеспечивает прекрасную сохранность практически всех типов органических остатков, в том числе текстиля, на протяжении сотен и даже тысяч лет (Wagner et al., 2009; Beck et al., 2014; Schröder et al., 2016). Могильник имеет значительную площадь (около 54000 м²) и насчитывает около 3000 погребений, из которых археологами исследовано чуть более 500 (The excavation..., 2002). Радиоуглеродное датирование показало, что захоронения проводились в течение длительного периода: XII в. до н.э. — II в. н.э. (The excavation..., 2002; Kramell et al., 2014). В I тыс. до н.э. на исследуемой территории распространена археологическая культура Субейши (Subeixi, Subeshi) (The excavation..., 2002), которая сопоставляется с государством Чэши (Cheshi или Chū-shih), упоминаемым в китайских источниках (Sinor, 1990). Как археологические, так и исторические материалы указывают на существование в тот период хорошо развитого аграрно-скотоводческого общества (Jiang et al., 2006; Li et al., 2013) и наличие культурно-экономических связей с соседними регионами Восточной и Центральной Азии (Li et al., 2013; Kramell et al., 2014).

Из могильника Янхай происходит ряд сенсационных находок (The excavation..., 2002), включая древнейшие на сегодняшний день штаны, изготовленные из овечьей шерсти, относящиеся к концу II тыс. до н.э. (Beck et al., 2014). Образцы, используемые в настоящей работе, представляют собой подъемный материал с территории

кладбища, датируемый IX–VI вв. до н.э. (Kramell et al., 2014). Последняя работа, посвященная химическому исследованию красителей, наглядно демонстрирует ценность даже подобных мелких фрагментов, не ассоциируемых с конкретным захоронением, для изучения процесса производства древнего текстиля. Консервационные мероприятия не проводились.

Мошечая Балка — один из раннесредневековых (VIII–IX вв.) скальных могильников Северо-Западного Кавказа, приписываемый аланам или болгарам. Памятник расположен вблизи верховьев несудоходной горной р. Большая Лаба, на ее правом берегу. Оставившее его население играло значительную роль в функционировании одного из ответвлений Великого шелкового пути, его северокавказского участка — дорог, протянувшихся от берегов Волги до Черноморского побережья. Эти торговые магистрали с VI в. становятся основными по доставке престижного шелка с востока на запад. Мошечая Балка исследуется с начала XX в., когда Н.И. Веселовский обнаружил здесь так называемый комплекс китайского купца, содержавший фрагменты китайских рукописей и другие предметы VIII в., свидетельствующие, что торговцы продвигались этим маршрутом. Около 9% археологических коллекций составляют остатки шелковых тканей. Текстиль в Мошечую Балку попадал разными путями: шелковые вещи поступали из Китая, шерстяные — из Египта и Сирии (образец 435), было развито и местное производство шерстяных грубых ковров (образец 436) (Jerusalimskaja, 1996; Савченко, 1999; Иерусалимская, 2012).

Описание материалов из могильника Мошечая Балка из отчетов. Фрагмент 435. В погребении 374 обнаружен “обрылок шерстяного ковра, переплетение сложное, многоцветный. Вдоль осевой полосы темно-зеленого цвета располагаются ромбы, треугольники, многоугольники: бордового, темно-красного, табачного, светло- и темно-коричневого, темно-синего цветов. Основа светло-желтого цвета 6, уток 13, толщина нити основы 1.5 мм, нити утка 0.7 мм” (Савченко, 1982. С. 91).

Фрагмент 436. В погребении 38 обнаружен “обрылок ковра. Основа из трех ниток — 8, утка — 9. Орнаментирован широкими полосами: оранжевая и черная, которые чередуются между собой” (Савченко, 1980. С. 253).

Консервационные мероприятия. Фрагменты ткани промыты дистиллированной водой, устранена деформация, после этого пластифицированы 20% раствором полиэтиленгликоля (ПЭГ). Затем они укреплены на газовую ткань шелковой

Рис. 1. Оборудованное рабочее место.

Fig. 1. Equipment workplace

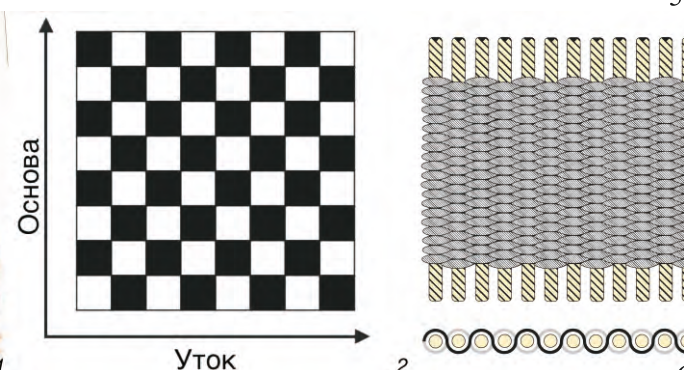
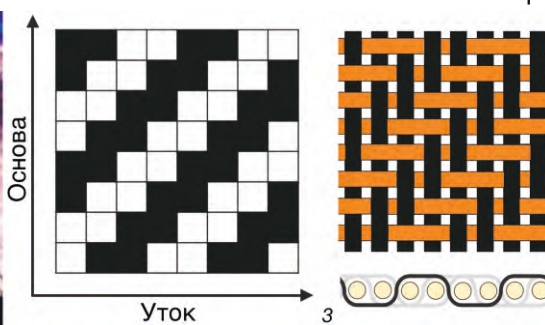
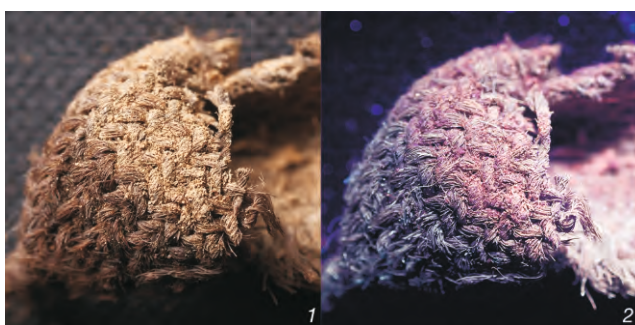
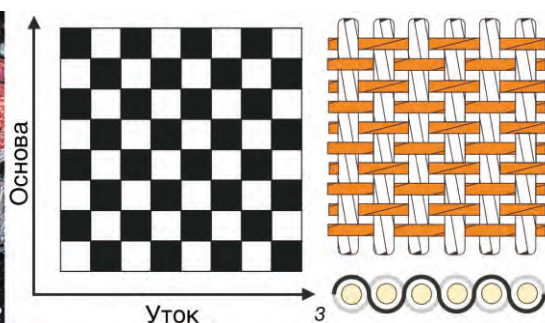
нитью с помощью тонкой иглы. Консерватор — О.В. Орфинская (Институт Наследия им. Лихачева, Москва).

Цель данной работы — отработка методики фиксации небольших фрагментов шерстяных текстильных материалов с использованием фотографических методов, результатов которой должно быть достаточно для детального описания структуры тканей в камеральных условиях, без физического доступа к образцам.

Методы. Для фиксации применялись разные виды технической фотосъемки: в видимом свете; видимой люминесценции; в отраженных УФ- и ИК-лучах; многоугольная теневая фотосъемка. Указанные методы применялись как в макро-, так и в микромасштабе. При съемке в макромасштабе делался один кадр, при съемке в микромасштабе — серия снимков с изменением точки фокусировки.

Камера и объектив. Для фотосъемки использована полнокадровая фотокамера Nikon D800 и объектив Nikkor 50/2. Разрешение матрицы 36 МПикс позволяет, используя штатные возможности, достигать детализации вплоть до отдельных волокон нитей. Система может быть установлена в любых условиях за 15 мин, автономность работы обеспечивается наличием дополнительных источников питания камеры и ноутбука (рис. 1).

Макрообъективы. Одно из ограничений бюджетной фототехники — максимальный масштаб получаемого изображения. Так, для стандартных зум-объективов возможно достижение масштаба порядка 1:4. Использование специальных макро-объективов позволяет достигать масштаба 1:1 и более. Оптимально применение одного объектива для всех видов съемки, что позволяет получить одинаковый масштаб изображений. С одной стороны, таким объективом мог бы быть макрообъектив

50–60 мм, однако не все они подходят для фотосъемки в ИК-диапазоне. Но большое увеличение можно достичь, применяя стандартные объективы со специальным адаптером, позволяющим развернуть его передней линзой к матрице (рис. 2, 1 на цв. вклейке). При данной конфигурации максимальный получаемый масштаб существенно увеличивается, и даже при использовании обычных (не макро) объективов можно работать в микромасштабе (рис. 2, 2, 3 на цв. вклейке). Применение специального адаптера позволяет использовать один объектив для разных задач, таким образом сокращая количество оборудования.

Фотография в видимом свете. Для освещения предмета применялись светодиодные источники большой площади: панель Aputure Amaran 512 led CRI 95 Wide со светодиодами с высоким индексом цветопередачи. Большая площадь источника позволяет использовать при полевых работах одну панель, что существенно сокращает объем и вес оборудования. Питание может осуществляться от сети либо от двух аккумуляторов, заряда которых хватает на несколько часов непрерывной работы. Источники стабильно работают в сложных полевых условиях — при низкой температуре, высокой влажности, переносят выпадение конденсата. Источник не нагревается, поэтому его можно использовать при работе в некрополях, когда нежелательно применение галогенных ламп, которые могут привести к изменению температурно-влажностного режима и ухудшению состояния сохранности предметов.

Стэкинг. Съемка небольших фрагментов текстиля и тем более отдельных нитей традиционно предполагает использование микроскопов, но детальные изображения можно получить и с использованием фототехники. Однако при больших увеличениях существенно сокращается глубина резкости и при съемке одним кадром невозможно получить полностью резкое изображение микрообъекта. При фиксации стоит задача получения максимального объема информации, и нерезкие зоны будут потеряны.

Для увеличения глубины резкости можно пойти двумя путями: закрыть диафрагму; стэкинг по фокусу (Brecko et al., 2014). Первый вариант проще реализовать, однако получаемой глубины резкости может оказаться недостаточно, в то время как качество изображения будет ухудшаться с каждым шагом диафрагмы, что связано с влиянием дифракции. Второй путь — использование оптимального значения диафрагмы, при котором разрешение объектива максимально. При этом необходимо смещать точку фокусировки

с последующим объединением полученных снимков в специальном ПО, которое выбирает из каждого кадра наиболее резкую область. Набор кадров затем объединяется в финальное — полностью резкое изображение. На рис. 3 (цв. вклейка) показан отдельный кадр и результирующее изображение, составленное из 15 фотографий.

Для совмещения фотографий использована программа Helicon Focus в связке с Helicon Remote, которая позволяет полностью контролировать процесс съемки с компьютера, что особенно важно при съемке в ИК- и УФ-диапазоне.

Совмещение кадров с разной глубиной резкости. В ПО Helicon Focus возможно использование разных методов обработки изображений: А (взвешенное среднее), В (карта глубин) и С (пирамида). Для обработки фотографий текстиля, характеризующихся большим количеством тонких волокон, направленных в разные стороны, используется метод В. Оптимальные параметры радиуса составляют 25–40, сглаживания 2–3 (в обоих случаях цифры условные), что позволяет избежать появления ошибок совмещения кадров.

Фотосъемка в инфракрасном диапазоне. Съемка текстиля в отраженных ИК-лучах проводилась в ближневолновом диапазоне с использованием светодиодного источника с максимумом испускания при 920 нм. Для блокирования видимой части спектра на объективе закреплялся фильтр В+W 093, пропускающий свет в диапазоне от 900 нм. Таким образом проводить фотосъемку в ИК-диапазоне можно не только в затемненном помещении, но и при дневном свете. В полевых условиях вместо осветителя в качестве источника ИК-лучей возможно использование солнечного света.

Получение контрастного изображения обусловлено тем, что разные по типу волокна имеют разный коэффициент отражения ИК-лучей (Jia, Ding, 2005). Благодаря этому могут быть обнаружены реставрационные вставки и определено присутствие инородных материалов.

Основная цель применения съемки в ИК-диапазоне — изучение структурных особенностей полотна, таких как количество нитей основы и утка, принципы соединения фрагментов. Особенно важно это становится для археологических образцов, состояние сохранности которых зачастую неудовлетворительно.

Фотосъемка в ультрафиолетовом диапазоне. При использовании для фиксации текстильных материалов света в данном диапазоне возможна реализация двух схем освещения. Наиболее часто

применяется фотосъемка видимой люминесценции, при которой объект освещается источником с максимумом испускания при 365 (УФ-А) или 254 нм (УФ-С) и фиксируется свечение красителей в видимом диапазоне. Для съемки на объектив закрепляется светофильтр (использовался светофильтр B+W 486), пропускающий излучение только в видимом диапазоне. Применение фотосъемки видимой люминесценции помогает проводить реконструкцию цвета сильно выцветших тканей, цвет которых визуально не определяется.

Вторая схема предполагает фиксацию отраженных ультрафиолетовых лучей. Источник освещения и его положение остаются прежними, однако на объективе закрепляется фильтр, пропускающий свет только в УФ-области. Также как при фотосъемке в отраженных ИК-лучах, в отраженных УФ-лучах становится возможным обнаружение волокон разного типа, являющихся структурными компонентами ткани или загрязнителем (Zhou, Ding, 2010). Остевые и пуховые волокна имеют разный коэффициент отражения УФ-лучей, что позволяет проводить сравнение качества пряжи. Съемка видимой люминесценции осуществляется только в затененных помещениях или ночью, в то время как съемку в отраженных УФ-лучах можно проводить днем на свету. При фотосъемке видимой люминесценции применим стэкинг. Параметры метода, радиуса и сглаживания остаются такими же, как и при обработке фотографий в видимом свете.

При съемке видимой люминесценции изменяется принцип формирования изображения, благодаря чему возрастает детализация: изображение формируется не за счет создания светотеневого рисунка, а из-за свечения каждого волокна в отдельности, что позволяет проводить более детальный анализ структуры и дефектов ткани.

Многоугольная теневая фотосъемка применялась в наиболее простой форме – в качестве осветителя использовалась выносная вспышка. Наиболее информативный результат – карты нормалей, по которым проводится оценка степени скрученности отдельных нитей: чем более плотная скрутка, тем равномернее рисунок нитей утка. При уменьшении плотности скрутки, а также при использовании коротких волокон шерсти при прядении нитей волокна на поверхности приподнимаются, в результате чего на карте нормалей фиксируются размытые области, которые характеризуются большим количеством разнонаправленных волокон. Таким образом, применением многоугольной теневой фотосъемки можно качественно оценить ворсистость – параметр, который ранее

измерялся только при микроскопическом анализе отдельных нитей.

Образцы из Китая (*Янхай*) являются подъемным материалом. Образец OF1a выткан из шерсти, окрашенной в два цвета – красный и синий. Это наиболее распространенные цвета, которые могли быть получены, например при окрашивании корнями мареной красильной и индиго-содержащими красителями (Zhang et al., 2008; Kramell et al., 2014).

OF1a. Ткань шерстяная полихромная полотняного переплетения. Узор получен благодаря использованию в ткачестве цветных (как минимум двух цветов) нитей утка, согласно рисунку. Ткань характеризуется высокой плотностью утка и низкой плотностью нитей основы (рис. 4 на цв. вклейке).

Для основы использованы нити II порядка толщиной 1.5 мм. Они получены путем слабого, еле заметного свивания между собой четырех нитей I порядка в S-направлении. Нити I порядка равномерной Z-крутки. Толщина нитей – 0.4–0.55 мм. Плотность нитей основы – 4 н/см.

В качестве уточных нитей использованы нити II порядка толщиной 1.5 мм. Они получены путем слабого, еле заметного свивания между собой двух нитей I порядка в S-направлении. Нити I порядка равномерной Z-крутки. Толщина нитей – 0.5–0.7 мм. Плотность нитей утка – 10 н/см. Схема образца представлена на рис. 4, 2 (цв. вклейка). Основа состоит из четырех нитей; уток – из двух. Между собой и нити утка, и нити основы скручены слабо.

Так как образец не зафиксирован на основе, а хранится в стеклянной пробирке, то проведена съемка обеих сторон. Фиксация одной из нитей в видимом свете позволила установить ширину участка синего цвета по остаткам синего красителя на красной нити и затем на фотографии видимой люминесценции по остаткам красного красителя на крайней синей нити в свете видимой люминесценции – это была полоса шириной в три нити утка.

Подсчет количества нитей основы трудно провести по фотографии в видимом свете, несмотря на их слабое свивание, на большинстве открытых участков можно выделить только три нити вместо четырех. Точное количество нитей основы установлено по снимкам в отраженных ИК-лучах: границы нитей прочитывались более отчетливо.

20110615-OF6a. Ткань саржевого переплетения (саржа 2/2). Для ткачества использованы нити равномерной Z-крутки толщиной 0.5 мм. Плотность нитей основы и утка одинакова – 16–18 н/см. Схема переплетения представлена на рис. 5 (цв. вклейка).

Образец окрашен в два цвета — красный и синий. Использование синего цвета установлено только на фотографиях под источником УФ-излучения по люминесценции красителя. Окрашивание предположительно проведено путем набойки.

Мощевая Балка, фрагмент 435. Ткань шерстяная полихромная полотняного переплетения. Узор получен благодаря использованию в ткачестве цветных (как минимум 7 цветов) нитей утка, согласно рисунку. Ткань характеризуется высокой плотностью утка и низкой плотностью нитей основы. Нити утка полностью перекрывают нити основы (рис. 6 на цв. вклейке).

Для основы использованы светлые неокрашенные нити II порядка толщиной 1–1.2 мм. Они получены путем слабого свивания между собой двух нитей I порядка в S-направлении. Нити I порядка равномерной Z-крутки. Толщина нитей — 0.5–0.6 мм. Плотность нитей основы — 5 н/см. В качестве уточных нитей использованы цветные нити Z-крутки. Толщина нитей в зависимости от цвета колеблется в пределах 0.5–1 мм. Плотность нитей утка — 16–32 н/см.

Для создания богатого полихромного орнамента мастер использовал нити утка, которые были окрашены в оттенки красного, зеленого, синего и коричневого. Блоки разных цветов не всегда однородны. Так, в нижней части области № 4 была сделана линия зеленого цвета. Границы областей можно обнаружить по структурным особенностям ткани, однако между областями 1 и 2 такая граница отсутствует. Результаты съемки демонстрируют разную интенсивность красителя на них. Для подтверждения предположения о не случайности этого факта определена плотность нитей во всем образце.

Для большинства участков плотность лежит в пределах 24–28 нитей на см, неокрашенного — 32 н/см (рис. 7 на цв. вклейке). Чем более высокая плотность нитей, тем ровнее поверхность, что отмечено на карте нормалей при сравнении границы неокрашенной области и верхней части зеленой полосы — разница в плотности в 2 раза (16 и 32 нити на 1 см), что обусловлено разной толщиной нитей — 0.45 и 1 мм. Люминесценция нитей данного неокрашенного фрагмента соответствует люминесценции нитей основы. Плотность нитей варьирует на разных участках и не связана с цветом или местоположением рассматриваемого фрагмента.

Мощевая Балка, фрагмент 436. Ткань шерстяная полихромная полотняного переплетения

(уточный репс с шагом 3/1). Нити утка полностью перекрывают нити основы. Узор получен благодаря использованию в ткачестве цветных нитей утка, согласно рисунку. Ткань характеризуется высокой плотностью утка и низкой плотностью нитей основы (рис. 8 на цв. вклейке).

Для основы использованы светлые неокрашенные нити. Нити равномерной Z-крутки. Толщина нитей — 0.7 мм. Плотность нитей основы — 9 (3 × 3) н/см. В качестве уточных нитей использованы цветные нити Z-крутки. Толщина нитей неравномерна, в зависимости от цвета колеблется в пределах 0.7–1.2 см. Плотность нитей утка неравномерна — 18–25 н/см.

На снимке видимой люминесценции темные волокна не люминесцируют, а в отраженных инфракрасных лучах они остались темными. Это позволяет утверждать, что темные вставки были выполнены с использованием природных коричневых нитей, а не были окрашены. Присутствие желтого красителя зафиксировано только на снимках в УФ-лучах, визуально нити выглядели неокрашенными (рис. 8, 2 на цв. вклейке).

Светлые нити в области № 1 при визуальном анализе выглядели неокрашенными, и только при фотосъемке видимой люминесценции выявлены следы красного красителя. Таким образом, данные фрагменты представляют интерес для дальнейшего исследования красителей, применявшихся местным населением, и сравнительного анализа данных красителей с теми, что использовались для крашения нитей привозной шерсти.

Также перспективно сравнение технологических характеристик самих шерстяных волокон и нитей: определение абсолютной плотности нитей, изучение распределения по диаметру волокон в них, что потенциально позволит дифференцировать привозной материал с Востока и Запада.

Итак, все рассматриваемые фотографические методы доступны, они применимы как в камеральной, так и в полевой работе. Проведение исследовательской фотосъемки зачастую бывает достаточно для реконструкции ткани. В итоге работы собрана и опробована мобильная система для высокодетализированной фотографической фиксации археологического текстиля. Полученные материалы предоставляют возможность проводить реконструкцию техники изготовления текстиля удаленно, только на основе фотографий, а также разделить процедуру фиксации и анализа как во времени, так и между специалистами.

Использование полноспектральной фотокамеры позволяет получить взаимодополняющие данные о структуре тканей, об использовавшихся цветах и их распределении, а многоугольная теневая фотосъемка — оценить плотность нитей и степень их скрученности.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-01-00406.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Елкина И.И. Текстиль из захоронений XVII в. в Воскресенском соборе Ново-Иерусалимского монастыря // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 277–281.
- Иерусалимская А.А. Мошевая Балка: необычный археологический памятник на северокавказском шелковом пути. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. 382 с.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск: Инфолио, 2005. 232 с.
- Савченко Е.И. Отчет о работах Лабинского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1980 г. // Архив ИА РАН. 1980. Р-1. № 9825.
- Савченко Е.И. Опись к отчету Лабинского отряда за 1982 г. (Могилиник Мошевая Балка) // Архив ИА РАН. 1982. Р-1. № 2358.
- Савченко Е.И. Мошевая Балка — узловой пункт Великого шелкового пути на Северном Кавказе // РА. 1999. № 1. С. 125–140.
- Baldia C.M., Jakes K.A. Photographic methods to detect colourants in archaeological textiles // J. of Archaeological Science. 2007. V. 34, iss. 4. P. 519–525.
- Beck U., Wagner M., Li X., Durkin-Meisterernst D., Tarasov P.E. The invention of trousers and its likely affiliation with horseback riding and mobility: A case study of late 2nd millennium BC finds from Turfan in eastern Central Asia // Quaternary International. 2014. V. 348. P. 224–235.
- Brecko J., Mathys A., Dekoninck W., Laponce M., VandenSpiegel D., Semal P. Focus stacking: Comparing commercial top-end set-ups with a semi-automatic low budget approach. A possible solution for mass digitization of type specimens // ZooKeys. 2014. V. 464. P. 1–23.
- Cho L.L. Identification of textile fiber by Raman microspectroscopy // Forensic Science J. 2007. V. 6, № 1. P. 55–62.
- Ciatti M., Conti S. Tessuti archeologici: i frammenti copti Roca-Puig dell'Abbazia di Montserrat: conservazione e restauro. Firenze: Edifir edizioni Firenze: Opificio delle pietre dure, 2014. 232 p.
- Ciatti M., Conti S., Fineschi C., Nelson J.K., Pini, S. Il ricamo in or nué su disegno di Raffaellino del Garbo. Aspetti storico-stilistici, tecnici, minimo intervento e conservazione preventive // OPD Restauro. 2010. V. 22. P. 81–116.
- Conti S., Aldrovandi A., Keller A. Textile materials: reference standards for characterization using multispectral analyses // 9th International Conference on NDT of Art. Jerusalem, 2008. P. 1–11.
- Domrös M., Peng G. The Climate of China. Berlin: Springer, 1988. 361 p.
- The excavation of the Aisikexia'er Cemetery in Hami // Kaogu. 2002. 6. P. 30–41. (In Chinese).
- Ierusalimskaja A.A. Die Gräber der Moščevaja. München: Frühmittelalterliche Funde an der Nordkaukasischen Seidenstrasse, 1996. 343 S.
- Gleba M. From textiles to sheep: investigating wool fibre development in pre-Roman Italy using scanning electron microscopy (SEM) // J. of Archaeological Science. 2012. V. 39, iss. 12. P. 3643–3661.
- Good I.L., Kenoyer J.M., Meadow R.H. New evidence for early silk in the Indus civilization // Archaeometry. 2009. V. 51, iss. 3. P. 457–466.
- Jia D., Ding T. Detection of foreign fibers in cotton using near-infrared optimal wavelength imaging // Optical Engineering. 2005. V. 44, iss. 7. P. 076402.1–076402.6.
- Jiang H.-E., Li X., Zhao Y.-X., Ferguson D.K., Hueber F., Bera S., Wang Y.-F., Zhao L.-C., Liu C.-J., Li C.-S. A new insight into Cannabis sativa (Cannabaceae) utilization from 2500-year-old Yanghai Tombs, Xinjiang, China // J. of Ethnopharmacology. 2006. V. 108, № 3. P. 414–422.
- Karapanagiotis I., Karadag R. Dyes in post-Byzantine and ottoman textiles: a comparative HPLC study // Mediterranean Archaeology and Archaeometry. 2015. V. 15, № 1. P. 177–189.
- Kramell A., Li X., Csuk R., Wagner M., Goslar T., Tarasov P.E., Kreusel N., Kluge R., Wunderlich C.H. Dyes of late Bronze Age textile clothes and accessories from the Yanghai archaeological site, Turfan, China: Determination of the fibers, color analysis and dating // Quaternary International. 2014. V. 348. P. 214–223.
- Li X., Wagner M., Wu X., Tarasov P., Zhang Y., Schmidt A., Goslar T., Gresky J. Archaeological and palaeopathological study on the third/second century BC grave from Turfan, China: Individual health history and regional implications // Quaternary International. 2013. V. 290–291. P. 335–343.
- Manhita A., Balcaen L., Vanhaecke F., Ferreira T., Candeias A., Dias C.B. Unveiling the colour palette of Arraiolos carpets: Material study of carpets from the 17th to 19th century period by HPLC-DAD-MS and ICP-MS // J. of Cultural Heritage. 2013. V. 15, № 3. P. 1–8.
- Nosch M.L. The Aegean wool economies of the Bronze Age // Textile Society of America 2014 Biennial Symposium Proceedings: New Directions: Examining the Past,

- Creating the Future. Nebraska: Univ. of Nebraska Lincoln, 2014. P. 1–13.
- Orfinskaya O., Arzhantseva I. The Cut of the Clothes of North Caucasian Alans // *Archaeological Textiles Review*. 2013. V. 55. P. 86–96.
- Petroviciu I., Albu F., Medvedovici A. LC/MS and LC/MS/MS based protocol for identification of dyes in historic textiles // *Microchemical J.* 2010. V. 95, № 2. P. 247–254.
- Rast-Eicher A., Jørgensen L.B. Sheep wool in Bronze Age and Iron Age Europe // *J. of Archaeological Science*. 2013. V. 40, iss. 2. P. 1224–1241.
- Ryder M.L. Fleece evolution in domestic sheep // *Nature*. 1964. V. 204. P. 555–559.
- Schröder O., Wagner M., Wutke S., Zhang Y., Ma Y., Xu D., Goslar T., Neef R., Tarasov P.E., Ludwig A. Ancient DNA identification of domestic animals used for leather objects in Central Asia during the Bronze Age // *The Holocene*. 2016. V. 26, iss. 10. P. 1722–1729.
- Shishlina N.I., Orfinskaya O.V., Golikov V.P. Bronze Age Textiles from the North Caucasus: New Evidence of Fourth Millennium BC Fibres and Fabrics // *Oxford J. of Archaeology*. 2003. V. 22, iss. 4. P. 331–344.
- Sinor D. *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990. 518 p.
- Strand E.A., Frei K.M., Gleba M., Mannering U., Nosch M.-L., Skals I. Old Textiles – New Possibilities // *European J. of Archaeology*. 2013. V. 13, iss. 2. P. 149–173.
- Szostek B., Orska-Gawrys J., Surowiec I., Trojanowicz M. Investigation of natural dyes occurring in historical Coptic textiles by high-performance liquid chromatography with UV–Vis and mass spectrometric detection // *J. of Chromatography A*. 2003. V. 1012, iss. 2. P. 179–192.
- Wagner M., Bo W., Tarasov P., Westh-Hansen S.M., Völling E., Heller J. The ornamental trousers from Sampula (Xinjiang, China): their origins and biography // *Antiquity*. 2009. V. 83, № 322. P. 1065–1075.
- Zhang X., Good I., Laursen R. Characterization of dyestuffs in ancient textiles from Xinjiang // *J. of Archaeological Science*. 2008. V. 35, iss. 4. P. 1095–1103.
- Zhou F., Ding T. Detection of cotton lint trash within the ultraviolet–visible spectral range // *Applied Spectroscopy*. 2010. V. 64, № 8. P. 936–941.

WOOL FABRICS FROM MOSHCHEVAYA BALKA AND THE YANGHAI CEMETERY

Aleksandr S. Pakhunov*, Irina I. Elkina*, Ekaterina G. Devlet*,
Mayke Wagner**, Pavel E. Tarasov***

* *Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia (science@pakhunov.com, ira-elkina@yandex.ru, eketek@yandex.ru)*

** *Deutsches archäologisches Institut, Berlin, Germany (mayke.wagner@dainst.de)*

*** *Freie Universität Berlin, Germany (ptarasov@zedat.fu-berlin.de)*

This paper considers the application of various photographic techniques used to examine and describe samples of wool from two cemeteries situated on the Great Silk Route, i.e. Yanghai (Xinjiang Uygur/Sinjiang-Uighur autonomous region, Northwest China) and Moshchevaya Balka (Karachai-Circassia, the North Caucasus, Russia). Samples from Yanghai are of local manufacture while those from Moshchevaya Balka are heterogenous: the coarser one is of local manufacture, and the second comes from the Mediterranean. High-resolution photography with the use of a full-spectrum camera and a set of radiation sources spanning from close ultraviolet (UV) to close infrared (IR) range enabled us to give a detailed description of the structure of textile fragments, i.e. to determine the type of the weave, its thread count, and the number of dyes used. Polyangular shadow photography was used to estimate technological characteristics of threads, i.e. the thread and pile thickness, and fabrics, i.e. the thread count. The above-described technique is cheaper than the specialized multispectral systems and easy to handle, and the initial tune-up can be completed in 30 minutes under all conditions, including fieldwork.

Keywords: research photography, wool, textile, Great Silk Route, Moshchevaya Balka, Yanghai.

REFERENCES

- Baldia C.M., Jakes K.A., 2007. Photographic methods to detect colourants in archaeological textiles. *Journal of Archaeological Science*, vol. 34, iss. 4, pp. 519–525.
- Beck U., Wagner M., Li X., Durkin-Meisterernst D., Tarasov P.E., 2014. The invention of trousers and its likely affiliation with horseback riding and mobility: A case study of late 2nd millennium BC finds from Turfan in eastern Central Asia. *Quaternary International*, 348, pp. 224–235.

- Brecko J., Mathys A., Dekoninck W., Laponce M., VandenSpiegel D., Semal P., 2014. Focus stacking: Comparing commercial top-end set-ups with a semi-automatic low budget approach. A possible solution for mass digitization of type specimens. *ZooKeys*, 464, pp. 1–23.
- Cho L.L., 2007. Identification of textile fiber by Raman microspectroscopy. *Forensic Science Journal*, vol. 6, no. 1, pp. 55–62.
- Ciatti M., Conti S., 2014. Tessuti archeologici: i frammenti copti Roca-Puig dell'Abbazia di Montserrat: conservazione e restauro. Firenze: Edifir edizioni Firenze: Opificio delle pietre dure. 232 p.
- Ciatti M., Conti S., Fineschi C., Nelson J.K., Pini S., 2010. Il ricamo in or nué su disegno di Raffaellino del Garbo. Aspetti storico-stilistici, tecnici, minimo intervento e conservazione preventiva. *OPD Restauro*, 22, pp. 81–116.
- Conti S., Aldrovandi A., Keller A., 2008. Textile materials: reference standards for characterization using multispectral analyses. *9th International Conference on NDT of Art*. Jerusalem, pp. 1–11.
- Domrös M., Peng G., 1988. The Climate of China. Berlin: Springer. 361 p.
- Elkina I.I., 2014. Textiles from burials of the 17th century AD at the Resurrection Cathedral of the New Jerusalem monastery. *Kratkie soobshcheniya In-ta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 236, pp. 277–281. (In Russ.)
- Gleba M., 2012. From textiles to sheep: investigating wool fibre development in pre-Roman Italy using scanning electron microscopy (SEM). *Journal of Archaeological Science*, vol. 39, iss. 12, pp. 3643–3661.
- Good I.L., Kenoyer J.M., Meadow R.H., 2009. New evidence for early silk in the Indus civilization. *Archaeometry*, vol. 51, iss. 3, pp. 457–466.
- Ierusalimskaja A.A., 1996. Die Gräber der Moščevaja. München: Frühmittelalterliche Funde an der Nordkaukasischen Seidenstrasse. 343 S.
- Ierusalimskaya A.A., 2012. Moshchevaya Balka: neobychnyy arkheologicheskij pamyatnik na severokavkazskom shelkovom puti [Moshchevaya Balka: An Unusual Archaeological Site on the North Caucasian Silk Route]. St. Petersburg: Izd-vo GE. 382 p.
- Jia D., Ding T., 2005. Detection of foreign fibers in cotton using near-infrared optimal wavelength imaging. *Optical Engineering*, vol. 44, iss. 7, pp. 076402.1–076402.6.
- Jiang H.-E., Li X., Zhao Y.-X., Ferguson D.K., Hueber F., Bera S., Wang Y.-F., Zhao L.-C., Liu C.-J., Li C.-S., 2006. A new insight into Cannabis sativa (Cannabaceae) utilization from 2500-year-old Yanghai Tombs, Xinjiang, China. *Journal of Ethnopharmacology*, vol. 108, no. 3, pp. 414–422.
- Karapanagiotis I., Karadag R., 2015. Dyes in post-Byzantine and ottoman textiles: a comparative HPLC study. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*, vol. 15, no. 1, pp. 177–189.
- Kramell A., Li X., Csuk R., Wagner M., Goslar T., Tarasov P.E., Kreusel N., Kluge R., Wunderlich C.H., 2014. Dyes of late Bronze Age textile clothes and accessories from the Yanghai archaeological site, Turfan, China: Determination of the fibers, color analysis and dating. *Quaternary International*, 348, pp. 214–223.
- Li X., Wagner M., Wu X., Tarasov P., Zhang Y., Schmidt A., Goslar T., Gresky J., 2013. Archaeological and palaeopathological study on the third/second century BC grave from Turfan, China: Individual health history and regional implications. *Quaternary International*, 290–291, pp. 335–343.
- Manhita A., Balcaen L., Vanhaecke F., Ferreira T., Candeias A., Dias C.B., 2013. Unveiling the colour palette of Arraiolos carpets: Material study of carpets from the 17th to 19th century period by HPLC-DAD-MS and ICP-MS. *Journal of Cultural Heritage*, Vol. 15, № 3, pp. 1–8.
- Nosch M.L., 2014. The Aegean wool economies of the Bronze Age. *Textile Society of America 2014 Biennial Symposium Proceedings: New Directions: Examining the Past, Creating the Future*. Nebraska: University of Nebraska Lincoln, pp. 1–13.
- Orfinskaya O., Arzhantseva I., 2013. The Cut of the Clothes of North Caucasian Alans. *Archaeological Textiles Review*, 55, pp. 86–96.
- Petrovicu I., Albu F., Medvedovici A., 2010. LC/MS and LC/MS/MS based protocol for identification of dyes in historic textiles. *Microchemical Journal*, vol. 95, no. 2, pp. 247–254.
- Polos'mak N.V., 2001. Vsadniki Ukoka [Ukok Horsemen]. Novosibirsk: INFOLIO-press. 336 p.
- Polos'mak N.V., Barkova L.L., 2005. Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV–III vv. do n.e.) [Dress and textiles of the Pazyryks of Altai in the 4th–3rd century BC]. Novosibirsk: Infolio. 232 p.
- Rast-Eicher A., Jørgensen L.B., 2013. Sheep wool in Bronze Age and Iron Age Europe. *Journal of Archaeological Science*, vol. 40, iss. 2, pp. 1224–1241.
- Ryder M.L., 1964. Fleece evolution in domestic sheep. *Nature*, vol. 204, pp. 555–559.
- Savchenko E.I., 1980. Otchet o rabotakh Labinskogo otryada Severo-Kavkazskoy ekspeditsii IA AN SSSR v 1980 g. [The report on fieldwork of the Laba detachment of the North Caucasian expedition of the Institute of Archaeology RAS in 1980]. *Arkhiv Instituta arkheologii RAN [The Archives of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 9825 (Unpublished).
- Savchenko E.I., 1982. Opis'k otchetu Labinskogo otryada za 1982 g. (Mogil'nik Moshchevaya Balka) [An inventory to the report of the Laba detachment of 1982: The Moshchevaya Balka cemetery]. *Arkhiv IA RAN [The Archives of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 2358 (Unpublished).

- Savchenko E.I.*, 1999. Moshchevaya Balka – a key point of the Great Silk Route in the North Caucasus. *Russ. arkheol. [Russ. Archaeol.]*, 1, pp. 125–140. (In Russ.).
- Schröder O., Wagner M., Wutke S., Zhang Y., Ma Y., Xu D., Goslar T., Neef R., Tarasov P.E., Ludwig A.*, 2016. Ancient DNA identification of domestic animals used for leather objects in Central Asia during the Bronze Age. *The Holocene*, vol. 26, iss. 10, pp. 1722–1729.
- Shishlina N.I., Orfinskaya O.V., Golikov V.P.*, 2003. Bronze Age Textiles from the North Caucasus: New Evidence of Fourth Millennium BC Fibres and Fabrics. *Oxford Journal of Archaeology*, vol. 22, iss. 4, pp. 331–344.
- Sinor D.*, 1990. The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 518 p.
- Strand E.A., Frei K.M., Gleba M., Mannering U., Nosch M.-L., Skals I.*, 2013. Old Textiles – New Possibilities. *European Journal of Archaeology*, vol. 13, iss. 2, pp. 149–173.
- Szostek B., Orska-Gawrys J., Surowiec I., Trojanowicz M.*, 2003. Investigation of natural dyes occurring in historical Coptic textiles by high-performance liquid chromatography with UV–Vis and mass spectrometric detection. *Journal of Chromatography A*, vol. 1012, iss. 2, pp. 179–192.
- The excavation of the Aisikexia'er Cemetery in Hami. *Kaogu*, 2002, 6, pp. 30–41. (In Chinese)
- Wagner M., Bo W., Tarasov P., Westh-Hansen S.M., Völling E., Heller J.*, 2009. The ornamental trousers from Sampula (Xinjiang, China): their origins and biography. *Antiquity*, vol. 83, no. 322, pp. 1065–1075.
- Zhang X., Good I., Laursen R.*, 2008. Characterization of dyestuffs in ancient textiles from Xinjiang. *Journal of Archaeological Science*, vol. 35, iss. 4, pp. 1095–1103.
- Zhou F., Ding T.*, 2010. Detection of cotton lint trash within the ultraviolet–visible spectral range. *Applied Spectroscopy*, vol. 64, no. 8, pp. 936–941.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ВОЗМОЖНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СФЕРОКОНУСА ИЗ БОЛГАРА

© 2017 г. Е.Г. Дэвлет*, А.Р. Нуретдинова**, М.В. Сивицкий***

* Институт археологии РАН, Москва, Россия
(eketek@yandex.ru)

** Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия
(alsu.nuretdinova@rambler.ru)

*** Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия
(M1213@mail.ru)

Поступила в редакцию 07.02.2017 г.

Научный интерес к изучению сфероконусов не угасает на протяжении почти двух столетий. Необычная специфическая форма сосудов вызывает самые разнообразные версии их использования, они трактовались как светильники, зажигательные снаряды, алхимические и медико-косметические емкости – вот далеко не полный перечень их предполагаемого функционального назначения. Исследовалось содержимое сфероконического сосуда, обнаруженного при раскопках в Болгаре в 2013 г. Сосуд имеет отбитое горло, на внутренней стенке видны остатки содержимого темно-коричневого, почти черного цвета, на наружной стенке локализуется горелое пятно. Реконструируется использование сфероконуса – через узкое горло было влито небольшое количество живицы, которая загустела в процессе хранения. Позднее содержимое было извлечено, по-видимому, после нагревания лежащего на боку сосуда, слив вязкого вещества через отбитое горло оставил следы на кромке скола. Реконструкция основана на анализе характера потеков и данных естественнонаучных анализов, позволивших идентифицировать в темном веществе термообработанную живицу – смолу хвойных деревьев. Количество целых сфероконусов с сохранившимся содержимым невелико, еще меньший процент составляют экземпляры с достоверно идентифицированными остатками того или иного продукта. Смола хвойных деревьев ранее никогда не обнаруживалась внутри сфероконусов. Полученные данные расширяют представления о сфере их использования на исламском средневековом Востоке.

Ключевые слова: Волжская Булгария, Золотая Орда, Болгар, сфероконические сосуды.

Глиняные сфероконические сосуды часто выявляют при раскопках как домонгольских, так и золотоордынских памятников Волжской Булгарии. Небольшие (8–15 см высотой) толстостенные сосуды по первым находкам форм, имевшим округлое тулово и коническое дно, в археологической литературе получили название “сфероконические сосуды” или “сфероконусы”. Благодаря своей форме и малым размерам отверстия (4–10 мм) сфероконус всегда лежит на боку и является своеобразной “непроливашкой”.

Необычная форма сосудов уже на протяжении 200 лет привлекает внимание исследователей; на сегодняшний день существует более 20 версий возможного функционального назначения этих загадочных сосудов: гранаты (Вяткин, 1926; Дмитров, 1941; Арциховский, 1947; Pentz, 1988; Saulcy, 2002), лампы (Лихачев, 1886; Городцов, 1926), архитектурные детали (Казаринов, 1882), тара для жидкостей, например ртути (Ленц, 1904; Кротков,

1926; Борзов, 1936; Лунин, 1961), для воды (Виноградов, 1922), для алкогольных напитков (Гюзальян, 1965; Ghouchani, Adle, 1992), для духов и розовой воды (Marr, 1934; Кверфельдт, 1947), алхимическая посуда (Аминджанова, 1961; Жанполадян, 1982; Валиулина, 2005), но допускается возможность и их многофункционального назначения. Все версии подкреплены аргументами и доказательствами, что не исключает того, что представленные варианты трактовки раскрывают многоплановость практического применения этой одноразовой посуды широкого назначения, а одновременные экземпляры сфероконусов могли иметь различную хозяйственно-бытовую функцию (Волков, 2004; Нуретдинова, 2011). Также не следует игнорировать возможные региональные различия в использовании этой категории посуды.

Несмотря на большое количество находок сфероконических сосудов на средневековых

памятниках, экземпляры с содержащимся внутри веществом очень редки. В 1843 г. в Москве при земляных работах у ц. Константина и Елены был найден целый сфероконус, наполненный ртутью (Ленц, 1904. С. 0106; Коваль, 1997. С. 104; 2010. С. 176).

В 1870-е годы английское Общество для раскопок в Палестине в книге "The recovery of Jerusalem" опубликовало сведения о найденных шести сфероконусах из Биркет-Израиля, Муристана и Офеля. Для объяснения функционального назначения сосудов, содержимое одного из них было проанализировано проф. Н. Маскеляном: "при зондировании пером внутри одного из целых сосудов были найдены частички воска и ртути" (Chester, 1871).

В начале XX в. на одном из заседаний Туркестанского кружка любителей археологии И. Пославским был разбит сфероконус с целью исследования его содержимого, а на дне "оказался порошок темно-коричневого вида, который издавал довольно сильный запах, позывающий на чихание и немного напоминающий табак; под порошком оказались шарики ртути; микроскопические же шарики замечены и в скважинах на внутренней поверхности сосуда" (Пославский, 1905. С. 17). Данное вещество было подвергнуто химическому анализу, который показал следующее: мум (озокерит¹) — 40.5 частей, ртуть — 31, лёсс (почва) — 28.5 (Тейх, 1905. С. 19).

Один из членов Общества археологии, истории и этнографии при Казанском императорском университете, проф. Н.Ф. Высоцкий, участвовавший в раскопках в Иски-Крыму (Старый Крым), лично видел находку с содержимым: "она была наполнена металлической ртутью, горлышко заткнуто деревянной пробкой и залито воском" (Высоцкий, 1908. С. 349).

В 1977 г. в кишлаке Хушват Ганчинского р-на Ленинабадской обл. Таджикистана во время строительных работ был обнаружен сфероконус, наполненный ртутью (Марафиев, Москаленко, 1987. С. 302). Анализ, проведенный в Ленинабадском областном аптекоуправлении, показал, что

в сосуде содержалось около 3 кг металлической ртути. Авторы также отмечают, что в народной медицине таджиков до недавнего времени смешивали ртуть с бараньим салом, а полученное вещество использовали в качестве мази от кожных и др. заболеваний (Марафиев, Москаленко, 1987. С. 304).

По сведениям Р.М. Джанполадян, среди двинских экземпляров обнаружено два сосуда с несколькими косточками винограда, и один — с какой-то мастикообразной массой (1958. С. 210). И.А. Орбели сообщал о находках двух анийских сфероконусов с белым и желтым порошком (1910. С. 73). Среди последних находок сфероконусов с содержимым следует отметить сосуд из Кабалы (Азербайджан), о котором пока мало что известно.

По сравнению с тысячами фрагментов данного вида посуды, фиксируемых при археологических раскопках ежегодно, доля заполненных сосудов крайне ничтожна. При отсутствии явных следов сохранившегося внутри вещества предпринимались попытки установить их назначение естественнонаучными методами, анализируя внутреннюю поверхность сосудов (Manucu-Adameşteanu, 1984. Р. 370; Беговатов, 2006).

На болгарских памятниках домонгольского времени зафиксирована концентрация сфероконических сосудов в ремесленных комплексах (Халиков, 1986. С. 69; Шакиров, 2002; Нуретдинова, 2011), в то время как в Закавказье и Средней Азии они распространены равномерно: встречаются как в жилых, так и в производственных комплексах (Джанполадян, 1982. С. 16). Следует отметить, что более 80% сфероконусов, обнаруженных на домонгольских поселениях Поволжья, импортного происхождения. В золотоордынский период картина меняется — они встречаются повсеместно, а топография распространения сфероконусов в золотоордынском слое Болгарского городища показывает, что данная группа посуды входила в ассортимент местной керамической продукции, о чем свидетельствуют находки сфероконусов в гончарных горнах (Хованская, 1954). При этом доля импортных значительно ниже по сравнению с домонгольским периодом (менее 5%). На сегодняшний день с территории памятников Волжской Булгарии известно не менее 7 тыс. сфероконусов: Болгар — более 5 тыс. экз.; Биляр — более 1700 (Халиков, 1986; Нуретдинова, 2011); Сувар — более 100 (Нуретдинова, 2015); Билярское II селище — более 100 (Шакиров, 2002) и др.

Новейшие полевые исследования существенно пополнили коллекцию сфероконических сосудов.

¹ Озокерит (горный воск) — природный углеводород из группы нефти, по другим данным — из группы нефтяных битумов. Является смесью высокомолекулярных твердых насыщенных углеводородов, по консистенции напоминает пчелиный воск, имеет запах керосина. Благодаря высокой температуре плавления и низкой теплопроводности озокерит широко используется в реабилитационных целях в виде наружного (аппликационного) лечения воспалительных и дистрофических заболеваний опорно-двигательного аппарата и нервной системы.

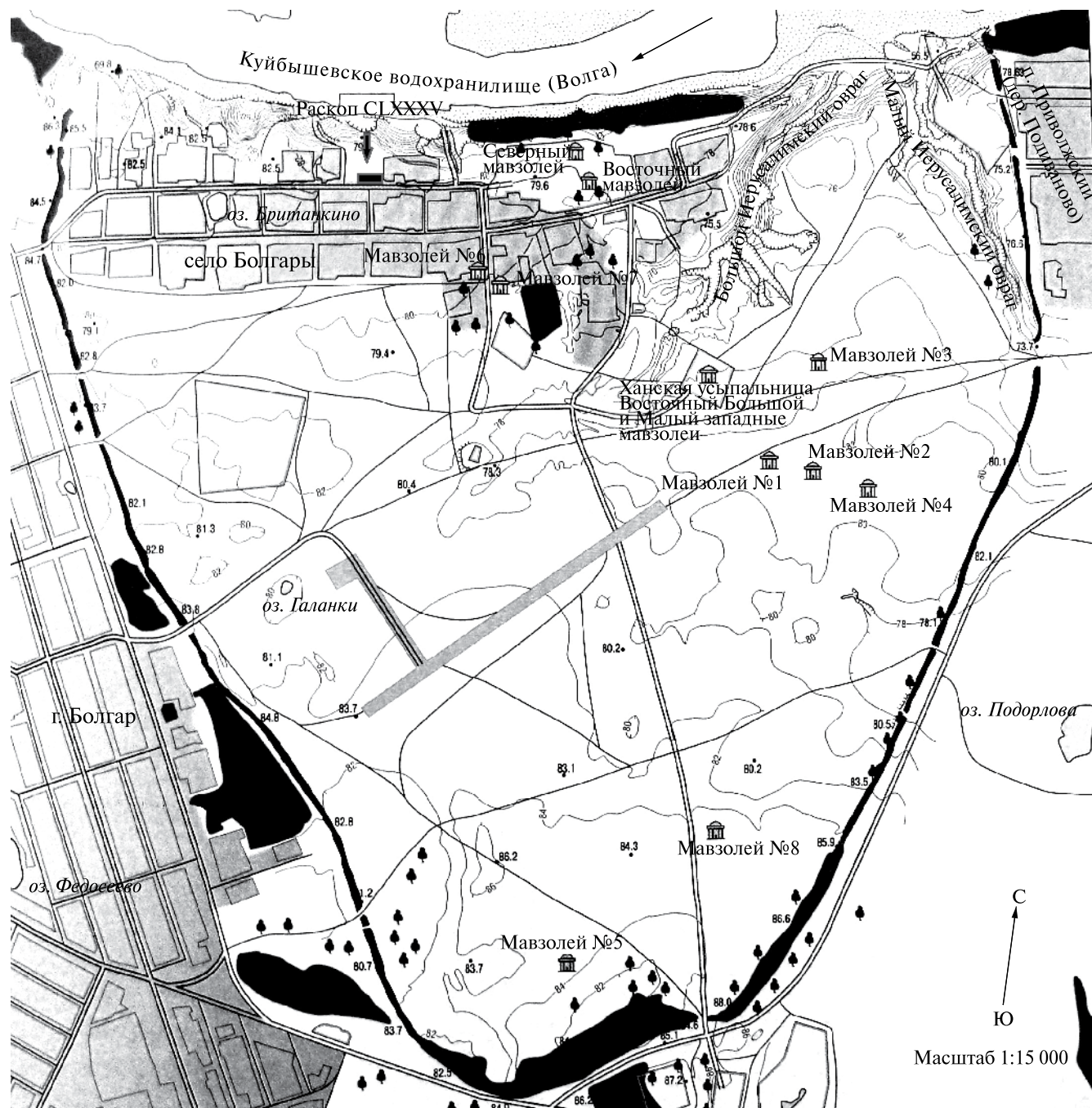

Рис. 1. Расположение раскопа CLXXXV-2013 г. на карте Болгара.

Fig. 1. Location of excavation area CLXXXV-2013 on the map of Bolgar

На сегодняшний день из учтенных в Болгаре более 5 тыс. экз. более 4 тыс. найдено за последние 5 лет (Ситдилов и др., 2015). Обилие сфероконусов на памятнике позволяет создать более детальную классификацию предметов и приблизиться к решению проблемы их функционального назначения.

С учетом этого нельзя не солидаризироваться с высказанным более 100 лет назад мнением, что

сфероконусы представляют собой слишком массовую находку, чтобы отдать предпочтение только одной версии их применения (Пославский, 1905. С. 10). Вероятно, данная категория посуды, вначале имевшая какое-то узкое употребление, например предназначавшаяся для хранения и перевозки ртути, в дальнейшем, благодаря прочности, функциональности, бюджетности, форме, удобству для хранения и транспортировки,

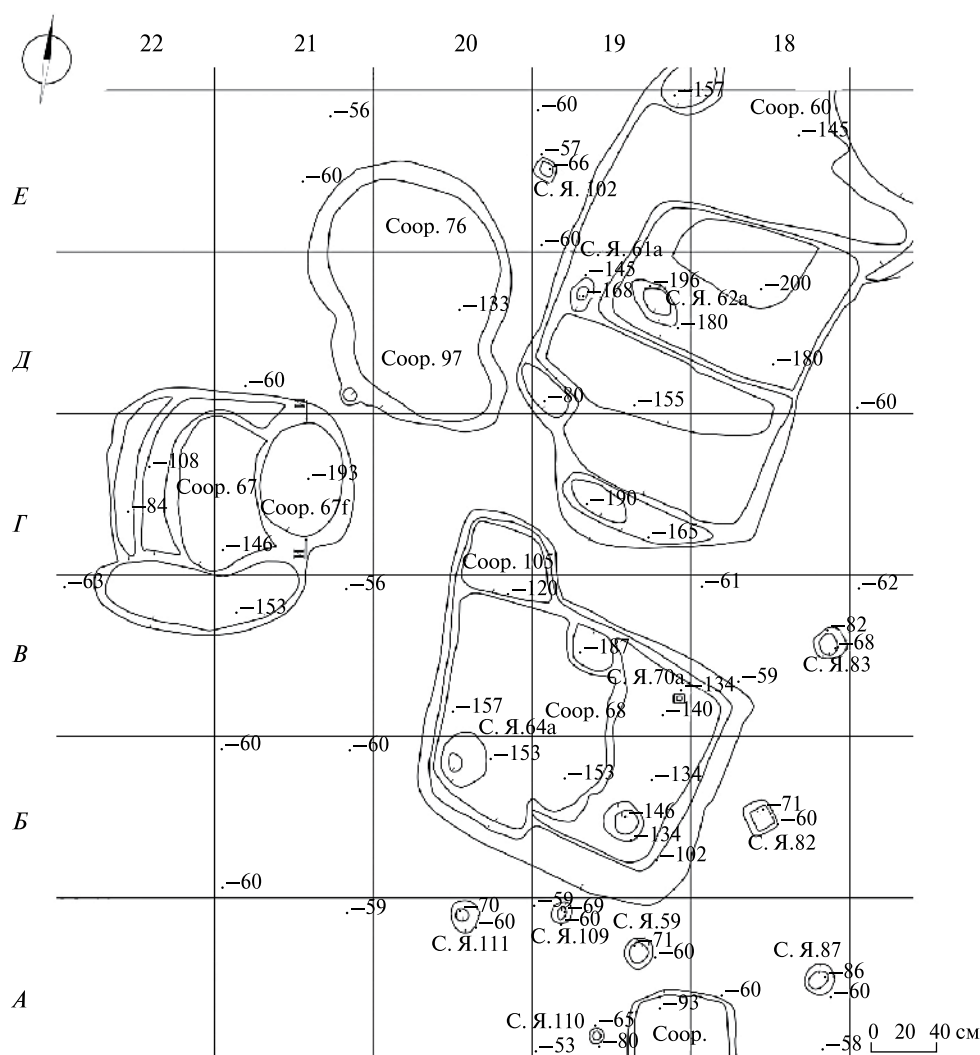

Рис. 2. План раскопа CLXXXV-2013 г. Болгарского городища (центральная часть).

Fig. 2. Plan of excavation area CLXXXV-2013 of the Bolgar site: The central part

приобрела более расширенную сферу применения, став своего рода массовой разновидностью практичных средневековых одноразовых сосудов малой емкости.

Учитывая редкость сосудов с остатками содержимого, следует особо обращать внимание на их внутреннюю часть для выявления нагаров, пленок и т.д. Редкий экземпляр сфероконауса со следами вещества внутри был обнаружен в 2013 г. во время проведения охранно-спасательных исследований под руководством М.В. Сивицкого на одном из раскопов Болгара. Раскоп CLXXXV-2013 г. площадью 1303 м² был заложен около здания речного вокзала (рис. 1) вдоль асфальтовой дороги (ул. Мухамедьяра) по линии 3—В и располагался в 80 м южнее самого здания. В результате проведенных работ выявлены культурные

напластования XI—XX вв., со средней мощностью залегания 80—140 см. На раскопе обнаружено более 200 объектов, представленных полуземлянками и погребями от наземных построек, хозяйственными ямами различного назначения, остатками оград и кирпичных конструкций. Рассматриваемый сосуд обнаружен в яме 68 на глубине 140 см. Объект представляет собой позднеордынскую хозяйственную засыпку, возможно, жилого сооружения (рис. 2).

Глиняный сфероконаус имеет размеры 8.3×8.7 см, толщину стенок около 1 см (рис. 3); верхняя часть отбита, но о ее размерах и форме можно судить по многочисленным аналогиям. По морфологическим признакам данный сосуд относится к подтипу 1, I,1 — красноглиняные сосуды эллипсоидной формой с расширенным в верхней трети

туловом. Все экземпляры данного подтипа происходят из золотоордынского слоя Болгарского городища (Нуретдинова, 2011. С. 152), их насчитывается более 30.

На внутренней стенке сосуда видны остатки содержимого темно-коричневого, почти черного цвета, другие потеки или выделяющийся по цвету и фактуре налет при визуальном обследовании внутренних стенок не обнаруживается. На наружной поверхности стенки в области перегиба локально фиксируется горелое пятно.

Рассмотрим более подробно содержимое сосуда: конфигурация темного смолистого пятна внутри керамической емкости имеет вид двух обособленных полосок разной ширины, локализующихся отдельно и имеющих четкие края. Предположительно одна из них — это след струйки залива, а другая — извлечения содержимого (рис. 3; цв. вклейка № 2). Характер потеков указывает на то, что некое вязкое вещество было влито, осело на дне и потом было вылито по другой стенке. При заливе вещество сконцентрировалось локально в углублении дна, образовав небольшое плотное скопление. При извлечении — слилось по другой стенке локализованной полосой с выраженными границами, сформировав сплошное опоясывающее кольцо и распределившись тонким слоем на внутренних стенках в верхней части тулова сосуда.

Подобное можно наблюдать для разных жидкостей и густых веществ, скапливающихся и растекающихся вдоль кольцевой внутренней грани широкой емкости при прохождении через узкое отверстие наружу. Кольцевой натек в данном сосуде указывает на сложности, возникшие при извлечении содержимого через когда-то целое, но несохранившееся горло. Наличие горелого пятна снаружи на боковине с той стороны, по которой осуществлялся слив вязкого вещества, может рассматриваться в качестве свидетельства нагрева, что в дальнейшем подтвердили и результаты анализа. Характер расположения застывшего остатка позволяет предполагать, что содержимое заливалось в целый сосуд, но при его извлечении возникли проблемы — емкость перевернули и грели в наклонном положении для расплавления и усиления текучих свойств содержимого. Продолжающие “полосу слива” содержимого следы вещества, сохранившиеся в порах на оббитой кромке, указывают на то, что его выливали после того, как горло было оббито. Отсутствие следов состава на той части оббитого края, к которому примыкает полоса, интерпретируемая как маркирующая залив содержимого, указывает на первичное использование сосуда для хранения темного смолистого вещества, которое в свежем (или, возможно,

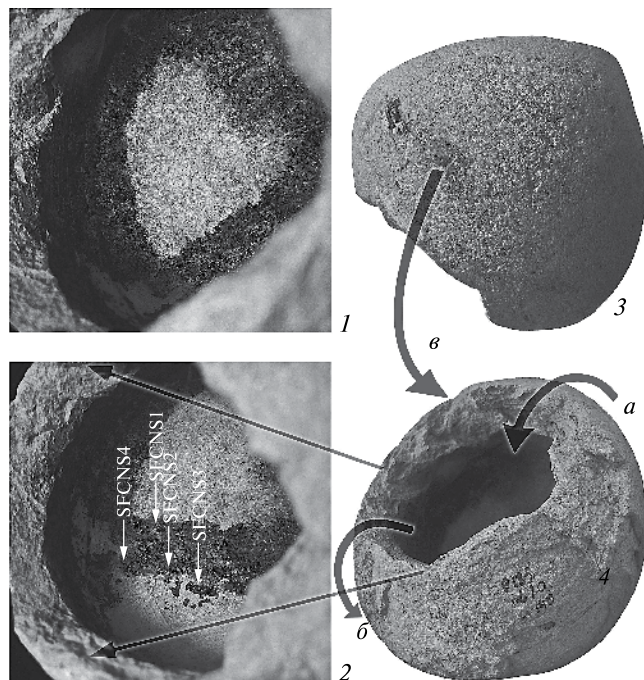

Рис. 3. Сфероконический сосуд из раскопа CLXXXV-2013 г. Болгара: особенности распределения следов содержимого (1, 2), место отбора проб на анализ (2), горелое пятно на внешней поверхности и следы слива на сколе (3, 4в), реконструкция процесса вливания и извлечения содержимого согласно следам потеков (4а, б).

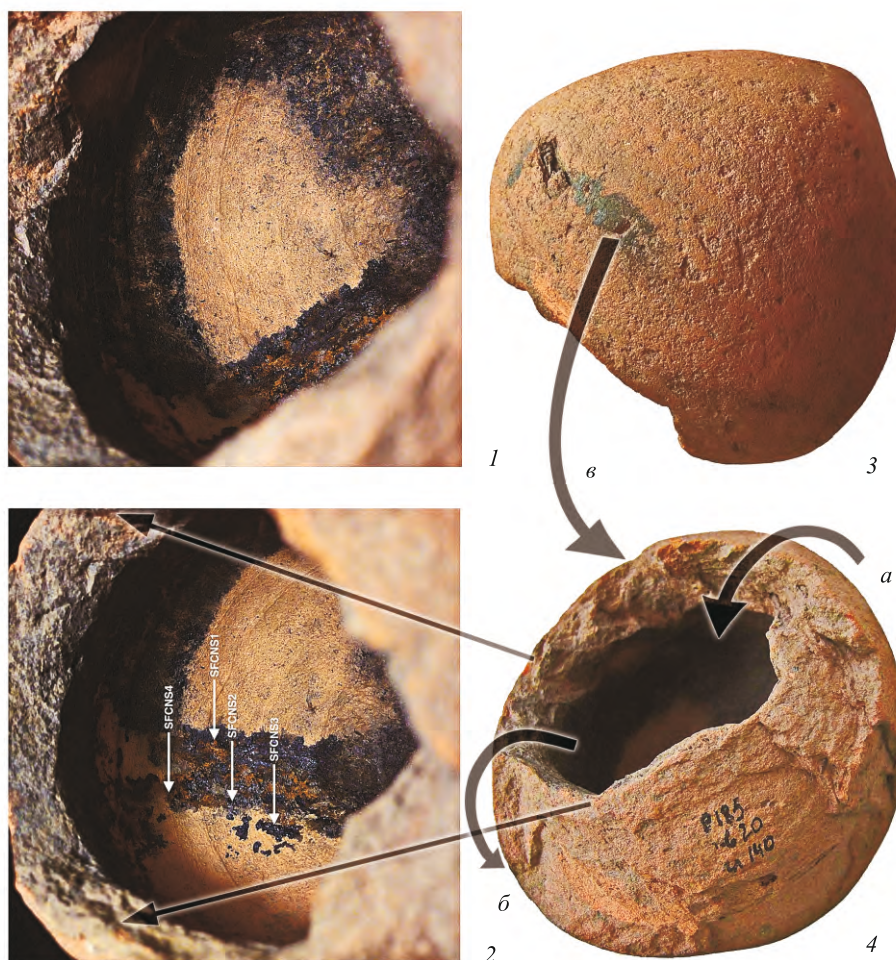
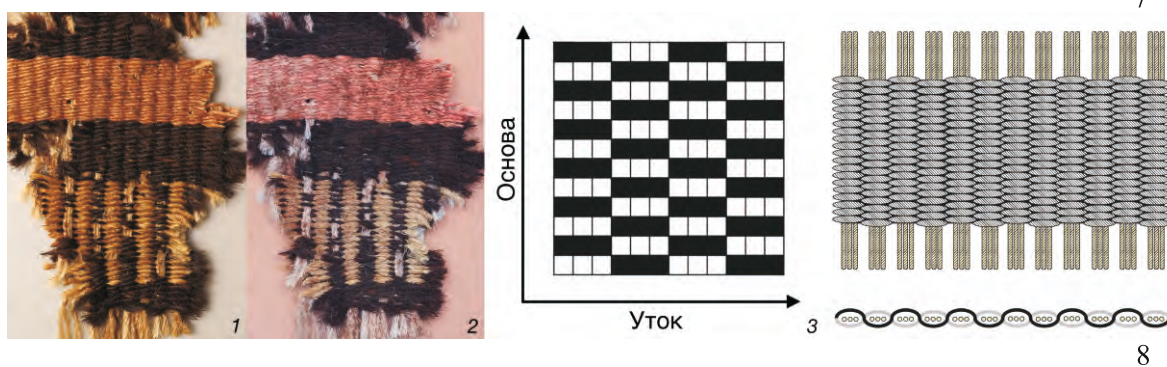
Fig. 3. A sphericonical vessel from excavation area CLXXXV-2013 of Bolgar: traces of residue (1, 2), the location of taking samples for analyses (2), spot of heating and traces of residue in the brim (3, 4в), reconstruction of use basing on traces of residue (4а, б).

в разогретом состоянии) имело текучие свойства и могло быть аккуратно влито в целый сфероконус через узкое горло.

Конечно, нельзя полностью исключать, что в сосуде до отмеченного смолистого вещества находилась какая-либо жидкость, которая испарилась, но полученные данные все же свидетельствуют о более вероятном первичном использовании сфероконуса.

На первом этапе исследования по уточнению характера содержимого, проведенного в Казанском университете методами электронной микроскопии с рентгеновским энергодисперсионным микроанализом и рентгеновской дифракции, получены интересные результаты (рис. 4, 5)². Они подтвердили, что в составе содержимого присут-

²Сканирующая электронная микроскопия (SEM с микрозондовым рентгеноспектральным анализом (X-ray electron probe analysis)) выполнена аналитиком Ю.Н. Осиным в Междисциплинарном центре аналитической микроскопии Казанского федерального университета. Общее содержание С и О достигало 90%, что свидетельствует об органической основе вещества.

существовал лишь незначительный минеральный компонент (кварц и полевые шпаты: калиевый полевой шпат и плагиоклаз), не отличающийся от минерального состава поверхности стенок. Не характерные для керамики, но способные сохраниться в содержимом или в порах теста сосуда после испарения жидкой части, иные минеральные химические соединения не выявлены.

Идентификация материала донного остатка сферокопического сосуда успешно осуществлена в НИЦ “Курчатовский институт” (Пожидаев и др., 2016; Pozhidaev et al., 2017). С учетом существующих приоритетных версий назначения сфероконусов исследовательский коллектив продвигался методом исключения, проверяя вероятность основных вариантов использования. Результаты фазового анализа содержащегося вещества, полученные методом рентгеновской дифракции и энергодисперсионного микроанализа на сканирующем электронном микроскопе, оборудованном спектрометром, позволили полностью исключить “ртутную” версию использования сосуда (Pozhidaev et al., 2017).

Предположение о применении сфероконуса в качестве светильника, заполнявшегося растительным маслом или животным жиром, проверено методом высокоэффективной жидкостной хроматографии с масс-спектрометрическим детектором (ВЭЖХ–МС). Отсутствие жиров-триацилглицеридов в составе хлороформного экстракта остатков содержимого позволило исключить и эту версию (Pozhidaev et al., 2017).

Исследование методом газовой хроматографии не подтвердило возможности использования емкости в качестве метательного снаряда, наполненного нефтью, из-за отсутствия в составе анализируемого образца осадка парафиновых углеводородов нормального строения, которые являются определяющими соединениями в различных фракциях нефти и ее производных (Пожидаев и др., 2016. С. 1210).

Для более точной идентификации обнаруженных соединений применялся масс-спектрометрический детектор. Полученные результаты указывали на преобладании в составе донного осадка производных абиетиновой кислоты (около 46%) и полициклического ароматического углеводорода (ПАУ) ретена (около 27%) (Пожидаев и др., 2016. С. 1211). Ретен (7-изопропил-1-метил-фенантрен), обычно выделяющийся в результате дегидрирования абиетиновой кислоты и присутствующий в небольшом количестве в составе живицы хвойных деревьев, в таких больших концентрациях мог образоваться только термическим

способом при достаточно высокой (несколько сотен градусов) температуре в процессе изготовления конечного продукта.

Полученные данные можно считать неоспоримым свидетельством нагрева содержимого болгарского сосуда. Абиетиновая кислота является одной из смоляных кислот, преобладающих в составе канифоли — производной живицы. Основу живицы составляет смолистое вещество терпентин, выделяющееся при повреждении коры сосны, ели, кедра или лиственницы. Живица — раствор смолы хвойных деревьев в эфирном масле, после его испарения она уплотняется и затвердевает. Смолы на основе живицы встречаются в археологических контекстах с эпохи камня, а длительное антимикробное бактерицидное действие живицы делает ее востребованным природным антисептиком вплоть до сегодняшнего дня (Пожидаев и др., 2016).

Таким образом, можно предположить, что в сосуд было помещено небольшое количество живицы хвойных пород деревьев — материал заполнения крошечного углубления дна и его потеки документированы в малом количестве, что указывает на то, что было задействовано менее 1/10 объема сосуда. Не исключено, что тара с таким содержимым была своеобразной одноразовой керамической “ампулой”, у которой в момент использования удалялось горло.

Неясным остается, когда произошло нагревание и носило ли оно однократный характер. В том, что вещество грели, сомнений нет — на это указывает высокое содержание ретена. С одной стороны, прогрев живицы до помещения в сосуд представляется нецелесообразным, поскольку неизбежно должен был уменьшить ее полезные антибактериальные свойства, которые так ценились. Да и текучесть свежего продукта могла быть вполне достаточной для его беспрепятственного помещения в узкогорлую емкость. Так что живица могла попасть в сосуд как в свежем, так и обработанном состоянии — последнее делает правдоподобным высокая температура термообработки, указывающая на преднамеренность нагрева.

Один из возможных сценариев: живица попала в целый сосуд свежей, однако в процессе хранения загустела и в связи с “истечением срока годности” в качестве медицинско-косметического вещества была извлечена через отбитое горло после нагревания лежащего на боку сосуда. Для такого “просроченного продукта” можно предположить любое хозяйственно-бытовое использование. С другой стороны, нельзя полностью исключать, что до высокой температуры

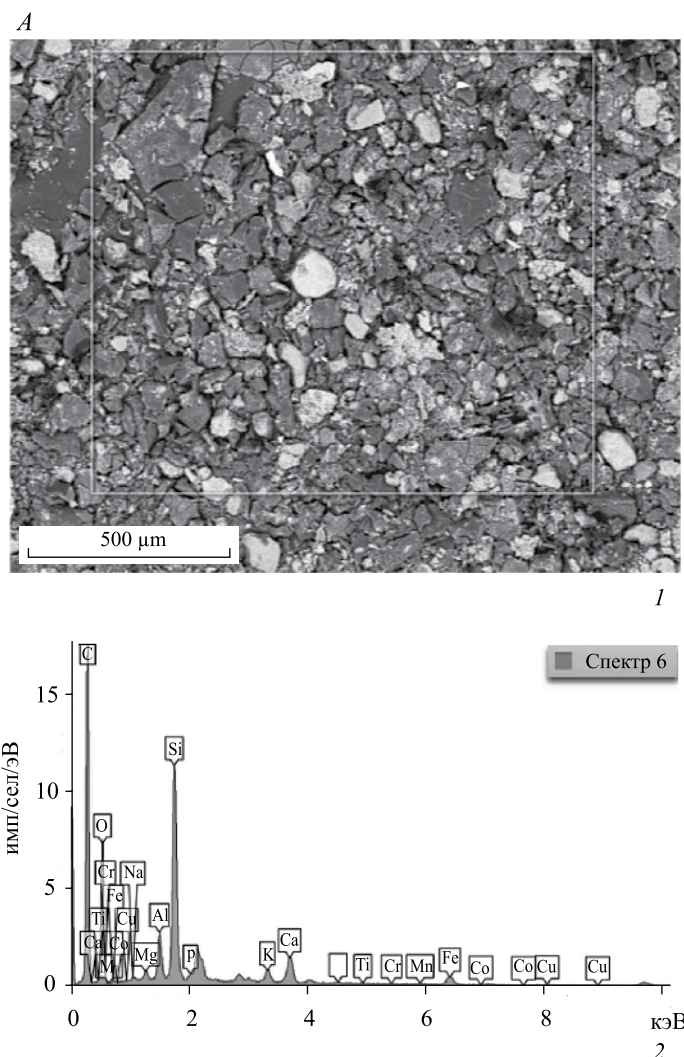

Рис. 4. Результаты исследования содержимого сфероконического сосуда из раскопа CLXXXV-2013 г. Болгара: спектр, микрофотография (1), спектр (2). А – напыление Au/Pd, таблица по элементам, см. табл. 1. Б – напыление С, таблица по оксидам, см. табл. 2

Fig. 4. The results of the examination of the contents of a spheroconical vessel from excavation area CLXXXV-2013 of Bolgar: Spectrum, microphotograph (1), spectrum (2). A – Au/Pd coating table of elements, cf. Table 1. B – C coating, table of oxides, cf. Table 2.

Таблица 1. Результаты микрозондового анализа (напыление Au/Pd, рис. 4А)

The results of the microprobe analysis (Au/Pd coating, Fig. 4A)

Элемент	Тип линии	Вес.%	Атом.%	Оксид	Вес.% оксида	Название эталона
C	К-серия	64.34	73.35			C Vit
O	–“–	26.53	22.70			SiO ₂
Na	–“–	0.11	0.06			Albite
Mg	–“–	0.23	0.13			MgO
Al	–“–	1.05	0.53			Al ₂ O ₃
Si	–“–	4.67	2.28			SiO ₂
P	–“–	0.14	0.06			GaP
K	–“–	0.48	0.17			KBr
Ca	–“–	1.13	0.39			Wollastonite
Ti	–“–	0.08	0.02			Ti
Cr	–“–	0.05	0.01			Cr
Mn	–“–	0.06	0.01			Mn
Fe	–“–	1.03	0.25			Fe
Co	–“–	0.00	0.00			Co
Cu	–“–	0.10	0.02			Cu
Сумма		100.00	100.00		0.00	

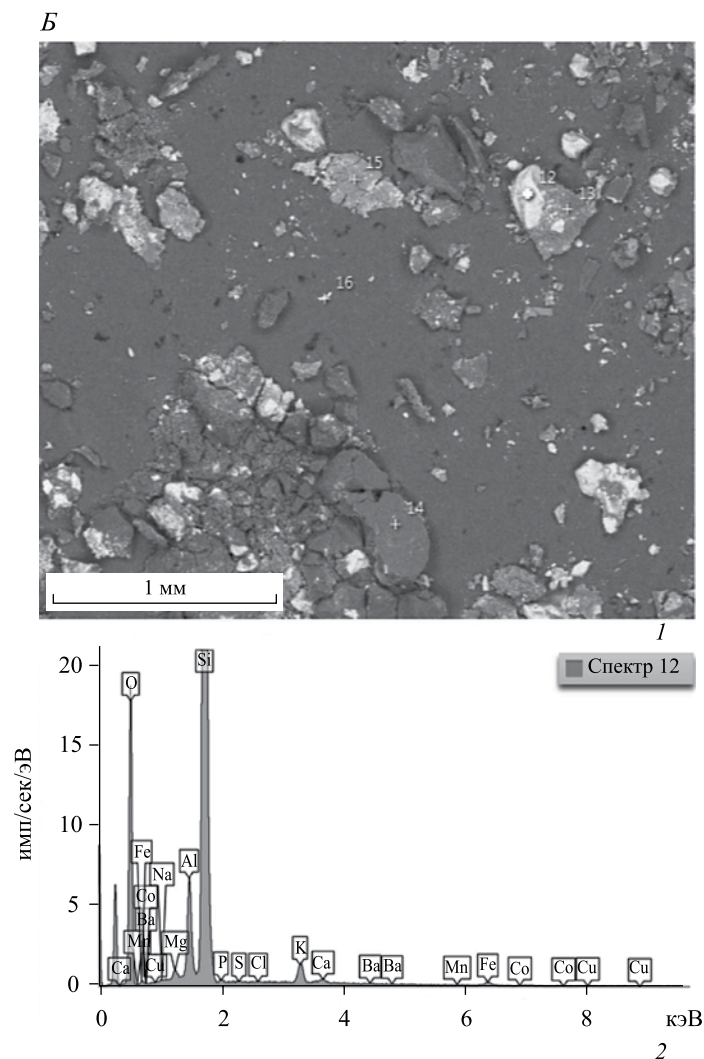

Рис. 4. Б – напыление С, таблица по оксидам, см. табл. 2.

Fig. 4. Б – deposition C, table of oxids, cf. Table 2

Таблица 2. Результаты микрозондового анализа (напыление С, рис. 4Б)

The results of the microprobe analysis (C deposition, Fig. 4B)

Элемент	Тип линии	Вес.%	Атом.%	Оксид	Вес.% оксида	Название эталона
O	К-серия	51.61	65.57			
Na		0.02	0.02	Na ₂ O	0.03	Albite
Mg		0.36	0.30	MgO	0.60	MgO
Al		3.66	2.76	Al ₂ O ₃	6.92	Al ₂ O ₃
Si		41.44	29.99	SiO ₂	88.65	SiO ₂
P		0.14	0.09	P ₂ O ₅	0.33	GaP
S		0.03	0.02	SO ₃	0.07	FeS ₂
Cl		0.03	0.02		0.00	NaCl
K		1.45	0.76	K ₂ O	1.75	KBr
Ca		0.30	0.15	CaO	0.41	Wollastonite
Mn	L-серия	0.03	0.01	MnO	0.04	Mn
Fe		0.67	0.24	FeO	0.86	Fe
Co		0.06	0.02	CoO	0.08	Co
Cu		0.07	0.02	CuO	0.09	Cu
Ba		0.12	0.02	BaO	0.14	BaF ₂
Сумма		100.00	100.00		99.97	

живица была нагрета до того, как оказалась в сфероконусе.

Назначение этого продукта не поддается однозначной трактовке. Идентификация живицы может рассматриваться и как аргумент в пользу “аптекарской” версии применения исследуемого сфероконического сосуда (вещество могло использоваться в качестве антисептика), но не исключает и любого другого хозяйственного назначения прошедшей термообработку живицы.

Использование сфероконических сосудов в медицинских целях было аргументировано М.В. Борзовым, хотя и в контексте ртутной версии хранения (1936. С. 60–66). Исследователь интерпретировал содержимое в самаркандском сфероконусе, разбитом из заседания Туркестанского кружка любителей археологии И. Пославским, как *спуск* — древний пластырь. По его мнению, ртутьсодержащие препараты использовались в Средней Азии для лечения кожных заболеваний, в частности, сифилиса. Кроме того, известны находки данной категории посуды в среднеазиатских бадрабах (туалетах) (Галиева, 2014. С. 79).

Смолы хвойных деревьев могли применяться в качестве ароматизаторов в банях, но, к сожалению, в Болгаре на сегодняшний день концентрация данных сосудов в банных комплексах не зафиксирована, но их скопления в банях известны в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. В 1981–1983 гг. специальный отряд Согдийской экспедиции, изучавший средневековый *хисар* (шахристан, посад) Самарканда, исследовал банные комплексы IX–XIX вв. на этой территории. В одной из бань X–XI вв. в проходной комнате, которая сообщалась с влажными помещениями, в завале около *суфы* (лежанки) найдено скопление сфероконусов, а также стеклянных и керамических ламп (*чирагов*). К сожалению, автор исследования Э.Ю. Бурякова не уточняет ни количество найденных сосудов, ни особенности их использования в банном комплексе, в котором, по ее мнению, имеются специальные резервуары без стока для различных ароматических настоев и растворов (Бурякова, 1986. С. 164).

Во время раскопок банных комплексов на территории южного рабада Отрара в бане № 2 помимо тазов обнаружено свыше трех десятков сфероконусов. К.М. Байпаков датирует материалы XI–XII вв. и, ссылаясь на Р.М. Джанполадян, предполагает, что они служили “для хранения и перевозки лечебных ртутных препаратов” (Байпаков, 1986. С. 144).

Археологические работы 2004–2008 гг. в Рамле выявили загадочную промышленную установку, которую авторы атрибутировали как алхимический “перегонный куб” (Gorzalczany, Rosen, 2010. Р. 168). Устройство представляет собой центральную емкость, которая связана керамическими трубами с еще четырьмя, располагавшимися вокруг (пятая не сохранилась). Внутри емкостей обнаружили металлические конусы, которые служили воронками для разлива жидкостей. Данный комплекс датируется VIII – началом IX в. Рядом с устройствами найдены фрагменты сфероконусов (Gorzalczany, Rosen, 2010. Р. 164, 171). Исследователи обращают внимание, что в непосредственной близости от этой установки, в 6 м севернее была исследована баня. Это позволяет высказать предположение, что продукция данного алхимического устройства, будь-то мази или бальзамы, могли доставляться в соседнюю баню (Gorzalczany, Rosen, 2010. Р. 172).

Об использовании сфероконических сосудов в алхимии неоднократно писали М. Аминджанова (1961) и Р.М. Джанполадян (1965, 1982), ими выявлена тесная связь между сфероконическими сосудами и аламбиками и высказано суждение, что сфероконусы были частью дистилляционного аппарата: “аламбик ставился на сосуд, в котором находилось исходное вещество, а носик аламбика соединялся с приемником. Сосуд с веществом нагревался на открытом пламени, пары поднимались в аламбик, соприкасались с куполом резервуара, охлаждались, и капли жидкости собирались в желобке и стекали через хоботок в приемник” (Джанполадян, 1965. С. 213, 214). По мнению Р.М. Джанполадяна, сфероконические сосуды могли служить как сосудами с исходным веществом, так и сосудами-приемниками. Однако находки сфероконусов вместе с аламбиками редки.

Основываясь на находках сфероконических сосудов и аламбиков-колпачков в домах горожан Нишапура IX–XI вв., Д. Крeгер предполагает их использование в домашнем производстве розовой воды, финикового вина или щербета, не исключая возможность применения тех и других сосудов в алхимической практике (Kröger, 1995. Р. 186–188).

Интересную картину показали археологические работы по изучению алхимической мастерской Билярского городища. На данный момент это единственный комплекс, где в одном очаге (№ 2) сфероконические сосуды были выявлены вместе с аламбиками (Valiulina, 2016. Р. 239). Предварительные результаты анализа

внутренних стенок сфероконусов из данной ма-стерской указывают на следы киновари.

В 2012 г. при раскопках большого зала хама-ма в Кубад Абаде³ (Турция) рядом обнаружено 11 сфероконических сосудов. Условия их находки указывали на вероятность использования в качестве контейнеров для хранения какого-то ду-шистого вещества, например розовой воды/масла и т.п. Для определения содержимого турецкими специалистами методами рентгеновской дифрак-ции и рентгенофлуоресцентного анализа иссле-дован один сфероконус, но полученные данные не позволили интерпретировать его функцио-нальное назначение (Çeken, 2013. Р. 351).

Исследованный сосуд из Болгара обнаружен на территории проживания довольно состоя-тельной прослойки населения, в квартале раз-мещались различные жилые и хозяйственные объекты. На основании изучения особенностей сохранности сосуда и остатков его содержимого (в том числе на основании данных электронной сканирующей микроскопии с энергодисперсион-ным микроанализом, рентгеновской дифракции и газовой и жидкостной хроматографии) можно полагать, что данный сфероконус использовался для хранения смолы хвойных деревьев, которая прошла высокотемпературную обработку. Даль-нейшее применение этой нагретой живицы оста-ется в области предположений — она могла иметь как любое хозяйственное, так и медицинско-кос-метическое назначение (хотя при нагревании це-лебные свойства живицы уменьшаются).

Таким образом, эпизод использования емкости, связанный с хранением смолы, соотносится с це-лой формой сосуда. Содержимого было немного по объему, оно могло быть влито как в свежем те-кучем, так и в нагретом виде и находилось внутри сфероконуса некоторое время, загустев в процес-се хранения. При его извлечении возникли труд-ности, сосуд могли положить на угли для нагрева, затем для облегчения слива содержимого горло было отбито, а на крае остались частицы, впи-тавшиеся в поры. Эта версия не исключает потен-циальной (хотя и невыразительной) возможности предшествующего использования целой формы для хранения других веществ, но их следы не ди-агностированы. Таковы основные наблюдения,

связанные с изучением бытования сфероконуса из Болгара. Следует подчеркнуть, что определе-ние и реконструкция особенностей использова-ния решались только в отношении конкретной находки и не могут быть перенесены на все ана-логичные сфероконические сосуды — универ-сальную для своей эпохи одноразовую посуду ма-лой емкости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аминджанова М.* О некоторых стеклянных сосудах Ма-вераннахра // История материальной культуры Уз-бекистана. Вып. 2. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1961. С. 241–255.
- Арциховский А.В.* Введение в археологию. 3-е изд., пере-раб. и доп. М.: Тип. ВПШ при ЦК ВКП(б), 1947. 219 с.
- Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Юж-ного Казахстана и Семиречья (VI — начало XIII в.). Алма-Ата: Наука, 1986. 254 с.
- Беговатов Е.А.* Торгово-ремесленные центры Волж-ской Булгарии на рубеже X–XI вв. (по материалам II Билярского селища) // Производственные цен-тры: источники, “дороги”, ареал распространения: тез конф. СПб., 2006. С. 7–9.
- Борзов М.В.* Проблема древности сифилиса в Средней Азии. Ташкент: Изд-во Узб. гос. НИИ венерологии и дерматологии, 1936. 126 с.
- Бурякова Э.Ю.* Раскопки бань на территории средневе-кового Самарканда // История материальной куль-туры Узбекистана. Вып. 20. Ташкент: Фан, 1986. С. 162–172.
- Валиулина С.И.* Стекло Волжской Булгарии (по мате-риалам Билярского городища). Казань: КГУ, 2005. 280 с.
- Виноградов З.З.* Сфероконические сосуды с узким гор-ловым отверстием // Казанский музейный вестник. 1922. № 2. С. 17–119.
- Волков И.В.* Химическая посуда в золотоордынских го-родах // 125 лет Обществу археологии, истории и эт-нографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Ч. 1: Археологические исследования. Ка-зань: КГУ, 2004. С. 137–160.
- Высоцкий Н.Ф.* Несколько слов о древностях Волжской Булгарии // Известия Общества археологии, исто-рии и этнографии. Т. 24, вып. 4. Казань: Унив. тип., 1908. С. 340–351.
- Вяткин В.Л.* Афрасиаб — городище бывшего Самаркан-да: археологический очерк. Самарканд: Главнаука, 1926. 65 с.
- Галиева З.С.* Типология керамических сфероконусов Средней Азии // РА. 2014. № 1. С. 75–87.

³ Кубад Абад (турец. Kubadabad Saray) — летняя резиден-ция, построенная для султана Ала ад-Дина Кей-Куба-да I (1220–1236), сельджукского правителя Конийского султаната. Дворец расположен на юго-западном берегу оз. Бейшехире в юго-западной части Центральной Ана-толии, чуть более чем в 100 км к западу от столицы сельджуков в Конье.

- Городцов В.А. Древние мусульманские светильники в виде сфероконических глиняных сосудов // Труды ГИМ. Вып. 1. М.: Сов. Россия, 1926. С. 149–164.
- Гюзальян Л.Т. Надписи на двух сфероконических сосудах из Байлакана // Палестинский сборник. № 13 (76). М.: Изд-во АН СССР, 1965. С. 166–170.
- Джанполадян Р.М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани // СА. 1958. № 1. С. 201–213.
- Джанполадян Р.М. Лабораторная посуда армянского аламбика // СА. 1965. № 2. С. 210–216.
- Джанполадян Р.М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1982. 50 с.
- Дмитров Л. До питання про загадкові сфероконічні суди, як запалювальні бомби XIII століття н.е. // Научные записки Ин-та истории и археологии Украины. Т. 1. Киев, 1941. С. 117–139.
- Казаринов В.А. Описание Билярских и Баранского городищ // Известия Об-ва археологии, истории и этнографии. Казань, 1882. № 3. С. 89–127.
- Кверфельд Е.К. Керамика Ближнего Востока. Л.: Тип. ГЭ, 1947. 146 с.
- Коваль В.Ю. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации) // РА. 1997. № 3. С. 94–113.
- Коваль В.Ю. Керамика Востока и Руси. Конец IX – XVII века. М.: Наука, 2010. 269 с.
- Кротков А.А. Сфероконические сосуды из Археологического отдела Саратовского государственного областного университета // Труды Нижне-Волжского областного научного об-ва. Т. 35 (1). Саратов, 1926. С. 51–66.
- Ленц Э. О глиняных сосудах с коническим дном, найденных в пределах мусульманского Востока // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 15, вып. 4. СПб.: Тип. Имп. АН, 1904. С. 0101–0115.
- Лихачев А.Ф. О загадочных сосудах сфероконической формы из Волжской Булгарии // Труды IV Археологического съезда. Вып. 1. Казань, 1884. С. 34–65.
- Лунин Б.В. К вопросу о функциональном назначении сфероконических сосудов в связи с одним рукописным источником XVI в. // История материальной культуры Таджикистана. Вып. 2. Душанбе: Изд-во АН УзССР, 1961. С. 255–266.
- Марафиев С.Ш., Москаленко Н.А. К вопросу о назначении симбокузача и генезисе циркульного орнамента // Материальная культура Таджикистана. Вып. 4. Душанбе: АН Тадж. ССР, 1987. С. 299–312.
- Март Н.Я. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. М.; Л.: ОГИЗ, 1934. 133 с.
- Нуретдинова А.Р. Сфероконические сосуды: проблема атрибуции // Уч. зап. Казанского ун-та. 2011. Т. 153, кн. 2. С. 51–62.
- Нуретдинова А.Р. Сфероконические сосуды Суварского городища. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 52 с.
- Орбели И.А. Каталог Анийского музея древностей. Вып. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1910. 136 с.
- Пожиданов В.М., Камаев А.В., Дэвлет Е.Г., Грешиников Э.А., Нуретдинова А.Р., Сивицкий М.В. Газохроматографическое исследование остатков содержимого средневекового сфероконического сосуда // Журнал аналитической химии. 2016. Т. 71, № 11. С. 1209–1212.
- Пославский И. О глиняных сосудах с коническим дном // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 10-й. Ташкент: Типо-литография В.М. Ильина, 1905. С. 5–18.
- Ситдинов А.Г., Бочаров С.Г., Валеев Р.Р., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Куликов А.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В. Раскоп СХСХVI // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск. Казань: Ин-т археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2015. С. 13–15.
- Тейх Н. Химический анализ содержимого в разбитом на заседании сосуде // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 10-й. Ташкент: Типо-литография В.М. Ильина, 1905. С. 18–19.
- Халиков А.Х. Сфероконические сосуды // Посуда Биляра. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1986. С. 72–83, 138–141.
- Хованская О.С. Гончарное дело города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 1. Москва: Изд-во АН СССР, 1954 (МИА; № 42). С. 358–359.
- Шакиров З.Г. Склад сфероконусов с Билярского II селища // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья: мат-лы II Халиковских чтений. Казань: Школа, 2002. С. 172–174.
- Çeken M. Kubad Abad Kazisinda bulunan bir grup kürevî konik kap // Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 2013. V. 53, № 2. P. 345–363.
- Chester G.J. On the Pottery and Glass Found in the Excavations // The Recovery of Jerusalem. A narrative of exploration and discovery in the city and the Holy Land. L.: Bentley, 1871. P. 479–481.
- Ghouchani A., Adle C.A. Sphero-Conical Vessels as Fuqqa'a or a Gourd for "Beer" // Mugarnas IX: An Annual on Islamic Art and Architecture. Leiden: Brill Acad. Publ., 1992. P. 72–92.
- Gorzalczyk A., Rosen B. A possible alchemist apparatus from the early Islamic period excavated at Ramla, Israel // Antiquo oriente. 2010. V. 8. P. 161–182.
- Kröger J. Nishapur: glass of the early Islamic period. N. Y.: Metropolitan Museum of Art, 1995. 256 p.
- Manucu-Adameşteanu G. Din nou despre vasele sferoconice în lumina descoperirilor din Nordul Dobrogei // Peuce.

- IX: rapoarte, cataloage, studii și note de istorie și arheologie. Tulcea, 1984. P. 363–374, 716–723.
- Pentz P. A medieval workshop for producing “Greek fire” grenades // *Antiquity*. 1988. V. 62, № 234. P. 89–93.
- Pozhidaev V., Kamaev A., Nuretdinova A., Kovalchuk M., Yatsishina E., Greshnikov E., Devlet E., Sivitskiy M. Identification of the residue in the bolgar medieval spheroconical vessel by gas chromatography–mass spectrometry // *Archeometry*. 2017. DOI: 10.1111/arc.12292. (In print).
- Sauley L.F. Note sur desprojectil es à main, creux et enterrecuies, de fabrication arabe // *Natural sciences in Islam*. Frankfurt am Main: Inst. for the History of Arabic-Islamic Science, The Johann Wolfgang Goethe Univ., 2002 (Technology of warfare. Texts and studies. Collected and reprinted; V. 5). P. 96–112.
- Valiulina S.I. Medieval Workshop of an alchemist, jeweler and glassmaker in Bilyar // *Památky archeologické*. 2016. № CVII. P. 237–278.

A RECONSTRUCTION OF A POSSIBLE USE OF A SPHEROCONICAL VESSEL FROM BOLGAR

Ekaterina G. Devlet*, Alsu R. Nuretdinova, Maksim V. Sivitskiy*****

* *Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*
(eketek@yandex.ru)

** *Kazan (Volga Area) Federal University, Russia*
(alsu.nuretdinova@rambler.ru)

*** *A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia (M1213@mail.ru)*

Spheroconical vessels have been studied for almost two centuries. Their specific shape generates diverse hypotheses of their function: they were treated as lamps, fire missiles, alchemic and medical-cosmetic containers, etc. This paper deals with the contents of a spheroconical vessel recovered from the excavations at Bolgar in 2013. Its neck is broken and the residue of its contents of dark brown, almost black colour can be seen on its inner wall while a burnt spot can be seen on the outer wall. The use of the vessel can be reconstructed; a small quantity of soft resin having thickened while held in storage was poured in it through the narrow neck. Later the contents was extracted probably after warming up the vessel lying on its side. Pouring out of a viscous substance left traces on the edge of the broken neck. The reconstruction is based on the analysis of stains and the data of scientific analyses enabling one to identify the dark substance as the heated soft resin of conifers. The number of intact spheroconical vessels is small and that of the items with reliably attributed contents even less. Up to this point the resin of conifers has never been encountered in spheroconical vessels. So the data acquired give an insight into their functions in medieval Islamic Orient.

Keywords: Volga Bulgaria, Golden Horde, Bolgar, spheroconical vessels.

REFERENCES

- Amindzhanova M.*, 1961. On some glass vessels of Maverannahr. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana [History of Material Culture of Uzbekistan]*, 2. Tashkent: Izd-vo AN Uz. SSR, pp. 241–255. (In Russ.)
- Artsikhovskiy A.V.*, 1947. Vvedenie v arkheologiyu [Introduction to Archaeology]. Moscow: Tip. VPSH pri TsK VKP(b). 219 p.
- Baypakov K.M.*, 1986. Srednevekovaya gorodskaya kul'tura Yuzhnogo Kazakhstana i Semirech'ya (VI – nachalo XIII v.) [Medieval urban culture of South Kazakhstan and Jetysu in the 6th–early 13th centuries AD]. Alma-Ata: Nauka. 254 p.
- Begovatov E.A.*, 2006. Trade and handicraft centres of the Volga Bulgaria at the turn of the 11th century (from the record of the II Bilar habitation site). *Proizvodstvennyye tsentry: istochniki, “dorogi”, areal rasprostraneniya: tezisy konf. [Production Centres: Sources, “Routes” and Areas. Abstracts of the Conference]*. St. Petersburg, pp. 7–9. (In Russ.)
- Borzhov M.V.*, 1936. Problema drevnosti sifilisa v Sredney Azii [The Problem of the Antiquity of Syphilis in Middle Asia]. Tashkent: Izd-vo Uzb. gos. NII venerologii i dermatologii. 126 p.
- Buryakova E. Yu.*, 1986. Excavations of bathhouses at present-day Samarkand. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana [The History of Material Culture of Uzbekistan]*, 20. Tashkent: Fan, pp. 162–172. (In Russ.)
- Çeken M.*, 2013. Kubad Abad Kazisinda bulunan bir grup kürevi konik kap. *Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi*, vol. 53, no. 2, pp. 345–363.
- Chester G.J.*, 1871. On the Pottery and Glass Found in the Excavations. *The Recovery of Jerusalem. A narrative of*

- exploration and discovery in the city and the Holy Land*. London: Bentley, pp. 479–481.
- Dmitrov L., 1941. On the issue of mysterious spherical vessels as incendiary bombs of the 13th century AD. *Nauchnye zapiski Instituta istorii i arkhologii Ukrainy [Transactions of the Institute of Archaeology and History of the Ukraine]*, 1. Kiev, pp. 117–139. (In Ukrainian)
- Dzhanpoladyan R.M., 1958. Spheroconical vessels from Dvin and Ani. *Sov. arkheol. [Sov. archaeol.]*, 1, pp. 201–213. (In Russ.)
- Dzhanpoladyan R.M., 1965. Laboratory ware of Armenian alambik. *Sov. Arkheol. [Sov. Archaeol.]*, 2, pp. 210–216. (In Russ.)
- Dzhanpoladyan R.M., 1982. Sferokonicheskie sosudy iz Dvina i Ani [Spheroconical Vessels from Dvin and Ani]. Erevan: Izd-vo AN Arm. SSR. 50 p.
- Galieva Z.S., 2014. Typology of ceramic spheroconical vessels from Middle Asia. *Ross. arkheol. [Russ. Archaeol.]*, 1, pp. 75–87. (In Russ.)
- Ghouchani A., Adle C.A., 1992. Sphero-Conical Vessels as Fuqqa'a or a Gourd for "Beer". *Mugarnas IX: An Annual on Islamic Art and Architecture*. Leiden: Brill Academic Publishers, pp. 72–92.
- Gorodtsov V.A., 1926. Early Moslem lamps in the shape of spheroconical clay vessels. *Trudy GIM [Transactions of the State Historical Museum]*, 1. Moscow: Sov. Rossiya, pp. 149–164. (In Russ.)
- Gorzalczany A., Rosen B., 2010. A possible alchemist apparatus from the early Islamic period excavated at Ramla, Israel. *Antiquo oriente*, 8, pp. 161–182.
- Guzal'yan L.T., 1965. Inscriptions on two spheroconical vessels from Baylakan. *Palestinskiy sbornik [Palestinian Collection of Papers Палестинский сборник]*, 13 (76). Moscow: Izd-vo AN SSSR, pp. 166–170. (In Russ.)
- Kazarinov V.A., 1882. The description of of the Bilyar and Baranskoe sites. *Izvestiya Ob-va arkheologii, istorii i etnografii [Proceed. of the Society of Archaeology, History and Ethnography]*. Kazan', 3, pp. 89–127. (In Russ.)
- Khalikov A. Kh., 1986. Spheroconical vessels. *Posuda Bilyara [Houseware of Bilyar]*. Kazan': IYaLI im. G. Ibragimova Kaz. filiala AN SSSR, pp. 72–83, 138–141. (In Russ.)
- Khovanskaya O.S., 1954. Pottery-making of the city of Bolgar. *Trudy Kuybyshevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii*, 1. Moscow: Izd-vo AN SSSR, pp. 358–359. (MIA, 42). (In Russ.)
- Koval' V. Yu., 1997. Oriental pottery in medieval Moscow (an attempt at systematization). *Ross. arkheol. [Russ. archaeol.]*, 3, pp. 94–113. (In Russ.)
- Koval' V. Yu., 2010. Keramika Vostoka i Rusi. Konets IX – XVII veka [Pottery of Orient and Russia of the late 9th–17th centuries]. Moscow: Nauka. 269 p.
- Krotkov A.A., 1926. Spheroconical vessels from the Archaeological Department of Saratov State Oblast University. *Trudy Nizhne-Volzhskogo oblast. nauchnogo ob-va [Transactions of the Lower Volga Oblast Scholarly Society]*, 35 (1). Saratov, pp. 51–66. (In Russ.)
- Kröger J., 1995. Nishapur: glass of the early Islamic period. New York: Metropolitan Museum of Art. 256 p.
- Kverfel'd E.K., 1947. Keramika Blizhnego Vostoka [Pottery of the Near East]. Leningrad: Tip. GE. 146 p.
- Lents E., 1904. Clay vessels with a conical bottom found in Moslem Orient. *Zapiski Vostochnogo otdel. Imperat. Russ. arkheol. ob-va [Transactions of the Oriental Branch of the Russian Imperial Archaeological Society]*, vol. 15, iss. 4. St. Petersburg: Tip. Imp. AN, pp. 0101–0115. (In Russ.)
- Likhachev A.F., 1884. On mysterious vessels of spheroconical shape from the Volga Bulgaria. *Trudy IV Arkheologicheskogo s"ezda [Transactions of the 4th Archaeological Congress]*, 1. Kazan', pp. 34–65. (In Russ.)
- Lunin B.V., 1961. Anent the function of spheroconical vessels in connection with a sixteenth-century AD manuscript source. *Istoriya material'noy kul'tury Tadzhikistana [History of Material Culture of Tajikistan]*, 2. Dushanbe: Izd-vo AN Uzb. SSR, pp. 255–266. (In Russ.)
- Manucu-Adameşteanu G., 1984. Din nou despre vasele sferoconice în lumina descoperirilor din Nordul Dobrogei. *Peuce IX: rapoarte, cataloage, studii şi note de istorie şi arheologie*. Tulcea, pp. 363–374, 716–723.
- Marafiev S. Sh., Moskalenko N.A., 1987. Anent the purpose of the *simobkusach* and the genesis of the compasses decoration. *Material'naya kul'tura Tadzhikistana [Material Culture of Tajikistan]*, 4. Dushanbe: AN Tadzh. SSR, pp. 299–312. (In Russ.)
- Marr N. Ya., 1934. Ani. Knizhnaya istoriya goroda i raskopki na meste gorodishcha [Ani. The Written History of the City and the Excavations of its Site]. Moscow; Leningrad: OGIZ. 133 p.
- Nuretdinova A.R., 2011. Spheroconical vessels: The case of attribution. *Uchenye zapiski Kazanskogo univ. [Memoirs of Kazan Univ.]*, vol. 153, book. 2, pp. 51–62. (In Russ.)
- Nuretdinova A.R., 2015. Sferokonicheskie sosudy Suvar'skogo gorodishcha [Spheroconical Vessels of the Suvara Settlement]. Kazan': Izd-vo Kazan. univ. 52 p.
- Orbeli I.A., 1910. Katalog Aniyskogo muzeya drevnostey [Catalogue of the Ani Museum of Antiquities], 1. St. Petersburg: Tip. Imp. AN. 136 p.
- Pentz P., 1988. A medieval workshop for producing "Greek fire" grenades. *Antiquity*, vol. 62, no. 234, pp. 89–93.
- Poslavskiy I., 1905. On clay vessels with a conical bottom. *Protokoly zasedaniy i soobshcheniya chlenov Turkestanskogo kruzhka lyubiteley arkheologii. God 10-y [Minutes of Sessions and Papers Read by the Members of the Turkestan Circle of Amateurs of Archaeology]*. Tashkent: Tipografiya V.M. Il'ina, pp. 5–18. (In Russ.)
- Pozhidaev V., Kamaev A., Nuretdinova A., Kovalchuk M., Yatsishina E., Greshnikov E., Devlet E., Sivitskiy M., 2017. Identification of the residue in the Bolgar medieval spheroconical vessel by gas chromatography–mass spectrometry. *Archeometry*. DOI: 10.1111/arc. 12292. (In print)

- Pozhidaev V.M., Kamaev A.V., Devlet E.G., Greshnikov E.A., Nuretdinova A.R., Sivitskiy M.V., 2016. Gas-chromatographic study of the residue in a medieval sphericonical vessel. *Zhurnal analiticheskoy khimii [Journal of Analytical Chemistry]*, vol. 71, № 11, pp. 1209–1212. (In Russ.)
- Saulcy L.F., 2002. Note sur des projectiles à main, creux et en terre cuite, de fabrication arabe. *Natural sciences in Islam*. Frankfurt am Main: Inst. for the History of Arabic-Islamic Science, The Johann Wolfgang Goethe Univ., pp. 96–112. (Technology of warfare. Texts and studies. Collected and reprinted, 5).
- Shakirov Z.G., 2002. A store of sphericonicals from the Bilyar II settlement. *Problemy drevney i srednevekovoy istorii Srednego Povolzh'ya: materialy II Khalikovskikh chteniy [Issues of Early and Medieval History of the Middle Volga Area: Proceed. of the 2nd Khalikov Conference]*. Kazan': Shkola, pp. 172–174. (In Russ.)
- Sitdikov A.G., Bocharov S.G., Valeev R.R., Masyuta D.A., Iozhitsa D.V., Kulikov A.V., Lesnaya E.S., Yavorskaya L.V., 2015. Excavation area CXCVI. *Arkheologicheskie issledovaniya 2014 g.: Bolgar i Sviyazhsk [Archaeological Investigations in 2014: Bolgar and Sviyazhsk]*. Kazan': In-t arkheol. im. A. Kh. Khalikova AN RT, pp. 13–15. (In Russ.)
- Teykh N., 1905. Chemical analysis of the residue in the vessel smashed at the session. *Protokoly zasedaniy i soobshcheniya chlenov Turkestanskogo kruzhka lyubiteley arkheologii. God 10-y [Minutes of Sessions and Papers Read by the Members of the Turkestan Circle of Amateurs of Archaeology]*. Tashkent: Tipo-litografiya V.M. Il'ina, pp. 18–19. (In Russ.)
- Valiulina S.I., 2005. Steklo Volzhskoy Bulgarii (po materialam Bilyarskogo gorodishcha) [Glass of the Volga Bulgaria from the Record of the Bilyar Settlement]. Kazan': KGU. 280 p.
- Valiulina S.I., 2016. Medieval Workshop of an alchemist, jeweler and glassmaker in Bilyar. *Památky archeologické, CVII*, pp. 237–278.
- Vinogradov Z.Z., 1922. Sphericonical vessels with a narrow neck aperture. *Kazanskiy muzeynyy vestnik [The Kazan Museum Bulletin]*, 2, pp. 17–119. (In Russ.)
- Volkov I.V., 2004. Chemical ware in the Golden Horde Cities. *125 let Ob-vu arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom univ.. Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya Volgo-Ural'skogo regiona [125 Years of the Society of Archaeology, History and Ethnography Attached to Kazan Univ. Issues of the Historical-Cultural Development of the Volga-Urals Region]*, 1. *Arkheologicheskie issledovaniya [Archaeological Investigations]*. Kazan': KGU, pp. 137–160. (In Russ.)
- Vyatkin V.L., 1926. Afrasiab – gorodishche bylogo Samarkanda: arkheologicheskiy ocherk [Afrasiab, the Site of Former Samarkand. An Archaeological Essay]. Samarkand: Glavnauka. 65 p.
- Vysotskiy N.F., 1908. Some words about the Volga Bulgaria antiquities. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii [Proceed. of the Society of Archaeology, History and Ethnography]*, vol. 24, iss. 4. Kazan': Univ. tip., pp. 340–351. (In Russ.)

О РАССЕЛЕНИИ РАННИХ СЛАВЯН НА ВОСТОК В РИМСКОЕ ВРЕМЯ

© 2017 г. А.М. Обломский

Институт археологии РАН, Москва, Россия (oblomsky_a@rambler.ru)

Поступила в редакцию 22.09.2015 г.

В статье рассмотрены культурные группы раннеславянского населения I–IV вв. в лесостепной части территории, лежащей между долиной р. Дон с ее ближайшими притоками и Волгой. На начальном этапе (середина I – II в.) в регион проникли группировки позднезарубинецкого населения с востока Днепровского Левобережья и из бассейна Северского Донца. Не исключено, что возникшая в результате этого расселения в бассейне р. Хопёр культурная группа типа Шапкино–Инясево распространялась на восток вплоть до Волги. Памятники инясевского круга существовали до второй половины III в. Что стало с этой группой населения затем – неясно.

Вполне вероятно, что в конце II – первой половине III в. лесостепная часть долины р. Дон с ближайшими притоками также была занята населением, родственным позднезарубинецкому или раннему киевскому, но эта тема требует специального исследования.

Новая культурная группа на Дону – памятники типа Каширки–Седелок – формируется во второй трети – середине III в. В Подонье проникает население из ареала черняховской культуры, в составе которого преобладает раннеславянский компонент – черняховские древности киевской традиции лесостепного Поднепровья. На большинстве поселений этой группы наблюдаются следы пожаров. Вероятно, она прекращает свое существование в результате походов готов на восток.

Ключевые слова: ранние славяне, памятники типа Шапкино–Инясево, памятники типа Каширки–Седелок, римское время, лесостепная часть территории, лежащей между долиной р. Дон с ее ближайшими притоками и Волгой.

В 1994 г. Р.В. Терпиловский опубликовал статью “Праславянские памятники Восточной Европы: перспективы поиска”, в которой поставил вопрос о возможности проникновения отдельных групп носителей киевской культуры и родственного им населения за ее пределы. Предлагаемая вниманию читателя работа фактически является ее продолжением. В ней рассмотрены группировки раннеславянского населения I–IV вв. в лесостепной части территории, лежащей между долиной р. Дон с ее ближайшими притоками и Волгой.

Позднезарубинецкий и раннекиевский периоды (середина – третья четверть I – середина III в.). К начальному этапу проникновения ранних славян к востоку от бассейна Северского Донца относятся памятники типа Шапкино–Инясево или инясевского типа, выделенные А.А. Хрековым в 1994 г. (1994; 1997а). Они локализуются в лесостепном течении р. Хопёр при впадении в него р. Ворона и в нижнем течении р. Ворона. В настоящее время раскопками исследовано семь памятников этой культурной группы (Хреков, 1995; 1998; 1999; 2006; 2008а; 2010; Мулкиджанян, 1998; Памятники..., 2007. С. 106–109) (рис. 1).

Большинство из них представляют собой селища. Известен один могильник с сожжениями (Инясево, семь погребений). Два памятника трактуются как культовые места (Рассказань-3 и Шапкино-2), еще на двух (Подгорное, Борисоглебское-4) выявлены так называемые культовые объекты. Отмечу, что их определение как культовых вызывает у меня сомнение. Авторы раскопок считают культовыми ямы с ошлакованной керамикой, отдельными кальцинированными косточками и золой либо просто ямы с золой, углем и керамикой, проводя параллели с могильниками киевской культуры (Памятники..., 2007. С. 106–108; Хреков, 2008б. С. 301). При этом определение кальцинированных костей антропологами не проводилось. Не понятно, были они человеческими или принадлежали животным. Не исключено, что так называемые культовые ямы представляли собой свалки бытового мусора на хозяйственных участках поселений.

Построено обнаружено всего две – на поселении Шапкино-2 – подпрямоугольные полуземлянки. Размеры одной без следов очага – 3,8 × 2,77 м, другой – 4,6 × 4 м с ямками от столбов вдоль одного

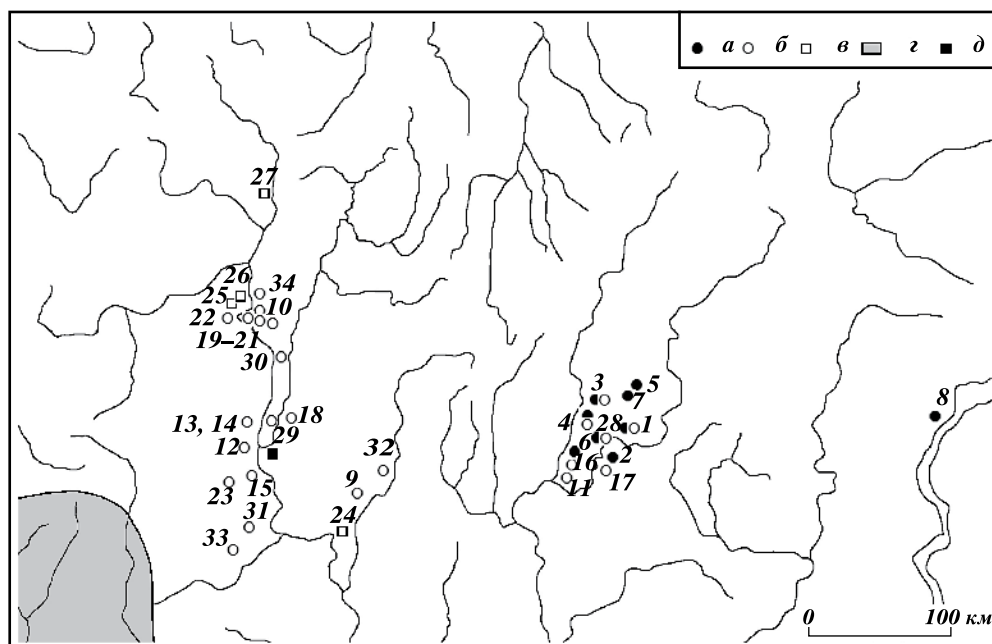

Рис. 1. Памятники середины I – середины III в. 1 – Инясево; 2 – Рассказань-3; 3 – Шапкино-1; 4 – Шапкино-2; 5 – Подгорное; 6 – Борисоглебское-4; 7 – Разнобрычка; 8 – Алексеевское городище; 9 – Бобровский р-он Воронежской обл.; 10 – Замятино-5; 11 – Нижний Карачан; 12 – Семилуки; 13–14 – Губарево–Терновое; 15 – Большое Сторожевое; 16 – Борисоглебск; 17 – Пески; 18 – оз. Улуково; 19 – Ксизово-18; 20 – Ксизово-17; 21 – Ксизово-19; 22 – Мухино; 23 – Сторожевое; 24 – Журавка (Лукьянчиков); 25 – Замятино – Юрьево; 26 – Паниковец Задонского р-она; 27 – Лебедянский р-он Липецкой обл.; 28 – Богатырка; 29 – Животинное; 30 – Конь-Колодезь; 31 – Труд; 32 – Аннинский р-он Воронежской обл.; 33 – Медвежье Колено; 34 – Нижнее Казачье-10. Условные обозначения: а – памятники типа Шапкино–Инясево; б – находки вещей с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля; в – клады вещей с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля; г – позднерубинские памятники типа Терновки; д – поселение Шилово.

Fig. 1. Sites of the mid-1st – the mid-3rd centuries AD.

из краев котлована и очагом в неглубокой яме (Хреков, 1995. С. 3, 4; 1999. С. 75, 76).

Лепная керамика делится на грубую со следами заглаживания пальцами или щепкой на поверхности, преимущественно, с крупным шамотом в тесте и лощеную с мелкими примесями. Доля последней на памятниках колеблется от 0.5–4.8 в Борисоглебском-4 до 13.1% в Рассказани.

Кухонные горшки, как правило, неорнаментированы. Лишь изредка встречаются насечки и вдавления по краям венчиков.

Набор груболепных сосудов наиболее полно изучен для поселений Рассказань-3 и Борисоглебское-4. Сосуды представлены корчагами и горшками. Формы их разнообразны: закрытые и открытые сильно- и слабопрофилированные округлобокие (рис. 2, 1–7), а также ребристые разной профилировки¹ (рис. 2, 8–11, 13, 14). Специ-

фическими для указанных памятников являются округлобокие горшки и корчаги с сильно суженной нижней частью (рис. 2, 1, 3, 4) (Хреков, 2010. Рис. 15, 1; Памятники..., 2007. Рис. 111, 1–3, 7). Встречены также плоские диски (рис. 2, 12).

Соотношение форм в рамках набора показано в табл. 1. На первом месте находятся закрытые округлобокие сильнопрофилированные сосуды с изогнутым отогнутым наружу венчиком таксона I, 1, а, а (рис. 2, 1, 3–5), на втором – закрытые округлобокие горшки с дугой неопределенной формы в верхней части профиля (она может быть слегка выпуклой или почти прямой) таксона I, 3-а (рис. 2, 7), на третьем – ребристые с отогнутым наружу венчиком, вогнутой дугой в верхней части профиля и прямыми или слегка вогнутыми стенками в нижней – II, 1 (рис. 2, 11, 13, 14). Ребристых сосудов, в целом, довольно много – от 16 до 31%. Также высока доля дисков – до 14%.

Преобладает сильнопрофилированная посуда. Доля сосудов, у которых венчик по отношению к участку между шейкой и наибольшим расширением тулова отогнут на угол, меньший 150°,

¹ Для классификации сосудов по формам использована система, опубликованная: Обломский, Терпиловский, 1991. С. 14–16; Обломский, 1991. С. 35–37. Табл. II; 2002. С. 7, 8; Табл. I. Рис. 2; 2004а. С. 148. Табл. I. Рис. 134.

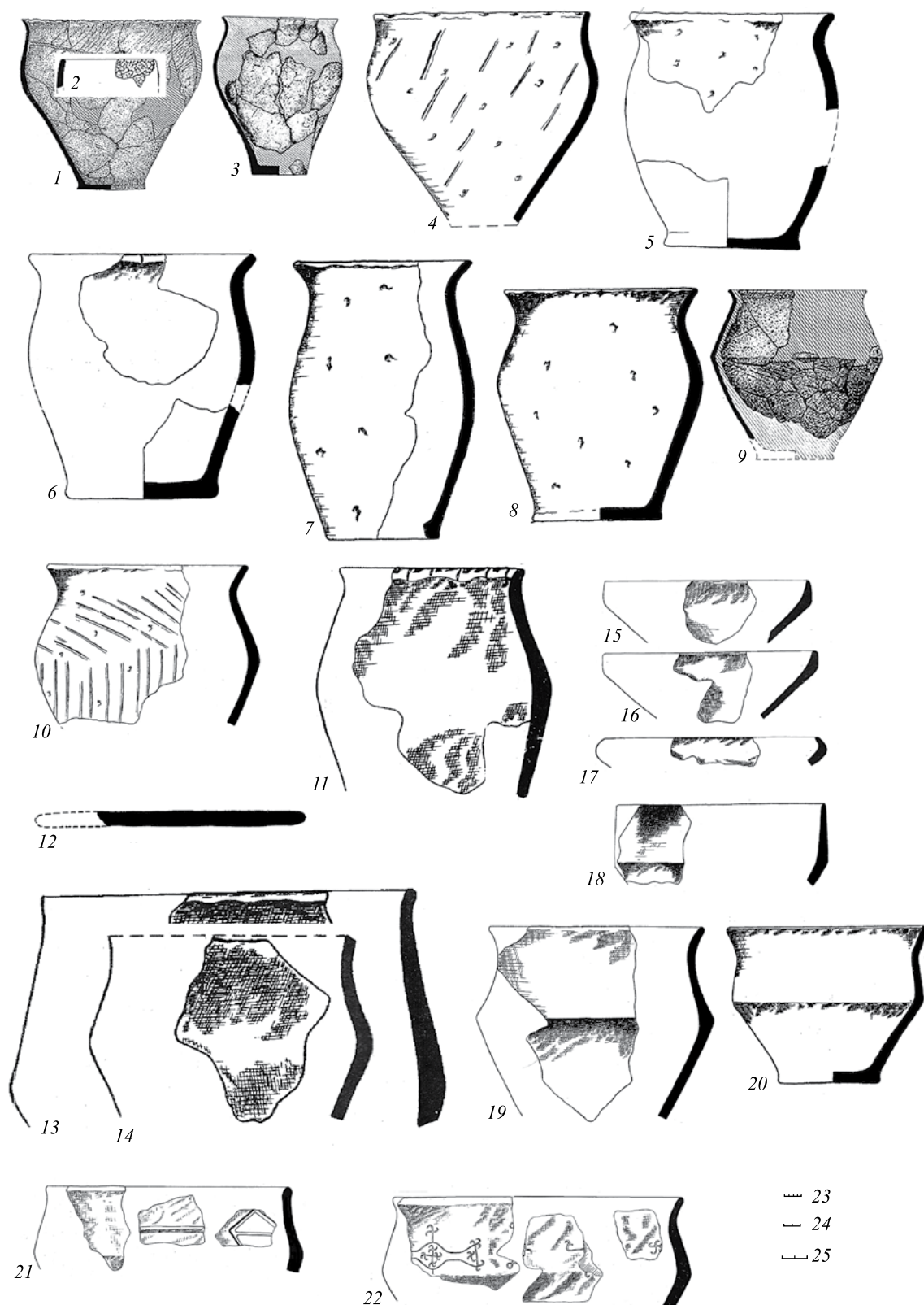

Рис. 2. Лепная керамика памятников типа Шапкино–Инясево. 1–14 – груболепная; 15–19, 21, 22 – лепная лошенная; 20 – лепной подлощенный сосуд; 1–3, 9 – Борисоглебское-4; 4–8, 10, 12, 18–20 – Рассказань-3; 11, 21, 22 – Шапкино-2; 13–17 – Шапкино-1. Масштабы: 23 – к позициям 1–3, 9; 24 – к позиции 4; 25 – к позициям 5–8, 10–22. 1–3, 9 – рисунки Я.П. Мулкиджаняна; 4–8, 10–22 – А.А. Хрекова.

Fig. 2. Handmade pottery from the sites of the Shapkiño–Inyasevo type.

Таблица 1. Набор сосудов памятников типа Шапкино–Инясево (по публикациям)**Table 1.** Set of vessels from the sites of the Shapkino–Inyasevo type from publications

Поселения								
Рассказань-3			Борисоглебское-4			Шапкино-1, -2, Разнобрычка, Подгорное (суммарно)		
Таксон	Количество	%	Таксон	Количество	%	Таксон	Количество	%
I, 1, а, а	15	35	I, 1, а, а	8	31	I, 1, а, а	11	31
I, 1, а, б	2	4	—	—	—	—	—	—
—	—	—	I, 2	1	4	—	—	—
I, 3-а	9	18	I, 3-а	4	15	I, 3-а	8	23
I, 3-б	2	4	—	—	—	—	—	—
I, 4, а	3	6	I, 4, а	3	12	I, 4, а	4	11
I, 4, б	1	2	I, 4, б	1	4	—	—	—
II, 1	7	14	II, 1	4	15	II, 1	6	17
II, 2, а	1	2	II, 2, а	2	8	II, 2, а	5	14
Диски	7	14	Диски	3	12	Диски	1	3

составляет в целом по памятникам бассейна Хопра 76%.

Лощеная посуда памятников Прихоперьа представлена четырьмя основными формами: низкими округлобокими мисками с загнутыми внутрь венчиками — таксон I, 1 (рис. 2, 17) (Хреков, 1998. Рис. 4, 4), низкими ребристыми мисками с прямым вертикальным или наклоненным внутрь краем — II, 3 (рис. 2, 15, 16, 18) (Хреков, 1998. Рис. 4, 2, 3; 2010. Рис. 27, 3), высокими ребристыми мискообразными сосудами как с зигзагообразной линией профиля — III, 3, б (рис. 2, 20, 22) (Памятники..., 2007. Рис. 118; Хреков, 1999. Рис. 6, 1; 2010. Рис. 11, 6; 15, 3), так и с вогнутой дугой на участке профиля от венчика до ребра — III, 4 (рис. 2, 19) (Хреков, 1998. Рис. 4, 1; 1999. Рис. 5, 2; 2010. Рис. 5, 1; 12, 3; 16, 1; 19, 4; 26, 1; 27, 1; Мулкиджанян, 1998. Рис. 5, 16). Встречены также мелкие обломки лощеных округлобоких горшков. Лощеная керамика, как правило, не орнаментирована, тем не менее на поселении Шапкино-2 на некоторые миски до обжига были нанесены композиции из свастик, вписанных в ромбы и треугольники, пояс из ногтевых отпечатков (Хреков, 1999. Рис. 6, 1–5) (рис. 2, 21, 22). Один из сосудов с поселения Рассказань-3, форму которого восстановить невозможно, орнаментирован круглыми ямками в сочетании с треугольными в сечении валиками (Хреков, 2010. Рис. 10, 5–9).

Кроме лепной, на некоторых памятниках встречены фрагменты гончарных столовых сосудов, по-видимому, представляющих собой импорт из Северного Причерноморья, включая Нижнее Подонье, или с Северного Кавказа. В Борисоглебском-4 их доля составляет 0.7–0.8% (Памятники..., 2007. С. 107).

А.А. Хреков указывает на сходство керамического комплекса памятников типа Инясево, с одной стороны, и позднезарубинецких и ранних киевских древностей Днепровского лесостепного Левобережья, с другой, подчеркивая при этом, что материалы Прихоперьа отличаются своеобразием (1994. С. 55, 56; 1997а. С. 334, 335).

В позднезарубинецкий период на востоке Днепровского Левобережья и в бассейне Северского Донца распространяются памятники типа Картамышево–Терновки. Груболепная посуда, как правило, содержит примесь крупного шамота в тесте. Сосуды (горшки и корчаги) орнаментированы в основном вдавлениями и насечками по венчикам, причем к западу от водораздела Днепра и Дона на поселениях круга Картамышево доля кухонной керамики с орнаментами выше, чем на востоке ареала на памятниках типа Терновки (Обломский, 2010а. С. 57–59).

Из форм груболепных горшков преобладают закрытые округлобокие сосуды таксона I, 1, а, а (рис. 3, 1, 7, 8, 15, 16). Изредка встречаются близкие по профилировке, но открытые формы таксона I, 1, а, б и сосуды не с изогнутым, а с прямым вертикальным венчиком таксона I, 1, б. Сравнительно широко распространены и закрытые округлобокие горшки таксона I, 3-а (рис. 3, 2, 4, 9, 11, 18), встречаются и открытые сосуды подобной профилировки — так называемые тюльпановидные — таксона I, 3-б (рис. 3, 10, 12, 19), редки баночные с гладким верхним краем или с небольшим бордюром на нем — I, 4 (рис. 3, 3). Из ребристых горшков наиболее часты сосуды таксона II, 1 (рис. 3, 5, 6, 20, 21), а также формы похожей профилировки, но с прямой линией между шейкой и плечом — таксона II, 2, а. На памятниках типа

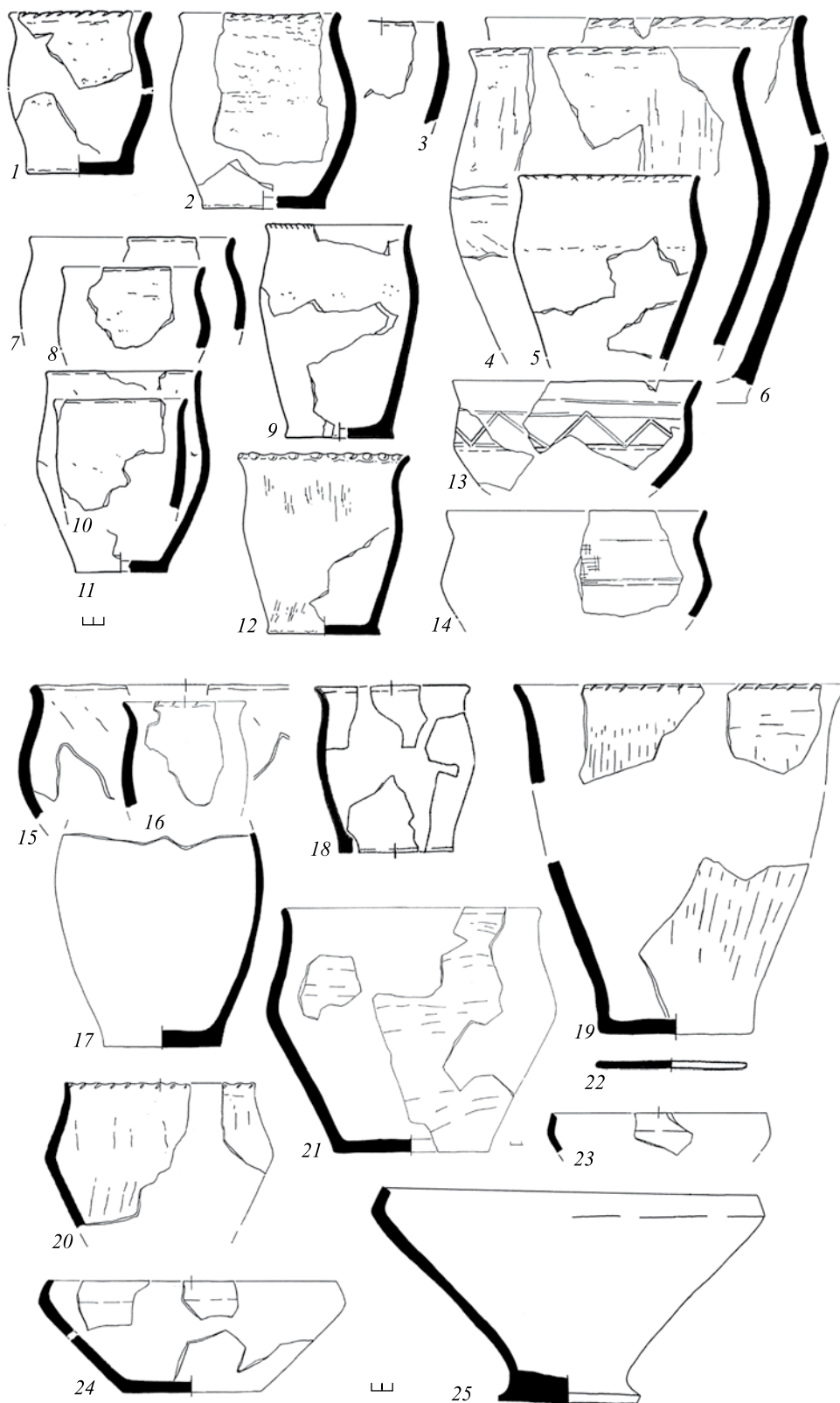

Рис. 3. Лепная керамика памятников типа Картамышево–Терновки. 1–12, 15–22 – груболепная керамика; 13, 14, 23–25 – лепная лощеная керамика; 1–14 – группа Картамышево; 15–25 – группа Терновки. 1, 3, 7, 8, 10 – Бельск; 2, 4, 6, 12–14 – Картамышево-2; 5, 9, 11 – Солдатское-5; 15, 17, 20, 23, 24 – Колесники; 16, 19, 21 – Родной Край-1; 22 – Приоскольское-1; 25 – Новоодоновка-1. 1–14 – рисунки Р.В. Терпиловского; 15–25 – А.М. Обломского.

Fig. 3. Handmade pottery from the sites of the Kartamyshevo–Ternovka type.

Терновки доля ребристых сосудов составляет в целом 15%, типа Картамышево — 24–25%. В ареале древностей типа Терновки встречаются диски (рис. 3, 22), которые практически отсутствуют на поселениях круга Картамышево.

Как и в Прихоперье, на востоке Днепровского Левобережья и в бассейне Северского Донца среди груболепной преобладает сильнопрофилированная керамика. Общая ее доля составляет 66%.

Лепные лощеные горшки единичны. Чаще всего встречаются миски, которые имеют локальную тенденцию распространения.

На памятниках типа Картамышево-2 редки чашеобразные миски таксона I,1, низкие ребристые форм III, 3, а и III,1, наиболее широко распространены высокие ребристые формы таксонов III, 3, 6 и III, 4 (рис. 3, 13, 14). Иногда высокие миски на участке между шейкой и бочком украшаются поясом прочерченных по поверхности зигзагов, элементов меандра, вертикальных полос со штриховкою и свастик разной степени сложности.

На памятниках типа Терновки распространены низкие ребристые миски таксонов II, 3 и III, 2, а (рис. 3, 23–25), которые имеют относительно короткие венчики. Довольно часто встречаются и округлобокие миски I, 1.

Таким образом, между керамическими комплексами позднезарубинецких памятников востока Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца, с одной стороны, и Прихоперья, — с другой, наблюдается несомненное сходство, но не тождество. Своеобразие памятников типа Шапкино–Инясево заключается в комбинации деталей оформления сосудов, которые в раннеримское время специфичны для более западных древностей типа Картамышево и для более восточных — типа Терновки. Наиболее отчетливо это прослеживается в наборе лощеной керамики памятников Прихоперья: на них наблюдается сочетание западных мискообразных сосудов (в том числе и с выгравированной орнаментацией) и восточных низких мисок. В Прихоперье, очевидно, произошло смешение групп населения, проникших в регион как из бассейна Северского Донца, так и с востока Днепровского Левобережья.

Достоверные данные о погребальном обряде на территории Прихоперья имеются только для Инясево — могильника с кремациями. Погребения своеобразны и находят определенные параллели в зарубинецкой культуре (Памятники..., 2007. С. 25, 108, 109. Рис. 113–118).

Хронология древностей типа Шапкино–Инясево определяется по набору лощеной посуды и датирующим вещам. Миски с низкими прямыми или загнутыми внутрь ребрами типичны для позднезарубинецких древностей круга Терновки бассейна Северского Донца (середина–вторая половина I — II в.) и синхронных им материалов сарматского времени Верхнего Подонья и Поволжья (Обломский, 2010а. С. 59; Медведев, 1987. Рис. 96; Сташенков, 2005. С. 19, 20; Скрипкин, 1984. С. 30). Высокие мискообразные сосуды с зигзаговидным профилем в раннеримское время характерны для позднезарубинецких поселений типа Картамышево востока Днепровского Левобережья и памятников ранней стадии киевской культуры (первая половина III в.) (Обломский, 2005. С. 32–34; Памятники..., 2007. С. 41). Высокие миски с вогнутой дугой от венчика до ребра появляются около финала позднезарубинецкого периода, распространены на ранней стадии киевской культуры, но известны и позднее — в древностях киевской традиции черняховского круга вплоть до гуннского времени (Терпиловский, Абашина, 1992. С. 57; Обломский, 2010а. С. 58, 59; Памятники..., 2007. С. 30), в том числе и на памятниках типа Каширки–Седелок и Чертовицкое–Замятино в Верхнем Подонье. Необходимо отметить, что в целом набор мисок на памятниках лесостепного Прихоперья по сочетанию форм сложился под влиянием традиций позднезарубинецкого и раннекиевского населения Днепровского лесостепного Левобережья.

На территории лесостепного Прихоперья отмечены находки восточноевропейских украшений с выемчатыми эмалями раннего (вторая половина II — начало III в.) и развитого (конец II — середина–вторая половина III в.) стиля, а также этапа деградации (середина III — IV в.) (Памятники..., 2007. С. 123–141; Акимов, Ененко, 2012. Рис. 3, 1а, 1б). Непосредственно на памятниках инясевского типа также найдены вещи этого культурного круга (рис. 4, 1–8, 15, 16). Из них к раннему этапу эволюции эмалевого стиля относится маленькая лунница, происходящая с поселения Шапкино-1 (рис. 4, 16), к среднему — накладка из Нижнего Карачана (рис. 4, 7), к позднему — большая лунница из Нижнего Карачана (рис. 4, 8). Прочие вещи характерны для убора украшений с эмалями в целом. Типична для комплексов украшений с эмалями (например, для Брянского и Мощинского кладов) параллелепипедная бусина из глухого красного стекла с поселения Шапкино-1 (Хреков, 1998. Рис. 5, 4; Ахмедов и др., 2015. С. 154).

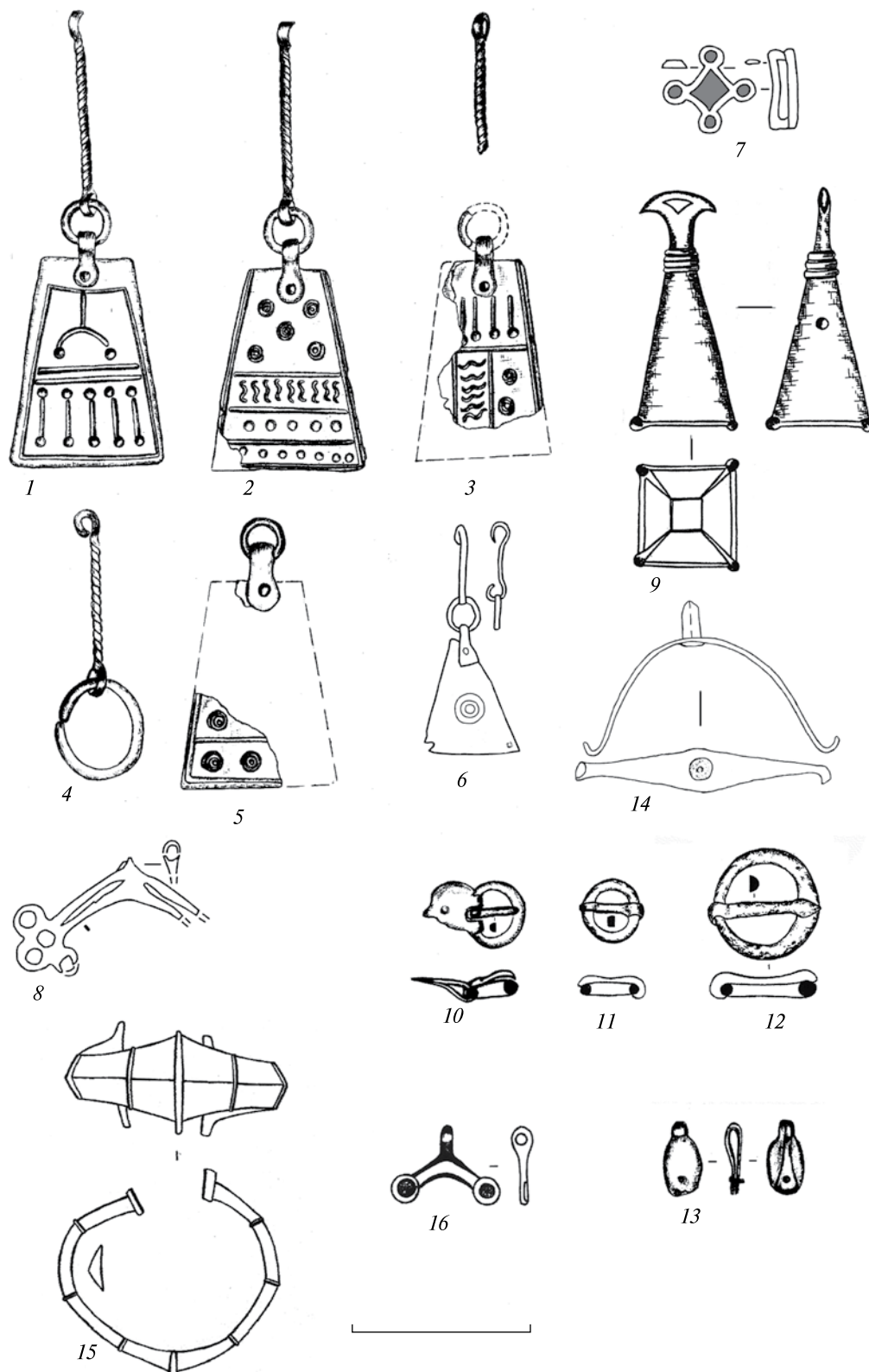

Рис. 4. Датирующие вещи памятников типа Шапкино–Инясево. 1–5, 10–13 – Инясево; 6–8 – Нижний Карачан; 9 – Шапкино-2; 14 – Разнобрычка; 15 – Богатырка; 16 – Шапкино-1. 1–6, 8–10, 13, 15 – бронза; 7, 16 – бронза и красная эмаль; 11, 12, 14 – железо. 1–5, 9–16 – рисунки А.А. Хрекова; 6–8 – А.М. Обломского.

Fig. 4. Dating artifacts from the sites of the Shapkiно–Inyasevo type.

Из могильника Инясево происходит серия пряжек, среди которых показателен экземпляр типа Па по В.Ю. Малашеву с выступом на тыльной стороне язычка (рис. 4, 10). Суммарно по В.Ю. Малашеву такие пряжки датируются началом – второй половиной III в., выступ на язычке появляется во второй половине III в. (Памятники..., 2007. С. 42, 43. Рис. 115, 6).

На поселении Разнобрычка найдена железная шпора (рис. 4, 14) (Хреков, 2006. Рис. 1, 3). Подобные шпоры датируются широко. Наиболее ранний экземпляр происходит с позднезарубинецкого поселения Ездочное, известна такая шпора на селище киевской культуры Александровка-1 (гуннское время). В лесной зоне они встречаются на памятниках раннего средневековья².

Основное время существования памятников типа Шапкино–Инясево приходится на позднезарубинецкий и раннекиевский этапы (середина–третья четверть I – середина III в.). Ко второй половине–концу II – середине III в. относится большинство находок вещей с выемчатыми эмалями и сопутствующих им изделий из бронзового листа с чеканным орнаментом из Прихоперь. О том, что некоторые памятники продолжали функционировать и во второй половине III в., свидетельствует упомянутая выше пряжка из могильника Инясево. Насколько долго они существовали после середины III в., пока не понятно. По крайней мере, никаких явных следов контактов с находящимся под черняховским влиянием населением группы Каширки–Седелок (середина III – начало/первая половина IV в.), наиболее восточные памятники которой зафиксированы в долине р. Воронеж, т.е. относительно недалеко от Прихоперь, пока не наблюдается.

Позднезарубинецкое или раннекиевское проникновение на восток было достаточно глубоким. Выразительная серия обломков груболепных сосудов, в том числе округлобокого и ребристого горшков таксонов I, 3-а и II, 2, а, происходит из культурного слоя Алексеевского городища, которое расположено на правом берегу р. Волги в черте г. Саратов (рис. 5). Набор посуды очень похож на известный по памятникам инясевской группы (Юдин, 2007. С. 194).

Для решения проблемы продвижения носителей раннеславянских традиций на восток в римский период важен феномен распространения украшений с выемчатыми эмалями в лесостепной части долины Дона и на его ближайших притоках. Как было

сказано выше, на р. Хопер и Ворона эти вещи, там, где их этнокультурный контекст ясен, связаны с памятниками типа Шапкино–Инясево. На самом Дону украшения этого круга, в том числе 4 клада, известны в 22 пунктах (рис. 1) (Памятники..., 2007. С. 125–130; Зиньковская, 2011; Акимов, Ененко, 2012; Обломский, 2010б; Березуцкий, Золотарев, 2014). Украшения с эмалями, таким образом, на Верхнем Дону встречаются достаточно часто, что не случайно. К сожалению, однозначно определить, кому именно они принадлежали в донской лесостепи, пока не удается. Возможно, они использовались позднескифским населением круга Ишутинского и Сырского городищ, отдельные группировки которого могли существовать и в первой половине III в. В то же время не исключено, что на Верхнем Дону будет обнаружен особый этнокультурный пласт древностей, близкий к сейминско–донецкому варианту киевской культуры востока Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца или памятникам инясевского типа (Обломский, 2010б. С. 73, 74).

Мне представляется, что единственным памятником киевской традиции из исследованных в долине Дона, который может относиться к концу II – первой половине III в., является поселение Шилово, расположенное на южной окраине г. Воронеж. Груболепная керамика с шамотом в тесте, обломки лепных лощеных и сероглиняных гончарных сосудов происходят из культурного слоя. Материалов римского времени сравнительно немного (рис. 6), тем не менее сочетание в керамическом комплексе высоких мисок таксонов III, 3, б и III, 4 (рис. 6, 11–13) более характерно для древностей раннего этапа киевской культуры Днепровского лесостепного Левобережья и памятников круга Шапкино–Инясево бассейна Хопра, чем для культурной группы типа Чертовицкое–Замятино гуннского времени, к которой отнесли поселение А.Д. Акимов и Д.В. Пряхин (2010. С. 165). Обнаруженная на селище железная шпора (рис. 6, 1), к сожалению, датируется широко, но она очень близка к экземпляру, происходящему с поселения Разнобрычка в Прихоперь.

Черняховский период (середина III – начало IV в.). Памятники типа Каширки–Седелок. Распространены в бассейне Верхнего Дона, представлены исключительно поселениями – известно 60, из которых 15 изучались раскопками (рис. 7).

Все поселения – неукрепленные, за редкими исключениями, расположены на черноземных участках склонов малых речек, имеющих узкую долину, и ручьев. Лишь четыре селища находятся непосредственно на террасах р. Дон (Яблоново-1 и -4, Ксизово-17 и -19).

² Сердечно благодарю О.А. Радюша за консультацию по этому вопросу.

Рис. 5. Образцы груболепной посуды с Алексеевского городища (по А.И. Юдину).

Fig. 5. Samples of coarse handmade earthenware from the Alekseevskoe settlement (after A.I. Yudin).

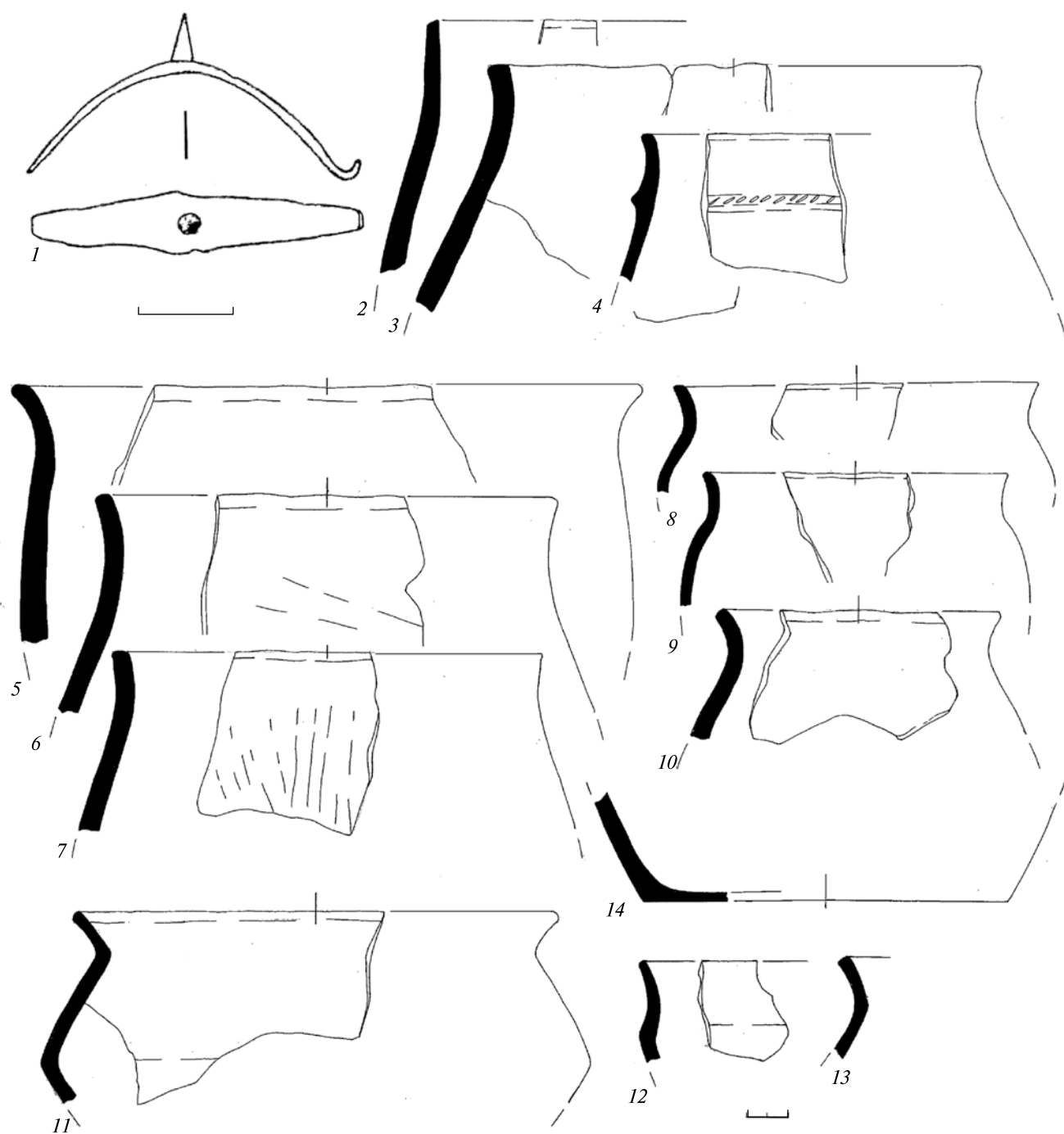

Рис. 6. Поселение Шилово, материалы римского времени. 1 – железная шпора; 2–10 – груболепная керамика с крупным шамотом в тесте; 11–13 – лепная лощеная керамика; 14 – фрагмент сероглиняного гончарного лощеного сосуда. 1 – рисунок Д.В. Акимова; 2–13 – рисунки А.М. Обломского.

Fig. 6. Artifacts of the Roman Period from the Shilovo settlement.

На всех поселениях преобладает лепная посуда. Большинство сосудов имеют шероховатую поверхность, примесь шамота, иногда в сочетании с дресвой и известняком в тесте. Изредка встречаются лощеные или подлощенные высокие ребристые миски таксона III, 4 (Обломский, 2007.

Рис. 4, 10; 10, 12). Гончарная керамика (серо-глиняная черняховская, позднеантичная, немногочисленные обломки амфор) составляет 1.5–13–14%. Лепная посуда по своему происхождению делится на две группы: первая представлена сосудами, близкими известным на поселениях

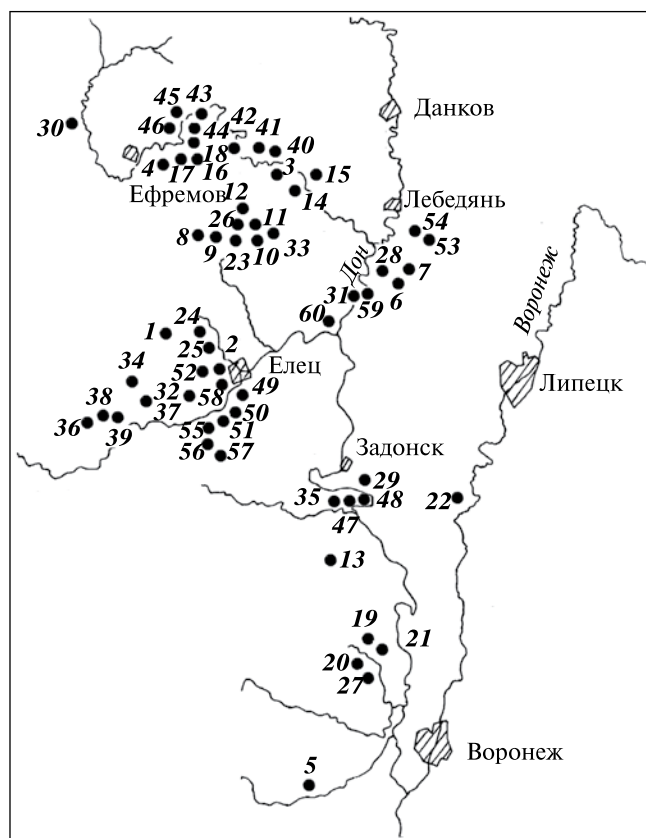

Рис. 7. Карта памятников типа Каширки–Седелок. 1 – Александровка; 2 – Александровка-1; 3 – Бибиково; 4 – Благодать; 5 – Верхнее Турово (Синюк, Чекменев, 1999); 6 – Волотовские Озерки-2; 7 – Волотовские Озерки-3; 8 – Звягино-1; 9 – Звягино-2; 10 – Каширка-1 (раскопки А.Н. Бессуднова 1994 г.); 11 – Каширка-2 (Бессуднов, Обломский, 1996); 12 – Коллектив-1; 13 – Седелки (Обломский, Терпиловский, 1998); 14 – Кузьминки; 15 – Кузьминки-3; 16 – Кытино-3 (Обломский, 2004б); 17 – Кытино-4; 18 – Кытино-5; 19 – Малая Трешевка-1 (Акимов, Медведев, 2008); 20 – Малая Трешевка-2 (Акимов, Медведев, 2008); 21 – Малая Трешевка-3; 22 – Мечковская Балка-2; 23 – Писарево (Обломский, 1998); 24 – Подхорошее-3; 25 – Подхорошее-5; 26 – Сухино; 27 – Трешевка-1; 28 – у Хмелевского пруда-1; 29 – Уткино-1; 30 – Яблонево; 31 – Яблонево-1 (Обломский, 2001); 32 – Нижний Воргол-10; 33 – Лощина-1 (Земцов, 2002); 34 – Редькино-4; 35 – Мухино-2 (Земцов, 2003); 36 – Афанасьев-2; 37 – Троицкое-1; 38 – Лобановка-1; 39 – Лобановка-3; 40 – Алексеевка-1; 41 – Алексеевка-2; 42 – Лубянка-1; 43 – Сторожа-2; 44 – Раздолье-1; 45 – Большие Голубочки-1; 46 – Большие Голубочки-2; 47 – Ксизово-17 (Обломский, 2009); 48 – Ксизово-19 (Обломский, Козмирчук, 2015); 49 – Лавы, правобережное поселение (Земцов и др., 2007); 50 – Приречье; 51 – Паниковец-1 Елецкого р-она Липецкой обл.; 52 – Казаки-1; 53 – Куймань-1; 54 – Куймань-2; 55 – Котово-1; 56 – Стрелец-1; 57 – Стрелец-2; 58 – Дерновка-3; 59 – Яблонино-4 (раскопки А.Н. Голотвина 2011 г.); 60 – Отскочное-1 (раскопки А.А. Свиридова 2012 г.).

Fig. 7. Map of the sites of the Kashirka–Sedelki type.

киевской культуры и киевской традиции в черняховской культуре (Головино-1, Песчаное Сумской обл., Журавка Ольшанская, Ломоватое-1

и др.); вторая имеет аналогии на памятниках позднекиевского круга Нижнего Поднепровья, родственных им поселениях хоры Ольвии, на южных черняховских памятниках типа Каменки–Анчекрак, где отмечается присутствие позднекиевского элемента. Керамика второй группы относительно редка, на многих поселениях представлена только посуда первой группы (Обломский, 2007. С. 74).

Сведения о типологическом составе керамического комплекса и соотношении таксонов сосудов киевского набора между собой представлены на рис. 8 и в табл. 2, в которые включены материалы практически всех исследованных раскопками поселений.

Для селищ типа Каширки–Седелок среди округлобоких горшков преобладают сильнопрофилированные сосуды таксонов I, 1, а, а и б (рис. 8, I, 3–5, 8), на втором месте находятся закрытые сосуды I, 3-а. Прочие округлобокие формы (I, 1, б; I, 3-б; I, 4, а; I, 4, б) (рис. 8, 2, 9, 10) относительно редки. Достаточно многочисленны ребристые горшки, среди которых преобладают формы таксона II, 2, а (рис. 8, 6, 11, 13, 14, 17, 18, 20, 22, 23). Общая доля ребристых сосудов составляет 21%. Керамический набор дополняется мисками-крышками – 23% от общего количества типологически определимых форм. Известен всего лишь один обломок диска, происходящий с поселения Ксизово-17 (Обломский, 2009. Рис. 9, 6).

На поселениях типа Каширки–Седелок исследованы как наземные дома, так и полуземлянки. Наземные дома по площади делятся на два типа: большие (в основном, 60–80 м², площадь дома поселения Малая Трешевка-2 составляет 144 м²) и малые (менее 30 м², преимущественно около 15 м²). Очаги зафиксированы как в больших домах (Обломский, Терпиловский, 1998. Рис. 11; 13), так и в малых (Бессуднов, Обломский, 1996. Рис. 6, I). Жилищами, таким образом, были постройки первого типа и в некоторых случаях – второго. Стены наземных домов были глинобитными с опорами на столбы, пространство между которыми заполнялось каркасом из прутьев или дощечек. В основании двух построек поселения Каширки-2 прослежены каменные цоколи.

Большинство полуземлянок достоверно считаться жилищами не могут. Полы углубленных построек зачастую неровные. В них вырезаны ямы, прослеживаются ступеньки, полки и т.д. Постройки 2 поселения Кытино-3 и 5 раскопа 3 поселения Седелок были производственными помещениями, связанными с ткачеством (Обломский, Терпиловский, 1998. С. 128), еще две соотносятся с черной

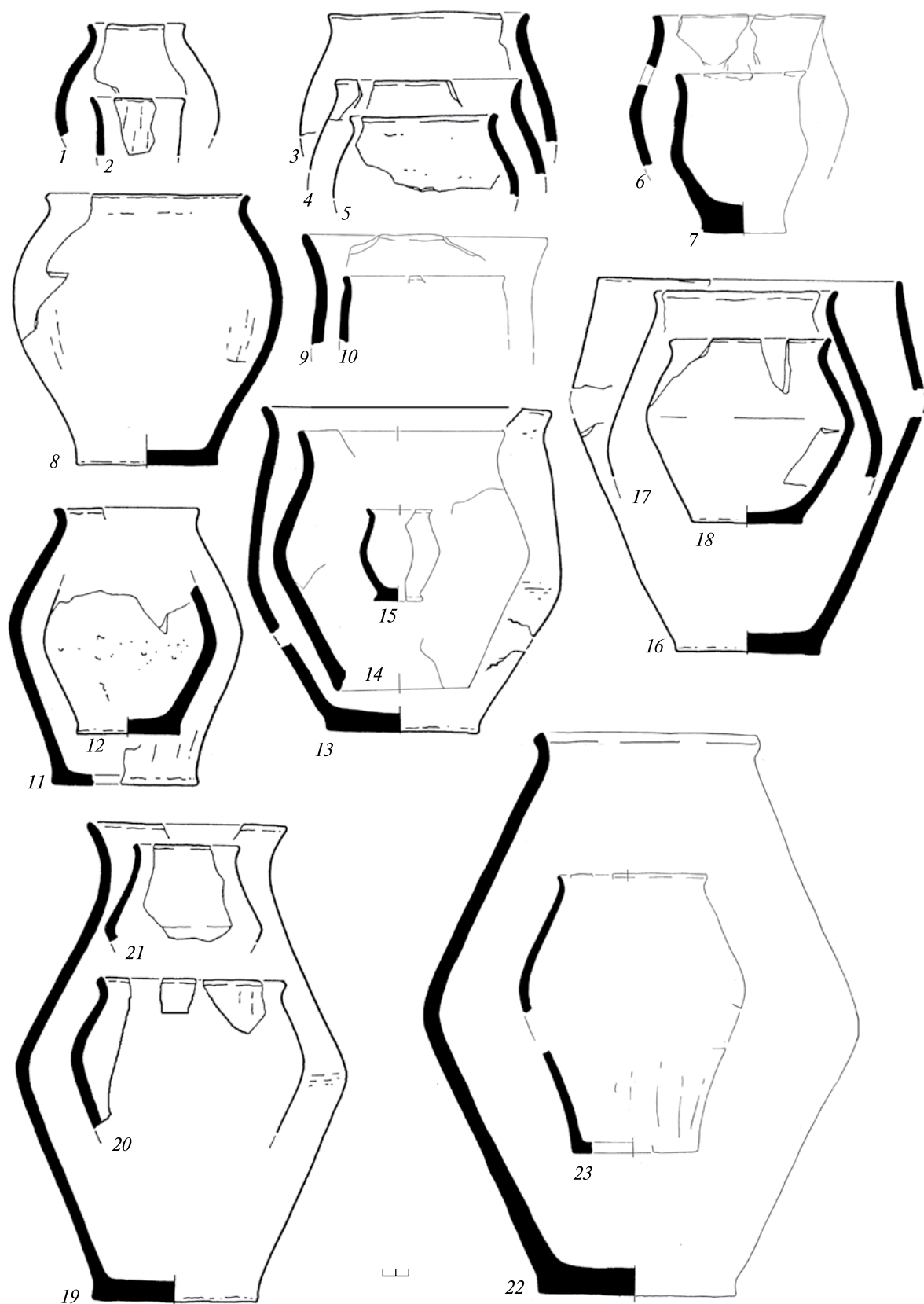

Рис. 8. Груболепная керамика киевской традиции памятников типа Каширки–Седелок. 1–5, 8, 11–13, 16–21 – Седелки; 6, 7, 9, 10 – Кытино-3; 14, 15 – Каширка-2; 22, 23 – Писарево. 1, 2, 6, 7, 9–11, 13–15, 19–23 – рисунки А.М. Обломского; 3–5, 8, 12, 16–18 – Р.В. Терпиловского.

Fig. 8. Coarse handmade pottery of the Kievan tradition from the sites of the Kashirka–Sedelki type.

Таблица 2. Обобщенные данные о киевском керамическом наборе поселений типа Каширки—Седелок**Table 2.** Generalized data on the Kievan pottery set from the settlements of the Kashirka—Sedelki type

Таксон	Количество	%
I, 1, а, а и б	62	34
I, 3-а	24	13
I, 3-б	9	5
I, 4, а	2	1
I, 4, б	3	2
I, 1, б	2	1
II, 1	15	8
II, 2, а	23	12
II, 5	1	1
Диск	1	1
Миски-крышки	43	23

металлургией (селища Писарево, постр. 1; Малая Трещевка-1, постр. 1) (Обломский, 1998. С. 112, 113). Как правило, в полуземлянках не было очагов (Бес-суднов, Обломский, 1996. С. 37; Акимов, 2001; Обломский, 2007. С. 80, 81).

Жилищем, по-видимому, была лишь одна полуземлянка — постр. 1 поселения Лавы. Ее глубина от уровня материка — 0.35–0.49 м, размеры — 2.8 × 3.5 м, форма прямоугольная с выступом с восточной стороны, который авторы публикации интерпретируют как место входа. У западной стены находился овальный в плане глинобитный очаг (Земцов и др., 2007. С. 207).

На памятниках позднеимперского времени сооружения группировались в усадьбы, исследованные на поселениях Седелки и Кытино-3 и состоявшие из жилого наземного дома, нескольких хозяйственных построек, ям-хранилищ (Обломский, 2007. С. 82).

Культурная группа типа Каширки—Седелок датируется второй третью III — началом, возможно, серединой IV в. (Обломский, 2007. С. 75). Новые находки (небольшая серия фибул группы VII О. Альмгрена; Обломский, 2010б. С. 74–77) укладываются в эти хронологические рамки, но уточнить их не могут.

Памятники типа Каширки—Седелок появились в Верхнем Подонье в результате переселения сюда части черняховского населения, о чем свидетельствует ландшафтное расположение поселений, домостроительство, набор украшений, оружейный комплекс, наличие черняховской гончарной керамики. Это население было смешанным. По лепной керамике в его составе выделяются причерноморский компонент, культура которого восходит к позднескифскому субстрату,

и раннеславянский (преобладающий), связанный происхождением с древностями киевской традиции в черняховской культуре³.

Судьба памятников типа Каширки—Седелок трагична: большинство поселений погибло в пожарах. Не исключено, что военный разгром населения Верхнего Подонья случился в результате походов готов на восток, в том числе и на венетов, сообщения о которых приведены Иорданом в рассказе о деятельности легендарного короля Германариха (Обломский, 2007. С. 87–90)⁴.

Таким образом, в римское время на территорию между Доном и Волгой направлены минимум два потока раннеславянских миграций. На начальном этапе (в середине I — II в.) в регион проникли группировки позднезарубинецкого населения с востока Днепровского Левобережья и из бассейна Северского Донца. Не исключено, что возникшая в результате этого расселения в бассейне Хопра культурная группа типа Шапкино—Инясево распространялась на восток вплоть до Волги.

³ М.В. Любичев высказал предположение о том, что раннеславянский компонент памятников типа Каширки—Седелок наиболее близок к черняховским древностям Верхнего Поднестровья (круга Демьянов—Черепин) и так называемого горизонта Боромля Днепровского лесостепного Левобережья и генетически связан с ними (2010. С. 62). Отмеченное М.В. Любичевым сходство, несомненно, есть, но в рамках общей культурной провинции. Древности Подонья обладают спецификой. На поселениях горизонта Боромля ребристые горшки встречаются редко, а в Верхнем Поднестровье они вообще единичны. В лесостепном Подонье ребристая посуда, напротив, распространена сравнительно широко. Для селищ типа Демьянова—Черепина и горизонта Боромля не отмечена традиция возведения глинобитных наземных домов. Эти детали указывают на зону распространения памятников киевской традиции в черняховской культуре как на наиболее вероятный источник миграции раннеславянского населения в лесостепное Подонье.

⁴ А.П. Медведев и Д.В. Акимов, не возражая против самого факта катастрофы на Верхнем Дону, высказывают сомнения в том, что она связана с деятельностью Германариха, время правления которого по М.Б. Шукину относится к более позднему периоду (Акимов, Медведев, 2008. С. 29). М.Б. Шукин действительно считал, что Германарих стал “королем всех готов” около 347–351 гг., но этот период определен по косвенным данным — свидетельствам о деятельности других готских правителей (2005. С. 205–207), т.е. в достаточной степени условен. Как я уже отмечал, условна и верхняя дата памятников типа Каширки—Седелок. Для ее точного определения источников пока недостаточно. В научной литературе неоднократно подчеркивался легендарный характер сведений о походах дружин Германариха. Скорее, их можно связать не с деятельностью конкретного короля, а с экспансией периода времени максимального могущества (“золотого века”) готов. Именно в этом ключе я и рассматриваю эти походы.

Памятники инясевского круга существовали до второй половины III в. Дальнейшая судьба этого населения не ясна.

Вполне вероятно, что в конце II – первой половине III в. лесостепная часть долины Дона с ближайшими притоками также была занята населением, родственным позднезарубинецкому или раннему киевскому, но эта тема требует специального исследования.

Новая культурная группа (памятники типа Каширки–Седелок) формируется на Дону во второй трети – середине III в. Ее археологический комплекс никак не связан с предшествующими древностями, в Подонье проникает новое население из ареала черняховской культуры. На большинстве поселений этой группы наблюдаются следы пожаров. Вероятно, она прекращает свое существование в результате походов готов на восток.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимов Д.В. Постройки 2-й четверти – середины I тыс. н.э. в бассейне Верхнего Дона и лесостепного Хопра // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк: ЛГПИ, 2001. С. 141–161.
- Акимов Д.В., Ененко Е.А. Случайные находки вещей римского времени в пределах лесостепного Подонья // STRATUM plus. 2012. № 4: От Римского Лемеса до Великой Китайской Стены. С. 127–139.
- Акимов Д.В., Медведев А.П. Поселения позднеримского времени у с. Малая Трешевка // Древности эпохи средневековья Евразийской лесостепи: сб. науч. тр. / Ред. А.З. Винников. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 21–32.
- Акимов Д.В., Пряхин А.Д. Новые памятники эпохи Великого переселения народов в низовьях р. Воронеж // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ “Куликово поле”, 2010. С. 164–173.
- Ахмедов И.Р., Обломский А.М., Радюш О.А. Брянский клад вещей с выемчатыми эмалями (предварительная публикация) // РА. 2015. № 2. С. 146–166.
- Березуцкий В.Д., Золотарев П.М. Новые находки круга выемчатых эмалей на Среднем Дону // РА. 2014. № 2. С. 120–126.
- Бессуднов А.Н., Обломский А.М. Изучение археологических памятников на р. Семенек // Археологические исследования Высшей педагогической школы (к 25-летию археологической экспедиции Воронежского педуниверситета) / Ред. А.Т. Синюк. Воронеж, 1996. С. 21–48.
- Земцов Г.Л. Поселение позднеримского времени Лощина-1 на Верхнем Дону // Археология та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. 3. Одеса, 2002. С. 142–144.
- Земцов Г.Л. Миграционные потоки III–V вв. и верхнедонской регион (на примере поселения Мухино-2) // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох / Ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2003. С. 108–116.
- Земцов Г.Л., Ивашов М.В., Бессуднов А.Н. Материалы позднеримского времени Лавского правобережного поселения // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 3. Липецк; СПб.: ЛГПУ; ИИМК РАН, 2007. С. 206–218.
- Зиньковская И.В. О новом ареале украшений круга выемчатых эмалей // РА. 2011. № 2. С. 72–80.
- Любичев М.В. О культурной принадлежности памятников позднеримского времени типа Каширки–Седелок // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. Липецк: ЛГПУ, 2010. С. 51–68.
- Медведев А.П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи / Ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 1987. С. 93–111.
- Мулкиджанян Я.П. Поселение Борисоглебское-4 в Прихоперье // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. / Ред. А.П. Медведев. Воронеж: ВГУ, 1998 (Археология восточноевропейской лесостепи; Вып. 12). С. 169–179.
- Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днестра и Дона в I–V вв. н.э. М.; Сумы, 1991. 287 с.
- Обломский А.М. Находки позднеримского времени на поселении Писарево // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. / Ред. А.П. Медведев. Воронеж: ВГУ, 1998 (Археология восточноевропейской лесостепи; Вып. 12). С. 110–123.
- Обломский А.М. О памятниках лесостепного Подонья позднеримского времени // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк: ЛГПУ, 2001. С. 122–140.
- Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). М.: Наука, 2002 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; Вып. 5). 255 с.
- Обломский А.М. Замятинский археологический комплекс – “перекресток этнокультурных традиций” // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени: коллективная монография / Сост. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2004а (Раннеславянский мир; Вып. 6). С. 148–163.
- Обломский А.М. Раскопки поселения позднеримского времени на р. Красивая Меча (бассейн Дона) // КСИА. 2004б. Вып. 217. С. 79–93.

- Обломский А.М.* Об одной группе сосудов эпохи Великого переселения народов // РА. 2005. № 2. С. 32–45.
- Обломский А.М.* Лесостепное Подонье // Восточная Европа в середине 1 тыс. н.э.: коллективная монография / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 9). С. 73–132.
- Обломский А.М.* Материалы поздне римского времени поселения Ксизово-17 Задонского р-на Липецкой обл. // *Vita antiqua*. 2009. № 7–8. С. 173–196.
- Обломский А.М.* Памятники типа Картамышево-2 и Терновка-2 // Позднелазубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н.э.): коллективная монография / Отв. ред. А.М. Обломский; сост. А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский. М.: ИА РАН, 2010а (Раннеславянский мир; Вып. 12). С. 54–66.
- Обломский А.М.* Некоторые новые украшения римского времени из Верхнего Подонья // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. Липецк: ЛГПУ, 2010б. С. 69–79.
- Обломский А.М., Козмирчук И.А.* Поселение поздне римского и гуннского времени Ксизово-19 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово: коллективная монография / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015 (Раннеславянский мир; Вып. 16). С. 75–133.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.: ИА АН СССР, 1991. 175 с.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* Поселение Седелки и его место среди памятников поздне римского времени Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. / Ред. А.П. Медведев. Воронеж: ВГУ, 1998 (Археология восточноевропейской лесостепи; Вып. 12). С. 124–156.
- Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.): коллективная монография / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 10). 316 с.
- Синюк А.Т., Чекменев Ю.А.* Древнее укрепленное поселение у с. Верхнее Турово // Проблемы археологии бассейна Дона / Ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГПУ, 1999. С. 147–157.
- Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые вв. н.э. Саратов: СГУ, 1984. 150 с.
- Сташенков Д.А.* Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н.э.: монография / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2005 (Раннеславянский мир; Вып. 7). 149 с.
- Терпиловський Р.В.* Праслов'янські старожитності Східної Європи. Перспективи пошуку // Старожитності України-Русі / Ред. П.П. Толочко. Київ: Київська академія євробізнесу, 1994. С. 68–73.
- Терпиловський Р.В., Абашина Н.С.* Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев: Наукова думка, 1992. 224 с.
- Хреков А.А.* Проблемы этнокультурного развития населения лесостепного Прихоперья в первые вв. н.э. // Российский исторический журнал. 1994. № 1. С. 51–57.
- Хреков А.А.* Раннесредневековое поселение Шапкино-2 в лесостепном Прихоперье // Средневековые памятники Поволжья / Ред. Г.И. Матвеева. Самара: СГУ, 1995. С. 3–15.
- Хреков А.А.* Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья (вопросы хронологии и культурной принадлежности) // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии / Ред. В.В. Седов. Т. 3. М.: ИА РАН, 1997а. С. 325–336.
- Хреков А.А.* Археологические исследования в районе с. Рассказань // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 2: Охрана и исследования в 1996 г. / Ред. А.И. Юдин. Саратов: Комитет по историко-культурному наследию при Правительстве Саратовской обл., 1997б. С. 40–55.
- Хреков А.А.* Постлазубинецкое поселение Шапкино-1 на р. Вороне // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. / Ред. А.П. Медведев. Воронеж: ВГУ, 1998 (Археология восточноевропейской лесостепи; Вып. 12). С. 180–187.
- Хреков А.А.* Культурное место Шапкино-2 и некоторые вопросы мировоззрения постлазубинцев Прихоперья в первые вв. н.э. // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 3: Охрана и исследования в 1997 г. / Ред. А.И. Юдин. Саратов: Саратовский ГПИ, 1999. С. 74–88.
- Хреков А.А.* Поселение Иняевского типа у оз. Разнобрычка в лесостепном Прихоперье // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 7. Саратов: Науч. книга, 2006. С. 59–65.
- Хреков А.А.* Постлазубинецкое поселение иняевского типа у с. Подгорное // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 8. Саратов: Научная книга, 2008а. С. 112–120.
- Хреков А.А.* О соотношении постлазубинецких погребальных и культовых комплексов лесостепного Прихоперья // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале (2008 г.): Сб. Т. II / Ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008б. С. 300, 301.
- Хреков А.А.* Постлазубинецкий культовый комплекс Рассказань-III в Прихоперье // Археология восточно-европейской степи: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8 / Ред. В.А. Лопатин. Саратов: СГУ, 2010. С. 157–207.
- Шукин М.Б.* Готский путь (Готы, Рим и Черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 590 с.
- Юдин А.И.* Алексеевское городище правобережья Волги в первые вв. н.э. // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 3. Липецк; СПб.: ЛГПУ; ИИМК РАН, 2007. С. 189–205.

ON THE EASTWARD SPREAD OF THE EARLY SLAVS IN THE ROMAN TIME

Andrey M. Oblomskiy

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia (oblomsky_a@rambler.ru)

This paper deals with the cultural groups of the Early Slav population in the steppe-forest part of the territory spanning from the valley of the Don river with its nearest tributaries to the Volga in the 1st–4th centuries AD. The initial phase (the mid-1st–2nd century) show the penetration of a group of the population of the Late Zarubintsy culture from the east of the left-bank Dnieper area and from the Seversky Donets basin. The cultural group of Shapkino–Inyasevo having emerged as a result of this spread in the basin of the Koper river could conceivably spread further eastwards up to the Volga. Sites of the Inyasevo range existed up to the second half of the 3rd century AD. The later fate of this group is unclear.

It seems likely that in the late 2nd– the first half of the 3rd century AD the steppe-forest part of the valley of the Don river with its nearest tributaries was also inhabited by the population related to that of the Late Zarubintsy or early Kievan culture but this issue calls for further investigation.

A new cultural group on the Don – the sites of the Kahirka–Sedelki type – takes shape in the second third – the mid-3rd century AD. The bearers of the Chernyakhov culture characterized by the prevailing early Slav component represented by the Chernyakhov antiquities of the Kievan tradition of the steppe-forest zone of the Dnieper valley penetrate to the Don basin. The majority of habitation sites of this group show traces of fires. It probably ceases to exist as a result of eastern campaigns of the Goths.

Keywords: Early Slavs, sites of the Shapkino–Inyasevo type, sites of the Kahirka–Sedelki type, Roman Period, steppe-forest part of the territory spanning from the valley of the Don river with its nearest tributaries to the Volga.

REFERENCES

- Akhmedov I.R., Oblomskiy A.M., Radyush O.A., 2015. Bryansk hoard of articles with champlévé enamels (preliminary publication). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]*, 2, pp. 146–166 (In Russ.).
- Akimov D.V., 2001. Structures of the second quarter – the middle of the 1st millennium AD in the basin of the Upper Don and forest-steppe Koper River Valley. *Verkhnedonskoy arkheologicheskoy sbornik [The Upper Don Collection of Archaeological Papers]*, 2. Lipetsk: Lipetskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut, pp. 141–161 (In Russ.).
- Akimov D.V., Enenko E.A., 2012. Random finds of articles from the Roman time in the forest-steppe Don Area. *STRATUM plus*, 4, pp. 127–139 (In Russ.).
- Akimov D.V., Medvedev A.P., 2008. Settlement of the Late Roman time near the village of Malaya Treshchevka. *Drevnosti epokhi srednevekov'ya Evraziyskoy lesostepi: sbornik nauchnykh trudov [Antiquities of the Middle Ages of Eurasian forest-steppe Zone: Collection of Scientific Papers]*. A.Z. Vinnikov, ed. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 21–32 (In Russ.).
- Akimov D.V., Pryakhin A.D., 2010. New Sites of Migration Period in the lower reaches of Voronezh River. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 2 [The Forest and Steppe-forest Zones of Eastern Europe in the Time of Roman Influences and the Migration Period. Conference 2]*, pt. 1. A.M. Vorontsov, I.O. Gavritukhin, eds. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole", pp. 164–173 (In Russ.).
- Berezutskiy V.D., Zolotarev P.M., 2014. New finds of the champlévé enamel type at the Middle Don. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]*, 2, pp. 120–126 (In Russ.).
- Bessudnov A.N., Oblomskiy A.M., 1996. Studying of the archaeological monuments on the river Semenek. *Arkheologicheskie issledovaniya Vyshey pedagogicheskoy shkoly (k 25-letiyu arkheologicheskoy ekspeditsii Voronezhskogo peduniversiteta) [Archaeological investigations of Pedagogical Universities (to the 25th anniversary of the archaeological expedition of Voronezh Pedagogical University)]*. A.T. Sinyuk, ed. Voronezh, pp. 21–48 (In Russ.).
- Khrekov A.A., 1994. Problems of the ethnocultural development of the population of the Forest-steppe Koper River Valley in the Early centuries AD. *Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal [Russian historical journal]*, 1, pp. 51–57 (In Russ.).
- Khrekov A.A., 1995. The Early Middle Ages settlement Shapkino-2 in the Forest-steppe Koper River Valley. *Srednevekovye pamyatniki Povolzh'ya [Medieval Sites of the Volga Area]*. G.I. Matveeva, ed. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 3–15 (In Russ.).

- Khrekov A.A., 1997a. Archaeological investigations in the vicinity of the village of Rasskasan. *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraja [Archaeological heritage of Saratov Oblast]*, 2. A.I. Yudin, ed. Saratov: Komitet po istoriko-kul'turnomu naslediyu pri Pravitel'stve Saratovskoy oblasti, pp. 40–55 (In Russ.).
- Khrekov A.A., 1997b. The Early Slavic monuments of the Forest-steppe Khoper River Valley (questions of chronology and cultural origination). *Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoy arkheologii [Proceedings of the VIth International Congress of Slavic archaeology]*, 3. V.V. Sedov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 325–336 (In Russ.).
- Khrekov A.A., 1998. Settlement Shapkino-1 of post-Zarubintsy time on the Vorona River. *Arkheologicheskie pamyatniki Verkhnego Podon'ya pervoy poloviny I tys. n.e. [Archaeological Sites of the Upper Don Area of the first half of the 1st Millennium AD]*. A.P. Medvedev, ed. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 180–187 (Arkheologiya Vostochnoevropeyskoy lesostepi, 12) (In Russ.).
- Khrekov A.A., 1999. Cult site Shapkino-2 and some questions of ideology of the bearers of post-Zarubintsy culture in the first centuries AD. *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraja [Archaeological heritage of Saratov Oblast]*, 3. A.I. Yudin, ed. Saratov: Saratovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 74–88 (In Russ.).
- Khrekov A.A., 2006. Settlement of Inyasevo type by the like Rasnobrichka in the Forest-steppe Khoper River Valley. *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraja [Archaeological heritage of Saratov Oblast]*, 7. Saratov: Nauchnaya kniga, pp. 59–65 (In Russ.).
- Khrekov A.A., 2008a. On the correlation of funeral and cult complexes of post-Zarubintsy time in the Forest-steppe Khoper River Valley. *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale (2008 g.): sbornik [Proceedings of the IInd (XVIIIth) All Russian Archaeological Congress held in Suzdal (2008): Collection of Scientific Papers]*, II. A.P. Derevyanko, N.A. Makarov, eds. Moscow: IA RAN, pp. 300, 301 (In Russ.).
- Khrekov A.A., 2008b. Post-Zarubintsy time settlement of Inyasevo type near the village Podgornoe. *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraja [Archaeological heritage of Saratov Oblast]*, 8. Saratov: Nauchnaya kniga, pp. 112–120 (In Russ.).
- Khrekov A.A., 2010. Post-Zarubintsy cult complex Rasskasan-3 in Khoper Area. *Arkheologiya Vostochnoevropeyskoy stepi: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [Archaeology of Eastern European steppe: Interacademic Collection of Scientific Papers]*, 8. V.A. Lopatin, ed. Saratov: Saratovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 157–207 (In Russ.).
- Lyubichev M.V., 2010. On cultural origination of the sites of Kashirka–Sedelki type of the Late Roman time. *Verkhnedonskoy arkheologicheskoy sbornik [The Upper Don Collection of Archaeological Papers]*, 5. Lipetsk: Lipetskii gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 51–68 (In Russ.).
- Medvedev A.P., 1987. Pottery of the Sarmatian time in Forest-steppe Don Area. *Arkheologicheskie pamyatniki epokhi zheleza Vostochnoevropeyskoy lesostepi [Archaeological Sites of the Iron Age in Eastern European Forest-steppe Zone]*. A.D. Pryakhin, ed. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 93–111 (In Russ.).
- Mulkidzhanyan Ya.P., 1998. Settlement Borisoglebskoe-4 in Khoper River Valley. *Arkheologicheskie pamyatniki Verkhnego Podon'ya pervoy poloviny I tys. n.e. [Archaeological Sites of the Upper Don Area of the first half of the 1st Millennium AD]*. A.P. Medvedev, ed. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 169–179 (Arkheologiya Vostochnoevropeyskoy lesostepi, 12) (In Russ.).
- Oblomskiy A.M., 1991. Etnicheskie protsessy na vodorazdele Dnepra i Dona v I–V vv. n.e. [Ethnic processes at the watershed of Dnieper and Don Area in the 1st–5th centuries AD]. Moscow; Sumy. 287 p.
- Oblomskiy A.M., 1998. Finds of the Late Roman Period from the settlement Pisarevo. *Arkheologicheskie pamyatniki Verkhnego Podon'ya pervoy poloviny I tys. n.e. [Archaeological Sites of the Upper Don Area of the first half of the 1st Millennium AD]*. A.P. Medvedev, ed. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 110–123 (Arkheologiya Vostochnoevropeyskoy lesostepi, 12) (In Russ.).
- Oblomskiy A.M., 2001. On the sites of the Forest-steppe Don Area of the Late Roman Period. *Verkhnedonskoy arkheologicheskoy sbornik [The Upper Don Collection of Archaeological Papers]*, 2. Lipetsk: Lipetskii gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 122–140 (In Russ.).
- Oblomskiy A.M., 2002. Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v pozdnerimskoe i gunnskoe vremya (seredina III – pervaya polovina V v. n.e.) [Left-bank of the Dnieper Forest-steppe Area in the Late Roman Period and Hun Time (the mid-3rd – first half of the 5th century AD)]. Moscow: Nauka. 255 p. (Ranneslavyanskiy mir. Arkheologiya slavyan i ikh sosedey, 5).
- Oblomskiy A.M., 2004a. The Zamyatino archaeological complex – a 'crossroads of the ethnocultural traditions'. *Ostraya Luka Dona v drevnosti. Zamyatinskiy arkheologicheskoy kompleks gunnskogo vremeni: kollektivnaya monografiya [The Ostraya Luka of the Don in Antiquity. The Zamyatino archaeological complex of the Hun Time]*. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 148–163 (Ranneslavyanskiy mir, 6) (In Russ.).
- Oblomskiy A.M., 2004b. Excavations of the Late Roman Period settlement on the bank of Krasivaya Mecha River (the Dnieper basin). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 217, pp. 79–93 (In Russ.).
- Oblomskiy A.M., 2005. On a group of vessels relating to the Migration Period. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]*, 2, pp. 32–45 (In Russ.).

- Oblomskiy A.M., 2007. Forest-steppe Don Area. *Vostochnaya Evropa v seredine I tys. n.e.: kollektivnaya monografiya*. [Eastern Europe in the middle of the 1st Millennium AD: multi-authored monograph]. I.O. Gavritukhin, A.M. Oblomskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 73–132 (Ranneslavyanskiy mir, 9) (In Russ.).
- Oblomskiy A.M., 2009. Artifacts of the Late Roman Period from the settlement Ksisovo-17 in Zadonskiy District of Lipetsk Oblast. *Vita antiqua*, 7–8, pp. 173–196 (In Russ.).
- Oblomskiy A.M., 2010a. Sites of Kartamyshevo-2 and Ternovka-2 types. *Pozdnezarubinietskie pamyatniki na territorii Ukrainy (vtoraya polovina I – II v. n.e.)* [Post-Zarubinty Sites in Ukraine (second half of the 1st – 2nd centuries AD)]. A.M. Oblomskiy, ed; sost. A.M. Oblomskiy, R.V. Terpilovskiy, comp. Moscow: IA RAN, pp. 54–66 (Ranneslavyanskiy mir, 12) (In Russ.).
- Oblomskiy A.M., 2010b. Some new ornaments of the Roman Period found in the Upper Don Area. *Verkhnedonskoy arkheologicheskoy sbornik* [The Upper Don Collection of Archaeological Papers], 5. Lipetsk: Lipetskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 69–79 (In Russ.).
- Oblomskiy A.M., Kozmirchuk I.A., 2015. Late Roman Period and Hun Time settlement Ksisovo-19. *Ostraya Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskoy kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksisovo* [The Ostraya Luka of the Don in Antiquity. The Zamyatino archaeological complex of the Hun Time by the village of Ksisovo]. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 75–133 (Ranneslavyanskiy mir, 16) (In Russ.).
- Oblomskiy A.M., Terpilovskiy R.V., 1991. Srednee Podneprov'e i Dneprovskoe Levoberezh'e v pervye veka nashey ery [Middle Don Area and Left-bank of the Dnieper Area in the Early centuries AD]. Moscow: IA AN SSSR. 175 p.
- Oblomskiy A.M., Terpilovskiy R.V., 1998. Settlement Sedelki and its place among the Late Roman Period sites of the Left-bank of the Dnieper Area and Forest-steppe Don Area. *Arkheologicheskie pamyatniki Verkhnego Podon'ya pervoy poloviny I tys. n.e.* [Archaeological Sites of the Upper Don Area of the first half of the 1st Millennium AD]. A.P. Medvedev, ed. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 124–156 (Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi, 12) (In Russ.).
- Pamyatniki kievskoy kul'tury v lesostepnoy zone Rossii (III – nachalo V v. n.e.): kollektivnaya monografiya [Sites of Kiev Culture in the Steppe-forest Zone of Russia (the 3rd – in the early of the 5th centuries AD): multi-authored monograph]. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, 2007. 316 p. (Ranneslavyanskiy mir, 10).
- Sinyuk A.T., Chekmenov Yu.A., 1999. Ancient settlement near the village of Verkhnee Turovo. *Problemy arkheologii basseyna Dona* [Problems of Archaeology of the Don basin]. A.D. Pryakhin, ed. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 147–157 (In Russ.).
- Skripkin A.S., 1984. Nizhnee Povolzh'e v pervye vv. n.e. [The Lower Volga Area in the Early centuries AD]. Saratov: Saratovskiy gosudarstvennyy universitet. 150 p.
- Stashenkov D.A., 2005. Osedloe naselenie Samarskogo lesostepnogo Povolzh'ya v I–V vv. n.e.: monografiya [Settled population of the Samara Forest-steppe Volga Area in the 1st–5th centuries AD: monograph]. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN. 149 p. (Ranneslavyanskiy mir, 7).
- Terpilovskiy R.V., 1994. Праслов'янські старожитності Східної Європи. Перспективи пошуку. *Starozhitnosti Ukraïni–Rusi* [Старожитності України–Русі]. P.P. Tolochko, ed. Kii'v: Kii'vs'ka akademiya evrobiznesu, pp. 68–73 (In Ukraine).
- Terpilovskiy R.V., Abashina N.S., 1992. Pamyatniki kievskoy kul'tury (svod arkheologicheskikh istochnikov) [Sites of Kiev Culture (Corpus of archaeological sources)]. Kiev: Naukova dumka. 224 p.
- Yudin A.I., 2007. Alekseevskoe settlement of the Right-bank of Volga in the Early centuries AD. *Verkhnedonskoy arkheologicheskoy sbornik* [The Upper Don Collection of Archaeological Papers], 3. Lipetsk; St. Petersburg: Lipetskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet: IIMK RAN, pp. 189–205 (In Russ.).
- Zemtsov G.L., 2002. The Loshchina-1 settlement of the Late Roman Period on the Upper Don. *Arkheologiya ta etnologiya Skhidnoi' Evrope: materialy i doslidzhennya* [Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження], 3. Odesa, pp. 142–144 (In Russ.).
- Zemtsov G.L., 2003. Migration streams of the 3rd – the 5th centuries and the Upper Don Area (on the example of the Mukhino-2 settlement). *Kontaktne zony Evrazii na rubezhe epoch* [Contacts Zones of Eurasia on the border of Epochs]. D.A. Stashenkov, ed. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-kraevedcheskiy muzey imeni P.V. Alabina, pp. 108–116 (In Russ.).
- Zemtsov G.L., Ivashov M.V., Bessudnov A.N., 2007. Late Roman Period artifacts from the Lavskoe settlement. *Verkhnedonskoy arkheologicheskoy sbornik* [The Upper Don Collection of Archaeological Papers], 3. Lipetsk; St. Petersburg: Lipetskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet; IIMK RAN, pp. 206–218 (In Russ.).
- Zin'kovskaya I.V., 2011. On new area of ornaments with champlevé enamels. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2, pp. 72–80 (In Russ.).

ФОРМЫ “ПРИЧЕРНОМОРСКИХ” АМФОР VIII–X вв.

© 2017 г. Е.В. Суханов

Институт археологии РАН, Москва, Россия (sukhanov_ev@mail.ru)

Поступила в редакцию 19.05.2016 г.

В статье излагаются результаты изучения форм средневековых “причерноморских” амфор методами историко-культурного подхода к изучению керамики и методом геометрической морфометрии. Установлено, что формы причерноморских амфор обладают определенными культурными особенностями, выраженными в общей пропорциональности сосудов, форме и высоте плеча. Сделан вывод, что в VIII в. на территории Крыма появляются несколько групп гончаров – носителей разных культурных традиций в области формообразования. Последующее развитие форм причерноморских амфор связано с культурными контактами носителей двух разных традиций, их постепенным размыванием.

Ключевые слова: причерноморские амфоры, геометрическая морфометрия, историко-культурный подход.

Формы сосудов – важнейший объект анализа, содержащий обширную историческую информацию (Цетлин, 2012. С. 142). Причерноморские амфоры или амфоры причерноморского типа – керамическая тара, распространенная на ранне-средневековых памятниках Восточной Европы – Крыма, Тамани, Подонья, реже – Волго-Камья и Поднепровья.

В статье излагаются результаты изучения форм 130 причерноморских амфор, происходящих из материалов раннесредневековых памятников Крыма, Тамани, Подонья, Приазовья, Поднепровья, Волго-Камья и Северо-Западного Кавказа (Ляпушкин, 1958. Рис. 8; Плетнева, 1959. Рис. 28, 2; 29, 5; Голофаст, Рыжов, 2013. Рис. 3, 1; Нидзельницкая, 2009. Рис. 2, 1; 2, 3; 9, 1; 10, 1–4; 11, 1, 2; Багаутдинов и др., 1998. Рис. 40, 1, 3; Романчук и др., 1995. Табл. 20, 91; 21, 93, 94; 23, 129; 23, 130; Сарапулкин, 2006. Рис. 6, 10, 11; Мыц, 1990. Рис. 4, 1; Плетнева, 1989. Рис. 28, 6; Авдусин, 1952. Рис. 7; Плетнева, 1996. Рис. 11, 4; Зинько, Пономарев, 2009. Рис. 72, 3; Чхаидзе, 2012. Рис. 75, 1–4; 79, 1–5; 81, 1–5; 83, 1, 2, 4; 85, 1, 3–5; Плетнева, 1963. Рис. 28, 1, 2; Якобсон, 1951. Рис. 4, 16–20; 6, 21, 22, 24, 25; Майко, 2004. Рис. 100, 6; 101, 3–6; 102, 4; Успенский, 2015. Рис. 23, 4; Кравченко, Давыденко, 2001. Рис. 24, 1, 4, 5; 25, 2; Белинский, Кулаков, 2013. Рис. 8; Кузнецов, Голофаст, 2010. Рис. 28, 1–4; 29, 1, 2; 30, 1–4; Голофаст, Ольховский, 2013. Рис. 3, 1; Зинько, Пономарев, 2005. Рис. 13, 2; Баранов, 1990. Рис. 9, 1, 2, 4–6, 9; 10, 2, 4, 5, 7; Колода, Колода, 2000. Рис. 1; Таскаев, Чхаидзе, 2007. Рис. 1, 1; 1, 2; Чхаидзе, 2008. Рис. 78, 4;

5; 79; 80; 82, 1–6; Шелов, 1957. Рис. 39, 1; Баранов, 1979. Рис. 3, 1; Паршина, 1974. Рис. 3, 8; 4, 1; Гадло, 1980. Рис. 7, Б, Д, Е; Голенко, 2006. Рис. 111; Коваль, 2010. Рис. 61, 1; Чхаидзе, 2006. Рис. 10, 1; Михеев, 1985. Рис. 13, 1–3; Кутайсов, 2004. Рис. 1, 7; Болтрик, Комар, 2005. Рис. 2, 22; Красильников, 2009. Рис. 4, 30–32; Айбабин, Хайрединова, 2008. Рис. 32, 5, 12, 20; Зинько, Пономарев, 1999. Рис. 1, 2, 5, 6; Баранов, 1990. Рис. 60, 9, 15; Плетнева, 1994. Рис. 59, 1). В их число входят неопубликованные амфоры из фондов Аксайского военно-исторического музея (беспаспортная амфора, КП 18122/123), Ростовского областного музея краеведения (поселение Крымский-III, КП 26569/10), Таганрогского литературного и историко-архитектурного музея-заповедника (амфоры из единичных погребений с территории г. Таганрог, КП 6253, 14671, 6915; Золотой Косы, КП 7410, 12526/1, 12521/2; х. Сусат на Нижнем Дону, КП 6950). Помимо этого, для сравнения было привлечено 123 формы разных типов амфор V–IX вв., происходящих с памятников Восточного и Западного Средиземноморья. Таким образом, всего было исследовано 253 сосуда, из которых 224 – по рисовкам и 29 – по фотографиям.

Методы. Анализ форм производился с позиций двух принципиально разных методов. Первый представляет собой изучение форм посуды в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским (1978; Цетлин, 2012). Система трудовых усилий гончара при создании формы сосуда рассматривается в нем сквозь призму двух уровней деятельности; наиболее общего,

связанного с навыками воспроизведения общей пропорциональности сосуда, и более глубокого, соотносящегося с навыками создания конкретных очертаний формы, которые воспроизводятся в естественной структуре сосуда и степени сформированности его функциональных частей. В соответствии с этим исследование форм в рамках историко-культурного подхода распадалось на несколько последовательных этапов, каждый из которых связан с одним из уровней детальности анализа форм, отличающихся степенью отражения в них культурных особенностей разных групп древнего населения (Цетлин, 2014. С. 376): расчет коэффициентов общей пропорциональности; выделение естественной структуры форм; определение степени сформированности функциональных частей.

Общая пропорциональность сосуда высчитывалась как отношение высоты к максимальному диаметру. Выделение естественной структуры формы производилось по традиционной методике, предложенной А.А. Бобринским (1986). Степень сформированности определялась на основании доли высоты функциональных частей в общем профиле сосуда и углов наклона боковой линии костяка в соответствии с методическими указаниями, изложенными в одной из работ А.А. Бобринского (1988).

Вторым является геометрическая морфометрия, представляющая собой метод количественного анализа формы объектов (Bookstein, 1992). Геометрическая морфометрия, широко используемая в биологии, в последнее время получила распространение и в палеоантропологии (Медникова, Тарасова, 2014), и в археологии (Wilczek et al., 2014; Громов, Казарницкий, 2014; Казарницкий, Туркина, 2015). Геометрическая морфометрия оперирует координатами точек или меток, расставляемых по контуру объекта, а математический аппарат этого метода позволяет анализировать форму изучаемых объектов как таковую, абстрагируясь от их линейных размеров. Данные о координатах меток анализируются с помощью разнообразных статистических методов. Все процедуры по изучению форм методом геометрической морфометрии производились в компьютерных программах *tpsDig* и *MorphoJ*.

Результаты изучения форм методами историко-культурного подхода. Значения коэффициента общей пропорциональности форм (далее — К ОП) находятся в диапазоне 1.33–2.42. Гистограмма, построенная по результатам расчета, демонстрирует распределение значений, которое, используя математическую терминологию, следует считать

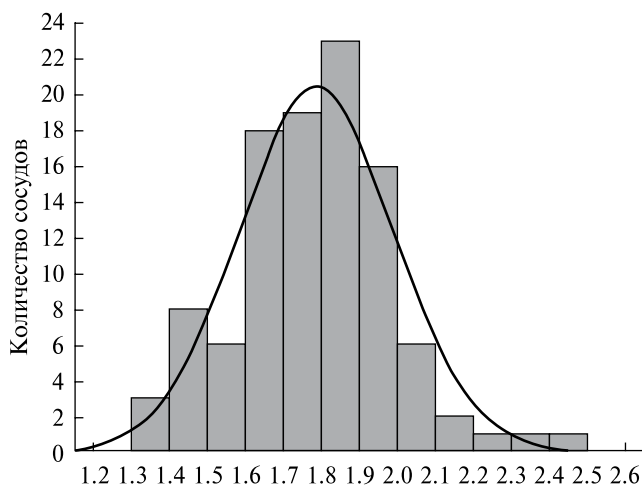

Рис. 1. Гистограмма коэффициентов общей пропорциональности.

Fig. 1. The histogram of coefficients of general proportions.

нормальным (рис. 1). Однако в средней части гистограммы выделяется один монолитный блок значений К ОП, охватывающий диапазон, приблизительно, от 1.6 до 2.0. Именно в этот интервал попадает большая часть наблюдений. Эмпирически выделяемые по гистограмме интервалы 1.3–1.6, 1.6–2.0, 2.0–2.5 оказываются сопоставимыми с дробной теоретической шкалой общей пропорциональности сосудов, разработанной Ю.Б. Цетлиным на материалах разных категорий керамики. Это обстоятельство позволяет принять данную группировку и производить дальнейший детализированный анализ уже в рамках выделенных групп, которым были присвоены буквенные обозначения. 72% форм вошли в группу В; к группе А отнесено 16.3; к группе С — 11.4% форм.

Последующий анализ производился в рамках выделенных ранее трех групп общей пропорциональности. Следовало выяснить, связана ли общая пропорциональность формы с определенной естественной структурой и с определенной степенью сформированности функциональных частей?

Как известно, в составе форм керамических сосудов могут присутствовать семь функциональных частей: губа (Г), щека (Щ), шея (Ш), предплечье (ПП), плечо (П), тулово (Т) и основание тулова (ОТ). В группах А и В преобладает структура Г+Щ+Ш+П+Т+ОТ, причем в группе В это более выражено — 70% форм (рис. 2). Группа С отличается преобладанием форм без щеки — Г+Ш+П+Т+ОТ. На группу В приходится наименьшее число форм с предплечьем. В целом же, формы с предплечьем составляют примерно 1/5 от общего числа всех сосудов — 21%.

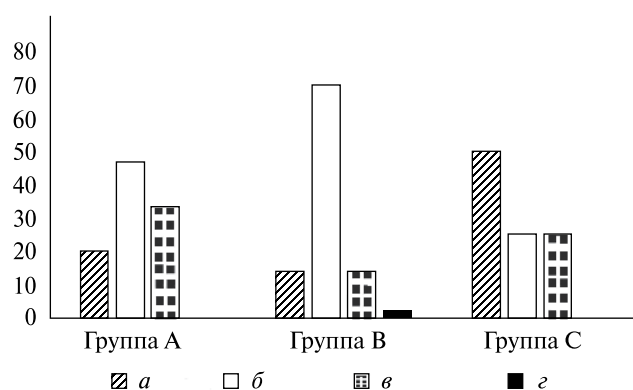

Рис. 2. Естественная структура форм в группах общей пропорциональности (%). Условные обозначения: а – Г+Ш+П+О+ОТ; б – Г+Щ+Ш+П+О+ОТ; в – Г+Щ+Ш+ПП+П+О+ОТ; г – Г+Ш+ПП+П+О+ОТ.

Fig. 2. The natural structure of forms in the groups of general proportions (%).

Далее было установлено, что из всех функциональных частей форм разные степени сформированности фиксируются лишь у плеча и шеи. В группах А и С доминируют формы со сформированной шейей и почти отсутствуют образцы, шея которых находится в несформированном состоянии (рис. 3, 1). В группе В преобладает вариант частично сформированного состояния шеи, а процент форм с шеями в несформированном состоянии возрастает. В отношении плеча отметим преобладание двух разных состояний сформированности в группах А и С: в первой преобладает несформированное, во второй – сформированное состояние (рис. 3, 2). Группа В имеет по этому показателю смешанный характер, поскольку в ней в равных долях встречаются оба варианта степени сформированности.

Полученные данные дополнены анализом распределения сосудов разных стандартов объемов по трем группам общей пропорциональности¹ (рис. 4). В группе низких форм явное преобладание имеют сосуды больших стандартов – 20.5, 30.8, 15.35 л, суммарно такие составляющие 82%. Амфоры других стандартов здесь единичны. В группе С наблюдается диаметрально противоположная картина: преобладают амфоры малых стандартов – 5.12 и 6.83 л, вместе составляющие половину группы.

В группе В представлено больше всего вариантов разных стандартов объема амфор (девять на фоне пяти-шести в группах А и С). Кроме того, в ней,

как и в группе С, преобладают амфоры малых стандартов объема – ½ морского метрона (5.12 л) и 1 анонный метрон (6.83 л).

Таким образом, анализ форм в рамках историко-культурного подхода позволил прийти к следующим выводам. Каждая из групп общей пропорциональности связана с преобладанием определенной естественной структуры и определенными состояниями сформированности плеча. В группе форм низких пропорций преобладают несформированное состояние плеча, естественная структура Г+Щ+Ш+П+Т+ОТ и большие стандарты объема. Группа форм высоких пропорций характеризуется сформированным плечом, преобладанием естественной структуры Г+Ш+П+Т+ОТ и доминированием амфор малых стандартов объема. Группа форм средних пропорций является наиболее разнообразной. В ней в равных долях встречаются оба возможных состояния сформированности плеча. Доминирует структура Г+Щ+Ш+П+Т+ОТ, что сближает ее с группой низких форм. Но при этом существенно преобладают амфоры малых стандартов объема, что сближает ее с группой высоких форм.

Результаты изучения форм методом геометрической морфометрии. Полученные на основании координат точек (рис. 5) контуры были подвергнуты прокрустову анализу в программе *MorphoJ*, после чего был проведен анализ показателей сходства между формами контуров амфор методом главных компонент (ГК). Первая ГК, ответственная почти за 60% общей изменчивости, нагружена точками, определяющими общую пропорциональность сосуда, уровень его наибольшего диаметра, а также тесно связанную с этими показателями высоту плеча (рис. 6, 1–3). Вторая компонента, описывающая 15% изменчивости, влияет в большей степени на форму и высоту горла и в меньшей – на высоту плеча и крутизну его очертаний (рис. 6, 4–6).

На итоговом графике (рис. 7) маркеры, принадлежавшие разным группам, находятся обособленно. Однако следует обратить внимание на то, что около 16 форм группы В оказались в зоне распространения форм группы С. Таким образом, с помощью метода геометрической морфометрии удалось подтвердить целесообразность разделения форм на три культурные группы. Важно отметить, что результаты, полученные с помощью двух принципиально разных методов, в целом совпали. По данным геометрической морфометрии формы причерноморских амфор в большей степени отличаются между собой по общей пропорциональности, а также высоте и форме плеча.

¹ С описанием методики и некоторых предварительных результатов расчета объемов средневековых причерноморских амфор можно ознакомиться: Суханов, 2015а. С. 172–189; б. С. 35, 36.

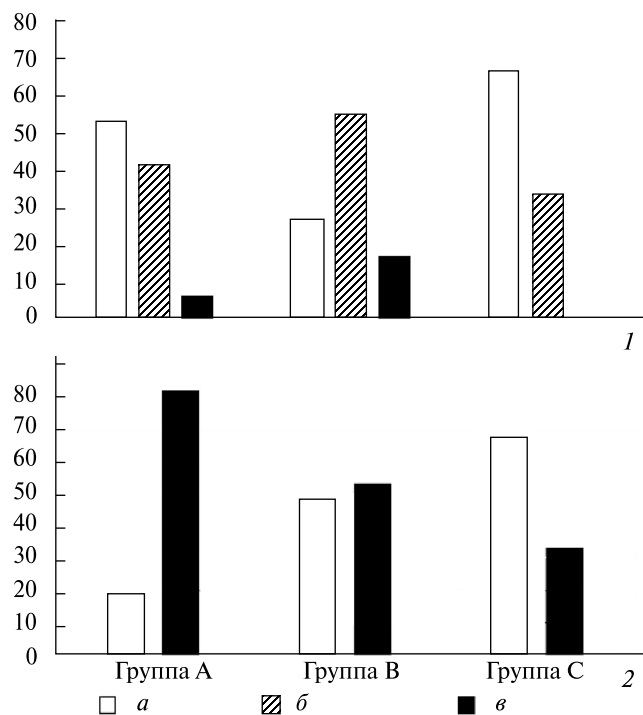

Рис. 3. Степень сформированности шеи (1) и плеча (2) в группах общей пропорциональности (%). Условные обозначения: а – сформированное; б – частично сформированное; в – несформированное.

Fig. 3. The degree of taking shape of the neck (1) and shoulder (2) in the groups of general proportions.

К числу принципиально новых данных, полученных с помощью этого метода, следует отнести возможную необходимость смещения границы между группами В и С левее по шкале общей пропорциональности.

Можно ли рассматривать формы низких и высоких пропорций (А и С) как некие исходные традиции, культурные контакты между носителями которых привели к смешиванию и размыванию традиций формообразования? Для научно аргументированного ответа на этот вопрос считаем необходимо привлечь данные о формах средиземноморских амфор, как синхронных, так и предшествующих сосудам, анализируемым в данной работе; проанализировать имеющиеся на сегодняшний день данные о датировках комплексов, из которых происходят некоторые причерноморские амфоры.

Современные исследователи связывают появление причерноморских амфор с использованием мастерами в качестве исходного образца двух разных типов амфорной тары позднеимперского времени. Происхождение амфор с бороздчатым туловом (вариант 2 по А.Л. Якобсону:

1979) связывается с так называемыми амфорами с рифлением “набегающая волна” (*Late Roman Amphorae* 1, далее – LRA1), бытовавшими до конца VII в. В качестве возможного прототипа для яйцевидных амфор с линейным зональным орнаментом (вариант 3 по А.Л. Якобсону: 1979) рассматриваются сосуды типа *Late Roman Amphorae* 2 (LRA2) – почти шаровидные формы с мелким волнистым или линейным орнаментом на корпусе (Кузнецов, Голофаст, 2010. С. 412, 414, 416; Паршина и др., 2001. С. 75, 76). Следует отметить, что эти два типа позднеимперских амфор производились в разных регионах: LRA 1 – преимущественно в центрах района Южного побережья Малой Азии (Кипр, Киликия) (Смокотина, 2014. С. 75), LRA 2 – в мастерских Эгейского бассейна (Scorpan, 1977. Р. 275, 276).

Для сравнения методами геометрической морфометрии была изучена серия из 139 сосудов, включающая указанные выше типы амфор с территории Причерноморья (Чангова, 1959. Обр. 1, 1, 8; 4, 4, 5; 6; Голофаст, Рыжов, 2011. Рис. 8, 1, 2; 16, 1–4; 17, 2, 4; 2013. Рис. 4, 1; 56; Романчук и др., 1995. Табл. 10; 11, 63; 16, 75; Нидзельницкая, 2001. Рис. 1, 1) и Средиземноморья (Abadie Reynal, Sodini, 1992. Fig. 23. CC210; Fig. 24. CC284, 285; Bjelajac, 1996. Fig. XXIV, 130, 131; XXV, 133, 134, 144–146; Arthur, 1989. Fig. 7; Wille, 2007. Abb. 2; 3, 1, 2; 4, 1, 2; Demesticha, Spondylis, 2011. Fig. 2; 3; 8; 9; Opait, 2004. Fig. 7–10; Williams, 2005. Fig. 1–3. Pl. 1–3; Demesticha, 2005. Fig. 1, 374, 375; 2, A, B; Orssaud, 1992. Fig. B/2, 12; Robinson, 1959. Pl. 32, M333; Bass, 1982. Fig. 8, 1; 8, 4; 8, 6; Gelichi, Negrelli, 2008. Fig. 8, 4, 5; 9, 1, 2, 5; Vroom, 2012. Fig. 8, 12; Klontza-Yaklova, 2014. Fig. 10; Ardizzone, 2012. Fig. 8–10; Portale, 2014. Fig. 6–8; Poulou-Papadimitriou, Didjoumi, 2010. Fig. 8; 9; Reynolds, 2003. Fig. 2, 5; 2010. Fig. 5, C, D; Opait, 1984. Taf. II, 1–6; XI, 2, 3; XIII, 4, 5; XIV, 5, 6; XV, 1, 2, 5; Pieri, 2005. Fig. 2, 1–4, 6; 2007. Fig. 3; 4; Almeida et al., 2014. Fig. 5; Taborelli, 1998. Fig. 2, 2; Imperiale, 2004. Fig. 3, 1, 2; 2015. Fig. 2, 1, 2; Lewit, 2015. Fig. 3; 4; Hayes, 1992. Fig. 57, 26; 58, 17; Arthur, Oren. Fig. 6, 5; Arthur, Imperiale, 2015. Fig. 27). В число этих сосудов входят также ранневизантийские шаровидные амфоры, известные в зарубежной литературе как *Byzantine Globular Amphorae*, бытовавшие в последних десятилетиях VII–IX вв. (Poulou-Papadimitriou, Nodagrou, 2014. Р. 874). Это наиболее близкие аналоги причерноморским амфорам с территории Средиземноморья.

После нанесения точек на контуры сосудов исходные данные были подвергнуты анализу методом ГК.

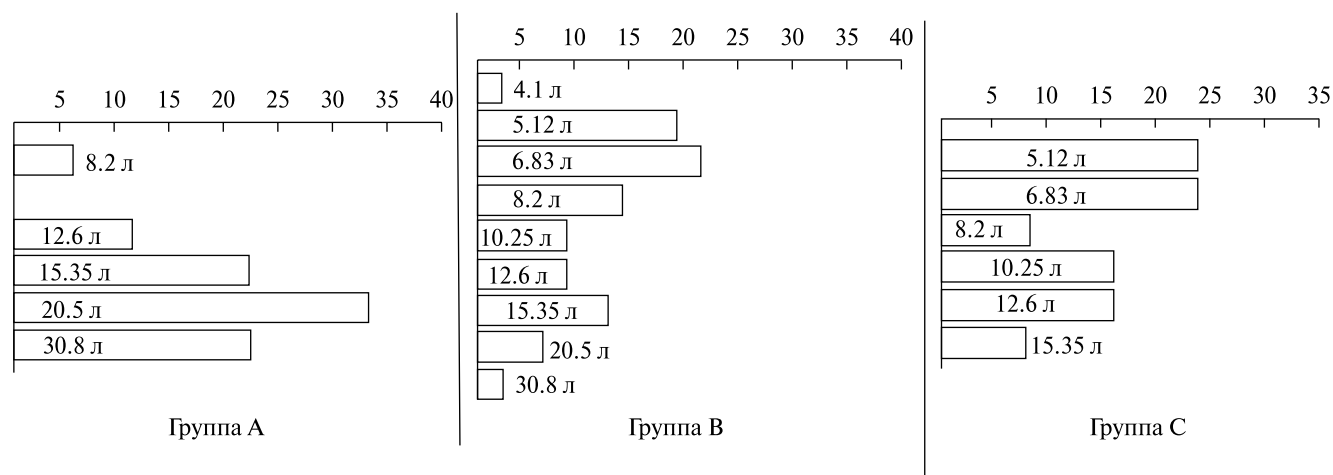

Рис. 4. Состав стандартов объема амфор в группах общей пропорциональности (%).

Fig. 4. The composition of volume standards of amphorae in the groups of general proportions (%).

Первая и вторая ГК оказались ответственны за те же морфологические изменения, что и ГК при анализе причерноморских амфор. Первая компонента, по которой формы отличаются лучше всего, ответственна за 76% общей изменчивости, т.е. ее вклад существенно возрос. Вторая компонента

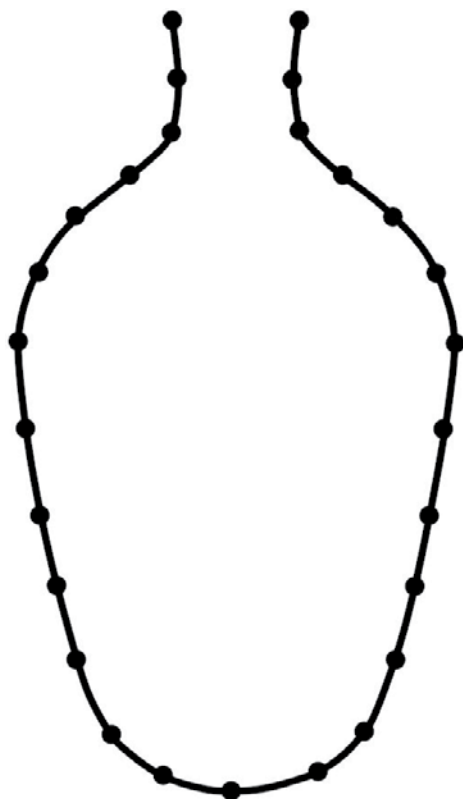

Рис. 5. Схема нанесения точек (landmarks) на контуры сосудов для анализа с помощью геометрической морфометрии.

Fig. 5. The pattern of plotting landmarks on vessels' contours for an analysis using geometric morphometry.

ответственна за 9% изменчивости форм, она нагружена точками, влияющими на форму и высоту горла. Из сопоставления форм причерноморских амфор с материалами Средиземноморья можно сделать несколько выводов (рис. 8). Причерноморские амфоры групп А и С по итогам применения метода ГК действительно имеют много общего по своим формам с определенными типами позднеримских и раннесредневековых средиземноморских амфор, более того, они оказываются практически не отличимыми от них. Амфоры низких пропорций группы А по общей пропорциональности, а также по очертаниям форм близки своим средиземноморским аналогам *Byzantine Globular Amphorae* VII – IX вв. Причерноморские амфоры высоких пропорций группы С, в отличие от предыдущей группы, по своим формам напрямую связаны с позднеримским предшественником – амфорами LR1. Амфоры средних пропорций, рассматриваемые в рамках группы В, по своим формам действительно представляют на общем фоне нечто усредненное между сравниваемыми группами. При всем этом причерноморские амфоры всех трех групп после сравнения на фоне других видов позднеримской и ранневизантийской амфорной тары все также оказываются отличимыми между собой, главным образом, по первой ГК.

Рассмотрим второй аспект заявленной проблемы. К числу амфор, происходящих из комплексов с суммарной датировкой вторая половина VIII – первая половина IX в., относятся амфоры из могильников Урень-2 (Багаутдинов, 1998. Рис. 40, 3), Брусяны-3 (Багаутдинов и др., 1998. Рис. 40, 1), два сосуда из могильников Ржевка (Сарапулкин,

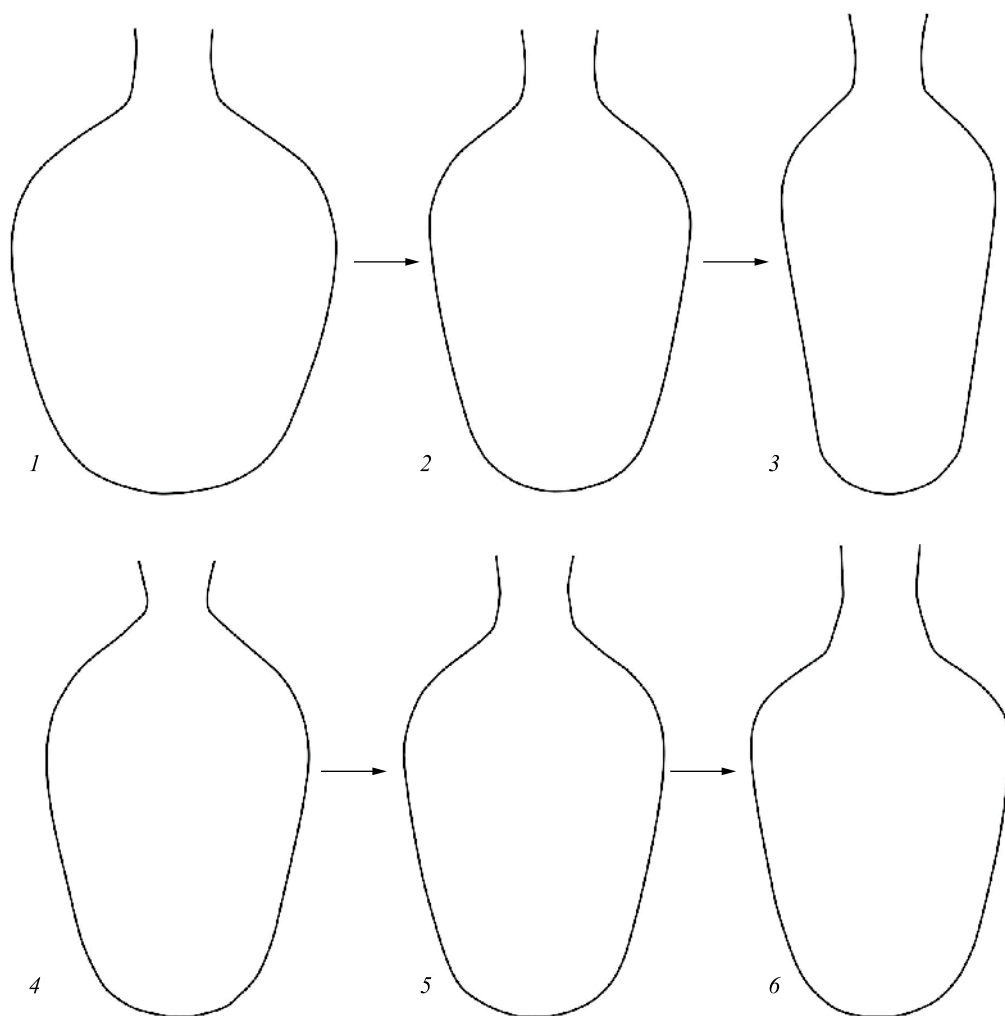

Рис. 6. Схема изменений форм по главным компонентам 1 и 2.

Fig. 6. The pattern of the shape changing in principal components 1 and 2.

2006. Рис. 6, 10), Заячья Могила (кург. 8) (Болтрик, Комар, 2005. Рис. 2, 22), три амфоры из могильника Лучистое (Айбабин, Хайрединова, 2008. Рис. 32, 5, 12, 20), три сосуда из засыпи колодца в портовом квартале I Херсонеса (Романчук и др., 1995. Табл. 20, 91; 21, 93, 94). Верхняя дата раннеболгарских могильников Самарской Луки не выходит за пределы VIII в. (Багаутдинов и др., 1998. С. 164). Ржевский грунтовый могильник датируется концом VIII – первой половиной IX в. (Сарапулкин, 2006. С. 202), комплексы Херсонеса относятся к концу VIII – первой половине IX в. (Романчук и др., 1995. С. 47, 48). Комплексы могильника Лучистое, из которых происходят причерноморские амфоры, относятся к группе погребений второй половины VIII в. (Айбабин, Хайрединова, 2008. С. 63, 66). Из перечисленных выше 11 сосудов 9 относятся к группам А

и С, 1 – к группе В. Причерноморские амфоры, происходящие из комплексов позднее середины IX в., представлены сосудом из Гнёздово (Авдусин, 1952. Рис. 7). Менее надежной является датировка амфоры, происходящей из культурного слоя поселения Калос-Лимен, относящегося, по мнению автора раскопок, к концу IX – началу X в., судя по массовому присутствию высокогорлых кувшинов с плоскими ручками. Одна амфора из Саркела (Плетнева, 1959. Рис. 29, 5), материалы которого не могут датироваться ранее второй трети IX в., относится к группе А, еще две – к группе В (Плетнева, 1996. Рис. 11, 4; 1959. Рис. 28, 2). Амфора из Правобережного Цимлянского городища (Плетнева, 1994. Рис. 59, 1), существование которого по одной из версий завершается в 30–40-е годы IX в. (Флёров, 1994. С. 480–487), оказалась в группе В. Считаем возможным также привлечь

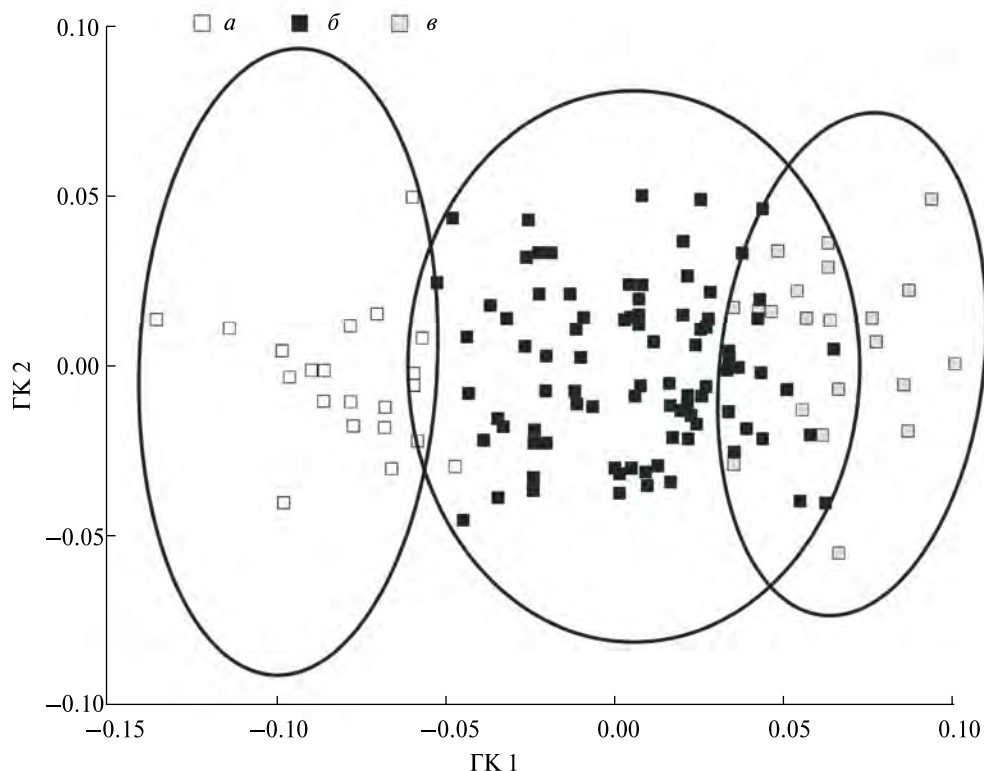

Рис. 7. Результаты анализа форм причерноморских амфор методом ГК. Условные обозначения: *a* – группа А; *б* – группа Б; *в* – группа С.

Fig. 7. The results of the analysis of shapes of Pontic and Mediterranean amphorae by the method of principal components.

материалы волынцевской культуры, где две причерноморские амфоры групп А и С (Баранов, 1990. Рис. 60, 9, 15) относятся к среднему этапу ее развития – рубеж VII–VIII – середина VIII в. (Баранов, 1990. С. 305).

Таким образом, совершенно очевидной представляется следующая тенденция. Подавляющее большинство форм низкой и высокой пропорциональности тяготеют к относительно более раннему периоду – VIII в., реже – к первой половине IX в. В комплексах, относимых к концу первой половины IX в., все еще встречаются формы низкой и высокой пропорциональности, но уже появляются формы средней пропорциональности. В наиболее поздних комплексах, конца IX – X в., имеющиеся обрывочные данные представлены только формами смешанной группы.

Изложенные выше данные свидетельствуют о появлении в VIII в. на территории Крыма нескольких групп гончаров с разными культурными традициями в области формообразования².

² Известно, что в V–VII вв. на территории Крыма амфорного производства не существовало (Паршина и др., 2001. С. 52).

Первая из них включала мастеров, хорошо знакомых с формой средиземноморских амфор LR1 и воспроизводивших ее в рамках форм высоких пропорций причерноморских амфор (варианты 1 и 2 по А.Л. Якобсону). Вторая состояла из гончаров, хорошо знакомых со средиземноморскими формами низких пропорций (LR2), производство которых в V–VII вв. концентрировалось в Эгейском бассейне, а с начала VIII в. распространилось по всему Средиземноморью. Формы причерноморских амфор, являющиеся наиболее схожими со своими позднеимскими и ранневизантийскими прототипами, по-видимому, действительно являются отражением начального этапа существования в Крыму хазарского времени амфорного производства. В пользу этого свидетельствует неотличимость форм групп А от византийских шаровидных амфор VIII–IX вв. и форм группы С от более раннего типа амфор LR1, а также корпус датировок комплексов, из числа которых 90% приходится именно на указанные культурные группы. Последующее развитие форм причерноморских амфор было связано с культурными контактами носителей двух разных традиций и их постепенным

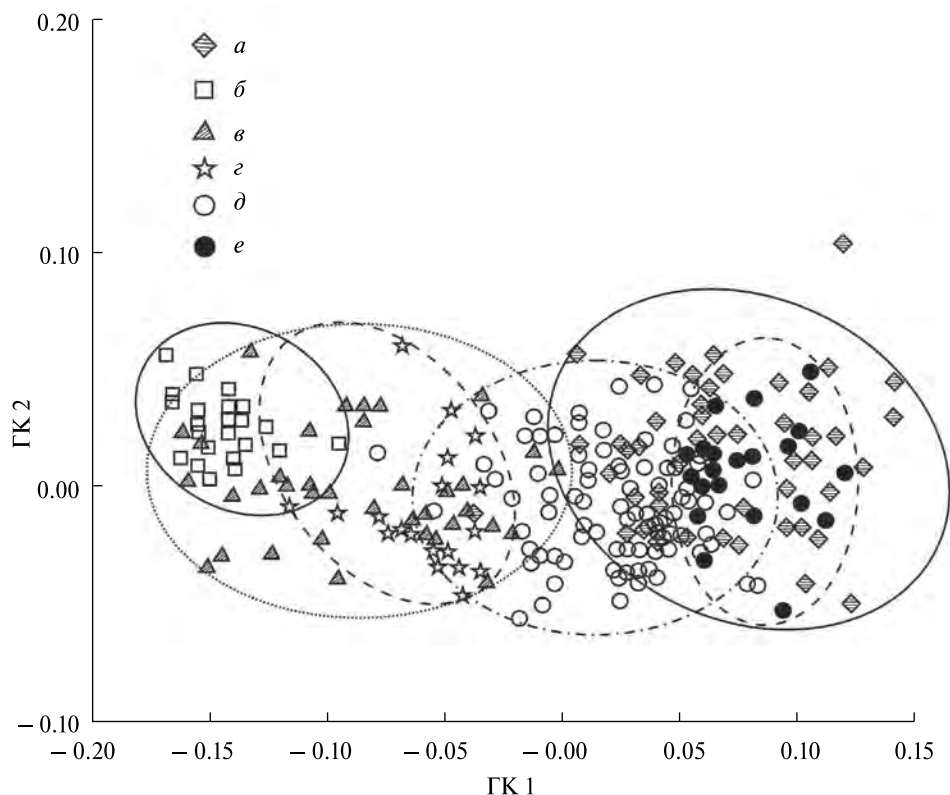

Рис. 8. Результаты анализа форм причерноморских и средиземноморских амфор методом ГК. Условные обозначения: *a* — LRA 1; *b* — LRA 2; *v* — *Byzantine Globular Amphorae*; *z* — причерноморские амфоры группы А; *d* — причерноморские амфоры группы В; *e* — причерноморские амфоры группы С.

Fig. 8. The results of the analysis of shapes of Pontic and Mediterranean amphorae by the method of principal components.

размыванием, которые протекали медленно и постепенно, судя по отсутствию резких скачков в динамике изменения общей пропорциональности. Помимо изменения пропорций и очертаний исходных форм, в этой группе наблюдается и смешивание приемов декорирования внешней поверхности сосудов — появление яйцевидных амфор со сплошным бороздчатым рифлением и гладкостенных — с линейным зональным орнаментом.

Однако при всем этом необходимо учитывать следующие обстоятельства. Количество целых форм в материалах гончарных центров Таврики VIII–X вв. невелико, а все известные сосуды относятся к группе средней пропорциональности. Именно поэтому при определении форм высоких пропорций как продукции крымских гончарных центров мы опираемся на отсутствие таковых в средиземноморских материалах VIII–IX вв. Ситуация с формами низких пропорций более неоднозначна. Эта группа практически полностью оказалась сформирована амфорами варианта 3 по А.Л. Якобсону, точнее той их разновидностью, которая характеризуется

шаровидностью и приземистостью. На территории Крыма гончарные центры, достоверно производившие эту разновидность амфорной тары, до сих пор не выявлены. Известны лишь случаи производства амфор варианта 3 более высоких пропорций (Паршина, 1974. С. 60, 61. Рис. 3, 8; 4, 1; Баранов, 1979. С. 115. Рис. 3, 1). Выявленная с помощью метода ГК неразличимость форм низких пропорций от *Byzantine Globular Amphorae* в совокупности с перечисленными выше обстоятельствами может свидетельствовать об их возможной тождественности, предположения о которой уже высказывались некоторыми исследователями (Зинько, Пономарев, 2009. С. 38).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин Д.А. Гнёздовские курганы. Смоленск: СОГИ, 1952. 39 с.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. 1: Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2008 (Боспорские исследования; Supplementum 4). 336 с.

- Баранов И.А.* Раннесредневековая гончарная печь в урочище Суат близ Ялты // АДСВ. Вып. 16. Свердловск, 1979. С. 112–118.
- Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998. 286 с.
- Белинский И.В., Кулаков А.А.* Средневековый слой поселения Октябрьское I // Хазарские древности: сб. науч. ст. / Ред. В.В. Ключников, А.А. Кулаков. Аксай, 2013. С. 140–162.
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 275 с.
- Бобринский А.А.* О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 137–157.
- Бобринский А.А.* Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988. С. 5–21.
- Болтрик Ю.В., Комар А.В.* Хазарский курган на правом берегу р. Молочной // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж: Истоки, 2005. С. 82–93.
- Гадло А.В.* К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // АДСВ. Вып. 17. Свердловск, 1980. С. 130–145.
- Голофаст Л.А., Ольховский С.В.* Амфорная тара из подводных раскопок в акватории фанагорийской гавани // ПИФК. 2013. № 2 (40). С. 55–78.
- Голофаст Л.А., Рыжов С.Г.* Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. Вып. XVII. Симферополь, 2011. С. 363–411.
- Голофаст Л.А., Рыжов С.Г.* Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, X-A и X-B) // МАИЭТ. Вып. XVIII. Симферополь, 2013. С. 49–161.
- Голенко В.К.* Древний Киммерик и его округа. Симферополь: СОНАТ, 2006. 408 с.
- Громов А.В., Казарницкий А.А.* Применение методов геометрической морфометрии при изучении форм керамической посуды // Тр. IV (XX) ВАС в Казани. Т. IV / Отв. ред. А.Г. Ситдилов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 140–142.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Гончарная керамика VIII–IX веков с сельской округи Боспора // Археология и история Боспора. Т. III: Сб. науч. ст. / Ред. сост. Н.Ф. Федосеев. Керчь: Деметра, 1999. С. 185–212.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 пос. Эльтиген // Боспорские исследования. Т. 10. Симферополь: Керчь, 2005. С. 236–268.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I: Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2009 (Боспорские исследования; Supplementum 5). 328 с.
- Казарницкий А.А., Туркина И.С.* Форма могильной ямы и положение скелета: опыт анализа изменчивости методами геометрической морфометрии // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 277–287.
- Коваль В.Ю.* Керамика Востока на Руси. IX–XVII века / Отв. ред. Л.А. Беляев. М.: Наука, 2010. 269 с.
- Колода В.В., Колода Т.А.* Гончарное производство салтовского ремесленного центра в урочища Роганина // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк: Східний видавничий дім, 2000. С. 117–119.
- Кравченко Э.Я., Давыденко В.В.* Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2: Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евлевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001 (Тр. по археологии). С. 233–302.
- Красильников К.И.* Население Степного Подонцовья в хазарское время // Дивногорский сборник: тр. муз.-заповедника Дивногорье. Вып. 1: Археология / Под ред. А.З. Винникова, М.И. Лыловой. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2009. С. 52–82.
- Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А.* Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. 2010. № 01 (27). С. 393–429.
- Кутайсов С.В.* Раннесредневековый слой Калос Лимепа (по предварительным данным) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Судакской междунар. конф. Киев; Судак: Академперіодика, 2004. С. 113–121.
- Ляпушкин И.И.* Карнауховское поселение // Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958 (МИА; № 62). С. 263–314.
- Майко В.В.* Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев: Академперіодика, 2004. 316 с.
- Медникова М.Б., Тарасова А.А.* Опыт применения метода геометрической морфометрии в определении степени сходства и биологического родства погребенных в Пепкинском кургане эпохи средней бронзы // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 338–352.
- Михеев В.К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. 150 с.
- Мыц В.Л.* Крестообразный храм Мангупа // СА. 1990. № 1. С. 224–242.
- Нидельницкая Л.Ю.* Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V–начала IX вв. (из собраний Донских музеев) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время: Сб. ст. по материалам XII Междунар. науч. конф. / Ред. В.П. Копылов. Ростов н/Д.: Медиа-Полис, 2009. С. 257–293.

- Нидзельницкая Л.Ю.* Раннесредневековая амфора из Танаиса // *Донская археология*. 2001. № 1–2 (10–11). С. 89–94.
- Паршина Е.А.* Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // *Феодалная Таврика: материалы по истории и археологии Крыма* / Отв. ред. С.Н. Бибииков. Киев: Наукова думка, 1974. С. 56–94.
- Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М.* Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // *Морская торговля в Северном Причерноморье: Сб. науч. ст.* Киев: Наукова думка, 2001. С. 52–81.
- Плетнева С.А.* Керамика Саркела-Белой Вежи // *Тр. Волго-Донской археологической экспедиции*. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 75). С. 212–272.
- Плетнева С.А.* Средневековая керамика Таманского городища // *Керамика и стекло древней Тмутаракани* / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–72.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989. 286 с.
- Плетнева С.А.* Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 // *МАИЭТ*. Вып. IV. Симферополь, 1994. С. 271–396.
- Плетнева С.А.* Саркел и шелковый путь. Воронеж: ВГУ, 1996. 170 с.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: УрГУ, 1995. 173 с.
- Смокотина А.В.* Амфоры LR1 на Боспоре // *МАИЭТ*. Вып. XIX. Симферополь; Керчь, 2014. С. 68–87.
- Сарапулкин В.А.* Ржевский грунтовый могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение) // *Археологические памятники Восточной Европы: Межвуз. сб. науч. тр.* Вып. 12. Воронеж: ВГПУ, 2006. С. 195–204.
- Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1990. 488 с.
- Суханов Е.В.* Использование трехмерного моделирования при изучении объемов средневековых “причерноморских” амфор // *Археология и геоинформатика: Вторая междунар. конф.: Тез. докл.* М.: ИА РАН, 2015а. С. 35, 36.
- Суханов Е.В.* Об объемах средневековых “причерноморских” амфор // *КСИА*. 2015б. Вып. 240. С. 172–189.
- Таскаев В.Н., Чхаидзе В.Н.* Подводный комплекс раннесредневековых амфор из Кеп // *Древности Боспора*. Т. 11. М.: ИА РАН, 2007. С. 403–411.
- Успенский П.С.* Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. как исторический источник: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 308 с.
- Флёров В.С.* Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // *МАИЭТ*. Вып. IV. Симферополь, 1994. С. 441–516.
- Цетлин Ю.Б.* Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.
- Цетлин Ю.Б.* Формы сосудов как объект анализа и источник исторической информации // *КСИА*. 2014. Вып. 236. С. 374–378.
- Чангова Й.* Средневековни амфори в България // *Известия на археологическа институт Българска академия на науките*. Кн. XXII. София, 1959. С. 243–260.
- Чхаидзе В.Н.* Средневековое сельское поселение на городище Кепы // *Древности Боспора*. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2006. С. 487–517.
- Чхаидзе В.Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: Таус, 2008. 328 с.
- Чхаидзе В.Н.* Фанагория в VI–X веках. М.: Триумф-принт, 2012. 590 с.
- Шелов Д.Б.* Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму // *КСИИМК*. 1957. Вып. 68. С. 98–103.
- Якобсон А.Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья (Опыт хронологической классификации) // *СА*. 1951. Т. 15. С. 325–344.
- Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 163 с.
- Abadie Reynal A., Sodini J.-P.* Le ceramique paleochretienne a Thasos: Alik, Delkos, fouilles anciennes. Paris, 1992. 100 p.
- Almeida R.D., Viegas C., Beja N., Teixeira N.* Ânforas do Mediterrâneo Oriental em Faro (Ossonoba). Novos dados para equacionar o comércio durante a Antiguidade Tardia // *As produções cerâmicas de imitação na Hispania / II Congreso Internacional De La Secah – Ex Officina Hispana* (Braga, del 3 al 6 de abril de 2013). Т. II. Porto, 2014. P. 151–160.
- Ardizzone F.* Anfore in Sicilia (VIII–XII sec. d.C.). Palermo: Torri Del Vento Edizioni, 2012. 222 p.
- Arthur P.* Aspects of Byzantine Economy: an evaluation of amphora evidence from Italy // *Recherches sur la Céramique Byzantine* / Eds V. De roche, J.-M. Spieser. Paris, 1989 (BCH; Suppl. XVIII). P. 79–91.
- Arthur P., Imperiale M.L.* Le ceramiche di età bizantina (tardo VII–XI secolo) // *Apigliano. Un villaggio bizantino e medievale in Terra d'Otranto. I Reperti* / A cura di P. Arthur, M. Leo Imperiale, M. Tinelli. Lecce: Progetto In-Cul.Tu.Re., 2015. P. 35–46.
- Arthur P., Oren E.* The North Sinai Survey and the evidence of transport amphorae for Roman and Byzantine trading patterns // *Jr. Roman Archaeology*. 1998. V. 11. P. 193–212.

- Bass G.F.* The Pottery // Yassi Ada. V. 1: A seventh-century Byzantine shipwreck / Eds G.F. Bass, F.H. van Doorninck Texas: Texas A&M University Press, 1982. P. 155–188.
- Bjelajac L.* Amfore Gornjo Mezijskog Podunavlja. Beograd: Arheološki Institut, 1996. 150 p.
- Bookstein F.L.* Morphometric tools for landmark data: geometry and biology. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 455 p.
- Demesticha S.* Some thoughts on the production and presence of the Late Roman Amphora 13 on Cyprus // Trade Relations in the Eastern Mediterranean from the Late Hellenistic Period to Late Antiquity: The Ceramic Evidence / Eds M.B. Briese, L.E. Vaag. Denmark: University Press of Southern Denmark, 2005. P. 169–178.
- Demesticha S., Spondylis E.* Late Roman and Byzantine trade in the Aegean // Skylis. 2011. Jahrgang 11. P. 34–40.
- Gelichi S., Negrelli C.* Anfore e commerci nell'alto Adriatico tra VIII e IX secolo // Mélanges de l'Ecole française de Rome – Moyen Âge. 2008. 120, 2. P. 307–326.
- Hayes J.W.* Excavations at Sarachane in Istanbul. V. 2: The Pottery. Princeton: Princeton University Press, 1992. 517 p.
- Imperiale M.L.* Otranto, cantiere Mitello: un centro produttivo nel Mediterraneo bizantino // La ceramica altomedievale in Italia. Archeologia Medievale VI. Firenze: All'Insegna del Ciglio, 2004. P. 327–342.
- Imperiale M.L.* Anfore globulari dal Salento. Produzione e circolazione nell'Adriatico meridionale durante l'Alto medioevo // VII Congresso Nazionale di Archeologia Medievale (Lecce, 9–12 settembre 2015). V. 2. Firenze: All'Insegna del Giglio, 2015. P. 426–431.
- Klontza-Yaklova V.* Transport and storage pottery from Priniatikos Pyrgos-Crete: a preliminary study // LRCW 4: archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers. Oxford: Archaeopress, 2014. P. 799–810.
- Lewit T.* The Second Sea: exchange between the Mediterranean and the Black Sea in late antiquity // PCA. 2015. V. 5. P. 149–174.
- Opait A.* Beobachtungen zur Entwicklung der zwei Amphoratypen // Peuce. 1984. IX. P. 676–690.
- Opait A.* The Eastern Mediterranean Amphorae in the Province Scythia // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean: Acts of the Intern. Colloquium at the Danish Institute at Athens (September 26–29, 2002) / Eds J. Eiring, J. Lund. Aarhus: Aarhus University Press, 2004. P. 293–308.
- Orssaud D.* Le passage de la céramique byzantine à la céramique islamique // La Syrie de Byzance à l'Islam VII–VIIIe siècles: Actes du Colloque Intern. (Lyon; Paris, 11–15 septembre 1990). Damas: Institut français de Damas, 1992. P. 219–228.
- Pieri D.* Nouvelles productions d'amphores de Syrie du Nord aux époques protobyzantine et omeyyade // Mélanges Jean-Pierre Sodini / Eds F. Baratte, V. Déroche, C. Jolivet-Lévy, B. Pitarakis. Paris, 2005 (Travaux et mémoires; T. 15). P. 583–596.
- Pieri D.* Les centres de production d'amphores en Méditerranée orientale durant l'Antiquité tardive: quelques remarques // LRCW 2: Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry (May 2005, Aix-en-Provence, Marseille, Arles, France). Oxford: Archaeopress, 2007 (BAR; Intern. Ser. 1662 (II)). P. 611–625.
- Portale E.C.* The sunset of Gortyn: amphorae in 7th–8th centuries AD // LRCW 4: Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers. V. I / Eds N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou. Oxford: Archaeopress, 2014 (BAR; Intern. Ser. 2616 (I)). P. 477–489.
- Poulou-Papadimitriou N., Didioumi S.* Nouvelles données sur la production de l'atelier céramique protobyzantin a Kardamaina (Cos-Grèce) // LRCW 3: Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. Comparison between western and eastern Mediterranean / Eds S. Menchelli, S. Santoro, M. Pasquinucci, G. Guiducci. Oxford: Archaeopress, 2010 (BAR; Intern. Ser. 2185 (II)). P. 741–749.
- Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E.* Transport vessels and maritime routes in the Aegean (5th – 9th c. AD). Preliminary results of the EU funded “Pythagoras II” Project: the Cretan case study // LRCW 4: Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers / Eds N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou. Oxford: Archaeopress, 2014 (BAR; Intern. Ser. 2616 (II)). P. 873–883.
- Reynolds P.* Pottery and the economy in 8th century Beirut: an Umayyad assemblage from the roman imperial baths (Bey 045) // VIIe Congrès Intern. sur la Céramique Médiévale en Méditerranée (Thessaloniki, 11–16 October 1999). Athènes, 2003. P. 725–734.
- Reynolds P.* Trade networks of the East, 3rd to 7th centuries: the view from Beirut (Lebanon) and Butrint (Albania) (fine wares, amphorae and kitchen wares) // LRCW 3: Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. Comparison between western and eastern Mediterranean / Eds S. Menchelli, S. Santoro, M. Pasquinucci, G. Guiducci. Oxford: Archaeopress, 2010 (BAR; Intern. Ser. 2185 (II)). P. 89–114.
- Robinson H.S.* The Athenian Agora. V. 5: Pottery of the Roman period. Chronology. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1959. 149 p.

- Scorpan C.* Contribution à la connaissance de certains types céramiques romano-byzantins dans l'espace Istro-Pontique // *Dacia*. 1977. V. XXI. P. 269–297.
- Taborelli L.B.* Un contesto ceramico di fine V – prima metà VI secolo dalla grotta “Ciota Ciara” nel Monfenera (Valsesia, Piemonte) // *Ceramica in Italia: VI–VII secolo: Atti del Convegno in onore di John W. Hayes (Roma 11–13 maggio 1995)*. Firenze, 1998. P. 569–576.
- Vroom J.* Early Medieval pottery finds from recent excavations at Butrint, Albania // *Atti del IX congresso internazionale sulla ceramica medievale nel Mediterraneo (Venezia, Scuola Grande dei Carmini, Auditorium Santa Margherita, 23–27 novembre 2009)*. Venezia: All'Insegna del Giglio, 2012. P. 289–296.
- Wilczek J., Monna F., Barral P., Burlet L., Chateau C., Navarro N.* Morphometrics of Second Iron Age ceramics – strengths, weaknesses, and comparison with traditional typology // *Jr. Archaeolog. Science*. 2014. № 50. P. 39–50.
- Wille B.* Die Byzantinische Keramik aus einem Ziegelschacht in Agina Kolonna // *Çanak: Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archaeological Contexts: Proceedings of the First Intern. Symposium on Late Antique, Byzantine, Seljuk, and Ottoman Pottery and Tiles in Archaeological Context / Eds B. Böhlendorf-Arslan, A. Osman Uysal, J. Witte-Orr*. Istanbul, 2007. P. 363–382.
- Williams D.* Late Roman amphora 1: a study of diversification // *Trade Relations in the Eastern Mediterranean from the Late Hellenistic Period to Late Antiquity: The Ceramic Evidence / Eds M.B. Briesse, L.E. Vaag*. Denmark: University Press of Southern, 2005. P. 157–168.

SHAPES OF ‘PONTIC’ AMPHORAE of the 8th – 10th CENTURIES AD

Evgeniy V. Sukhanov

*The Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
(sukhanov_ev@mail.ru)*

This paper analyses the shapes of medieval Pontic amphorae by means of the historical-cultural approach to pottery study and the method of geometric morphometry. It was established that the shapes of Pontic amphorae show certain cultural traits manifested in the general proportions of vessels and the form and height of the shoulder. It implies that the 8th century AD saw the emergence of several groups of potters being bearers of different cultural traditions with respect to the shape of vessels in the Crimea. The subsequent evolution of the shape of Pontic amphorae is related to cultural contacts of the bearers of two different traditions and their eventual erosion.

Keywords: Pontic amphorae, geometric morphometry, historical-cultural approach.

REFERENCES

- Abadie Reynal A., Sodini J.-P.*, 1992. La céramique paléochrétienne à Thasos: Alikí, Delkos, fouilles anciennes. Paris. 100 p.
- Almeida R.D., Viegas C., Beja N., Teixeira N.*, 2014. Ânforas do Mediterrâneo Oriental em Faro (Ossonoba). Novos dados para equacionar o comércio durante a Antiguidade Tardia. *As produções cerâmicas de imitação na Hispania / Il Congreso Internacional De La Secah – Ex Officina Hispana (2013)*, II. Porto, pp. 151–160.
- Arduzzone F.*, 2012. Anfore in Sicilia (VIII–XII sec. d. C.). Palermo: Torri Del Vento Edizioni. 222 p.
- Arthur P.*, 1989. Aspects of Byzantine Economy: an evaluation of amphora evidence from Italy. *Recherches sur la Céramique Byzantine*. V. Déroche, J.-M. Spieser, eds. Paris, pp. 79–91 (Bulletin de correspondance hellénique, Suppl. XVIII).
- Arthur P., Imperiale M.L.*, 2015. Le ceramiche di età bizantina (tardo VII–XI secolo). *Apigliano. Un villaggio bizantino e medievale in Terra d'Otranto. I Reperti*. P. Arthur, M. Leo Imperiale, M. Tinelli, eds. Lecce: Progetto In-Cul.Tu.Re., pp. 35–46.
- Arthur P., Oren E.*, 1998. The North Sinai Survey and the evidence of transport amphorae for Roman and Byzantine trading patterns. *Journal Roman Archaeology*, 11, pp. 193–212.
- Avdusin D.A.*, 1952. Gnezdovskie kurgany [The Gnezdovo Barrows]. Smolensk: SOGI. 39 p.
- Aybabin A.I., Khayredinova E.A.*, 2008. Mogil'nik u sela Luchistoe [A cemetery near the village of Luchistoe], 1. Raskopki 1977, 1982–1984 gg. [Excavations of 1977 and 1982–1984]. Simferopol'; Kerch': ADEF-Ukraina. 336 p. (Bosporskie issledovaniya, Supplementum 4).
- Bagautdinov R.S., Bogachev A.V., Zubov S.E.*, 1998. Prabolgary na Sredney Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ya) [The Proto-Bulgarians on the Middle Volga (at the Sources of History of the Tatars of the Volga-Kama Area)]. Samara. 286 p.
- Baranov I.A.*, 1979. An early medieval potter's kiln in the Suat area near Yalta. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*

- [*Classical Antiquity and the Middle Ages*], 16. Sverdlovsk, pp. 112–118 (In Russ.).
- Baranov I.A., 1990. Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ya (saltovo-mayatskaya kul'tura) [Tauris in the Early Medieval Epoch (the Saltovo-Mayatskoe Culture)]. Kiev: Naukova dumka. 168 p.
- Bass G.F., 1982. The Pottery. *Yassi Ada, I. A seventh-century Byzantine shipwreck*. G.F. Bass, F.H. van Doorninck, eds. Texas: Texas A&M University Press, pp. 155–188.
- Belinskiy I.V., Kulakov A.A., 2013. The medieval layer of the Oktyabrskoe I settlement. *Khazarskie drevnosti: sbornik nauchnykh statey [Khazar Antiquities: A Collection of Papers]*. V.V. Klyuchnikov, A.A. Kulakov, eds. Aksay, pp. 140–162 (In Russ.).
- Bjelajac L., 1996. Amfore Gornjo Mezijskog Podunavlja. Beograd: Arheološki Institut. 150 p.
- Bobrinskiy A.A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery-making of Eastern Europe. Sources and Methods of the Study]. Moscow: Nauka. 275 p.
- Bobrinskiy A.A., 1986. On the methods of the study of excavated pottery shapes. *Kul'tury Vostochnoy Evropy I tysyacheletiya [Cultures of Eastern Europe of the 1st millennium AD]*. Kuybyshev, pp. 137–157 (In Russ.).
- Bobrinskiy A.A., 1988. Functional parts of pottery containers. *Problemy izucheniya arheologicheskoy keramiki [Issues of the Study of Excavated Pottery]*. Kuybyshev, pp. 5–21 (In Russ.).
- Boltrik Yu.V., Komar A.V., 2005. Khazar Barrow on the right bank of the river Molochnaya [Dnepro-Donskoe mezhdurech'e v jepohu rannego srednevekov'ya]. Voronezh: Istoki, pp. 82–93 (In Russ.).
- Bookstein F.L., 1992. Morphometric tools for landmark data: geometry and biology. Cambridge: Cambridge University Press. 455 p.
- Cetlin Ju.B., 2012. Drevnjaja keramika: Teorija i metody istoriko-kul'turnogo podhoda [Early Pottery: Theory and Methods of Historical-Cultural Approach]. Moscow: IA RAN. 384 p.
- Cetlin Ju.B., 2014. Vessel shapes as a matter of analysis and a source of historical information. *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 236, pp. 374–378 (In Russ.).
- Changova J., 1959. Medieval amphorae in Bulgaria. *Izvestija na arheologicheskaja institut B"lgarska akademija na naukite [Proceedings of the Archaeological Institute of the Bulgarian Academy of Sciences]*, XXII. Sofija, pp. 243–260 (In Bulgarian).
- Chhaidze V.N., 2006. A medieval rural settlement at the Kepy site. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 10. Moscow: IA RAN, pp. 487–517 (In Russ.).
- Chhaidze V.N., 2008. Tamatarha. Rannesrednevekovyj gorod na Tamanskom poluostrove [Tamarkha. An Early Medieval City in the Taman Peninsula]. Moscow: Taus. 328 p.
- Chhaidze V.N., 2012. Fanagorija v VI–X vekah [Phanagoria in the 6th–10th Centuries]. Moscow: Triumf-print. 590 p.
- Demesticha S., 2005. Some thoughts on the production and presence of the Late Roman Amphora 13 on Cyprus. *Trade Relations in the Eastern Mediterranean from the Late Hellenistic Period to Late Antiquity: The Ceramic Evidence*. M.B. Briese, L.E. Vaag, eds. Denmark: University Press of Southern Denmark, pp. 169–178.
- Demesticha S., Spondylis E., 2011. Late Roman and Byzantine trade in the Aegean. *Skyllis*, 11, pp. 34–40.
- Fljorov V.S., 1994. The right-bank Tsimlyanskoe habitation site in the light of excavations of 1987–1988 and 1990. *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauris]*, IV. Simferopol', pp. 441–516 (In Russ.).
- Gadlo A.V., 1980. Anent the history of Eastern Tauris of the 8th–10th centuries. *Antichnaja drevnost' i srednie veka [Classical Antiquity and the Middle Ages]*, 17. Sverdlovsk, pp. 130–145 (In Russ.).
- Gelichi S., Negrelli C., 2008. Anfore e commerci nell'alto Adriatico tra VIII e IX secolo. *Mélanges de l'Ecole française de Rome – Moyen Âge*, 120, 2, pp. 307–326.
- Golenko V.K., 2006. Drevnij Kimmerik i ego okrug [Ancient Cimmerium and its neighbourhood]. Simferopol': SONAT. 408 p.
- Golofast L.A., Ol'hovskij S.V., 2013. Transport amphorae from underwater excavations in the Phanagoria harbour. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Issues of History, Philology and Culture]*, 2 (40), pp. 55–78 (In Russ.).
- Golofast L.A., Ryzhov S.G., 2011. The north district of Chersonesos in the early Byzantine time: quarters VIII and IX. *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauris]*, XVII. Simferopol', pp. 363–411 (In Russ.).
- Golofast L.A., Ryzhov S.G., 2013. The north district of Chersonesos in the early Byzantine time: quarters X, X-A and X-B. *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauris]*, XVIII. Simferopol', pp. 49–161 (In Russ.).
- Gromov A.V., Kazarnickij A.A., 2014. Application of the methods of geometric morphometry to the investigation of pottery forms. *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo s"ezda v Kazani [Transactions of the 4th (20th) Pan-Russian Archaeological Congress held in Kazan]*, IV. A.G. Sitdikov, N.A. Makarov, A.P. Derevjanko, eds. Kazan': Otechestvo, pp. 140–142 (In Russ.).
- Hayes J.W., 1992. Excavations at Sarachane in Istanbul, 2. The Pottery. Princeton: Princeton University Press. 517 p.
- Imperiale M.L., 2004. Otranto, cantiere Mitello: un centro produttivo nel Mediterraneo bizantino. *La ceramica altomedievale in Italia. Archeologia Medievale*, VI. Firenze: All'Insegna del Ciglio, pp. 327–342.
- Imperiale M.L., 2015. Anfore globulari dal Salento. Produzione e circolazione nell'Adriatico meridionale durante l'Alto medioevo. *VII Congresso Nazionale di*

- Archeologia Medievale*, 2. Firenze: All'Insegna del Giglio, pp. 426–431.
- Jakobson A.L., 1951. Medieval amphorae of the North Pontic area: An attempt at chronological classification. *Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]*, 15, pp. 325–344 (In Russ.).
- Jakobson A.L., 1979. Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoj Tavriki [Pottery and Pottery-making in Medieval Tauris]. Leningrad: Nauka. 163 p.
- Kazarnickij A.A., Turkina I.S., 2015. The shape of the burial pit and the position of the skeleton: An attempt at the analysis of variability by the methods of geometric morphometry. *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 238, pp. 277–287 (In Russ.).
- Klontza-Yaklova V., 2014. Transport and storage pottery from Priniatikos Pyrgos-Crete: a preliminary study. *LRCW 4: archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers*. Oxford: Archaeopress, pp. 799–810.
- Koloda V.V., Koloda T.A., 2000. Pottery-making of the Saltovo craftwork centre in the Roganin area. *Arheologija i drevnjaja arhitektura Levoberezhnoj Ukrainy i smezhnyh territorij [Archaeology and Early Architecture of the Left-bank Ukraine and the Adjacent Territories]*. Doneck: Shidnij vidavnychij dim, pp. 117–119 (In Russ.).
- Koval' V.Ju., 2010. Oriental Pottery in Rus in the 9th–17th Centuries – [Keramika Vostoka na Rusi. IX–XVII veka]. L.A. Beljaev, ed. Moscow: Nauka. 269 p.
- Krasil'nikov K.I., 2009. The population of the steppe Donets area in the Khazar time. *Divnogorskij sbornik: trudy muzeja-zapovednika Divnogor'e [The Divnogorye Collection: Transactions of the Divnogorye Museum]*, 1. *Arheologija [Archaeology]*. A.Z. Vinnikov, M.I. Lylova. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 52–82 (In Russ.).
- Kravchenko Je.Ja., Davydenko V.V., 2001. The Sidorovo settlement. *Stepi Evropy v jepohu srednevekov'ja [The Steppes of Europe in the Middle Ages]*, 2. *Hazarskoe vremja [The Khazar Time]*. A.V. Evglevskij, ed. Doneck: Izdatel'stvo Doneckogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 233–302 (In Russ.).
- Kutajsov S.V., 2004. The early medieval layer of Kalos Limen from the preliminary data. *Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture: materialy II Sudakskoj mezhdunarodnoj konferencii [Pontic Area, the Crimea and Rus in History and Culture: The Materials of the 2nd Sudak International Conference]*. Kiev; Sudak: Akadempriodika, pp. 113–121 (In Russ.).
- Kuznecov V.D., Golofast L.A., 2010. Houses of the Khazar time at Phanagoria. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Issues of History, Philology and Culture]*, 01 (27), pp. 393–429 (In Russ.).
- Lewit T., 2015. The Second Sea: exchange between the Mediterranean and the Black Sea in late antiquity. *Post Classical Archaeologies*, 5, pp. 149–174.
- Ljapushkin I.I., 1958. The Karnaukhovo settlement. *Trudy Volgo-Donskoj arheologicheskoy jekspedicii [Transactions of the Volga-Don Archaeological expedition]*, 1. Moscow; Leningrad.: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 263–314 (MIA, 62) (In Russ.).
- Majko V.V., 2004. Srednevekovoe gorodishhe na plato Tepsen' v jugo-vostochnom Krymu [A Medieval Habitation Site on the Tepsen Plateau in the southeastern Crimea]. Kiev: Akadempriodika. 316 p.
- Mednikova M.B., Tarasova A.A., 2014. An attempt at the application of the method of geometric morphometry to the definition of the degree of similarity and biological kinship of the interred under the Pepkinskiy barrow of the Middle Bronze Age. *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 234, pp. 338–352 (In Russ.).
- Mihev V.K., 1985. The Don Basin in the Khazar Kaganate Podon'e v sostave Hazarskogo kaganata. Har'kov: Vishha shkola. 150 p.
- Myc V.L., 1990. Cross-shaped temple of Mangup. *Sovetskaja arheologija [Soviet archaeology]*, 1, pp. 224–242 (In Russ.).
- Nidzel'nickaja L.Ju., 2001. An early medieval amphora from Tanais. *Donskaja arheologija [The Don Archaeology]*, 1–2 (10–11), pp. 89–94 (In Russ.).
- Nidzel'nickaja L.Ju., 2009. Byzantine amphorae with a flat body and zonal decoration of the 5th– early 9th centuries from the collections of the Don museums. *Mezhdunarodnye otnoshenija v bassejne Chernogo morja v skifo-antichnoe i hazarskoe vremja: sbornik statej po materialam XII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [International Relations in the Black Sea Basin in the Scytho-Classical and Khazar time: A Collection of Papers Read at the 12th International Scholarly Conference]*. V.P. Kopylov, ed. Rostov-na-Donu: Media-Polis, pp. 257–293 (In Russ.).
- Opait A., 1984. Beobachtungen zur Entwicklung der zwei Amphoratypen. *Peuce*, IX, pp. 676–690.
- Opait A., 2004. The Eastern Mediterranean Amphorae in the Province Scythia. *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean: Acts of the Intern. Colloquium at the Danish Institute at Athens (2002)*. J. Eiring, J. Lund, eds. Aarhus: Aarhus University Press, pp. 293–308.
- Orssaud D., 1992. Le passage de la céramique byzantine à la céramique islamique. *La Syrie de Byzance à l'Islam VII–VIIIe siècles: Actes du Colloque International (1990)*. Damas: Institut français de Damas, pp. 219–228.
- Parshina E.A., 1974. Medieval pottery of South Tauris from excavations and ground surveys of 1965–1969. *Feodal'naja Tavrika: materialy po istorii i arheologii Kryma [Feudal Tauris: Materials on History and Archaeology of the Crimea]*. S.N. Bibikov, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 56–94 (In Russ.).
- Parshina E.A., Teslenko I.B., Zelenko S.M., 2001. Pottery-making centers of Tauris of the 8th–10th centuries. *Morskaja trgovlja v Severnom Prichernomor'e: sbornik nauchnyh statej [Sea Trade in the North Pontiac Area: A*

- Collection of Scholarly Papers*]. Kiev: Naukova dumka, pp. 52–81 (In Russ.).
- Pieri D., 2005. Nouvelles productions d’amphores de Syrie du Nord aux époques protobyzantine et omeyyade. *Mélanges Jean-Pierre Sodini*. F. Baratte, V. Déroche, C. Jolivet-Lévy, B. Pitarakis, eds. Paris, pp. 583–596 (Travaux et mémoires, 15).
- Pieri D., 2007. Les centres de production d’amphores en Méditerranée orientale durant l’Antiquité tardive: quelques remarques. *LRCW 2: Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry* (2005). Oxford: Archaeopress, pp. 611–625 (BAR; Intern. Ser. 1662 (II)).
- Pletneva S.A., 1959. Pottery of Sarkel-Belaya Vezha. *Trudy Volgo-Donskoj arheologicheskoy jekspedicii [Transactions of the Volga-Don Archaeological Expedition]*, 2. Moscow; Leningrad: Izdatel’stvo AN SSSR, pp. 212–272 (MIA, 75) (In Russ.).
- Pletneva S.A., 1963. Medieval pottery of the Taman habitation site. *Keramika i steklo drevnej Tmutarakani [Pottery and Glass of Ancient Tmutarakan]*. B.A. Rybakov, ed. Moscow: Izdatel’stvo AN SSSR, pp. 5–72 (In Russ.).
- Pletneva S.A., 1989. Na slavyano-hazarskom pogranič’e (Dmitrievskij arheologicheskij kompleks) [On the Slav–Khazar Border. The Dmitrievskiy Archaeological Complex]. Moscow: Nauka. 286 p.
- Pletneva S.A., 1994. The right-bank Tsimlyanskoe habitation site. Excavations of 1958–1959. *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauris]*, IV. Simferopol’, pp. 271–396 (In Russ.).
- Pletneva S.A., 1996. Sarkel i shelkovyj put’ [Sarkel and the Silk Route]. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet. 170 p.
- Portale E.C., 2014. The sunset of Gortyn: amphorae in 7th–8th centuries AD. *LRCW 4: Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers*. I.N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou, eds. Oxford: Archaeopress, pp. 477–489 (BAR; Intern. Ser. 2616 (I)).
- Poulou-Papadimitriou N., Didjoudi S., 2010. Nouvelles données sur la production de l’atelier céramique protobyzantin a Kardamaina (Cos-Grèce). *LRCW 3: Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. Comparison between western and eastern Mediterranean*. S. Menchelli, S. Santoro, M. Pasquinucci, G. Guiducci, eds. Oxford: Archaeopress, pp. 741–749 (BAR; Intern. Ser. 2185 (II)).
- Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E., 2014. Transport vessels and maritime routes in the Aegean (5th–9th c. AD). Preliminary results of the EU funded “Pythagoras II” Project: the Cretan case study. *LRCW 4: Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers*. N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou eds. Oxford: Archaeopress, pp. 873–883 (BAR; Intern. Ser. 2616 (II)).
- Reynolds P., 2003. Pottery and the economy in 8th century Beirut: an Umayyad assemblage from the roman imperial baths (Bey 045). *VIIe Congrès International sur la Céramique Médiévale en Méditerranée* (1999). Athènes, pp. 725–734.
- Reynolds P., 2010. Trade networks of the East, 3rd to 7th centuries: the view from Beirut (Lebanon) and Butrint (Albania) (fine wares, amphorae and kitchen wares). *LRCW 3: Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. Comparison between western and eastern Mediterranean*. S. Menchelli, S. Santoro, M. Pasquinucci, G. Guiducci, eds. Oxford: Archaeopress, pp. 89–114 (BAR; Intern. Ser. 2185 (II)).
- Robinson H.S., 1959. The Athenian Agora, 5. Pottery of the Roman period. Chronology. Princeton: American School of Classical Studies at Athens. 149 p.
- Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V., 1995. Amfory iz kompleksov vizantijskogo Hersona [Amphorae from the Complexes of the Byzantine Kherson]. Ekaterinburg: Ural’skij gosudarstvennyj universitet. 173 p.
- Sarapulkin V.A., 2006. The Rzhev ground cemetery of the Saltovo-Mayatskoe culture: A preliminary report. *Arheologicheskie pamjatniki Vostochnoj Evropy: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov [Archaeological Monuments of Eastern Europe: An Inter-university Collection of Scholarly Papers]*, 12. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, pp. 195–204 (In Russ.).
- Scorpan C., 1977. Contribution à la connaissance de certains types céramiques romano-byzantins dans l’espace Istro-Pontique. *Dacia*, XXI, pp. 269–297.
- Shelov D.B., 1957. Excavations of a medieval settlement in the East Crimea. *Kratkie soobshhenija instituta istorii material’noj kul’tury [Brief Communications of the Institute of Material Culture History]*, 68, pp. 98–103 (In Russ.).
- Slavjane Jugo-Vostochnoj Evropy v predgosudarstvennyj period [The Slavs of Eastern Europe in the pre-State period]. V.D. Baran, ed. Kiev: Naukova dumka, 1990. 488 p.
- Smokotina A.V., 2014. LR1 amphorae on the Bosphorus. *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauris]*, XIX. Simferopol’; Kerch’, pp. 68–87 (In Russ.).
- Suhanov E.V., 2015a. The use of the three-dimensional modelling for the investigation of volumes of medieval ‘Pontic’ amphorae. *Arheologija i geoinformatika: vtoraja mezhdunarodnaja konferencija: tezisy dokladov [Archaeology and Geoinformatics: The second International Conference. Abstracts of Papers]*. Moscow: IA RAN, pp. 35, 36 (In Russ.).

- Suhanov E.V., 20156. On the volume of medieval 'Pontic' amphorae. *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 240, pp. 172–189 (In Russ.).
- Taborelli L.B., 1998. Un contesto ceramico di fine V – prima metà VI secolo dalla grotta "Ciota Ciara" nel Monfenera (Valsesia, Piemonte). *Ceramica in Italia: VI–VII secolo: Atti del Convegno in onore di John W. Hayes (1995)*. Firenze, pp. 569–576.
- Taskaev V.N., Chhaidze V.N., 2007. An underwater complex of early medieval amphorae from Kepy. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosphorus]*, 11. Moscow: IA RAN, pp. 403–411 (In Russ.).
- Uspenskij P.S., 2015. Kremacionnye pogrebenija Severo-Zapadnogo Kavkaza VIII–XIII vv. kak istoricheskij istochnik: dissertacija ... kandidata istoricheskikh nauk [Cremation burials of the Northwest Caucasus of the 8th–13th centuries as a historical source: Ph.D. Thesis]. Moscow. 308 p.
- Vroom J., 2012. Early Medieval pottery finds from recent excavations at Butrint, Albania. *Atti del IX congresso internazionale sulla ceramica medievale nel Mediterraneo (2009)*. Venezia: All'Insegna del Giglio, pp. 289–296.
- Wilczek J., Monna F., Barral P., Burlet L., Chateau C., Navarro N., 2014. Morphometrics of Second Iron Age ceramics – strengths, weaknesses, and comparison with traditional typology. *Journal Archaeological Science*, 50, pp. 39–50.
- Wille B., 2007. Die Byzantinische Keramik aus einem Ziegelschacht in Agina Kolonna. *Çanak: Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archaeological Contexts: Proceedings of the First Intern. Symposium on Late Antique, Byzantine, Seljuk, and Ottoman Pottery and Tiles in Archaeological Context*. B. Böhlendorf-Arslan, A. Osman Uysal, J. Witte-Orr, eds. Istanbul, pp. 363–382.
- Williams D., 2005. Late Roman amphora 1: a study of diversification. *Trade Relations in the Eastern Mediterranean from the Late Hellenistic Period to Late Antiquity: The Ceramic Evidence*. M.B. Briese, L.E. Vaag, eds. Denmark: University Press of Southern, pp. 157–168.
- Zin'ko V.N., Ponomarev L. Ju., 1999. Pottery of the 8th–9th centuries from the rural neighbourhood of the Bosphorus. *Arheologija i istorija Bospora [Archaeology and History of the Bosphorus]*, III. N.F. Fedoseev, ed, comp. Kerch': Demetra, pp. 185–212 (In Russ.).
- Zin'ko V.N., Ponomarev L. Ju., 2005. The early medieval horizon of the Geroevka-2 habitation site at the township of Eltigen. *Bosporskie issledovanija [Bosporan Studies]*, 10. Simferopol'; Kerch', pp. 236–268 (In Russ.).
- Zin'ko V.N., Ponomarev L. Ju., 2009. Tiritaka. Raskop XXVI [Tiritaka. Excavation area XXVI], vol. I. Arheologicheskie komplekсы VIII–X vv. [Archaeological Complexes of the 8th–10th Centuries AD]. Simferopol'; Kerch': ADEF-Ukraina (Bosporskie issledovanija: Supplementum 5). 328 p.

ПУБЛИКАЦИИ

КУРГАН С РОВИКАМИ В НИЗОВЬЯХ р. ЕЛАНЬ

© 2017 г. А.П. Медведев

*Воронежский государственный университет, Россия
(APM1950@yandex.ru)**Поступила в редакцию 16.06.2016 г.*

В 2014 г. археологическая экспедиция Воронежского университета и ООО НПЦ “Древности” провели совместные раскопки курганного могильника Елка 5 в Новохоперском районе Воронежской области. Среди курганов необычными подкурганными конструкциями выделялся курган 4. Под его насыпью выявлена сложная планиграфическая структура — кольцевой ровик диаметром около 16 м вокруг первичной насыпи над основным погребением, а также два ровика-полукружия, примыкавшие к центральному ровику с севера и юга. Кольцевой ровик имел по одному разрыву с запада и востока шириной до полуметра. Внутри ограниченного ровиком пространства открыты два захоронения подростков древнейшей культуры середины III тыс. до н.э.; основное погр. 3 располагалось точно по центру кургана. Необычным оказалось и впускное погр. 1, совершенное в катакомбе, окруженной северным полуровиком. Ее входная шахта была забита крупными камнями, а вход в дромос заложен массивной каменной плитой.

Ключевые слова: Прихоперье, р. Елань, курган, стратиграфия, эпоха ранней бронзы, древнейшая культура, катакомбная культура, погребальный обряд, сопровождающий инвентарь.

В 2014 г. совместная экспедиция Воронежского университета и ООО НПЦ “Древности” провела раскопки курганного могильника Елка 5 в Новохоперском р-не Воронежской обл. Памятник открыт отрядом археологической экспедиции Воронежского университета в 2012 г. в ходе сплошного обследования низовий р. Елань (Савицкий, 2012. С. 32, 33). В 2014 г. под руководством автора здесь было раскопано шесть курганов (Медведев, 2014). Среди них необычными подкурганными конструкциями выделялся курган 4 (рис. 1, 1). Он находился в восточной части могильника на пойменном лугу. Диаметр его насыпи 38 м, высота ок. 1.25 м. Насыпь правильной округлой формы ничем не отличалась от остальных курганов, лишь заметно оплыла. Ее поверхность была покрыта луговой растительностью, какие-либо следы поздних перекопов отсутствовали. Курган раскапывался с помощью бульдозера шестью траншеями с оставлением пяти бровок между ними по линии С—Ю.

Стратиграфия насыпи (рис. 1, 2, 3). Под тонким (не более 12 см) слоем дерна выявлен староплахотный слой толщиной до 25 см. Ниже залегала древняя насыпь, состоящая из чернозема темно-серого цвета. На всю глубину она была проработана норами степных грызунов. Под вершиной насыпи отчетливо фиксировался провал слоистого грунта из прослоек чернозема и суглинка, как позднее выяснилось, опустившегося в яму основного

погр. 3 (рис. 1, 2). К С и Ю от вершины кургана с глубины 0.6 м от 0 отмечены участки могильного выкида из суглинка светло-желтого цвета, под которыми, а также между которыми, выявлена первичная насыпь из чернозема более темного цвета, сохранившаяся на высоту до 0.3 м. Ее диаметр не превышал 15–16 м. Следует отметить, что западный и особенно восточный края первичной насыпи были перекрыты довольно мощным слоем выкида из суглинка толщиной до 0.4 м, который особенно хорошо был виден в бровке 2 в виде дугообразной полосы протяженностью 9 м (рис. 1, 3). Он образовался в результате выкапывания кругового ровика вокруг основного погребения (описание дано ниже). Отметим, что местами древнейшая насыпь лежала на погребенной почве, местами — на предматериковом суглинке. Погребенная почва представляла собой слой осветленного чернозема мощностью до 0.35 м. Материк — светло-коричневый суглинок. Укажем также, что небольшие прослойки суглинка встречались на уровне первичной насыпи на расстоянии 6–10 м от вершины по всей ее периферии.

Во многих местах под насыпью материк в нижней части бровок был прорезан ровиками шириной до полуметра и глубиной 25–40 см. Под северной полой насыпи, между бровками 1 и 2, в 7 м к С от 0, с глубины 0.7 м встречено скопление массивных камней и необработанных плит песчаника. Как позднее выяснилось, они

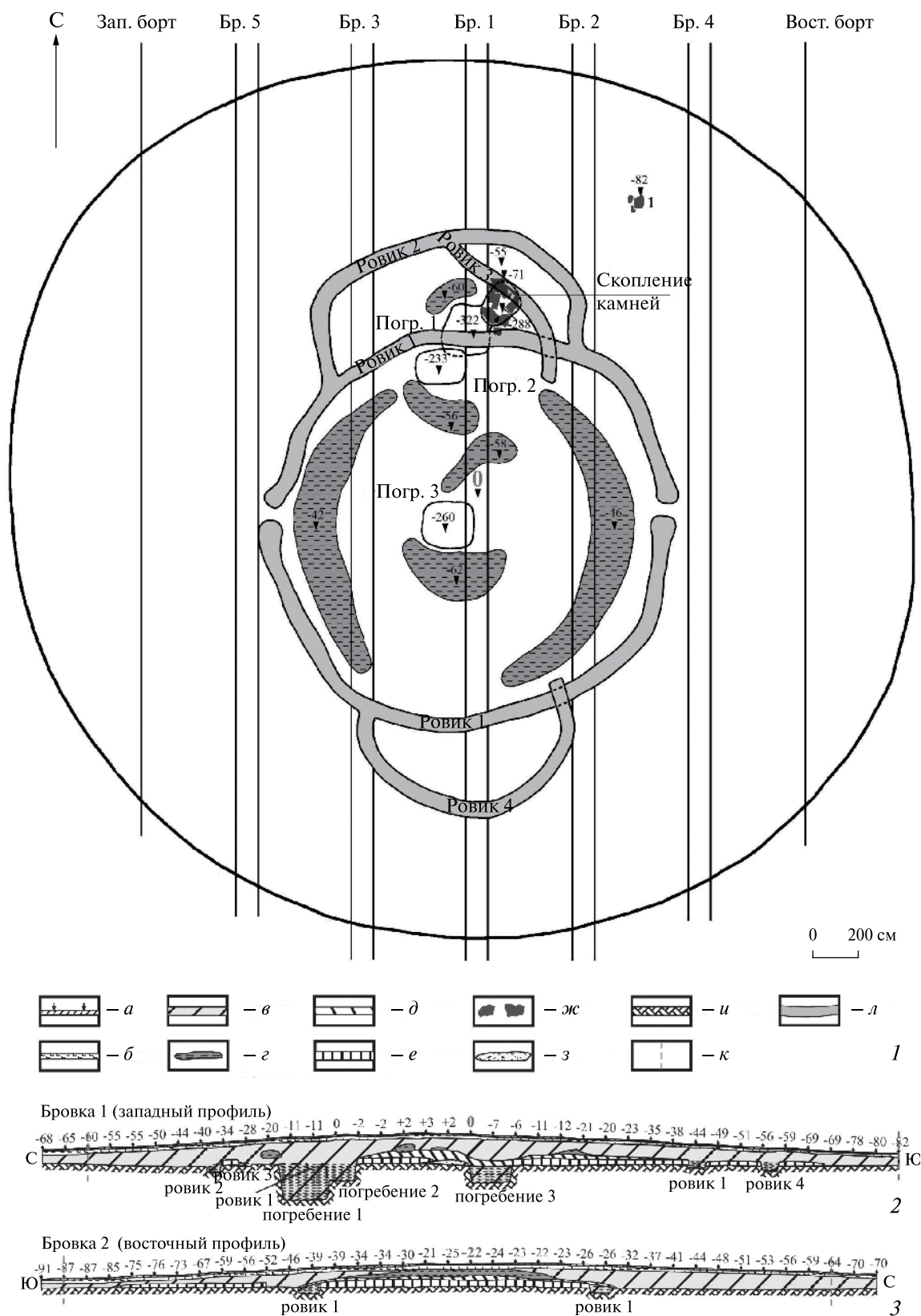

Рис. 1. Курганная группа Елка 5. Кург. 4. План и профили: 1 — план кургана; 2 — бровка 1, западный профиль; 3 — бровка 2, восточный профиль. Условные обозначения: а — дерн, б — пашня, в — чернозем, г — выкид (суглинок), д — первичная насыпь, е — погребенная почва, ж — камни, з — супесь пойменных грив, и — материк, к — граница насыпи кургана, л — ровики, 1 — камень.

Fig. 1. The Yolka barrow group 5. Barrow 4. Plan and sections

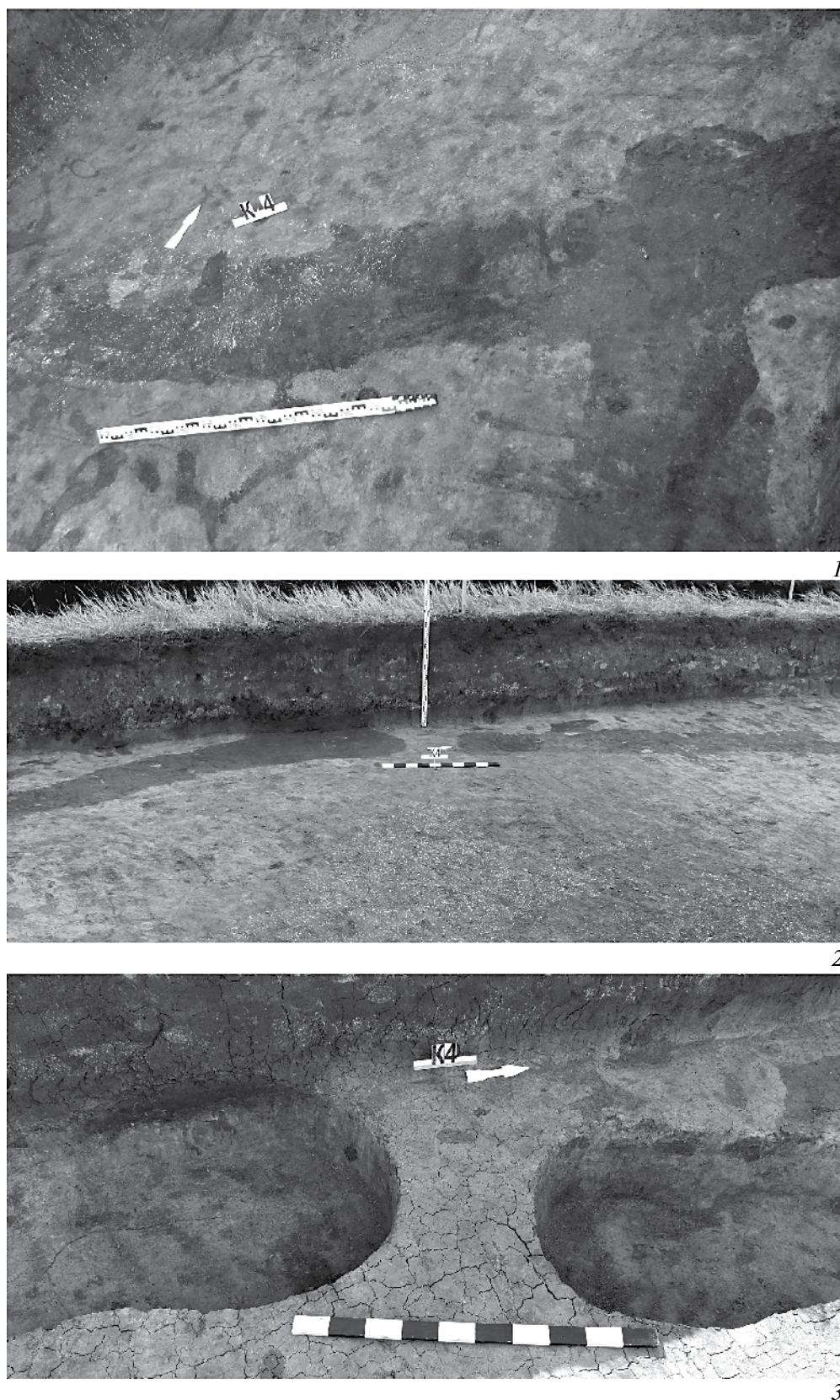

Рис. 2. Курганная группа Елка 5. Кург. 4. Ровики: 1 — пересечение центрального и южного ровиков; 2 — часть центрального ровика в месте западного разрыва; 3 — оформление окончаний центрального ровика у западного разрыва; 4 — общий вид с С; 5 — часть центрального ровика в месте восточного разрыва (1, 2 — на уровне зачистки материка; 3–5 — после выборки заполнения).

Fig. 2. The Yolka barrow group 5. Barrow 4. Trenches

4

Рис. 2. (Окончание)

оказались верхней частью каменной забутовки погр. 1. Крупный камень найден также под северной полой насыпи в 17 м к ССВ от 0. Каких-либо иных находок в насыпи не обнаружено.

Ровики. Под курганной насыпью при зачистке бровок и материка в траншеях стали встречаться четкие полосы, заполненные темным грунтом (рис. 2, 1, 2). После изучения стратиграфии и проведения сплошной зачистки вручную западной и восточной половин кургана по основанию материка под древнейшей насыпью на площади свыше 200 м² выявлена сложная планиграфическая структура, состоявшая из кольцевого ровика 1 вокруг первичной насыпи над основным захоронением и двух ровиков-полукружий 2 и 4, примыкавших к основному ровику с С и Ю (рис. 2, 4). В процессе раскопок ровики были выбраны по всей площади кургана. Они имели ширину от 0.4 до 0.6 м при глубине в среднем 0.3–0.4 м (рис. 2, 5). В разрезе ровики имели корытообразную форму. Они были заполнены черноземом, иногда перемешанным с суглинком. Ни одной находки в их заполнении не обнаружено, что косвенно указывает на их сооружение одновременно или вскоре после возведения первичной насыпи.

Кольцевой ровик 1 был вырыт вокруг первичной насыпи над основным погр. 3 и имел диаметр около 16 м. Чернозем и суглинок из него оказались на краях полы этой насыпи (рис. 1, 3). С востока и запада в центральном ровике имелись по одному разрыву шириной до полуметра; концы полукружий имели вид овальных утолщений (рис. 2, 2, 3, 5). Следует отметить, что оба разрыва были оставлены точно по линии 3–В, проходящей через центр курганной насыпи и основное погр. 3.

С севера к основному ровику 1 примыкал ровик 2 в виде полукруга размерами 5 × 11 м. Ограниченное им пространство почти по диагонали было поделено еще одним дугообразным ровиком 3. Он был не такой глубокий, как основной ровик 1, и пересекал входную шахту погр. 1 в ее северной части. С юга к основному ровику 1 примыкал полукруглый ровик 4, расположенный симметрично северному ровику 2, но имевший несколько меньшие размеры (4 × 9 м). Он был выкопан после ровика 1, на что указывают их пересечения, в одном случае явно “внахлест” (рис. 2, 1). Ни погребений, ни каких-либо сооружений или находок внутри пространства, ограниченного этим ровиком, не обнаружено. В отличие от северного ровика его назначение осталось неясным.

После изучения ровиков стала проявляться не только планиграфия, но и стратиграфия кургана.

В частности, получили вполне логичное объяснение дугообразные выкиды под восточной и западной полами насыпи в бровках 2 и 3, не связанные с какими-либо погребениями (рис. 1, 3). Они лежали на полах первичной насыпи и, скорее всего, были набросаны на нее в процессе выпивания первичного ровика 1. Один из них почти целиком попал в восточный профиль бровки 2. Похожая, хотя и менее четкая, картина наблюдалась и в бровке 3. Также при сопоставлении с планом ровиков (рис. 1, 1) получили объяснение небольшие участки материковых выкидов, встреченные в бровках 1, 2, 3 ближе к их краям. Они располагались над ровиками или примыкали к ним изнутри со стороны первичной насыпи.

В кургане обнаружено три погребения.

Погребение 1, впускное (рис. 3; 4). Как уже указывалось выше, при раскопках насыпи в северной части траншеи между бровками 1 и 2 было обнаружено скопление крупных камней. После их снятия была произведена зачистка по основанию материка, которая выявила пятно ямы и пересекающего ее ровика 3. Яма – входная шахта катакомбного сооружения – имела трапециевидную форму и заметно сужалась к Ю (рис. 3, 1). Длинной осью она была ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. На уровне зачистки материка ее размеры составляли 1.45 × 1.8 м. Заполнение ямы состояло из одних крупных камней, служивших забутовкой. Камни встречались на всю глубину ямы до ее дна. Оно было зафиксировано на глубине 1.4 м от уровня материка (2.88 м от 0). Ко дну яма несколько сужалась и имела максимальные размеры 1.25 × 1.75 м. На дне останков погребенного и инвентаря не найдено.

Вдоль короткой южной стенки входной шахты обнаружен заклад – массивная плита из песчаника, стоявшая почти вертикально (рис. 3, 1; 4, 1). Ее удалось вытащить только с помощью бульдозера. Плита не имела следов искусственной обработки, хотя внешне и напоминала каменное антропоморфное изваяние. Ее размеры 0.9 × 1.25 м при толщине 0.15–0.2 м. За плитой в стенке могилы был виден мешаный грунт заполнения дромоса, который уходил под бровку 1.

После снятия центральной бровки 1 была произведена зачистка по основанию материка и выявлено пятно от обвалившейся камеры. Она располагалась между входной шахтой и погр. 2. В результате расчистки камеры стал ясен план погр. 1, совершенного в катакомбе (рис. 4, 1). Укажем, что ее пол располагался почти на 1 м ниже дна могилы погр. 2 и частично заходил под нее. Поэтому грунт из заполнения восточной части

Рис. 3. Курганная группа Елка 5. Кург. 4, погр. 1. Фото: 1 — входная шахта и каменный заклад (вид с СВ); 2 — камера после расчистки (вид с ЮВ).

Fig. 3. The Yolka barrow group 5. Barrow 4, burial 1. Foto

погр. 2 со временем частично опустился в камеру погр. 1. Заходила она и под кольцевой ровик 1. Как уже указывалось, катакомба была окружена северным ровиком 2.

Камера погр. 1 имела подквадратную форму, размеры 2.25×3.0 м на уровне зачистки материка и была ориентирована сторонами по странам света. Она была плотно забутована материковым

суглинком. В северо-восточном углу камера соединялась с входной шахтой узким коротким дромосом шириной 0.8 м. Здесь была ступенька высотой около 0.3 м. Стенки камеры почти вертикальные. Дно было углублено в материк на 1.8 м (3.2 м от 0) от уровня зачистки пятна. Ко дну размеры камеры уменьшились до 2.0×2.1 м. На дне камеры расчищен скелет подростка хорошей

сохранности. Его возраст 15–18 лет, пол антропологу однозначно определить, к сожалению, не удалось¹. Скелет лежал по диагонали камеры спиной ко входу, на правом боку, слегка скорчено, головой на 3 с незначительным отклонением к С. Ноги согнуты в коленях почти под прямым углом, руки слегка согнуты в локтях и перекрещены выше запястий (связаны?), кисти находились около колен. Под скелетом был хорошо заметен темный тлен от органической подстилки (рис. 3, 2; 4, 1), а также охра. Последняя лежала поверх органического тлена в виде широких полос, напоминающих продольные и поперечные доски, крашенные охрой. У колен подростка, сзади, найдено бронзовое четырехгранное шило длиной 8 см (рис. 4, 3), под которым находился темный тлен, скорее всего, от небольшого деревянного сосуда диаметром ок. 7 см, вдавленного в дно камеры. На черепе найдена серебряная височная подвеска в форме калачика (рис. 4, 2).

Погребение ранней катакомбной культуры эпохи средней бронзы. Судя по сочетанию шила и височной подвески, здесь, скорее всего, была похоронена девушка или молодая женщина². Обращает на себя внимание стремление максимально изолировать ее тело от “мира живых”: захоронение в нестандартном положении спиной к входной шахте, сооружение дополнительно северного ровика, мощная забутовка входной шахты крупными камнями, при этом вход в камеру был дополнительно заложен тяжелой каменной плитой.

Погребение 2, впускное (рис. 5). Находилось в 5.7 м к С от вершины кургана. Его восточный край оказался под центральной бровкой. При зачистке материка обнаружено пятно могильной ямы, четко выделявшееся черным цветом заполнения на фоне желтого суглинка. Отметим, что яма располагалась внутри пространства, ограниченного основным ровиком 1, и непосредственно примыкала к нему с Ю. До глубины 0.35 м от уровня зачистки пятна могила была заполнена сильно гумусированным грунтом почти черного цвета, в котором были видны норы грызунов. Ниже заполнение могилы было неоднородным: в западной части ямы шел почти чистый материковый суглинок, в восточной — чернозем. Такой весьма неоднородный характер заполнения

сохранялся до дна могильной ямы и, видимо, был образован провалом части грунта в обвалившуюся камеру катакомбы погр. 1.

Яма имела прямоугольную со скругленными углами форму и была ориентирована продольной осью по линии В–З. На уровне зачистки материка ее размеры 1.5 × 2.4 м, прослеженная глубина в материке до 0.7 м (2.33 м от 0). Ко дну размеры ямы уменьшались до 1.35 × 2.0 м. На дне могилы обнаружен скелет подростка 10–13 лет (пол не определен). Он лежал на органической подстилке, от которой под тазовыми костями сохранился лишь темный тлен, местами окрашенный охрой (рис. 5, 2). Погребенный был положен на спину, ноги согнуты в коленях и завалились направо, руки слегка согнуты в локтях и опущены к ногам, головой ориентирован строго на В. За исключением черепа остальные кости скелета имели следы охры. Какой-либо инвентарь отсутствовал.

По типу погребального сооружения и обряду погребение относится к древнеямной культуре эпохи ранней бронзы. Его следует датировать временем ок. сер. III тыс. до н.э.

Погребение 3, основное (рис. 6). Находилось под вершиной курганной насыпи в 0.1 м к Ю от 0. С этим погребением, вероятно, связан могильный выкид, фиксировавшийся в 2 м к Ю от вершины. В западном профиле бровки 1 над погребением был хорошо виден провал слоистого грунта из прослоек темно-серого чернозема и суглинка. Из-за этого перемеса при зачистке материка пятно могильной ямы обнаружилось далеко не сразу — потребовалось несколько зачисток на разном уровне. Лишь зачистка на глубине 1.75 м от 0 позволила выявить четкие контуры могильной ямы. На этом уровне она имела почти квадратную в плане форму с сильно скругленными углами, размеры 2.0 × 2.15 м. Заполнение ямы — чистый чернозем темно-серого цвета, нарушенный норами грызунов. Дно могилы обозначилось на глубине 0.65 м от уровня материка (2.6 м от 0). Размеры ямы по дну 1.85 (С–Ю) × 2.0 (З–В) м.

Скелет подростка 11–14 лет (пол не определен) покоился на прямоугольной органической подстилке размерами 0.9 × 1.5 м, от которой сохранился тлен черного цвета. Отметим, что сама подстилка лежала на дне могилы по диагонали от северо-восточного угла к юго-западному. Погребенный уложен на спину с разворотом вправо, ноги слегка согнуты в коленях и также завалились направо. Левая рука согнута в локте под прямым углом, ее кисть находилась у левого бедра. Плечевая кость правой руки явно смещена и лежала поперек грудной клетки, лучевая

¹ Все антропологические определения выполнены канд. ист. наук А.А. Казарницким.

² По устному сообщению Ю.П. Матвеева и Л.И. Маслихой, сочетание подобного украшения и шила чаще встречается на Среднем Дону в женских катакомбных погребениях, нежели в мужских.

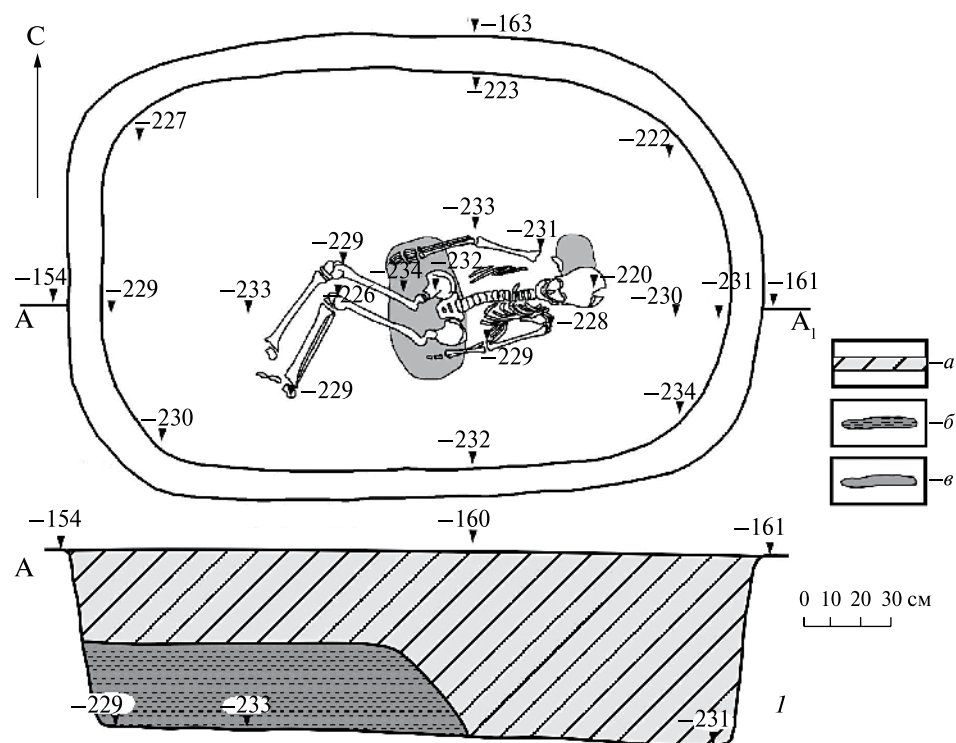

Рис. 5. Курганная группа Елка 5. Кург. 4, погр. 2: 1 – план и разрез (*a* – чернозем, *б* – суглинок, *в* – органическая подстилка); 2 – фото (вид с 3).

Fig. 5. The Yolka barrow group 5. Barrow 4, burial 2

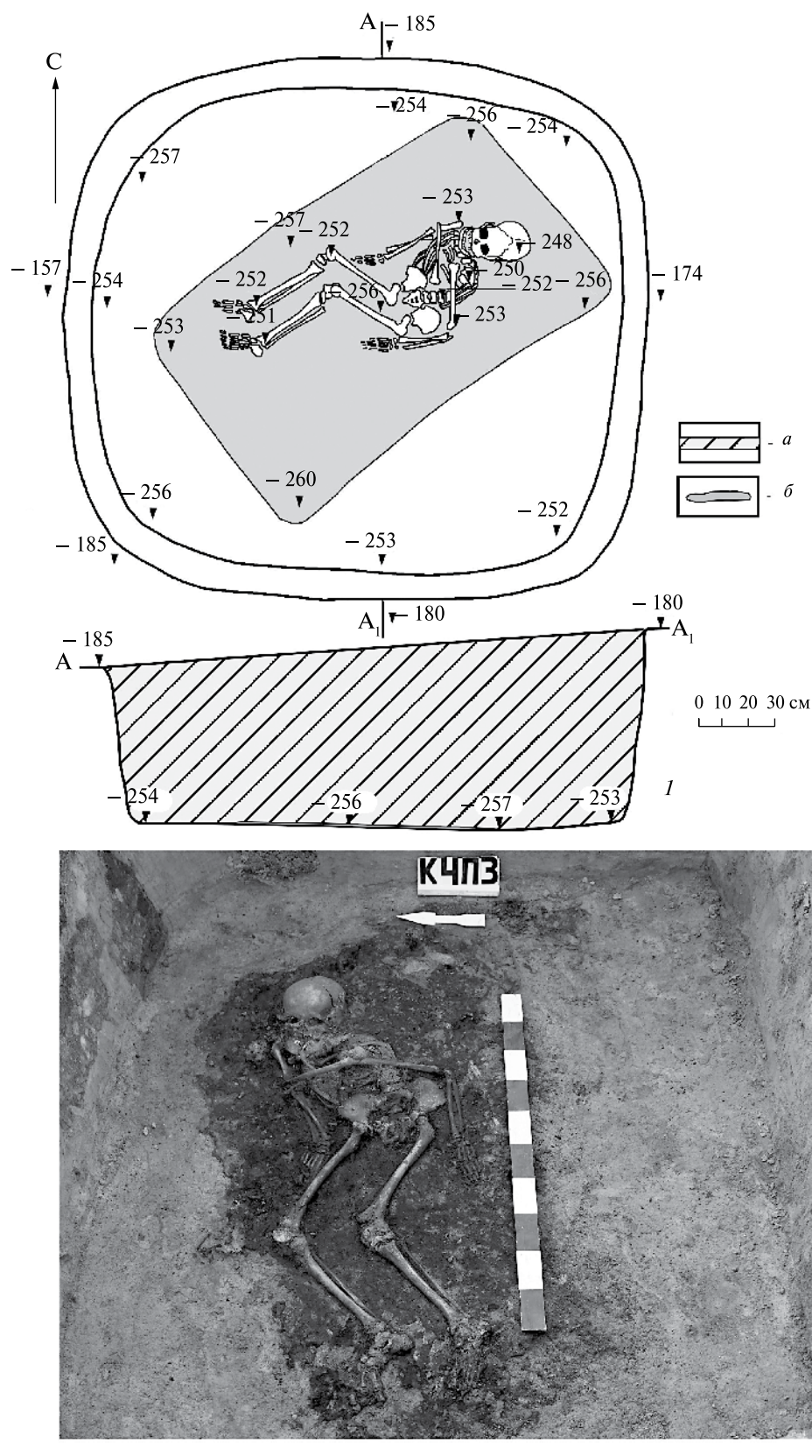

Рис. 6. Курганная группа Елка 5. Кург. 4, погр. 3: 1 – план и разрез (*a* – чернозем, *б* – органическая подстилка); 2 – фото (вид с 3).

Fig. 6. The Yolka barrow group 5. Barrow 4, burial 3

кость и кисть сохранились *in situ*. Кости скелета, особенно череп, были покрыты ярко-оранжевой охрой. Обращает на себя внимание некоторая непропорциональность размеров тела и ног погребенного. Скорее всего, такая поза могла появиться после разложения тела, а изначально голова погребенного могла быть приподнята на какую-то подушку из органического материала, впоследствии истлевшую. Сопровождающий инвентарь отсутствовал.

Основное погребение принадлежит древнеямной культуре. Его следует датировать не позже сер. III тыс. до н.э. Поза погребенного на спине с согнутыми в коленях ногами, завалившимися направо, а также отсутствие какого-либо инвентаря указывают на сохранение традиций древнеямной культуры, хотя отмеченная выше непропорциональность верхней части может свидетельствовать о проявлении некоторых раннекатакомбных элементов погребального обряда (подушка под головой?).

Весьма интересно, что самым ранним погребением в исследованном кургане оказалось захоронение подростка древнеямной культуры (погр. 3). Безусловно, именно с ним связано сооружение кольцевого ровика 1, выкопанного вскоре после того, как была насыпана небольшая первичная курганный насыпь. Еще раз укажем, что это погребение располагалось по центру кургана, точно по линии В—З, обозначенной разрывами ровика с восточной и западной сторон. Такое положение могилы явно указывает на особый статус погребенного. Однако, чем он был обусловлен, пока установить не удалось. По времени к основному захоронению близко впускное погр. 2, содержащее также скелет подростка древнеямной культуры примерно того же возраста. Оно также было совершено внутри кольцевого ровика.

Ровики, окружавшие первичную насыпь, в том числе с парными разрывами, не часто встречаются в курганах эпохи ранней и средней бронзы, но известны на Среднем Дону (Матвеев, Цыбин 2004. С. 21; Синюк, 1996. С. 121) и в Среднем Поволжье (Васильев, 1979. С. 29, 32; Кузнецов, 1989. С. 16). Такой элемент погребальной обрядности чаще представлен под курганами эпохи средней бронзы в Саратовском Поволжье (Мимоход, 2009. С. 10–11. Илл. 5, 1, 2 и др.). Однако в Правобережье Волги парные разрывы в ровиках, как правило, были сделаны по линии ЮЮЗ—ССВ, и иногда разрывов в них было значительно больше двух. Там все погребения внутри ровиков оказались ограбленными спустя небольшой промежуток времени после захоронения (Мимоход, 2009. С. 26).

Возможно, отсутствие сопровождающего инвентаря в погр. 2 и 3 объясняется той же причиной, хотя явных признаков ограбления этих могил нет. Не исключено, что изначально сопровождающий инвентарь в них отсутствовал по причинам ритуального характера, на что указывает их местоположение внутри основного ровика.

Весьма существеннее другое — ни в одном известном нам случае разрывы в парных ровиках не были оформлены в виде округлых или овальных завершений, напоминающих змеиные головы (рис. 2, 2, 3). Окончания в форме змеиных голов имели парные ровики в более раннем энеолитическом кургане Цегельня, исследованном в устье р. Псел (Шилов, 1995. С. 572. Рис. 16, вверху). Но там рвы-змеи буквально соприкасались головками, а их противоположные концы были оформлены как хвосты. Ю.В. Шилов видит в подобных объектах воплощение Вритры и иных ведийских персонажей и даже истоки основного арийского мифа, что сомнительно, так как выразительные полурвы-змеи и на Елани, и на Псле встречаются парами. На наш взгляд, расположение разрывов в основном ровике точно по линии восхода и захода солнца в весеннее время уместнее связывать с проявлениями какого-то солярного культа.

Последним, уже за пределами основного ровика 1, было совершено погр. 1 в катакомбе, вход в которую был заложен массивной каменной плитой, а входная шахта забита крупными камнями. Эти обрядовые особенности указывают на необычный статус погребенной. Любопытно, что это захоронение совершено уже по раннекатакомбному обряду, хотя сам факт его подзахоронения в древнеямный курган заслуживает внимания и, возможно, указывает на какую-то связь с первыми двумя более ранними погребениями древнеямной культуры. В то же время катакомбное погр. 1 явно обособлено от последних — оно совершено не внутри основного ровика, как погр. 2 и 3, а внутри пристроенного к нему с С ровика 2. К тому же поверх его входной шахты был выкопан еще один ровик 3 неясного назначения, частично засыпанный камнями.

Обращает на себя внимание и то, что в катакомбном погр. 1, как, впрочем, и в древнеямных погребениях подростков, практически не встречено какого-либо инвентаря, даже глиняной посуды, обычной для погребений этих культур. Это еще раз подчеркивает неординарность исследованных захоронений в кург. 4 могильника Елка 5.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 16-11-36002/16.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев И.Б.* Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья / Ред. С.Г. Батин. Куйбышев: Куйбышевский ГПИ, 1979 (Науч. тр. Куйбышевского ГПИ; Т. 230). С. 24–56.
- Кузнецов П.Ф.* Полтавкинская культурно-историческая общность. Свердловск; Куйбышев: Куйбышевский ГПИ, 1989. 73 с.
- Матвеев Ю.П., Цыбин М.В.* Таганский грунтовый могильник // Археологические памятники Донского бассейна. Вып. 6 / Ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, 2004. 78 с.
- Медведев А.П.* Отчет об археологических раскопках курганного могильника Елка 5 в Новохоперском районе Воронежской области в 2014 г. // Архив Музея археологии Воронежского ГУ. 242 с.
- Мимоход Р.А.* Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье. М.: Таус, 2009. 292 с.
- Савицкий Н.М.* Отчет об археологической разведке по р. Елань в Новохоперском районе Воронежской области в 2012 г. // Архив Музея археологии Воронежского ГУ. 252 с.
- Синюк А.Т.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж: Изд-во Воронежского ГПИ, 1983. 350 с.
- Шилов Ю.А.* Прародина ариев. Киев: СИНТО, 1995. 774 с.

A BARROW WITH TRENCHES IN THE LOWER REACHES OF THE YELAN RIVER

Alexandr P. Medvedev

Voronezh State University, Russia (APM1950@yandex.ru)

In 2014 the archaeological expedition of Voronezh State University and “Drevnosti” LLC conducted joint excavations of the barrow group Yolka 5 in the Novokhopersk District of the Voronezh Region. Barrow 4 was distinguished by its extraordinary underground structures. There was a complex planigraphic structure revealed under the mound, including a ring-shaped trench of about 16 m in diameter around a primary mound above the main burial, as well as two semicircle trenches adjoining the central trench from the north and south. The central trench had two disruptions (in the west and in the east) up to 50 cm wide in the form of oval bulges. The area limited with the trench contained two Yamnaya burials of adolescents (c. 2500 BC); the main burial (No. 3) was situated right in the middle of the barrow. A secondary burial (No. 1) was also quite unusual. It was a catacomb enclosed with the northern semicircular trench and plugged with large stones and a massive flag stone.

Key words: Khoper Region, Yelan River, barrow, stratigraphy, Early Bronze Age, Yamnaya culture, Catacomb culture, funeral rites, grave goods.

REFERENCES

- Kuznetsov P.F.*, 1989. Poltavkinskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost' [The Poltavka Cultural-Historical Entity]. Sverdlovsk; Kuybyshev: Kuybyshevskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. 73 p.
- Matveev Yu.P., Tsybin M.V.*, 2004. The Taganskiy ground cemetery. *Arkheologicheskie pamyatniki Donskogo basseyna* [Archaeological Sites of the Don Basin], 6. A.D. Pryakhin, ed. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 78 p. (In Russ.)
- Medvedev A.P.* The Report on the Archaeological Excavations of the Barrow Cemetery Yolka 5 in the Novokhopersk District of the Voronezh Oblast in 2014. *Arkhir Muzeya arkheologii Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Archives of the Museum of Archaeology of Voronezh State University Архив Музея археологии Воронежского государственного университета]. 242 p. (Unpublished).
- Mimokhod R.A.*, 2009. Kurgany epokhi bronzy – rannego zheleznogo veka v Saratovskom Povolzh'e [Barrows of the Bronze-Early Iron Age in the Saratov Volga Area]. Moscow: Taus. 292 p.
- Savitskiy N.M.* The Report on the Archaeological Ground Survey along the Yelan River in the Novokhoperskiy District of the Voronezh Oblast in 2012. *Arkhir Muzeya arkheologii Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Archives of the Museum of Archaeology of Voronezh State University]. 252 p. (Unpublished).
- Shilov Yu.A.*, 1995. Prarodina ariev [Aryan Homeland]. Kiev: CINTO. 774 p.
- Sinyuk A.T.*, 1983. Kurgany epokhi bronzy Srednego Dona [Barrows of the Bronze Age on the Middle Don]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 350 p.
- Vasil'ev I.B.*, 1979. The Middle Volga Area in the Early and middle Bronze Age: Yamnaya and Poltavkinskaya tribes. *Drevnyaya istoriya Povolzh'ya* [Early History of the Volga Area]. S.G. Batin, ed. Kuybyshev: Kuybyshevskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut, pp. 24–56. (Nauchnye trudy Kuybyshevskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta, 230). (In Russ.)

ЗЕЛИКАКИНСКИЙ МОГИЛЬНИК АЛБАНО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В ПРИКАСПИЙСКОМ ДАГЕСТАНЕ

© 2017 г. А.К. Абиев *, С.Б. Боруцкая **, С.В. Васильев ***,
В.Ю. Малашев ****, С.Ю. Фризен ***

* Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала, Россия (abiev-ak@yandex.ru)

** Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия (vasbor1@yandex.ru)

*** Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия (vasbor1@yandex.ru; frizents@gmail.com)

**** Институт археологии РАН, Москва, Россия (malashev@yandex.ru)

Поступила в редакцию 19.05.2016 г.

В статье приводятся результаты исследований Зеликакинского могильника. На основании полученных материалов даются датировка исследованных комплексов — конец IV — первая половина V в. н.э. и место памятника в системе древностей Прикаспийского Дагестана албано-сарматского времени. Интересная находка сделана в каменной гробнице для многоразовых захоронений (погр. 4) первой половины V в. н.э. — останки карлика. Скелет, предположительно, принадлежал мужчине старше 30 лет (вероятнее всего, 30–40 лет). Сильно укороченные массивные кости рук индивида, особенно плечевые кости, сильно искривленные лучевая и особенно локтевая кости свидетельствуют о такой разновидности карликовости, как ахондроплазия.

Ключевые слова: Дагестан, Зеликакинский могильник, албано-сарматское время, остеология, карлик, ахондроплазия.

В 2011 г., в рамках охранно-спасательных работ в зоне строительства ВЛ-330 кВ “Артем—Дербент”, были проведены исследования Зеликакинских поселения и могильника (Малашев, 2012), находящихся с восточной стороны разрыва Передового хребта Канабур и получивших название по урочищу Зели-кака (дарг. Цели-кака — “Соляное ущелье”).

Зеликакинский могильник был выявлен в середине 1980-х годов (Абакаров, Давудов, 1993. С. 147, 148. № 413), однако подробно осмотрен и описан не был. Описание визуально фиксируемых объектов приведено в отчете М.С. Гаджиева, проводившего осмотр памятника в 2007 г. в рамках разведочных работ в зоне проектируемой ВЛ-330 кВ (2008. С. 3–5). Некрополь находится на плоской, овальной формы возвышенности и юго-восточном склоне горного отрога у разрыва Передового хребта Канабур в 1.85 км к западу от федеральной трассы М-29 (833 км). Занимаемая могильником территория составляет, примерно, 200 × 160 м; памятник вытянут длинной осью по линии северо-северо-запад—юго-юго-восток. На его территории в отдельных местах фиксируются скопления камней и плиты каменных погребальных сооружений. Часть площади могильника

разрушена грунтовой дорогой, проходящей через него.

Погребения были впущены в культурный слой мощностью до 1 м (рис. 1). Насыщенность слоя керамическим материалом и костями животных невелика. В площадь раскопа, помимо погребений, попал участок каменной стены с развалом камней, сосредоточенных, преимущественно, к северо-востоку от нее. Протяженность стены — 5.2 м, ширина — 0.6 м. Основание стены находилось в культурном слое на 30 см выше материка. Кладка сохранилась на высоту до четырех рядов, следы связующего раствора не прослеживаются. Для сооружения стены использовался рваный (иногда слегка подработанный) камень — песчаник и ракушечник. Под стеной находился культурный слой, материал из которого не отличался от керамики перекрывающего стену слоя.

Керамический комплекс, происходящий из культурного слоя, характеризуется полным отсутствием тарной керамики; почти полным отсутствием кухонной посуды; резким преобладанием, а в нижних напластованиях доминированием красноглиняной и красноангобированной, в том числе коричнево-,

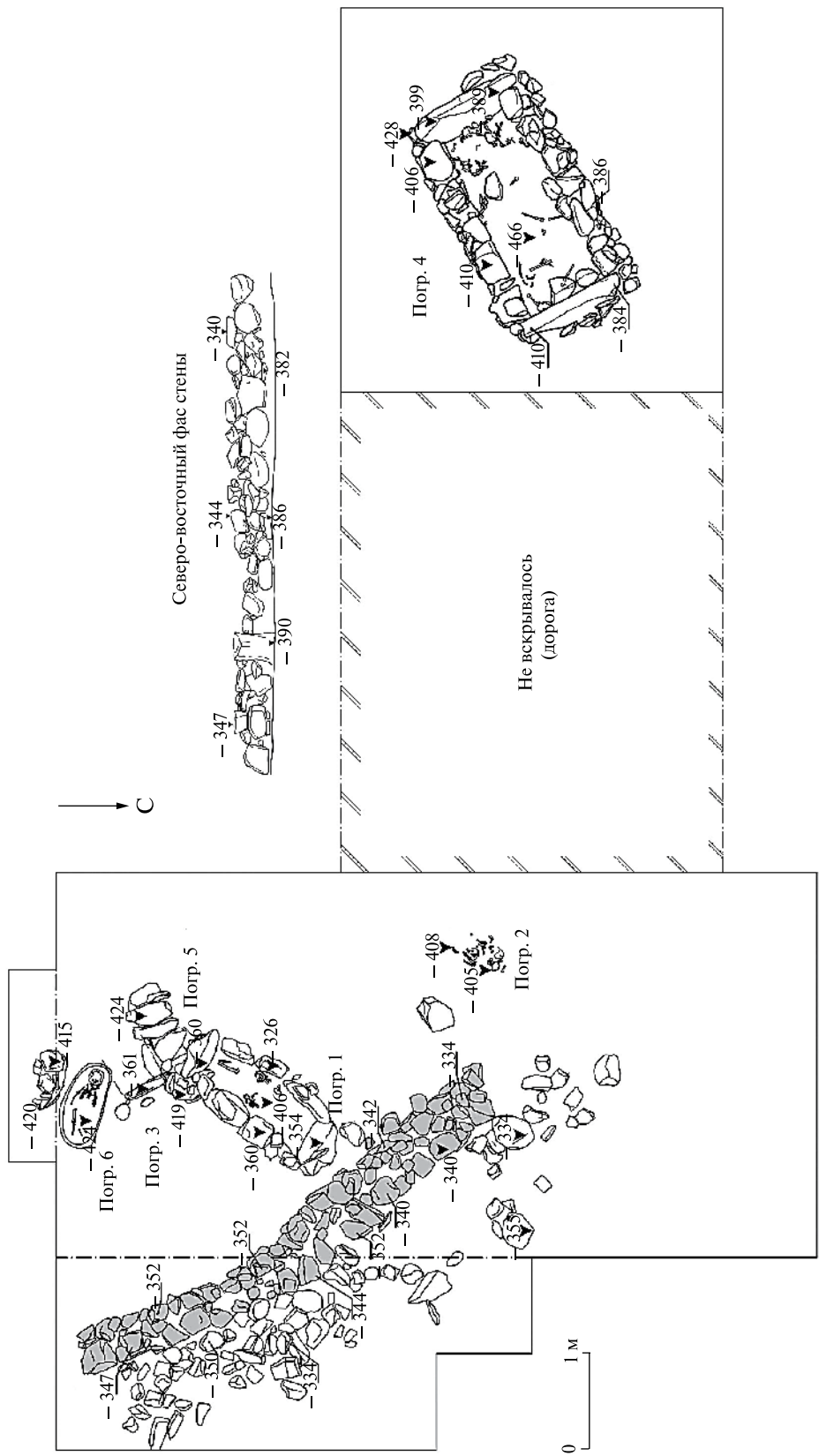

Рис. 1. Зеликакинский могильник. Раскоп 2. Общий план.
Fig. 1. Zelikakinsky cemetery. Site 2. General view.

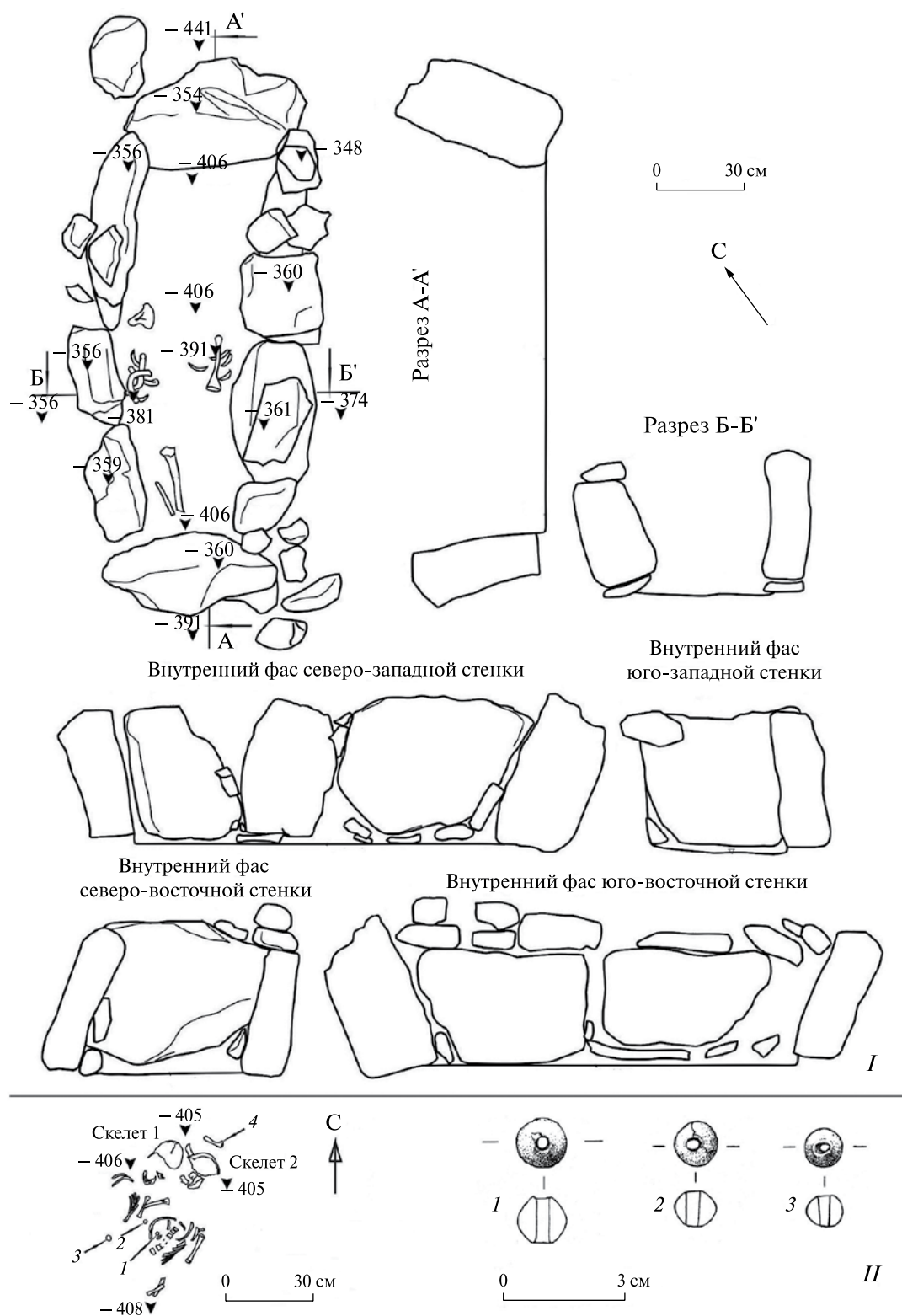

Рис. 2. Зеликакинский могильник. Раскоп 2. I — план, разрезы и фасы стенок погр. 1. II — план погр. 2: 1–3 — бусы стеклянные, 4 — кость ноги барана.

Fig. 2. Zelikakinsky cemetery. Site 2. Burials 1, 2: plans, artifacts.

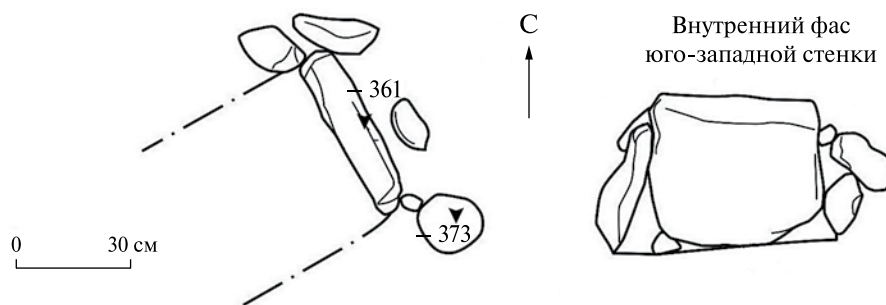

Рис. 3. Зеликакинский могильник. Раскоп 2. План и фас стенки погр. 3.

Fig. 3. Zelikakinsky cemetery. Site 2. Plan and front of burial 3.

сиренево- и сероангобированной посуды, выполненной в керамической традиции Кавказской Албании; отсутствием фрагментов сероглиняных горшков и мисок, характерных для керамики круга Андрей-аульского городища. После снятия культурного слоя было выявлено шесть погребений.

Погребение 1 (рис. 2, I). Было совершено в каменном ящике прямоугольной в плане формы, ориентированном длинной осью по линии северо-восток—юго-запад и сооруженном из поставленных на ребро частично подработанных плит песчаника размерами от $40 \times 45 \times 12$ до $60 \times 45 \times 15$ см. Торцевые, северо-восточная и юго-западная стенки состояли из одного камня каждая. Юго-восточная стенка была сооружена из двух камней, северо-западная — из трех. Щели между плитами были забутованы мелкими камнями. Поверх плит боковых стенок фиксировались остатки одного-двух рядов более мелких частично подработанных с одной стороны камней. Внутренние размеры каменного ящика — 1.4×0.4 м. Глубина дна — 406 см от репера. Перекрытие не сохранилось вследствие ограбления. В заполнении встречены несколько костей человека. Судя по расположению *in situ* костей голени в юго-западной части ящика, погребенный был положен в вытянутом положении на спине головой на северо-восток. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение 2 (рис. 2, II). Было совершено в грунтовой яме, границы которой не прослеживались: яма полностью находилась в культурном слое. Дно было зафиксировано на глубине —405 ... —409 см от репера. Погребение детское, парное. Погребенные были уложены в вытянутом положении на спине головой на северо-восток. Ноги и таз скелетов разрушены. Судя по сохранившемуся положению костей, руки погребенных были вытянуты вдоль туловища. К инвентарю скелета 1 относится стеклянная бусина шаровидной формы из полупрозрачного стекла голубого цвета (рис. 2, II,

I). При скелете 2, в районе груди, обнаружены две стеклянные бусины шаровидной формы из непрозрачного стекла коричневого цвета (рис. 2, II, 2) и полупрозрачного стекла голубого цвета (рис. 2, II, 3). За головами погребенных находилась кость ноги барана (рис. 2, II, 4).

Погребение 3 (рис. 3). Было ограблено и почти полностью разрушено. Судя по сохранившимся деталям конструкции, было совершено в каменном ящике, ориентированном длинной осью по линии северо-восток—юго-запад. Сохранились плита песчаника торцевой северо-восточной стенки и один из камней северо-западной стенки. Дно находилось на глубине —402 см от репера. Ориентировочно ширина каменного ящика по дну составляла около 0.5 м. В заполнении встречены мелкие фрагменты человеческих костей. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение 4 (рис. 4). Было сильно нарушено вследствие антропогенного воздействия. Совершено в каменной гробнице прямоугольной в плане формы размерами по внешнему контуру — 2.7×1.5 м; по внутреннему — 2.15×0.9 м. Гробница ориентирована длинной осью по линии северо-восток—юго-запад. Торцевые, северо-восточная и юго-западная стенки сооружены каждая из одной крупной, поставленной на ребро плиты песчаника размерами $1.15 \times 0.7 \times 0.16$ и $1.2 \times 0.5 \times 0.17$ м (рис. 4, I). Боковые, северо-западная и юго-восточная стенки сложены сухой кладкой из частично подработанных камней (песчаник, ракушечник, речной булыжник); сохранилось до пяти рядов (рис. 4, I). Зазоры и щели были забутованы мелкими камнями. Дно гробницы грунтовое. Глубина дна — 468 см от репера. Перекрытие не сохранилось.

Вследствие нарушения положение и ориентировка погребенных не восстанавливаются. В заполнении встречены фрагменты костей восьми погребенных (четырех взрослых и четырех

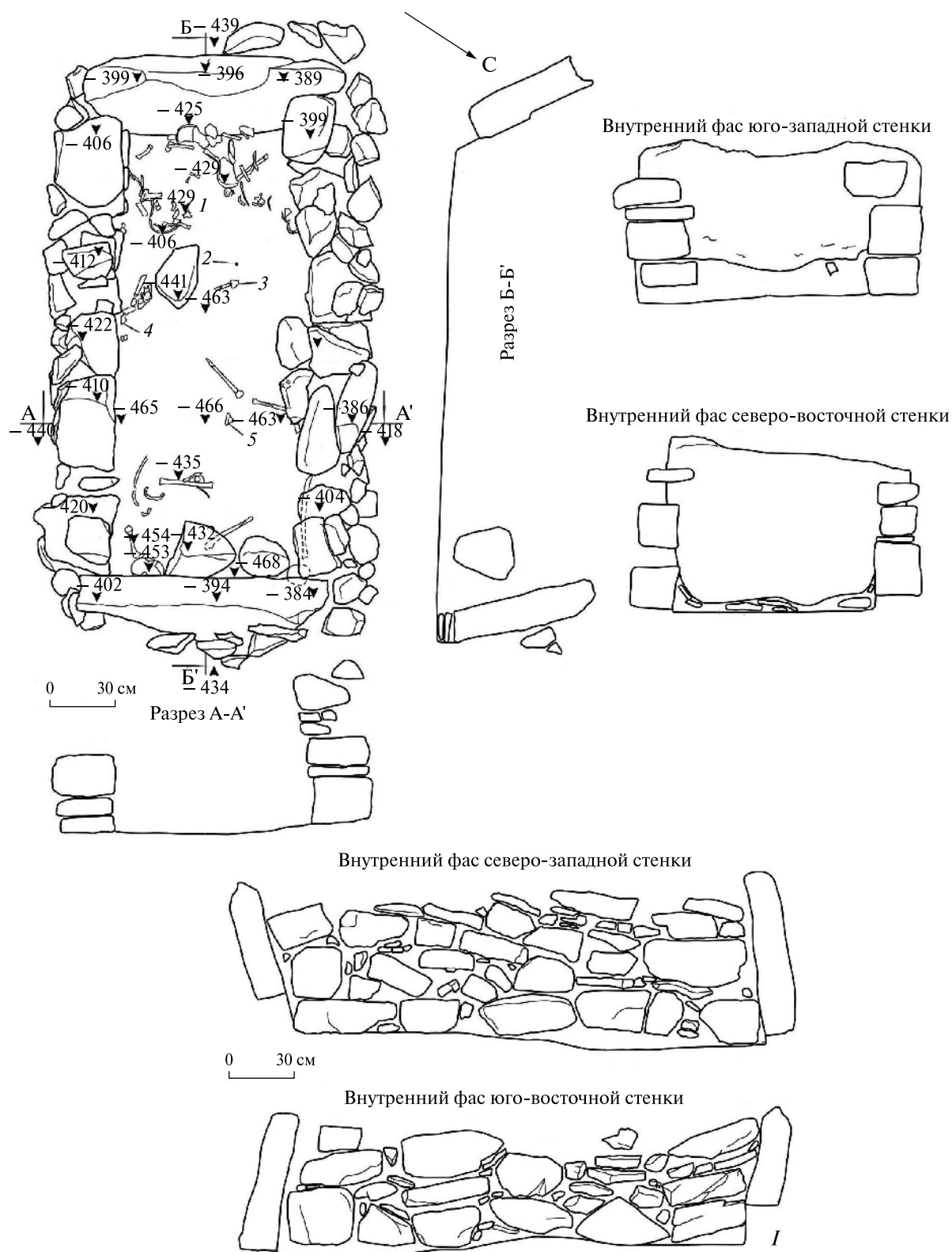

Рис. 4. Зеликакинский могильник. Раскоп 2. I – план, разрезы, фасы стенок погр. 4. II – погребальный инвентарь погр. 4: I – фрагмент красноангобированного кувшина; 2 – фрагмент горшка; 3, 4 – фрагменты костяных накладок; 5 – серебряный наконечник-подвеска.

Fig. 4. Zelikakinsky cemetery. Site 2. Burial 4: plans, artifacts.

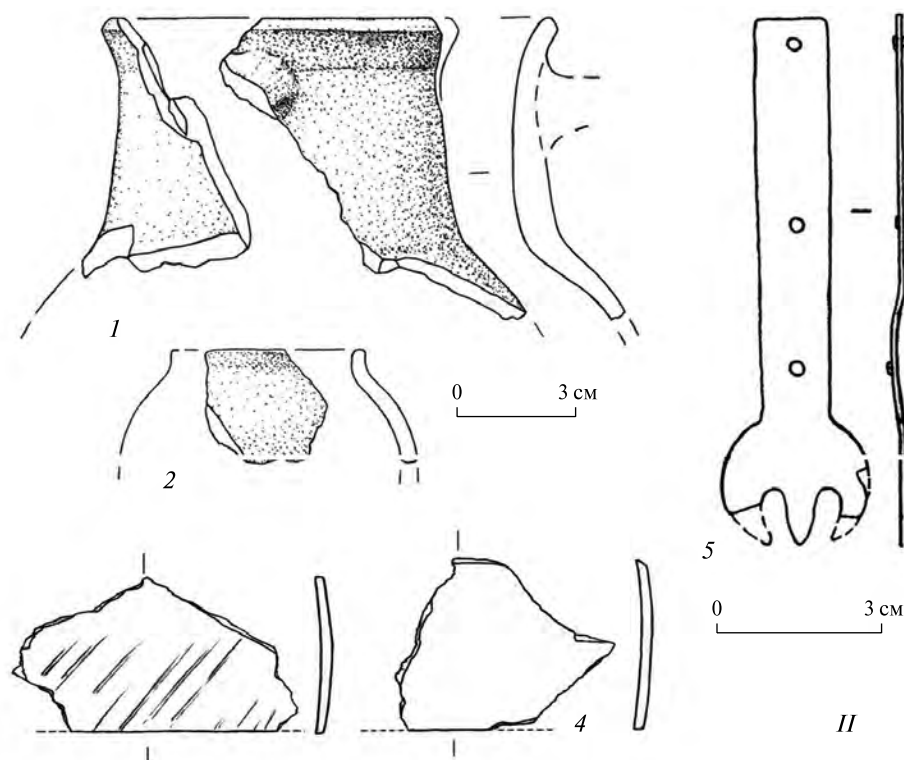

Рис. 4. (Окончание.)

детей) и немногочисленные фрагментированные предметы погребального инвентаря: два небольших тонких фрагмента серебряной накладки; два фрагмента костяной (срединной боковой) накладки от сложносоставного лука (рис. 4, II, 3, 4); серебряная задняя пластина наконечника-подвески с расширением в нижней части в виде лунницы и выступом в центре (рис. 4, II, 5); три небольших фрагмента железного предмета со следами древесного тлена; фрагменты красноангобированного кувшина (рис. 4, II, 1); фрагмент верхней части миниатюрного лепного горшочка (рис. 4, II, 2); фрагмент плоского каменного предмета с обработанными гранями.

Погребение 5 (рис. 5). Камни перекрытия погр. 5 были частично перекрыты погр. 1 и 3. Погребение 5 представляло собой грунтовую яму узкой овальной в плане формы, ориентированную длинной осью по линии северо-восток–юго-запад и перекрытую сверху восемью камнями размерами от $34 \times 15 \times 6$ до $50 \times 37 \times 12$ см. Глубина дна — 471 см от репера. Размеры ямы по дну — 120×28 см. Погребенный был положен в вытянутом положении на спине головой на северо-восток. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги вытянуты вдоль оси туловища и сведены в голених. Вследствие того, что

яма была меньше длины тела погребенного, кости голеней последнего находились выше уровня дна, а стопы были уперты в юго-западную стенку. В районе живота погребенного, на костях поясничного отдела, лежала кость животного. Погребение безынвентарное.

Погребение 6 (рис. 6). Было совершено в грунтовой яме. Яма овальной в плане формы, размерами на уровне зачистки 90×45 см, ориентирована длинной осью по линии запад-северо-запад–восток-юго-восток. Глубина дна — 458 см от репера. Размеры ямы по дну — 85×38 см. Скелет погребенного лежал в вытянутом положении на спине головой на запад-северо-запад. Кости левой руки, таз и левая бедренная кость не сохранились. Правая рука была вытянута вдоль туловища и отставлена в сторону. Ноги вытянуты вдоль оси туловища. Погребение безынвентарное.

На могильнике встречены основные формы погребальных сооружений — грунтовые ямы (погр. 2, 5, 6), каменные ящики (погр. 1 и 3) и каменная гробница (погр. 4), — характерные для памятников оседлого населения и находящиеся многочисленными аналогиями в некрополях Дагестана албано-сарматского времени.

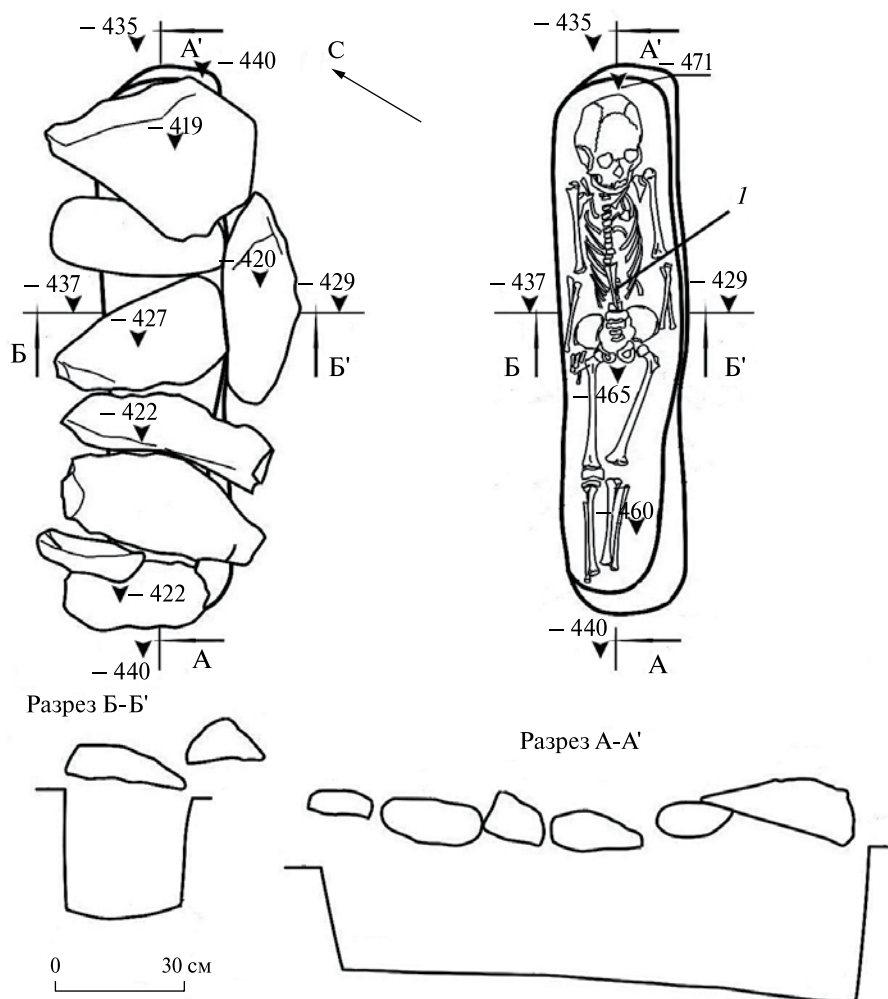

Рис. 5. Зеликакинский могильник. Раскоп 2. Планы (на уровне каменного заклада и дна) и разрезы погр. 5: *I* — кость животного.

Fig. 5. Zelikakinsky cemetery. Site 2. Burial 5.

Грунтовые ямы исследователи разделяют по форме на овальные и прямоугольные (Давудов, 1996. С. 76, 77; Бакушев, 2008. С. 46–51), представленные и на Зеликакинском могильнике. Принципиальных различий между этими разновидностями ям нет. Можно лишь отметить, что узкие прямоугольные грунтовые ямы с вытянутым положением погребенного распространены заметно шире, чем овальные ямы. Одно из погребений имеет дополнительный элемент конструкции — каменное перекрытие (рис. 6). В целом, узкие грунтовые ямы известны на достаточно большом количестве памятников Прикаспийского Дагестана албано-сарматского времени: Шаракуновском, Карабудахкентском I, Таркинском, Урцекском, Хабадинском, Дербентском II могильниках, в Большом Буйнакском кургане и др. (Бакушев, 2008. С. 48–51).

Каменные ящики и гробницы для равнинной зоны Дагестана являются более редкой конструкцией погребальных сооружений. Они встречены

на Сиртычском, Карабудахкентском, Хабадинском, Цыйшинском, Калкнинском, Сумбатлинском могильниках, Большом Буйнакском кургане (Давудов, 1996. С. 77, 78; Бакушев, 2008. С. 52–58). Как правило, они использовались для индивидуальных захоронений, но есть и примеры многоразового их использования, как в случае с погр. 4 Зеликакинского могильника.

Для погребенных Зеликакинского могильника характерно вытянутое положение на спине и преобладающая ориентировка головой на северо-восток; в одном случае зафиксирована ориентировка на северо-запад. В целом, для памятников Прикаспийского Дагестана албано-сарматского времени не фиксируется устойчивая ориентировка погребенных часто даже в рамках отдельного могильника (Бакушев, 2008. С. 90, 91).

Данные черты погребального обряда Зеликакинского могильника указывают на его культурное

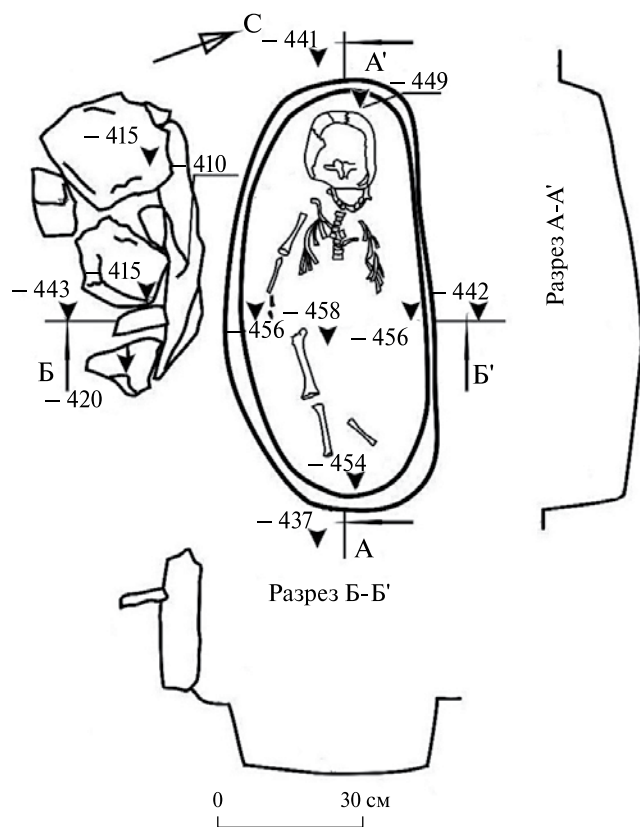

Рис. 6. Зеликакинский могильник. Раскоп 2. План и разрезы погр. 6.

Fig. 6. Zelikakinsky cemetery. Site 2. Burial 6.

единство с могильниками позднего хроносреза албано-сарматского времени на территории Дагестана. Памятники средней части Прикаспийского Дагестана (Таркинский, Карабудахкентский и др.) О.М. Давудовым были объединены в так называемый прикаспийский вариант археологической культуры населения Дагестана албано-сарматского времени (1996. С. 217–224).

Особенностью выборки погребений Зеликакинского могильника является выраженное преобладание детских захоронений (пять из шести), что позволяет сделать вывод о наличии детских участков кладбищ на могильниках этого времени.

Большая часть погребений безынвентарные или содержащие маловыразительный инвентарь из-за разрушения. Неплохие основания для датировки дает наличие в составе инвентаря погр. 4 наконечника-подвески с расширением в нижней части в виде лунницы с треугольным выступом в центре (рис. 4, II, 5), характерного для комплексов конца IV – первой половины/середины V в. н.э. (Малашев и др., 2015. С. 103. Рис. 207, 10, II; 208, 6, 7); аналогии данной разновидности наконеч-

ников включают еще два пункта: городище Урцеки и Паласа-сыртский могильник (Гмыря и др., 2007. Рис. 2, 8–10; Гмыря, 2013. Рис. 12, 1, 2). Подобные предметы для населения Дагестана являются принадлежностью женского костюма (Гмыря и др., 2007. Рис. 2, 8, 10; сводка находок). Не противоречит этой дате присутствие в комплексе погр. 4 фрагментов красноангобированного кувшина (рис. 4, II, 1), находящего многочисленные аналогии в памятниках Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. (Малашев и др., 2015. С. 109–111. Рис. 211–214). Представляет интерес наличие в данном погребении двух фрагментов костяных срединных боковых накладок от сложносоставного лука (рис. 4, II, 3, 4). Таким образом, хронология исследованного участка могильника может рассматриваться в рамках конца IV – первой половины/середины V в. н.э.

Для оценки нижней хронологической границы комплекса памятников (поселение и могильник) важны материалы из раскопок поселения (Малашев, 2012). Раскоп, заложенный на его периферии, позволил исследовать отложения мусорных слоев мощностью 2.3 м, утилизированных с территории постоянного проживания, что дало основания для рассмотрения хронологии поселения. В керамическом комплексе выделяются две основные традиции: Кавказской Албании и памятников круга Андрей-аульского городища. Для первой характерны обжиг, преимущественно, в окислительной атмосфере; наличие в тесте шамота, сланцевых железистых частиц, известковых частиц, реже – небольшого количества песка; ряд столовых форм изготавливался без добавок в тесто; наличие ангоба. Вторую традицию диагностируют по обжигу в восстановительной атмосфере; присутствие в тесте добавок в виде песка, известковых частиц (в ряде случаев – ракушек), реже – сланцевых железистых частиц; отсутствие ангоба. Это дополняют различия морфологического характера. В нижних пластах реже встречается красноглиняная и красноангобированная посуда. Наличие в данных напластованиях сероглиняных мисок с характерным декорированным желобком бортиком и сосудов с зооморфными ручками не позволяет опускать нижнюю дату ранее II в. н.э. В то же время присутствие в верхних пластах фрагментов кувшинчиков, широко распространенных в III–V вв. н.э. (см. рис. 4, II, 1), дает возможность ограничить верхнюю дату существования поселения (с учетом материалов могильника) в рамках V в. н.э.

Исследованный участок могильника сначала использовался под проживание, но позже, чем можно отнести начало функционирования основной

Таблица 1. Результаты измерения костей (или их фрагментов) карлика из Зеликакинского могильника, в мм**Table 1.** The results of measurment of the bones (or their fragments) of the dwarf from the Zelikakinskiy cemetery, in mm

Название кости или структуры	Стороны	
	правая	левая
<i>Лопатка</i>		
1. Морфологическая высота	—	161.0
2. Морфологическая ширина	—	117.0
3. Длина латерального края	—	148.0
12. Длина сочленовной впадины	—	41.5
13. Ширина сочленовной впадины	—	30.0
11. Наибольшая длина коракоида	—	51.0
<i>Плечевая кость</i>		
1. Наибольшая длина	166.0	165.0 (?)
2. Вся длина	165.0	—
3. Верхняя эпифизарная ширина	—	51.0
4. Нижняя эпифизарная ширина	59.5 (поврежден) (62–63?*)	—
5. Наибольшая ширина середины диафиза	20.5	22.0
6. Наименьшая ширина середины диафиза	18.0	18.5
7а. Окружность середины диафиза	64.0	63.5
7. Наименьшая окружность диафиза	64.0	63.0
12. Ширина головочки плечевой кости	22.0	—
Длина дельтовидной шероховатости	31.5	32.0
Высота над поверхностью кости	5–6	6–8
<i>Лучевая кость</i>		
1. Наибольшая длина	156.0	—
2. Физиологическая длина	146.5	—
4. Поперечный диаметр диафиза	16.0	—
5. Сагиттальный диаметр диафиза	10.0	—
4а. Ширина середины диафиза	17.0	—
5а. Сагиттальный диаметр середины диафиза	11.0	—
Ширина нижнего конца кости	35.3	—
Сагиттальный диаметр нижнего конца	25.0	—
4(1) Ширина головки лучевой кости	24.0	—
Длина лучевой шероховатости	19.0	—
Расстояние начала от верхнего конца кости	16.0	—
3. Наименьшая окружность диафиза	39.0	—
<i>Локтевая кость</i>		
2. Физиологическая длина	148	—
11. Передне-задний диаметр диафиза	12	—
12. Поперечный диаметр диафиза	15	—
14. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	23	—
13. Верхний поперечный диаметр диафиза	18	—
3. Наименьшая окружность диафиза	37	—

*? — неточное измерение (нет возможности точно измерить).

части Зеликакинского поселения. На это указывает отсутствие в слое ряда керамических форм, характерных для первых веков н.э., и преобладание красноангобированной посуды. Время проживания, очевидно, было непродолжительным, о чем свидетельствует сравнительно небольшой культурный слой, а также последующее использование этой территории под могильник, начавшееся, судя по датировке погр. 4, не позднее конца IV — первой половины V в. н.э. Прекращение существования поселения

и могильника может быть увязано в общий контекст с событиями начала эпохи Великого переселения народов (Давудов, 1996. С. 203).

По особенностям обряда погребения Зеликакинского могильника наиболее близки к Таркинскому и I Карабудахкентскому некрополям, объединенным О.М. Давудовым в прикаспийский вариант археологической культуры населения Дагестана албано-сарматского времени (1996. С. 217–224).

Рис. 7. Зеликакинский могильник. Погр. 4. Кости карлика. *А* — левая лопатка; *Б* — правые локтевая и лучевая кости и плечевые кости.

Fig. 7. Zelikakinsky cemetery. Site 2. Burial 4. Dwarf's bones.

Палеоантропологические материалы из исследованных погребений фрагментарны и в большинстве (за исключением погр. 4) представлены детскими захоронениями. К сожалению,

палеоантропологические материалы из Зеликакинского могильника, в силу своей фрагментарности, не позволяют делать выводы об антропологических особенностях населения. Культурно

и хронологически близкие краниологические материалы из Таркинского и I Карабудахкентского могильников были изучены Н.Н. Миклашевской, которая сделала вывод об их сарматском происхождении (1959. С. 182–194). А.Г. Гаджиев, уточняя выводы Н.Н. Миклашевской, отметил наличие двух антропологических типов – узколищевого долихокранного и широколищевого брахикранного. Первый он определяет, как местный, а второй соотносит с пришлым, сарматским населением (Гаджиев, 1965. С. 90).

Отдельно необходимо остановиться на антропологических материалах из коллективного погр. 4. Оно разрушено, в заполнении гробницы встречаются человеческие кости, по которым можно достоверно идентифицировать четырех взрослых индивидов и четырех детей. Наибольший интерес представляют кости одного из взрослых индивидов, сильно фрагментарный скелет которого принадлежал, по всей видимости, карлику. Обнаружены две плечевые кости, правые лучевая и локтевая, левая лопатка и дистальная часть правой первой пястной кости. Сохранность костей позволила провести ряд измерений и описаний. Скелет, предположительно, принадлежал мужчине старше 30 лет (вероятнее всего, 30–40 лет). Сильно укороченные массивные кости рук индивида, особенно плечевые, сильно искривленные лучевая и особенно локтевые кости свидетельствуют о разновидности карликовости – ахондроплазии (Jones, 1932; Васильев и др., 2001).

Были проведены измерения костей скелета по стандартной остеометрической программе, насколько позволяли это сделать их наличие и сохранность (табл. 1).

Сведения о костях индивида. Особенности развития мышечного рельефа и других структур. Патологии костей. Левая лопатка (рис. 7, А). У лопатки в первую очередь следует отметить очень большой размер клювовидного отростка – 51 мм. Кроме того, сверху на коракоиде наблюдается особое развитие шероховатости. Таким образом, можно предположить увеличенную площадь начала таких мышц, как клювовидно-плечевая, короткая головка бицепса плеча и малой грудной мышц (окончание). Следовательно, можно предположить особую силу мышц, сгибающих плечевой сустав до горизонтального уровня, а также обеспечивающих статическую нагрузку на согнутый сустав. Особенностью лопатки индивида является и амфимаргинальный латеральный край. Здесь одновременно хорошо выражены медиальный, ventральный и дорзальный гребни, при этом медиальный гребень располагается

почти строго посередине между дорзальным и ventральным гребнями латерального края. Кроме того, значительную глубину имеют и дорзальная, и ventральная бороздки. Скорее всего, данная особенность лопатки не связана с болезнью (карликовостью), а является генетической особенностью семьи исследованного индивида. Можно также отметить нестандартную форму подсуставного бугорка лопатки (места начала длинной головки трицепса плеча), имеющего вид плоской круглой и относительно большой в диаметре площадки.

Нижняя часть латерального края представляет собой слегка выпуклую округлость (балл 2). Суставная впадина имеет обычную форму, изогнутую сверху (балл 2). Лопаточная кость оценена баллом 1 (Алексеев, 1966), т.е. она имеет обычный, как бы стандартный вид (не тонкая, не массивная, не увеличенного размера).

Плечевые кости (рис. 7) были немного повреждены, но это не помешало сделать ряд измерений, в том числе с использованием незначительных реставраций. У обеих костей малые бугорки сильно смещены латерально и заметно большего относительного размера, чем это возможно у здорового человека. Большие бугорки располагаются латерально сзади. На обоих больших бугорках есть площадка, вероятно, для дополнительного субакромиального сустава. Гребень малого бугорка каждой кости сильно смещен медиально, гребень большого бугорка находится на передней стороне кости. Гребни малого бугорка обеих костей, по сути, представляют собой оконтуренный овальный желоб с шероховатостью по всей поверхности. Размер обоих гребней примерно одинаков. Гребень большого бугорка снизу не касается дельтовидной бугристости и даже значительно удален от нее и заканчивается на уровне ее середины. У левой плечевой кости гребень большого бугорка не имеет форму желоба, его рельеф – выпуклый, снизу включает бугорок, а в средней части представляет собой выпуклый валик. Гребень малого бугорка правой кости – немного уже и чуть длиннее, чем левой. У левой плечевой кости он шире, снизу даже округлый и примерно на 1–2 мм короче.

Очень хорошо развита на плечевых костях дельтовидная шероховатость, представляющая собой не особенно длинный, но сильно выступающий валик. У левой кости этот рельеф развит немного лучше. У обеих костей очень хорошо выражены гребни медиального и латерального надмыщелков, поднимающихся выше середины кости и образующих как бы края. В первую очередь

это касается гребня латерального надмышелка и, соответственно, латерального края. Медиальный край не острый. Гребень латерального надмышелка на обеих костях немного завернут вперед. На нем сверху имеется шероховатость: если бы мы описывали уровень его развития балловой системой, то оценили бы баллом 3 (Федосова, 1986). Можно предположить большую нагрузку на мышцы, прикрепляющиеся именно к гребню латерального надмышелка. В первую очередь это плечелучевая мышца, сгибающая локтевой сустав и участвующая в пронации и супинации предплечья. Выше начинается мышца — длинный лучевой разгибатель запястья, которая, предположительно, также была хорошо развита.

Локтевая ямка на плечевых костях почти не видна. Она закрыта нахавшим на нее снизу блоком плеча. Эта ситуация хорошо видная на правой кости. В итоге получается, что сохранившаяся высота локтевой ямки составляет всего 4 мм. У левой плечевой кости, к сожалению, соответствующий участок поврежден. Венечная и лучевая ямки фактически не развиты. Головочка плечевой кости (*capitulum humeri*) и вся латеральная часть нижнего конца смещены и повернуты вперед.

Таким образом, можно сделать вывод о очень хорошо развитом рельефе мышц на плечевой кости и предположить невероятную силу мышц, приводящих в разные движения плечевые и локтевые суставы, обеспечивающие значительную выносливость при статических нагрузках на верхние конечности.

Правая лучевая кость (рис. 7, Б). Головка кости сильно отклонена назад, а суставная ямка ориентирована не горизонтально (относительно тела индивида или относительно главной оси кости), а немного наискось между горизонтальной и вертикальной плоскостями. Лучевая бугристость представляет собой компактную валикообразную и сильно выступающую структуру. Относительно поверхности диафиза кости ниже лучевой бугристости выступание рельефа составляет около 6 мм. Вероятно, столь сильное ее развитие соответствует более прочному прикреплению к лучевой кости бицепса плеча — сгибателя плечевого и локтевого суставов, а также супинатора предплечья. Можно также отметить очень высокое ее положение относительно верхней точки кости.

На латеральной стороне тела кости, примерно посередине и немного выше очень хорошо выражен мышечный рельеф. Сюда прикрепляется круглый пронатор. Можно предположить высокую роль пронации в ходе движений, выполняемых

руками для разного рода деятельности. Выше и латеральнее хорошо также заметен рельеф супинатора, хотя степень его развития намного меньше. Тем не менее, по-видимому, и супинация предплечья была важна. Также можно указать на выраженность рельефа квадратного пронатора на лучевой кости (снизу — латерально). Таким образом, можно еще раз подтвердить высокую роль пронации предплечья для индивида. Возможно здесь подключались еще и определенные статические нагрузки на руки в пронированном положении.

Нижний конец кости очень массивен, имеет большие поперечный и сагиттальный размеры. Локтевая вырезка — невысокая (около 6 мм). Ее размер соответствует высоте суставной окружности головки локтевой кости. Бугорки и бороздки на задней стороне нижнего конца кости имеют умеренное развитие (2 балла остеоскопической оценки). Запястная суставная поверхность — чрезвычайно глубокая, что могло быть связано с особым строением лучезапястного сустава (например, расположением ладьевидной и полулунной костей запястья и с, возможно, особо крупным размером). Следует также отметить усиленную пористость нижнего конца кости. Вероятно, повышенная васкуляризация этой области кости связана с необходимостью дополнительного питания структур лучезапястного сустава, вероятно, по причине большой физической нагрузки на него. Возможно, — и по иным причинам.

Межкостный край — не острый. На нем в 1 см выше середины кости находится крупное каплеобразное питательное отверстие.

Правая локтевая кость (рис. 7, Б). Кость сильно выгнута назад. Отломан локтевой отросток, примерно до лучевой вырезки. Межкостный край сильно выступает, не острый. Очень сильно развит гребень квадратного пронатора, сильнее, чем на 3 балла, если ориентироваться на программу остеоскопического исследования костей (Федосова, 1986). Этот гребень практически переходит в межкостный край.

Гребень супинатора развит очень слабо, примерно на 1 балл. Головка кости — очень низкая. Суставная окружность располагается косо между вертикальной и горизонтальной (трансверсальной) плоскостями. Вероятно, это результат того, что кость изогнута. Следует отметить очень длинный шиловидный отросток, имеющий длину не менее 10 мм. Снизу он немного разрушен. Реальная длина фрагмента шиловидного отростка — чуть больше 8 мм. Усилена пористость кости вокруг лучевой вырезки. Возможно, здесь

Таблица 2. Результат вычисления индексов прочности костей рук индивида из Зеликакинского могильника**Table 2.** The result of the calculation of indexes of firmness of hand bones of the individual from the Zelikakinskiy cemetery

Кость	Индекс массивности	Размах вариаций индекса у здоровых людей
Плечевая (правая) 7/1	38.55	18.0–22.0
Плечевая (левая) 7/1	38.79	18.0–22.0
Лучевая (правая) 3/1	25.0	14.0–18.0
Локтевая (правая) 3/2	25.0	15.0–18.0

было усилено кровоснабжение суставной капсулы и суставных связок по причине повышенной силовой нагрузки на сустав. Может быть также, имел место воспалительный процесс в этой области кости.

Таким образом, обнаруженные кости по своей длине можно отнести к категории очень малых. Одновременно, лопатки индивида выглядели как вполне нормальные, достаточно крупные. Особое внимание обращает на себя размер клювовидного отростка. Его длина от основания равнялась 51 мм, что характерно для лопатки весьма крупного здорового мужчины.

Применяя формулы расчета (Дюпертюи и Хеддена) прижизненной длины тела по длине плечевой и лучевой костей для низкорослых людей, мы получили величину роста индивида, соответственно, 114 и 134 см. Однако эти формулы разработаны для здоровых людей. Особенности телосложения и пропорций тела карликов не позволяют применять подобные формулы. Можно лишь предположить, что рост данного мужчины при жизни был где-то в пределах 110–130 см, как в целом у больных ахондроплазией (Dasen, 1993). Возможно, длина тела этого индивида была немного другой.

Нам удалось рассчитать один индекс пропорций конечностей – брахиальный (луче-плечевой) – для правой стороны составил 93.98% (запредельно большой), что совершенно не характерно для здорового человека современного типа. Полученная нами величина брахиального индекса еще раз подтверждает диагноз “ахондроплазию”, при которой у больных людей отмечается значительно удлиненное предплечье (Jones, 1932).

Были рассчитаны индексы массивности (прочности) имевшихся костей рук. Результат

представлен в табл. 2, он свидетельствует о чрезмерной массивности костей рук.

Следует отметить особую массивность плечевых, лучевых и локтевых костей, особенно нижнего яруса. Мышечный рельеф на плечевых костях как бы смещен назад. На плечевых костях очень сильно выступает над поверхностью диафиза дельтовидная бугристость. Можно отметить ее заметную укороченность. Гребни медиального и латерального надмыщелков поднимаются выше середины кости, образуя на ней как бы края. На лучевой и локтевой костях укорочены и сильно выпуклы, соответственно, лучевая и локтевая бугристости. Деформированы концевые отделы этих костей – укорочены по высоте головки костей, на них – узкие суставные окружности. Кроме того, поверхность суставной окружности в обоих случаях располагается не вертикально, а косо, под наклоном. Кости предплечья заметно изогнуты, особенно сильно выпукла сзади локтевая кость, у которой необычно сильно развит гребень квадратного пронатора. Кроме того, очень удлинен шиловидный отросток локтевой кости.

Степень развития мышечного рельефа на плечевых и локтевых костях очень высока. Особенно это касается мышц, отводящих плечо, сгибателей и разгибателей плечевого и локтевого суставов, пронаторов и супинаторов предплечья. Брахиальный индекс имеет запредельно высокое значение.

Проведя по возможности полное исследование костяка из погр. 4, можно сделать вывод, что обнаруженные останки индивида принадлежали взрослому мужчине-карлику, страдающему ахондроплазией. Ахондроплазия связана с доминантной генной мутацией (Jones, 1932). Это примерно 1 случай на 34 000 новорожденных. В большинстве случаев (80%) – это новые мутации. Данное расстройство заключается в нарушении процесса окостенения хрящевых костей, начинающемся в утробе матери. Конечности при этом укорачиваются, в то время как туловище остается нормальным. Голова имеет относительно большой свод мозговой коробки при сравнительно маленьком лицевом скелете¹. Выступление лобных долей обусловлено нормальным развитием покровных костей черепа, сочетается с коротким основанием, окостеневающим из хряща. Маленькое затылочное отверстие может инициировать гидроцефалию. Низкое, уплощенное переносье и выступающая вперед нижняя челюсть

¹ Специфической особенностью является укорочение конечностей при нормальной длине туловища, маленькая грудная клетка и большая голова. Средний рост взрослых мужчин составляет 131 ± 5.6 см, женщин – 124 ± 5.9 см.

также являются характеристиками ахондроплазии. Выражен тазовый наклон, вызванный сильным поясничным лордозом с очень выступающим животом и ягодицами. Кончики пальцев достигают только большого вертела или даже подвздошного гребня. Подвижность в плечевом и локтевом суставах ограничена; руки до конца не разгибаются и опускаются в неразогнутом виде по сторонам. Ноги сгибаются со складкой кожи, что обусловлено ненормально короткими костями. Подобные ростовые нарушения не связаны с метаболическими дефектами. Умственное развитие обычно не нарушено. Для них характерны разные осложнения, такие как остеоартриты, глухота и хромота. Главные проблемы обусловлены защемлением спинномозговых нервов, вызывающим параличи.

Изучение останков карликов в палеоантропологии довольно редкое явление, поскольку встречаются эти останки не часто. Данная находка интересна тем, что она указывает на существование подобного заболевания на территории Северного Кавказа в раннее средневековье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М.: Наука, 1993. 325 с.
- Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 250 с.
- Бакушев М.А. Погребальный обряд населения Дагестана албано-сарматского времени (III в. до н.э. — IV в. н.э.). Ростов н/Д.: Ростиздат, 2008. 208 с.
- Васильев С.В., Бабаков О.Б., Боруцкая С.Б. Типология ростовых нарушений в антропологических исследованиях // Вестник антропологии. 2001. Вып. 7. С. 199–218.
- Гаджиев А.Г. Происхождение народов Дагестана. Махачкала: ДФ АН СССР, 1965. 230 с.
- Гаджиев М.С. Отчет о разведках в Приморском Дагестане в 2007 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 2008. № 47 092.
- Гмыря Л.Б. Паласа-сыртский курганный могильник у дербентского прохода (конец IV — первая половина V в.) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. ст. / Ред. С.Г. Боталов, Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. С. 110–162.
- Гмыря Л.Б., Ильюков Л.С., Магомедов Р.Г. Восточногерманские элементы в декоре женского парадного костюма в материалах погребальных комплексов Паласа-сыртского курганного могильника (IV–V вв.) // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: Материалы междунар. науч. конф. “Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе” (1–5 октября 2007 г.). Махачкала: Эпоха, 2007. С. 160–173.
- Давудов О.М. Материальная культура Дагестана албанского времени. Махачкала: ДНЦ РАН, 1996. 428 с.
- Малашев В.Ю. Отчет об охранно-спасательных раскопках в зоне строительства ВЛ-330 кВ “Артем–Дербент” (старинное кладбище старого с. Капчугай в Кумторкалинском районе; Зеликакинского поселения и могильника, могильника Ачису III в Карабудахкентском районе; курганной группы Инчхе VII и Эскиюртовского могильника в Каякентском районе; поселения Кабаз-кутан II в Дербентском районе Республики Дагестан) в 2011 г. Ч. 1. Т. I // Архив ИА РАН. 2012. Р-1. № 30 519–30 522.
- Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III – V вв. н.э. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 452 с.
- Миклашевская Н.Н. Новые палеоантропологические материалы с территории Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Т. I. Махачкала, 1959. С. 182–194.
- Федосова В.Н. Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным (остеологическая методика) // Вопросы антропологии. 1986. Вып. 76. С. 104–116.
- Dasen V. Dwarfs in ancient Egypt and Greece. Oxford: Oxford University Press, 1993. 384 p.
- Jones E.H. Studies in Achondroplasia // Jr. Anatomy. 1932. V. 66. Pl. 4. P. 569–573.

THE ZELIKAKA CEMETERY OF THE ALBANIAN-SARMATIAN TIME IN CASPIAN DAGESTAN

Askerkhan K. Abiev *, Svetlana B. Borutskaya **, Sergey V. Vasilyev ***,
Vladimir Yu. Malashev ****, Sergey Yu. Frizen ***

* Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia (abiev-ak@yandex.ru)

** Lomonosov Moscow State University, Russia (vasbor1@yandex.ru)

*** Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow, Russia (vasbor1@yandex.ru; frizents@gmail.com)

**** Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia (malashev@yandex.ru)

The paper presents the results of the investigation of the Zelikaka cemetery. On the basis of the record acquired the excavated complexes are dated to the late 4th – the first half of the 5th century AD and their place in the system of antiquities of Caspian Dagestan of the Albanian-Sarmatian time is determined. An interesting find was made in a stone tomb for multiple burials (Burial 4) of the first half of the 5th century AD, i.e. the remains of a dwarf. The skeleton apparently was that of a man over 30 years old (most likely, from 30 to 40 years). Markedly shortened massive arm bones of the deceased, especially shoulder bones, badly curved radius and especially ulna are indicative of such a form of dwarfism as achondroplasia.

Keywords: Dagestan, Zelikakinsky burial, Albanian-Sarmatian time, osteology, dwarf, achondroplasia.

REFERENCES

- Abakarov A.I., Davudov O.M., 1993. Arkheologicheskaya karta Dagestana [An Archaeological Map of Dagestan]. Moscow: Nauka. 325 p.
- Alekseev V.P., 1966. Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Osteometry. Methods of Physical Anthropological Studies]. Moscow: Nauka. 250 p.
- Bakushev M.A., 2008. Pogrebal'nyy obryad naseleniya Dagestana albano-sarmatskogo vremeni (III v. do n.e. – IV v. n.e.) [Funerary Ritual of the Population of Dagestan of the Albanian-Sarmatian Time: The 3rd Century BC – the 4th Century AD]. Rostov-na-Donu: Rostizdat. 208 p.
- Dasen V., 1993. Dwarfs in ancient Egypt and Greece. Oxford: Oxford University Press. 384 p.
- Davudov O.M., 1996. Material'naya kul'tura Dagestana albanskogo vremeni [Material Culture of Dagestan of the Albanian Time]. Makhachkala: Dagestanskiy nauchnyy tsentr RAN. 428 p.
- Fedosova V.N., 1986. Evaluation of the development of the mesomorphy component from the osteological data: The osteological method. *Voprosy antropologii [Issues of Physical Anthropology]*, 76, pp. 104–116 (In Russ.).
- Gadzhiev A.G., 1965. Proiskhozhdenie narodov Dagestana [The Origin of the Peoples of Dagestan]. Makhachkala: DF AN SSSR. 230 p.
- Gadzhiev M.S., 2008. Otchet o razvedkakh v Primorskom Dagestane v 2007 g. [A report on ground survey in the Sea Dagestan in 2007]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archives of the Institute of Archaeology of RAS]*, R-1 № 47092.
- Gmyrya L.B., 2013. The Palasa-syrt barrow cemetery near the Derbent pass (the late 4th the first half of the 5th century AD). *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov: sbornik statey [The Hun Forum. Issues of the Origin and Attribution of the European Huns' Culture: A Collection of Papers]*. S.G. Botalov, N.N. Kradin, I.E. Lyubchanskiy, eds. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 110–162 (In Russ.).
- Gmyrya L.B., Il'yukov L.S., Magomedov R.G., 2007. East Germanic elements in the decoration of female ceremonial dress from the record of burial complexes of the Palasa-syrt barrow cemetery (the 4th–5th century AD). *Arkheologiya, etnografiya i fol'kloristika Kavkaza: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Noveyshie arkheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya na Kavkaze" [Archaeology, Ethnography and Folklore Studies of the Caucasus: Materials of the International Scientific Conference "Recent Archaeological and Ethnographic Investigations in the Caucasus"]*. Makhachkala: Epokha, pp. 160–173 (In Russ.).
- Jones E.H., 1932. Studies in Achondroplasia. *Journal of Anatomy*, vol. 66, pt. 4, pp. 569–573.
- Malashev V.Yu., 2012. Otchet ob okhranno-spasatel'nykh raskopkakh v zone stroitel'stva VL-330 kV "Artem–Derbent" (starinnoe kladbishche starogo s. Kapchugay v Kumtorkalinskom rayone; Zelikakinskogo poseleniya i mogil'nika, mogil'nika Achisu III v Karabudakhkentskom rayone; kurgannoy gruppy Inchkhe VII i Eskiurtovskego mogil'nika v Kayakentskom rayone; poseleniya Kabaz-kutan II v Derbentskom rayone Respubliki Dagestan) v 2011 g. Ch. 1. T. I [A report on rescue excavations in the development zone BJ-330 kV "Artem–Derbent" (the old cemetery of the former village

- of Kapchugay in the Kumtorkala district; the Zalikaka settlement and cemetery; the Achisu III cemetery in the Karabudakhkent district; the Inchkhe VII barrow group and the Eski yurt cemetery in the Kayakent district and the Kabazkutan II settlement in the Derbent district of the Republic of Dagestan) in 2011. P. I. V. I]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archives of the Institute of Archaeology of RAS]*, R-1, № 30 519–30 522.
- Malashev V. Yu., Gadzhiev M.S., Il'yukov L.S., 2015. Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannye mogil'niki Prikaspiyskogo Dagestana III – V vv.n.e. [The Country of the Maskuts in the Western Caspian Area. Barrow Cemeteries of Caspian Dagestan of the 3rd – 5th Centuries A.D.]. Makhachkala: Mavraev". 452 p.
- Miklashevskaya N.N., 1959. New palaeoanthropological materials from Dagestan. *Materialy po arkheologii Dagestana [Materials on the Archaeology of Dagestan]*, I. Makhachkala, pp. 182–194 (In Russ.).
- Vasil'ev S.V., Babakov O.B., Borutskaya S.B., 2001. Typology of height anomalies in physical anthropological studies. *Vestnik antropologii [Bulletin of (Physical) Anthropology]*, 7, pp. 199–218 (In Russ.).

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ТРОИЦА 1 на оз. УДОМЛЯ (по материалам исследований 1984, 1985, 1987, 2002 и 2003 гг.)

© 2017 г. И.В. Исланова*, Е.В. Лагуткина**, А.В. Лагуткин**

*Институт археологии РАН, Москва, Россия (ivisl@mail.ru)

**Тверской государственный университет, Россия (and_lagutkin@mail.ru)

Поступила в редакцию 11.04.2016 г.

Недостаточная изученность участков Волго-Балтийского водораздела не позволяла судить о культурных процессах, протекавших здесь в середине I тыс. н.э. Некоторые сведения удалось получить только в 80-е годы XX в., а также в начале XXI в. после проведенных на поселении Троица 1 охранных археологических работ. Памятник представляет собой многослойное поселение с остатками наземных построек с подпольными и очажными ямами. По вещевому и керамическому материалу он датируется концом IV – V в. Лепная керамика относится к кругу древностей, связанных с мощинской или позднемедовской культурами. Судя по находкам керамики на памятниках смежных территорий, можно предположить, что после прекращения жизни на поселении Троица 1 население “растворилось” среди носителей культуры псковских длинных курганов.

Ключевые слова: мощинская и позднемедовская культуры, культура псковских длинных курганов.

Отсутствие письменных источников и слабая изученность территорий позволяли считать, что участки Волго-Балтийского водораздела во второй четверти – середине I тыс. н.э. являлись периферией медовской культуры (Смирнов, 1974. С. 76. Табл. X). Можно было полагать, что для этого региона характерны вялотекущие культурные процессы в отличие от миграций и динамичных культурных изменений, шедших в лесостепной и степной зонах Восточной Европы. Однако после исследований конца XX и начала XXI в. появилась возможность выделить здесь особый культурно-хронологический пласт древностей. Опорным памятником является селище Троица 1.

Поселение Троица 1 находится в 0.5 км к северо-востоку от ц. Иоанна Богослова бывшего с. Троица и в 0.1 км к юго-востоку от сопки Троица. Расположено на левом берегу протоки из оз. Песьво в оз. Удомля, на мысу, образованном протокой и заливом оз. Удомля, из которого вытекает р. Съежа, правый приток р. Мсты (рис. 1). В 1987 г. до сооружения плотины комплекса Калининской АЭС высота берега здесь составляла 2–3 м, в 2002 г. – 1–2. В настоящее время прибрежная часть поселения продолжает интенсивно размываться из-за изменений уровня воды в озере, культурный слой памятника частично подтоплен. Однако ранее, при функционировании в XVIII в. мельничной плотины на р. Съежа, берег

также подвергался размыву. Поверхность задернована, но прежде, за исключением прибрежных участков, интенсивно распаивалась.

Как позднесредневековое селище было открыто в 1974 г. сотрудниками Калининского государственного университета Г.В. Харитоновым и Ф.Х. Арслановой, работавшими в составе Калининского отряда Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР над паспортизацией объектов археологического наследия (Арсланова и др., 1975. С. 50, 51). В 1985 г. обследование здесь проводил А.Д. Максимов (1987. С. 79). Раскопки на поселении Троица 1 были начаты сотрудниками ИА АН СССР в 1984 и 1985 гг. – археологическим отрядом Калининской экспедиции под руководством В.В. Сидорова; в 1987 г. – Верхнемстинской экспедицией под руководством И.В. Ислановой (1997. С. 16, 17). Была исследована интенсивно размываемая мысовая часть памятника – в общей сложности 340 м². Первые результаты работ на селище середины I тыс. н.э. опубликованы в Тверском археологическом сборнике (Исланова, 1996) и монографии “Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья” (Исланова, 1997. С. 16–20).

В 2002, 2003 и 2011 гг. охранные исследования в зоне строительства Калининской АЭС на поселении Троица 1 были продолжены под

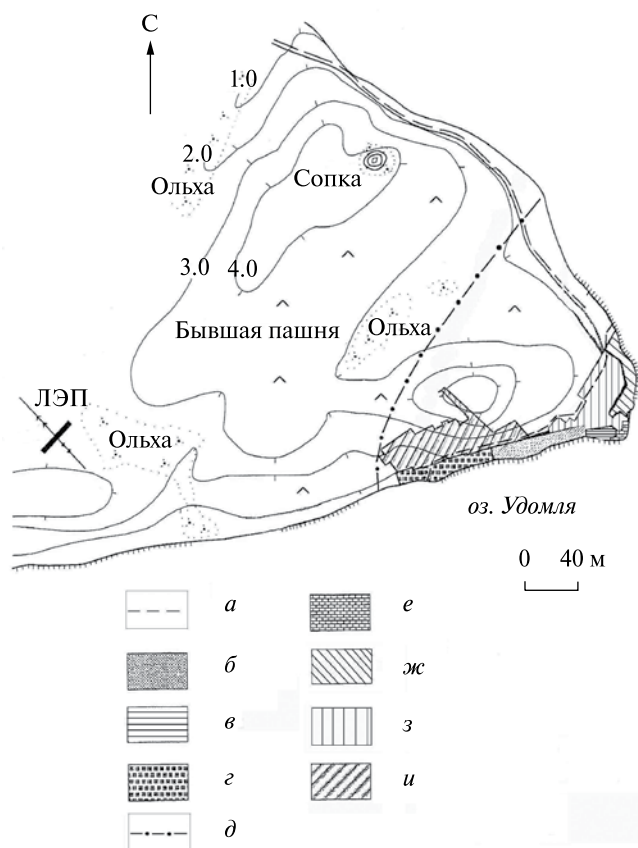

Рис. 1. Поселение Троица 1. План с обозначением исследованных участков (инструментальная топо съемка 2002 г.). Условные обозначения: *а* — граница слоя селища середины I тыс. н.э. Троица 1 по материалам раскопок; *б* — раскоп 2002 г. (Е.В. Лагуткиной); *в* — раскоп 1 2003 г. (Е.В. Лагуткиной); *г* — раскоп 2 2003 г. (Е.В. Лагуткиной); *д* — граница поселения Троица 1; *е* — раскопы 1984–1987 гг.; *ж* — раскоп 2004 г. (М.В. Волковой); *з* — раскоп 2005 г. (М.В. Волковой); *и* — раскоп 2011 г. (А.В. Лагуткина).

Fig. 1. The Troitsa 1 settlement. Plan marking the investigated areas (instrument topographic survey of 2002).

руководством сотрудников Учебно-научной лаборатории по археологии Тверского государственного университета Е.В. Лагуткиной и А.В. Лагуткина (Лагуткина, 2002; 2003; Лагуткин, 2011). Площадь раскопов 2002 и 2003 гг., в которых зафиксирован слой середины I тыс. н.э., составила 1402 м². В 2003, 2004 и 2005 гг. работы на селище велись также Ю.Б. Бирюковым и М.В. Волковой в составе экспедиции Тверского филиала государственной Академии славянской культуры (Археологическая карта России, 2012. С. 356–358).

Исследования на Троице 1 показали, что памятник многослойный. На берегу протоки в разное время существовали поселения эпох неолита и бронзы, середины I тыс. н.э., конца I — начала II тыс. н.э. и XIV–XVI вв. Несмотря на это,

артефакты интересующего нас селища в основном хорошо отделяются от остальных.

Протяженность вдоль берега сохранившейся части селища середины I тыс. н.э. — около 250 м, ширина — 15–40 м. При раскопках было установлено, что культурный слой полностью распахан, за исключением ям в материке, а на некоторых участках перекрыт слоем делювия толщиной 0.1–0.5 м. Разрушение слоя началось еще в XIV–XVI вв., когда здесь существовала небольшая деревня. Большинство находок происходит из верхних отложений мощностью 0.25–0.45 м. Артефакты поселения середины I тыс. н.э. также были встречены вместе с находками керамики эпохи неолита и бронзы в нижележащих слоях толщиной от 0.1 до 0.7 м. Единичные фрагменты керамики фиксировались в предматериковых западинах. Неповрежденные участки культурного слоя сохранились в материковых ямах.

Остатки строений были обнаружены только при работах 2002 и 2003 гг. (рис. 2). Это 11 ям со сходным заполнением: черная супесь с включениями желтого песка, золы и угля, а также обгоревшие деревянные плахи, камни и глина. Исследованные сооружения можно интерпретировать как остатки семи наземных срубных жилых строений, имевших подпольные ямы подпрямоугольной формы и очажные (подпечные) ямы округлой формы размерами 1.8 (СЗ–ЮВ)×1.44×0.41 м — яма № 2 2002 г.; 1.6 (СВ–ЮЗ)×0.94×0.3 м — яма № 4 2002 г.; 1.3×1.3×0.16 м — яма № 5 2002 г.; 1.8 (З–В)×1.4×0.24 м — яма № 6 2002 г.; 2.04 (СВ–ЮЗ)×1.4×0.24 м — яма № 7 2003 г.; 0.8×0.9×0.1 м — яма № 6 2003 г. В конструкции ямы № 7 2002 г. размерами 3.3 (СЗ–ЮВ)×1.9×0.12 м была зафиксирована линия столбовых ямок в центральной части. Все постройки имели отопительные сооружения — очаги или печи из камня и глины. В яме № 2 2002 г. были обнаружены скопления обожженных камней и пятно обожженной глины (под печи?) с углублением-ступенькой до 0.08 м.

В трех ямах 2002 г. были встречены фрагменты лепных сосудов середины I тыс. н.э.: № 2 и 6 — мелкие фрагменты стенок; № 5 — фрагменты венчиков сосудов с подлощенной поверхностью, высокой прямой или плавно отогнутой шейкой, слегка уплощенным или скругленным краем.

Поскольку слои селища разрушены распашкой и переотложены по склону, точных границ и размеров наземных построек установить не удалось; с учетом подпольных и очажных ям площадь прямоугольных строений составляла не менее 14–16 м² (3–4 × 4–5 м). По-видимому, хозяйственные

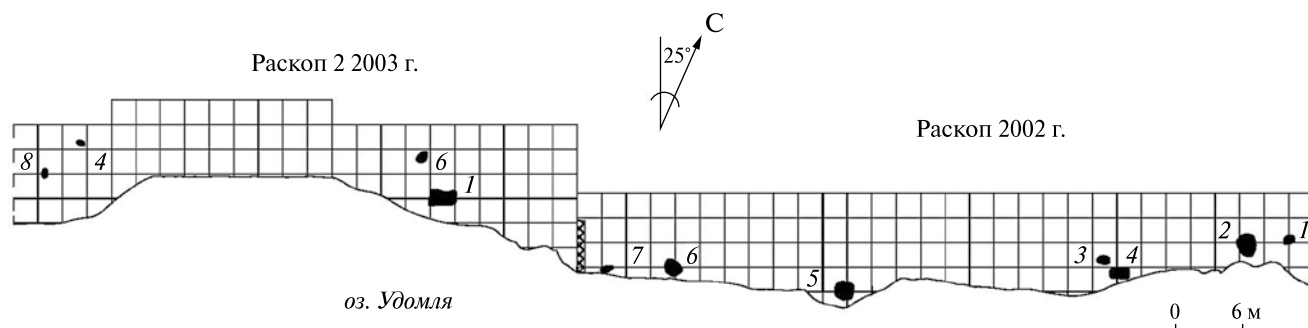

Рис. 2. Поселение Троица 1. Планиграфия остатков построек середины I тыс. н.э.

Fig. 2. The Troitsa 1 settlement. Planigraphy of remnants of the mid-1st millennium AD structures.

ямы № 1 и 3 2002 г. и № 4 и 8 2003 г. имели округлую форму и небольшие размеры (0.4–0.8×0.5–0.7×0.12–0.5 м) и были заполнены черной супесью с вкраплениями желтого песка, углей и золы.

Планиграфия изученных ям в западной прибрежной части анализируемого селища демонстрирует рядное расположение строений. Постройки стояли на расстоянии от 8 до 25 м друг от друга вдоль береговой линии озера (рис. 2). В ходе работ 2011 г. удалось выяснить, что севернее изученных ранее прибрежных раскопов материалы середины I тыс. н.э. отсутствуют. Тем самым были уточнены границы селища этого периода (рис. 1).

Вещевые находки из раскопов 1984, 1985, 1987, 2002 и 2003 гг. немногочисленны: семь глиняных грузиков дьякова типа, из которых три (рис. 3, 1–3) относятся к типу 1 по К.А. Смирнову; один (рис. 3, 6) близок типу 3; два (рис. 3, 5, 7) можно отнести к промежуточным формам между типами 1 и 6; один (рис. 3, 4) – к типу 1 или 126 (Смирнов, 1971. Рис. 1). Грузики имеют небольшие размеры; нарезки расположены только на нижнем условном диске; иногда он выпуклый. Четыре изделия с орнаментом: нарезки в виде креста или “звезды” (рис. 3, 4); небольшие подтреугольные (рис. 3, 7) и каплевидные ямки (рис. 3, 6); тычки (рис. 3, 5).

Схожие грузики встречены в верхних слоях III–V вв. позднедьяковских поселений Верхневолжья и Москворечья (Исланова, 2008. С. 24; Кренке, 2011. С. 66). Дьяковские грузики известны и на памятниках мощинской культуры, но их находки единичны (Смирнов, 1971. Рис. 5).

Изделия из глины также представлены обломком льячки (рис. 3, 8). Помимо неопределимых железных предметов, к слою селища, несомненно, относится железный нож с горбатой спинкой (рис. 3, 10). Ножи такой формы бытуют в лесной

зоне Восточной Европы в основном в первой половине I тыс. н.э. (Смирнов, 1974. С. 37, 38).

Заслуживают внимания находки одного фрагмента и четырех целых железных пластинчатых кресал с петлевидным окончанием (рис. 4). Петля (крючок) находится в одной плоскости с пластиной, заостренной на другом конце. Наиболее близкие аналоги таким кресалам происходят с памятников лесной зоны, прежде всего, мощинской и позднедьяковской культур (Розенфельдт, 1982. Рис. 36, 2–9, 13–21).

Кресала с петлевидным окончанием пластины I–III вв. известны в пшеворской и липицкой культурах (Славяне и их соседи..., 1993. С. 102). По мнению М. Йонаковского, такие кресала выходят из употребления в Центральной Европе на рубеже III/IV вв. или в начале IV в. (Jonakowski, 1996. S. 94–100). Сходные кресала известны в черняховской культуре (Магомедов, 2001. С. 86). В культуре псковских длинных курганов – памятниках следующего культурно-хронологического этапа – кресала с петлевидным завершением единичны, т.е. выходят из употребления (Михайлова, 2014. С. 136, 137). Петлевидные пластинчатые кресала в лесной зоне Восточной Европы бытуют до конца I тыс. н.э., но форма их изменяется (Голубева, 1965. С. 254–269).

Изделия из цветного металла представлены бутылковидной подвеской (рис. 3, 9). По аналогам, происходящим из верхнего слоя Дьякова городища, ее можно датировать V–VII вв. (Кренке, 2011. С. 72).

Наибольший интерес представляет лепная керамика. Находки обломков лепной посуды середины I тыс. н.э. достаточно хорошо отсортировались от фрагментов сосудов предшествующих стоянок и последующих селищ. В основном это фрагменты тонкостенной неорнаментированной посуды. Глиняное тесто плотное, в виде примесей

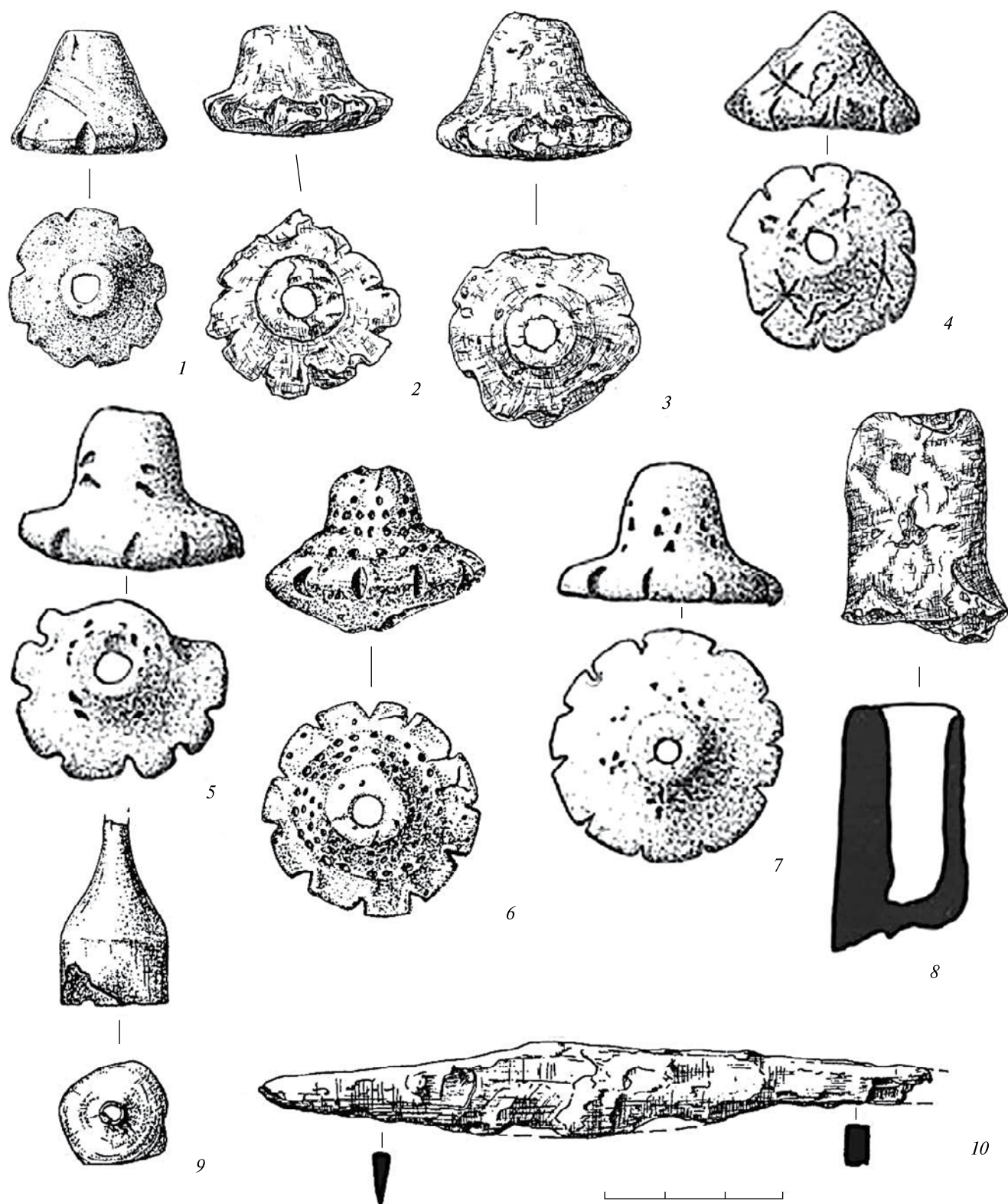

Рис. 3. Поселение Троица 1. Вещевые находки. 1–7 – глиняные грузики дякова типа; 8 – глиняная ручка от льячки; 9 – бутылковидная подвеска из цветного металла; 10 – железный нож.

Fig. 3. The Troitsa 1 settlement. Artefacts.

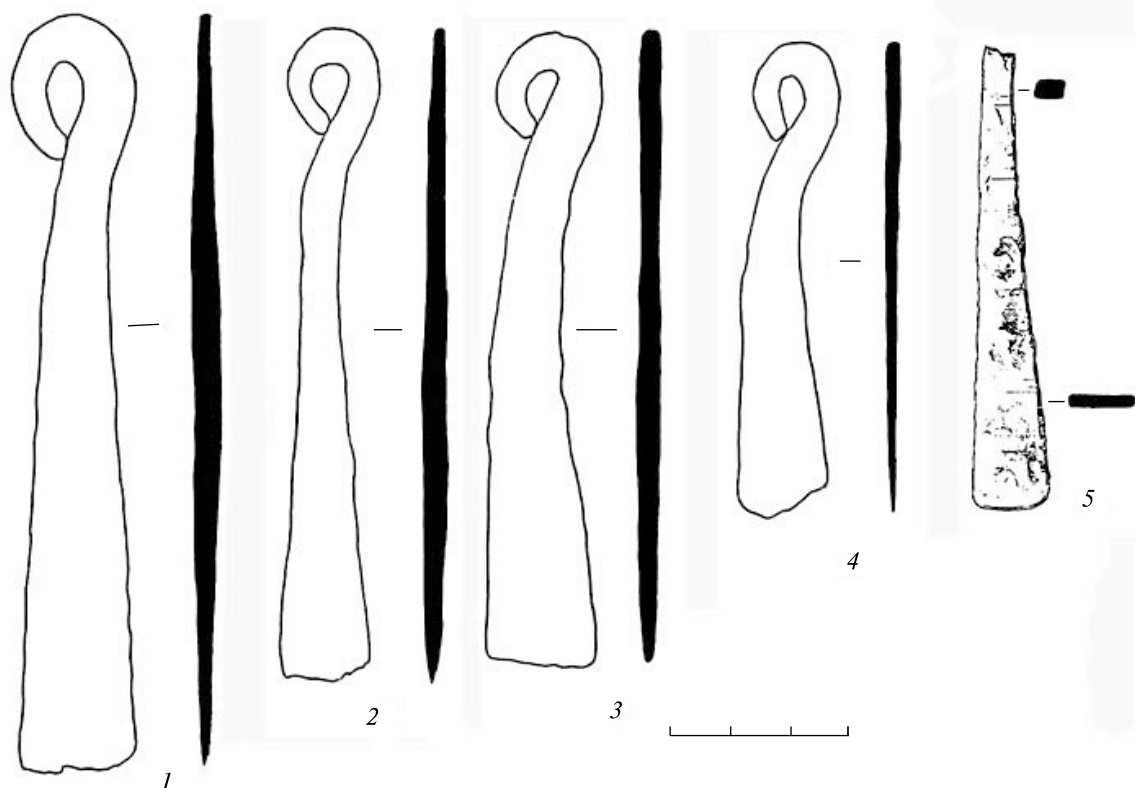

Рис. 4. Поселение Троица 1. Находки железных пластинчатых кресал.

Fig. 4. The Troitsa 1 settlement. Finds of lamellar striking-fire irons.

в нем присутствовали песок и мелкая дресва; цвет коричневый, серый, черный. В раскопах 80-х годов XX в. было найдено 556 фр.; при раскопках 2002 г. — 22 фр.; 2003 г. — 32. Наблюдалась явная концентрация керамики середины I тыс. н.э. в мысовой части поселения.

Встречены три способа обработки внешней поверхности: керамика со слабо шероховатой поверхностью из-за выступающих примесей — зерен дресвы или крупного песка; керамика с подлощенной поверхностью (или “затертая”), внешняя поверхность тщательно заглажена (затерта), иногда с редкими следами лощения; лощеная керамика, имеющая глянцевую внешнюю поверхность. Подсчитано, что в раскопах 80-х годов XX в. керамика с немного шероховатой поверхностью составляла 71%, с подлощенной — 27, с лощеной — 2.

Верхние части некоторых сосудов реконструируются по найденным крупным профилированным фрагментам. Посуда селища Троица 1 в основном представлена горшками, мисок немного (рис. 5). Горшки типов I.2, III.1, IV.2, V.2, V.3, V.4 и миски типа IV, согласно классификации А.М. Воронцова, разработанной для керамики памятников мощинской культуры Окско-Донского водораздела (2013.

Рис. 10). Тулово горшков имеет наибольшее расширение в верхней четверти. Помимо этого признака на датировку керамики указывают утоньшение края венчика (рис. 5, 1, 2), утолщение верхней части плечика (уступ) (рис. 5, 4, 5), утолщение стенок при переходе от венчика к тулову (рис. 5, 3, 5). Аналогичная керамика появляется на памятниках мощинской культуры в конце IV в. и бытует в V (Воронцов, 2013. С. 41). На сосудах Троицы 1 также при переходе шейки в плечо встречается бороздка (рис. 5, 3, 5, 6) — достаточно характерный признак для керамики мощинской культуры. Тип большинства сосудов определить сложно, так как они представлены мелкими фрагментами. Однако по небольшим обломкам верхних частей — высоким шейкам сосудов, прямым или наклоненным немного внутрь или наружу — практически вся керамика схожа с посудой мощинской культуры. Особо следует подчеркнуть, что на анализируемом поселении отсутствовала керамика с орнаментированным резко отогнутым венчиком, характерная для позднеяковских памятников бассейна Верхней Мсты типа Варварина Гора (Исланова, 2007. С. 307. Рис. 2, 1–6).

Схожая найденной на Троице 1 посуда в небольшом количестве встречена в верхних слоях позднеяковских городищ Москворечья. Н.А. Кренке

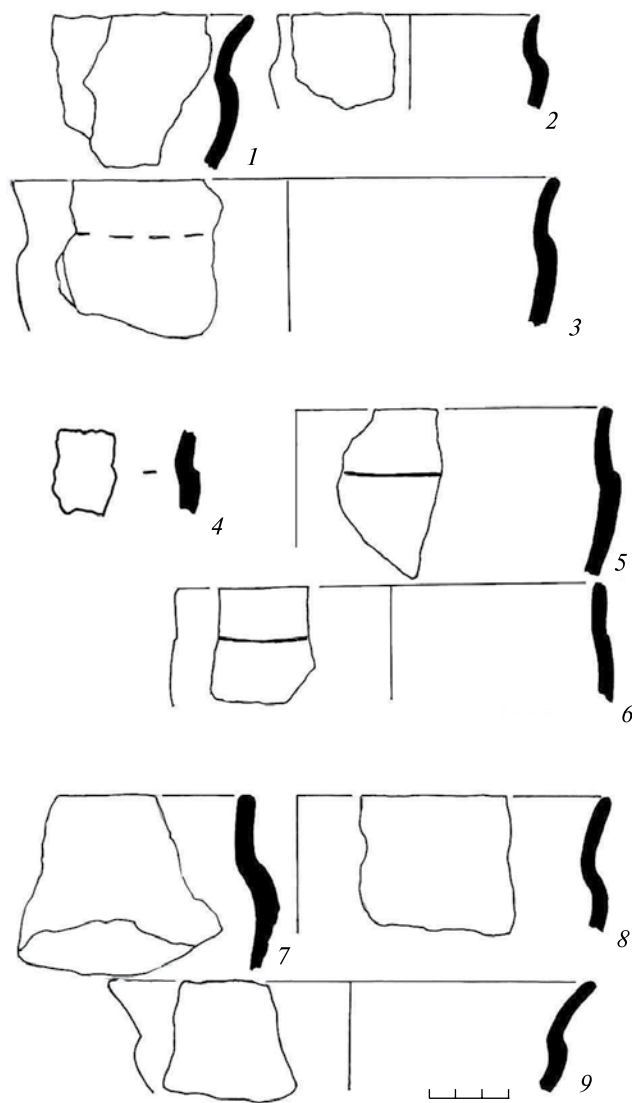

Рис. 5. Поселение Троица 1. Керамика мощинского круга. 1, 3, 4, 6, 8, 9 — поверхность слабо шероховатая; 2, 7 — поверхность подлощенная; 5 — поверхность лощеная.

Fig. 5. The Troitsa 1 settlement. Pottery of the Moshchino range.

предположил, что распространение такой керамики в Волго-Окском междуречье свидетельствует о появлении новой моды во второй четверти I тыс. н.э., а не о массовых миграциях (2011. С. 117, 120). Источник моды находился в бассейне Верхней Оки — в ареале мощинской культуры.

Анализ керамических материалов поселений Верхней Волги позволил выделить особый культурно-хронологический горизонт конца IV — V в., где преобладала или господствовала керамика мощинского круга (Исланова, 2010. С. 204–206). По всей видимости, в данной ситуации фиксируются все-таки не торговые связи и “мода”,

а передвижение групп населения. Аналогичный вывод можно сделать и на основании керамического комплекса селища Троица 1.

Поселений, аналогичных Троице 1, на Волго-Балтийском водоразделе неизвестно или пока не выявлено. Остается неясной и судьба населения, жившего на этом селище. На сегодняшний день лишь очерчивается круг древностей в ближайших окрестностях, где обнаружены находки керамики, связанной с мощинской культурой, или ее дериваты. Перечисленные ниже сосуды и их фрагменты хранятся в фондах Тверского государственного объединенного музея и его филиала — Вышневолоцкого краеведческого музея.

При раскопках селища Юрьевская Горка, датируемого третьей четвертью I тыс. н.э. и расположенного в 2.5 км от Троицы 1, было найдено три фрагмента верхних частей сосудов мощинского круга (рис. 6, 1–3) (Исланова, 1997. Рис. 40, 4–6). В основании кургана № 11 могильника Овсище 1, относящегося к культуре псковских длинных курганов (КПДК), на р. Волчине, в слое углей и золы были обнаружены 14 фр. от сосудов с лощеной и подлощенной поверхностью, 47 фр. — со слабо шероховатой поверхностью и 2 фр. — с шероховатой поверхностью из-за примесей дресвы в глиняном тесте. Обломки верхних частей горшков имели длинную прямую шейку, в одном случае — бороздку в нижней части шейки (рис. 6, 4–8). Можно предполагать, что курганный могильник был сооружен на культурном слое поселения середины I тыс. н.э. (Исланова, 2006. С. 94. Рис. 23, 24). На той же реке, но ниже по течению, в курганном могильнике КПДК Шихино в кургане № 16 найденный горшок имел высокую прямую шейку (рис. 6, 12) (Исланова, 2006. Рис. 97, 9).

Почти полностью реконструированный сосуд с бороздкой под шейкой (рис. 6, 13), видимо, накрывал сверху урну разрушенного при лесопосадке захоронения по обряду сожжения на стороне в грунтовом могильнике Норфино на оз. Пудоро (Исланова, 2006. С. 96, 97. Рис. 35). Горшок с уступом в месте плеча (рис. 6, 9) накрывал погребение по обряду сожжения на стороне в кургане могильника КПДК Городок 8 на р. Шлине (Исланова, 2006. С. 42, 46). Фрагменты, возможно, от двух горшков с уступом (рис. 6, 10) были найдены при раскопках курганов в могильнике КПДК Иваново на ручье Чамка (Исланова, 2006. С. 42). Один фрагмент сосуда мощинского круга (рис. 6, 11) был обнаружен при исследовании селища Пашино на оз. Мстино (Иванова, 2008). Судя по перечисленным находкам, можно допустить, что

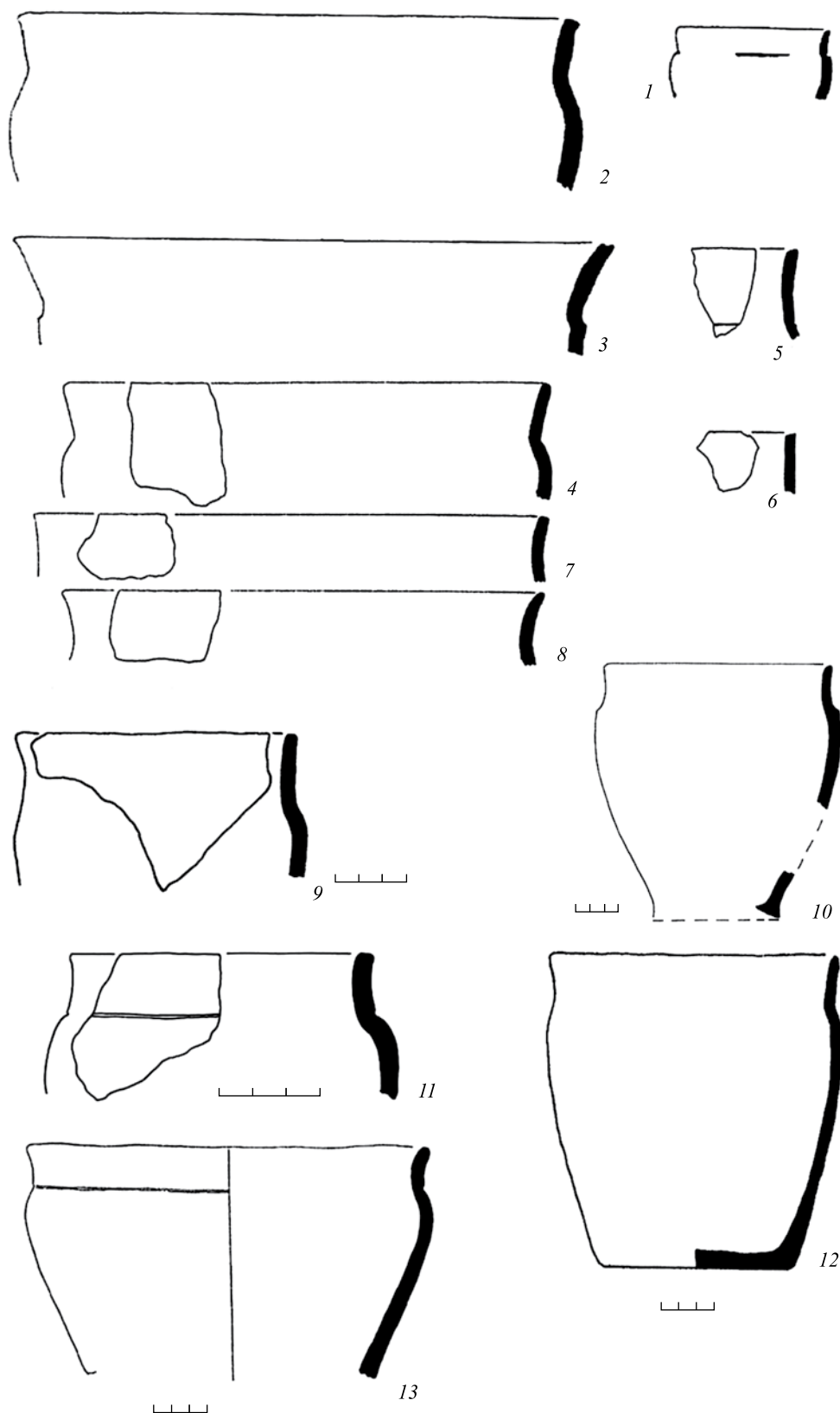

Рис. 6. Керамика мощинского круга и близкая ей керамика из курганов и поселений региона. 1–3 – селище Юрьевская Горка; 4–8 – курганный могильник Овсище 1; 9 – курганный могильник Городок 8; 10 – курганный могильник Иваньково; 11 – селище Пашино; 12 – курганный могильник Шихино; 13 – грунтовый могильник Норфино.

Fig. 6. Pottery of the Moshchino range and the related pottery from local barrows and settlements.

Рис. 7. Памятники с находками керамики мощинского круга на Волго-Балтийском водоразделе и в бассейне р. Молога. 1 – селище Троица 1; 2 – селище Юрьевская Горка; 3 – курганный могильник Городок 8; 4 – селище Пашино; 5 – грунтовой могильник Норфино; 6 – курганный могильник Овсище 1; 7 – курганный могильник Шихино; 8 – курганный могильник Иваньково; 9 – городище Орлов Городок.

Fig. 7. Sites with the Moshchino range pottery in the Volga–Baltic watershed and in the basin of the Mologa River.

люди, формовавшие такую посуду, “растворились” среди носителей КПКД.

Селище Троица 1 является неординарным объектом середины I тыс. н.э. на Волго-Балтийском водоразделе. В отличие от посуды разных наборов позднедьяковских городищ Москворечья и Верхнего Поволжья, культурный слой которых сильно перемешан, и от других памятников Волго-Балтийского водораздела (КПКД и удомельской группы), где анализируемая керамика единична, на селище Троица 1 был обнаружен чистый керамический комплекс мощинского круга древностей¹ (рис. 7). Ближайшее поселение, где известны не единичные, а массовые находки т.н. керамики мощинского круга, – это городище Орлов Городок, которое находится в 100 км восточнее в бассейне Верхней Мологи (Исланова, 2011. С. 9).

Исследования селища Троица 1 и обнаруженный здесь керамический материал позволяют по-новому взглянуть на протекавшие трансформации на рубеже раннего железного века

и раннего средневековья и, прежде всего, на проникновение на северо-запад Восточной Европы носителей мощинских традиций. Вне всякого сомнения, выявление новой, не принимаемой ранее во внимание группы населения на территории, вошедшей во второй половине I тыс. н.э. в восточную область КПКД, потребует корректировки существующих гипотез о возникновении и культурной принадлежности раннесредневековых древностей в этом регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арсланова Ф.Х., Бодунов Е.В., Ивановская Н.И., Урбан Ю.Н., Чариков А.А. Работы Калининского отряда // АО 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 50, 51.
- Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 4: Бологовский, Осташковский, Пенковский, Удомельский, Фировский районы / Авт.-сост. И.В. Исланова, К.И. Комаров, Г.Г. Король, В.С. Нефедов; ред. Г.Г. Король. М.: ИА РАН, 2012. 483 с.
- Воронцов А.М. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела / Науч. ред. И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ “Куликово поле”, 2013 (Историко-археологические исследования региона Куликова поля; Вып. 1). 173 с.
- Голубева Л.А. К истории пластинчатых огней Восточной Европы // Новое в советской археологии:

¹ На 909 найденных фрагментов керамики мощинского круга приходится 8 фрагментов посуды, близкой по форме и фактуре поверхности находкам на селище Юрьевская Горка. По любезному сообщению М.В. Волковой, при раскопках 2004 и 2005 гг. в восточной части селища были обнаружены артефакты, не меняющие общей характеристики анализируемого памятника.

- Памяти Сергея Владимировича Киселева: К 60-летию со дня рождения: сб. М.: Наука, 1965 (МИА; № 130). С. 257–260.
- Иванова А.Б. Отчет о спасательных археологических работах на территории Вышневолоцкого и Спировского районов Тверской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 37700.
- Исланова И.В. Селище Троица 1 на озере Удомля (о культурных изменениях в середине I тыс. н.э.) // ТАС. Вып. 2. Тверь: Тверской государственный университет, 1996. С. 366–372.
- Исланова И.В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 302 с.
- Исланова И.В. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.: ИА РАН, 2006. 288 с.
- Исланова И.В. Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 9). С. 301–332.
- Исланова И.В. Городище Отмичи. М.: ИА РАН, 2008 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; Вып. 11). 283 с.
- Исланова И.В. Культурная принадлежность древностей середины I тыс. н.э. Верхнего Поволжья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов (Этнокультурные контакты): сб. науч. ст. по итогам работы II Междунар. науч. конф. (Тула, 5–8 ноября 2008 г.) / Ред.: А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ “Куликово поле”, 2010. С. 203–217.
- Исланова И.В. Керамический комплекс городища Орлов Городок // Вестник ТГУ. Сер.: История. 2011. Вып. 4, № 31. С. 3–14.
- Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2011. 546 с.
- Лагуткин А.В. Отчет о проведении спасательных археологических раскопок поселений Троица-1, Троица-4 в Удомельском районе Тверской области в 2011 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 40 791–40 793.
- Лагуткина Е.В. Отчет о раскопках поселения Троица-1 в Удомельском районе Тверской области в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 26 744–26 748.
- Лагуткина Е.В. Отчет о раскопках поселения Троица-1 в Удомельском районе Тверской области в 2003 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 26 992–26 996.
- Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2001 (Monumenta studia Gothica; T. 1). 246 с.
- Максимов А.Д. Разведки на Удомельских озерах // АО 1985 года. М.: Наука, 1987. С. 79.
- Михайлова Е.Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 427 с.
- Розенфельдт И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. / Отв. ред. К.А. Смирнов. М.: Наука, 1982. 179 с.
- Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. / Отв. ред. И.П. Русанова, Э.А. Сымонович. М.: Наука, 1993 (Археология СССР). 327 с.
- Смирнов К.А. К вопросу о систематизации грузиков “дьякова типа” с Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскowie / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1971 (МИА; № 184). С. 80–98.
- Смирнов К.А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 7–89.
- Jonakowski M. Komplet narzędzi do krzesania ognia w kulturze przeworskiej ze szczególnym uwzględnieniem krzesiw sztabkowatych // Concordia. Studia ofiarowane Jerzemu Okuliczowi-Kozarynowi w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin / Hrsg. W. Nowakowski. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 1996. S. 93–104.

TROITSA 1, A SETTLEMENT OF THE MIGRATIONS EPOCH ON THE UDOMLYA LAKE (from the investigations of 1984, 1985, 1987, 2002 and 2003)

Inna V. Islanova*, Elena V. Lagutkina**, Andrey V. Lagutkin**

*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia (ivisl@mail.ru)

**Tver State University, Russia (and_lagutkin@mail.ru)

Inadequate knowledge of certain areas of the Volga-Baltic watershed prevented us from investigating the local cultural processes of the mid-1st millennium AD. Some data became available in the 1980s and after rescue excavations carried out at the site of Troitsa 1 in the early 21st century. The site is a multilayer settlement with remnants of surface structures with storage and hearth pits. It can be dated from artefacts and pottery to the late 4th – 5th century AD. Handmade pottery belongs to the range of antiquities related to either the Moshchino or the Late Dyakovo culture. Judging from pottery finds at the sites of the adjacent territories it can be surmised that after the abandonment of the Troitsa 1 settlement its population was ‘dissolved’ among the bearers of the Pskov long barrows culture.

Keywords: Moshchino and Late Dyakovo cultures, culture of the Pskov long barrows.

REFERENCES

- Arkheologicheskaya karta Rossii. Tverskaya oblast' [Archaeological map of Russia. The Tver Oblast], 4. Bologovskiy, Ostashkovskiy, Penovskiy, Udomel'skiy, Firovskiy rayony [Bologoe, Astashkovo, Penovsk, Udomlya, Firovo Districts]. I.V. Islanova et al., comp., G.G. Korol', ed. Moscow: IA RAN, 2012. 483 p.
- Arslanova F.Kh., Bodunov E.V., Ivanovskaya N.I., Urban Yu.N., Charikov A.A., 1975. Works of the Kalinin team. *Arkheologicheskie otkrytiya 1974 goda [Archaeological discoveries of 1974]*. Moscow: Nauka, pp. 50, 51.
- Golubeva L.A., 1965. To the history of laminar flint stones of the Eastern Europe. *Novoe v sovetskoy arkheologii: Pamyati Sergeya Vladimirovicha Kiseleva: K 60-letiyu so dnya rozhdeniya: sbornik [The new in the Soviet Archaeology: In memory of Sergey Vladimirovich Kiselev: To his 60th anniversary: Collection of Scientific Papers]*. Moscow: Nauka, pp. 257–260 (MIA, 130).
- Islanova I.V., 1996. Site of Troitsa 1 on the Udomlya Lake (on the cultural changes taking place in the middle of the 1st Millennium AD). *Tverskoy arkheologicheskiiy sbornik [The Tver Collection of the Archaeological Papers]*, 2. Tver': Tverskoy gosudarstvennyy universitet, pp. 366–372.
- Islanova I.V., 1997. Udomel'skoe Poozer'e v epokhu zheleza i rannego srednevekov'ya [The Udomlya Lake Area in the Iron Age and early Middle Ages]. Moscow: URSS. 302 p.
- Islanova I.V., 2006. Verkhnee Pomost'e v rannem srednevekov'e [The Upper Msta Area in the early Middle Ages]. Moscow: IA RAN. 288 p.
- Islanova I.V., 2007. The Upper Volga and Valday. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n.e. [The Eastern Europe in the middle of the 1st Millennium AD]*. I.O. Gavritukhin, A.M. Oblomskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 301–332 (Ranneslavianskiy mir, 9).
- Islanova I.V., 2008. Gorodishche Otmichi [Otmichi settlement]. Moscow: IA RAN. 283 p. (Ranneslavianskiy mir. Arkheologiya slavyan i ikh sosedei, 11).
- Islanova I.V., 2010. Cultural origination of antiquities of the middle of 1st Millennium AD of the Upper Volga. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov (Etnokul'turnye kontakty): sbornik nauchnykh statey po itogam raboty II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (2008 g.) [The Forest and Steppe-forest Zones of Eastern Europe in the Time of Roman Influences and the Migration Period (Ethnocultural contacts): Collection of Scientific Papers based on the results of the 2nd International Scientific Conference (2008.)]*. A.M. Vorontsov, I.O. Gavritukhin, eds. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik 'Kulikovo pole', pp. 203–217.
- Islanova I.V., 2011. Pottery complex of the Orlov Gorodok settlement. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya [Bulletin of Tver State University. Series: History]*, iss. 4, no. 31, pp. 3–14.
- Ivanova A.B. Report on the rescue archaeological excavations on the territory of Vyshniy Volochok and Spirovo Districts of the Tver Oblast in 2009. *Arkhir Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [The Archives of the Institute of Archaeology RAS]*, R-I, № 37700.
- Jonakowski M., 1996. Komplet narzędzi do krzesania ognia w kulturze przeworskiej ze szczególnym uwzględnieniem krzesiw sztabkowatych. *Concordia. Studia ofiarowane Jerzemu Okuliczowi-Kozarynowi w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin*. W. Nowakowski, ed. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, pp. 93–104 (In Poland).
- Krenke N.A., 2011. D'yakovo gorodishche. Kul'tura naseleniya basseyna Moskvy-reki v I tys. do n.e. – I tys. n.e. [Dyakovo settlement. Culture of the Moscow-river basin population in the 1st Millennium BC – the 1st Millennium AD]. N.A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN. 546 p.
- Lagutkin A.V. Report on the rescue archaeological excavations on the Troitsa-1, -4 settlements in the Udomlya District of the Tver Oblast in 2011. *Arkhir Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [The Archives of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 40791–40793.
- Lagutkina E.V. Report on the rescue archaeological excavations on the Troitsa-1 settlement in the Udomlya District of the Tver Oblast in 2002. *Arkhir Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [The Archives of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 26744–26748.
- Lagutkina E.V. Report on the rescue archaeological excavations on the Troitsa-1 settlement in the Udomlya District of the Tver Oblast in 2003. *Arkhir Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [The Archives of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 26992–26996.
- Magomedov B.V., 2001. Chernyakhovskaya kul'tura. Problema etnosa [Chernyakhov Culture. The problem of ethnos]. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej (Monumenta studia Gothica, 1). 246 p.
- Maksimov A.D., 1987. Explorings on the Udomlya Likes. *Arkheologicheskie otkrytiya 1985 goda [Archaeological discoveries of 1985]*. Moscow: Nauka, p. 79.
- Mikhaylova E.R., 2014. Veshchevoy kompleks kul'tury pskovskikh dlinnykh kurganov. Tipologiya i khronologiya [Artifacts of the Pskov Long Barrows Culture. Typology and Chronology]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing. 427 p.
- Rozenfel'dt I.G., 1982. Drevnosti zapadnoy chasti Volgo-Oskogo mezhdurech'ya v VI–IX vv. [Antiquities of the Volga-Oka interfluvium's Area in the 6th–9th centuries]. K.A. Smirnov, ed. Moscow: Nauka. 179 p.
- Slavyane i ikh sosedi v kontse I tysyacheletiya do n.e. – pervoy polovine I tysyacheletiya n.e. [The Slavs and their neighbours in the late 1st Millennium BC – the first half of the 1st Millennium AD]. I.P. Rusanova, E.A. Symonovich, eds. Moscow: Nauka, 1993. 327 p. (Arkheologiya SSSR).

- Smirnov K.A.*, 1971. On the question of classification of Dyakovo type weights from the Troitskoe settlement. *Drevnee poselenie v Podmoskov'e* [Ancient settlement in Moscow region]. Yu.A. Krasnov, ed. (MIA, 184). Moscow: Nauka, pp. 80–98.
- Smirnov K.A.*, 1974. Dyakovo Culture (material culture of the settlements of the Oka and Volga interfluve's Area). *D'yakovskaya kul'tura* [Dyakovo Culture]. Yu.A. Krasnov, ed. Moscow: Nauka, pp. 7–89.
- Vorontsov A.M.*, 2013. Kul'turno-khronologicheskie gorizonty pamyatnikov II–V vekov na territorii Oksko-Donskogo vodorazdela [Cultural and chronological levels of the sites of the 2nd–5th centuries in the Oka-Don watershed Area]. I.O. Gavritukhin, ed. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik 'Kulikovo pole' (Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya regiona Kulikova polya, 1). 173 p.

СКУЛЬПТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ДМИТРИЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2017 г. В.А. Сарапулкин

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия
(sarapulkin@bsu.edu.ru)*

Поступила в редакцию 16.06.2016 г.

В 2004 г. экспедицией Белгородского госуниверситета проводились раскопки Дмитриевского могильника салтово-маяцкой культуры в Шебекинском р-не Белгородской обл. В числе изученных комплексов оказалась катакомба, в которой обнаружено два скульптурных поясных изображения человека, вырезанных из мела. Непосредственно в слое могильника выявлено еще два фрагмента подобных изваяний. Кроме того, в статье публикуется статуэтка из разрушенной катакомбы Дмитриевского могильника, хранящаяся в музее Дмитриевской средней школы. Автор обращает внимание на сходство меловых изваяний Дмитриевки с монументальной каменной скульптурой кочевников Евразии древности и средневековья и предполагает наличие схожих идеологических предпосылок, определявших стилистические особенности данных изображений.

Ключевые слова: Дмитриевский могильник, погребения в катакомбах, аланы, скульптурные изображения человека.

В 2004 г. экспедицией Белгородского государственного университета под руководством автора проводились раскопки Дмитриевского могильника салтово-маяцкой археологической культуры, расположенного в Шебекинском р-не Белгородской обл. Памятник был открыт И.И. Ляпушкиным в 1951 г. (Плетнева, 1989). С 1957 по 1973 г. могильник исследовался экспедицией ИА АН СССР под руководством С.А. Плетневой. Ею было изучено в общей сложности 3000 м² памятника. Выявлено 170 погребальных сооружений и 78 тризн (Плетнева, 1989. С. 173, 252). Возобновление исследования памятника в 2004 г. связано с началом реконструкции проезжей части автодороги Дмитриевка – Доброе (ул. Полевая с. Дмитриевка), проходящей через его территорию. В ходе спасательных археологических работ заложено 5 раскопов, в которых удалось изучить 12 катакомб и 7 тризн. При обозначении комплексов продолжена нумерация С.А. Плетневой, катакомбы получили номера с 176 по 187, тризны – с 79 по 85 (рис. 1).

Среди многочисленного вещевого материала, обнаруженного в ходе раскопок, особый интерес представляют вырезанные из мела скульптурные изображения людей. Два из них обнаружены в катакомбе 182, два фрагмента выявлены в слое чернозема, в пределах раскопа 4, кроме того, одна статуэтка происходит из разграбленной в конце

1990-х годов катакомбы. Данная статья посвящена публикации этих материалов.

Обстоятельства находок. Катакомба 182 прослежена в раскопе 1, который в свою очередь заложен вблизи южной оконечности памятника. Дромос катакомбы ориентирован по линии ЮВ–СЗ, поперек склона. Он имеет прямоугольную форму. В северо-западной части дромоса входное отверстие и часть камеры разрушены воронковидным углублением (рис. 2, А). Длина дромоса – 3.2 м, ширина – 0.55–0.7, глубина – 0.4–1.9 (над входом в камеру). Вход имеет неправильную трапециевидную в плане форму, ширина в верхней части – 0.5 м, в нижней части – 0.7, высота – 1.

В юго-восточной части дромоса найден скелет лошади (располагался на животе, задние ноги подогнуты), передняя часть которого разрушена. Там же у северо-восточной стенки выявлен литой бронзовый бубенчик.

Заполнение дромоса в юго-восточной части представлено слабогумусированным плотным суглинком (нижний горизонт) и рыхлым черноземом (верхний горизонт). В средней части дромоса выявлен вкоп современного грабителя. В северо-западной части дромоса заполнен рыхлым сильногумусированным суглинком, с вкраплениями мела. Вероятно, плотный суглинок юго-восточной части является частью первоначального заполнения, тогда как рыхлая засыпь

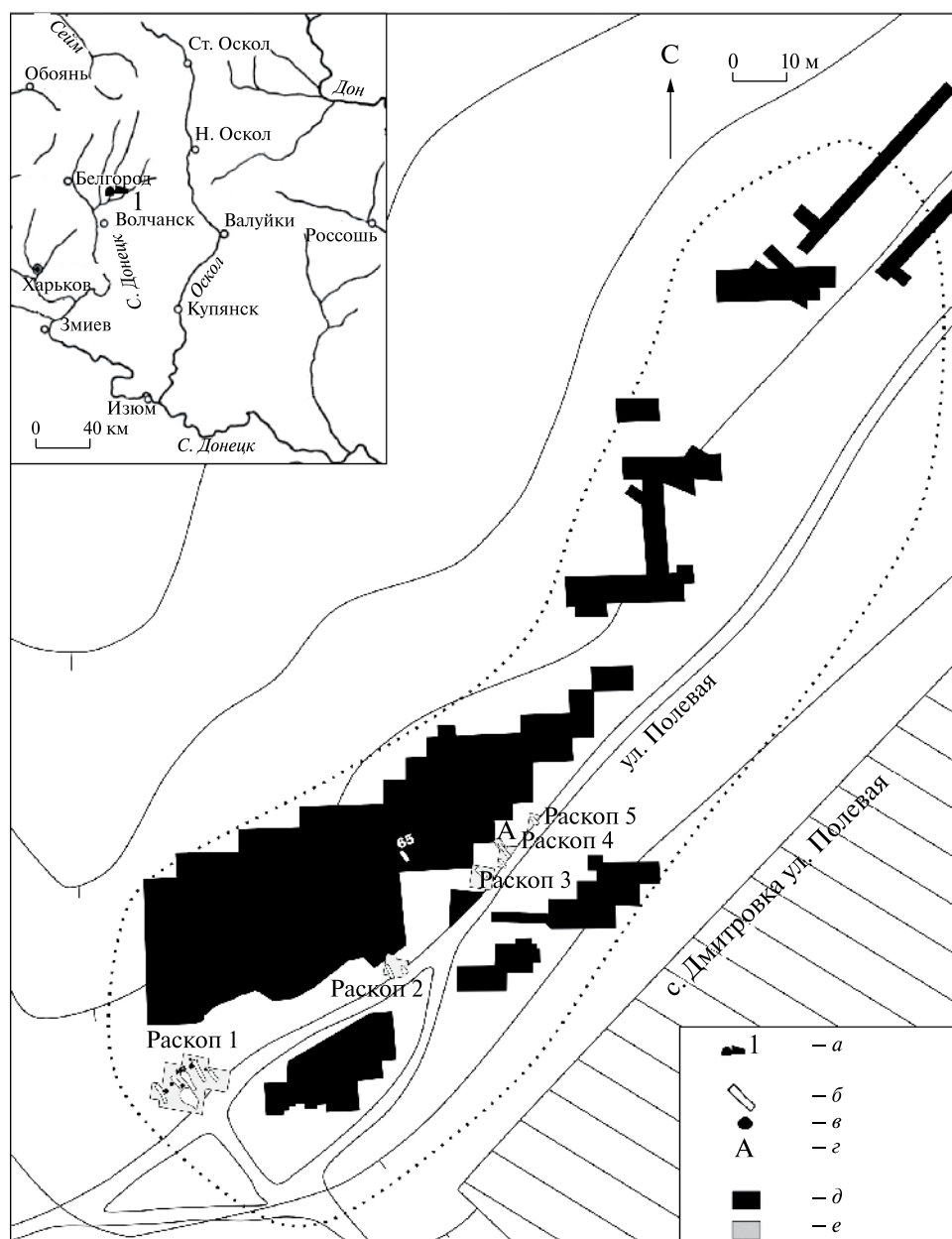

Рис. 1. План Дмитриевского могильника. Условные обозначения: *a* – место расположения; *b* – катакомбы; *v* – тризны; *z* – место находки фрагментов статуэток; *d* – раскопы С.А. Плетневой; *e* – раскопы 2004 г.

Fig. 1. Plan of the Dmitrievka cemetery

северо-западного участка возникла в результате проникновения в могилу, приведшего к разрушению верхней части дромоса и входа в камеру. Очевидно, эти же события, произошедшие в древности, привели к разрушению скелета лошади. Если бы его потревожил современный грабитель, то кости располагались бы рядом с ямой.

Камера, ориентированная перпендикулярно дромосу, имеет овальную в плане форму, длина ее составляет 1.8 м, ширина – 2.25. Потолок сферический, высотой 1.05 м. Камера в передней своей

части на 0.15–0.3 м была заполнена грунтом, засыпавшимся из дромоса. Всего в катакомбе 182 зафиксировано три погребения, кроме того, в камере прослежены отдельные кости, принадлежавшие еще одному погребенному.

Погребение 1 располагалось в 0.4 м от входа. Сильно разрушенный скелет лежал на спине. Отсутствуют грудной и шейный отделы позвоночника, большая часть ребер, лопатка, ключица, четыре из шести костей рук. Сильно фрагментирован таз. Относительно нетронутыми выглядят

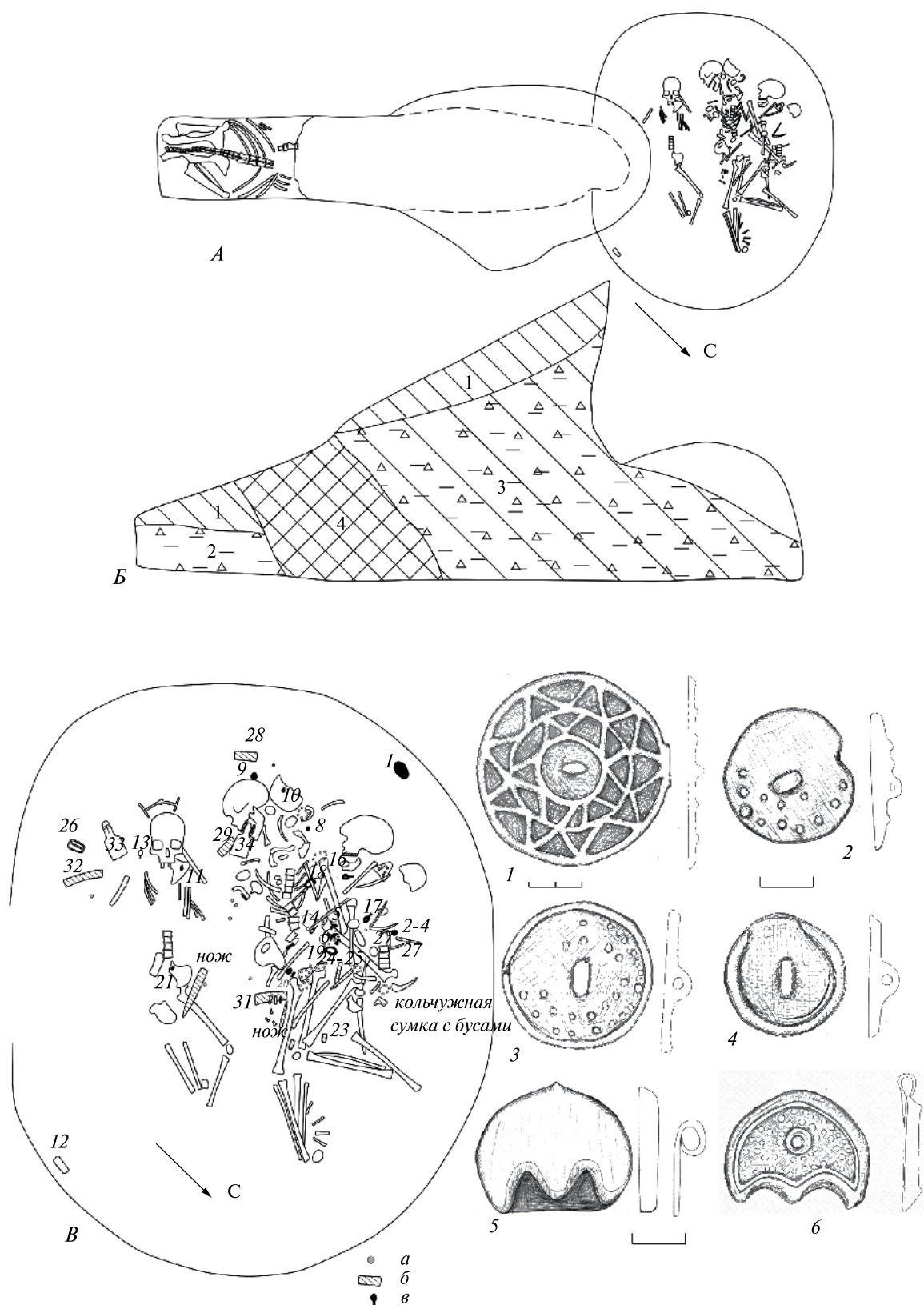

Рис. 2. Катакомба 182 и находки 1–6. А – план; Б – разрез (условные обозначения: 1 – чернозем; 2 – плотный суглинок с мелом; 3 – рыхлый суглинок с мелом и черноземом; 4 – вкоп современного грабителя); В – план погребальной камеры (условные обозначения: а – бусы; б – железо; в – бронза); 1–4 – бронзовые зеркала; 5, 6 – серебряные “лунницы”.

Fig. 2. Catacomb 182 and finds 1–6

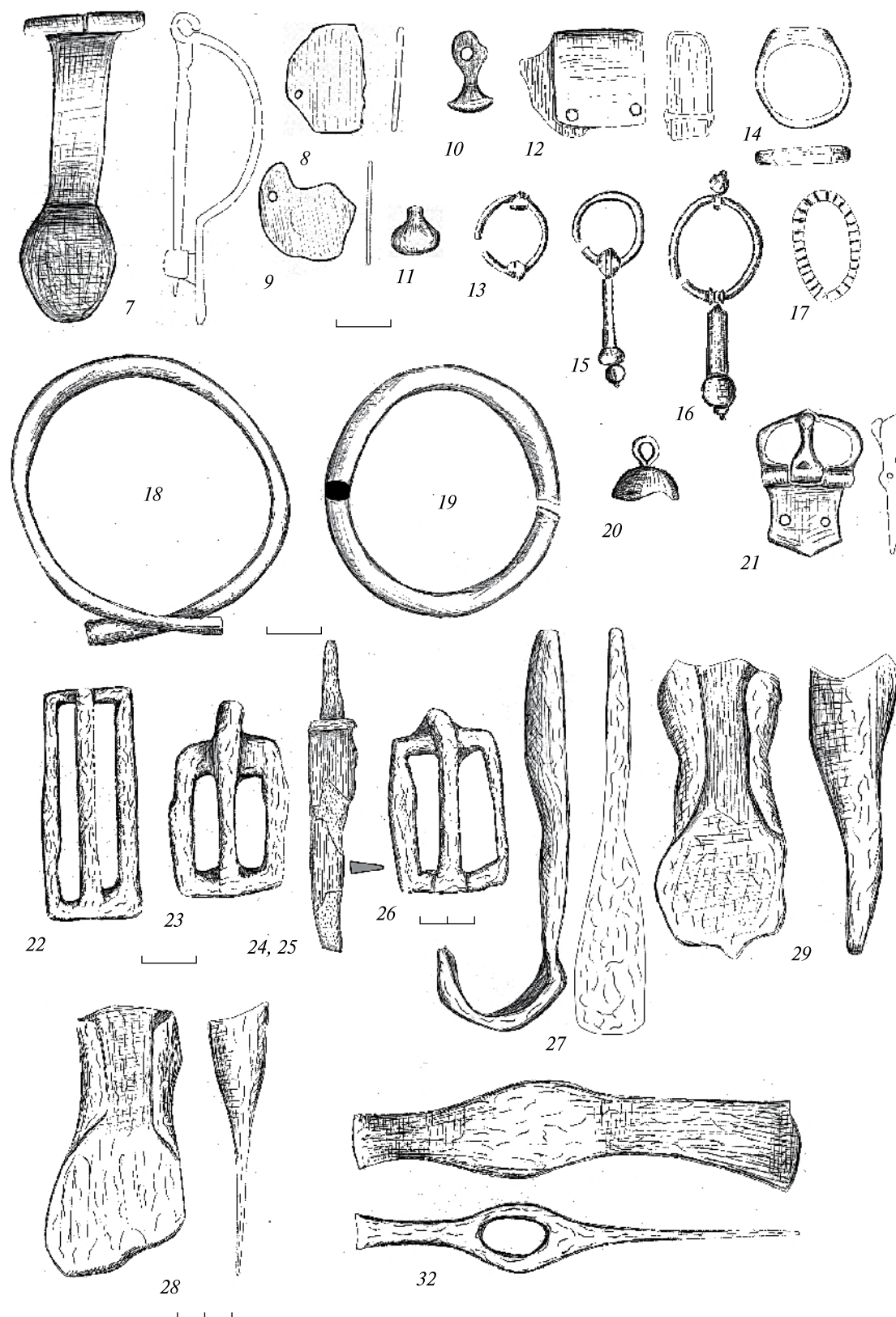

Рис. 3. Находки 7–29, 32 из катакомбы 182. 7 – фибула; 8, 9 – монетовидные нашивки; 10, 11 – пуговицы; 12 – венчик деревянного сосуда; 13–16 – серьги; 17 – деталь серьги; 18, 19 – браслеты; 20 – фрагмент бубенчика; 21–23 – поясные пряжки; 24, 25 – ножи; 26 – подпружная пряжка; 27 – ножницы; 28, 29 – мотыжки; 32 – топор. 7–11, 13–21 – бронза; 12 – дерево, бронза; 22–29, 32 – железо.

Fig. 3. Finds 7–29, 32 from catacomb 182

поясничной отдел позвоночника, левая часть таза и правая нога — согнута в колене в направлении задней стенки камеры. Кости голени правой ноги лежали под углом 45° к ступневой части левой. Череп располагался лицом вверх.

Инвентарь погребения (рис. 3, 4) составляют двукольчатые удила со стержневидными псалиями (рис. 4, 30), расположенные у теменной части черепа; топор (рис. 3, 32), выявленный в 30 см от черепа по направлению к входу; лежавшей рядом с топором подпружной пряжкой с прямоугольной рамкой (рис. 3, 26). Рядом с топором также располагалась шаровидная одноцветная бусина. Около правой скулы лежала бронзовая серьга (рис. 3, 13). В 10 см от черепа, по направлению к передней стенке, выявлено поясное изображение человека, вырезанное из мела (рис. 4, 33). На левой лопаточной кости найдена литая шаровидная бронзовая пуговица (рис. 3, 11). На левом крыле таза обнаружены овальнорамчатая бронзовая поясная пряжка с пятиугольным щитком и сильно фрагментированная бронзовая поясная бляшка (рис. 3, 21). У тазобедренного сустава левой ноги лежал фрагментированный железный нож, рядом с ним располагались две бусины. В районе костей голени найдена трубочка, свернутая из бронзового листа.

Остальные погребения катакомбы 182 были сдвинуты к задней стенке, их кости и инвентарь отчасти перемешаны. Соотнесение тех или иных предметов с конкретным погребением носит отчасти условный характер.

Погребение 2 сильно разрушено. Череп лежал на правом боку, развернут лицевым отделом к входу. Анатомический порядок костей плечевого пояса существенно нарушен. Позвонки поясничного и грудного отделов смещены, грудная клетка разрушена. Бедренные кости сдвинуты, голени скрещены (правая сверху). Кости рук отброшены в направлении задней стенки.

Инвентарь погребения составляют лежащее на нижней челюсти поясное изображение человека, вырезанное из мела (рис. 4, 34); бронзовая монетовидная бляшка у теменной части черепа (рис. 3, 9); две железные мотыжки (рис. 3, 28, 29), одна из которых выявлена в 10 см от темени, другая — у лицевых костей; бронзовая пластинчатая фибула, расположенная с внутренней стороны правого крыла таза (рис. 3, 7); железный топор (рис. 4, 31), выявленный у головки правого бедра (поверх топора лежали пальцы рук). Также вдоль внешней поверхности правого бедра лежал железный нож; рядом с внутренней стороной правого бедра — железная пряжка с прямоугольной рамкой (рис. 3, 22). Между правым крылом таза и бедром выявлен фрагмент

штампованной бронзовой шаровидной пуговицы (рис. 3, 20), там же располагался бронзовый перстень с плоским щитком (рис. 3, 14). Между погребениями 1 и 2 обнаружены две одноцветные шаровидные бусины. В районе крестца выявлено скопление из 65 бусин, выше него — из 63 бусин; у головки левого бедра — из 8 бисерин и 4 бусин.

Рядом с затылком черепа погребения 2 располагалась часть черепа ребенка. Скелет не выявлен. Отдельные кости, которые можно считать детскими, встречаются среди костей взрослых погребений. На черепе ребенка располагалась бронзовая литая шаровидная пуговица (рис. 3, 10), под ним — скопление из 13 бусин, рядом с которым — фрагмент бронзовой монетовидной бляшки (рис. 3, 8).

Погребение 3 сильно разрушено. Можно считать находящимся в положении *in situ* лишь череп (лежит на правом боку), часть позвонков поясничного отдела, и возможно, правую ногу (согнута в колене). Вероятно, покойный располагался на правом боку, а ноги были согнуты в коленях.

Инвентарь погребения составляют бронзовый браслет (рис. 3, 18), свернутый из круглого в сечении дрота, надетый на предплечье; две серебряные серьги с подвеской (рис. 3, 15, 16), одна из которых лежала у нижней челюсти, другая — в районе груди, рядом с которой находилась бусина; железные пружинные ножницы, обнаруженные рядом с поясничным отделом позвоночника (рис. 3, 27); там же, у поясницы, найдены три бронзовых зеркала-амулета с петлей на тыльной стороне, лежавшие одно на другом (рис. 2, 2—4). В пространстве между погребениями 2 и 3 выявлены две серебряные лунницы (рис. 2, 5, 6); бронзовое кольцо-браслет (рис. 3, 19). Там же расчищено два скопления бус. Первое из них, расположенное ближе к черепу, включает в себя 4, а второе — 12 бусин.

Рядом с бедренным суставом левой ноги выявлено два железных ножа (рис. 3, 24, 25). Около ножей располагалось скопление из 18 бусин. Ниже позвонков, у поясницы находились скопления бус: из 4 и 40 предметов; у лицевого отдела черепа — из 9 бисерин.

В погребении прослежена угольная подсыпка. Конструкция погребального сооружения и обряд захоронения катакомбы 182 в целом типичен для Дмитриевского могильника. К числу редких элементов погребального обряда следует отнести помещение лошади в дромос, что прослежено в двух катакомбах (Плетнева, 1989. С. 206). Это обстоятельство позволяет предположить весьма высокий социальный статус погребенных. Разрушение верхней (по склону) части дромоса и входа

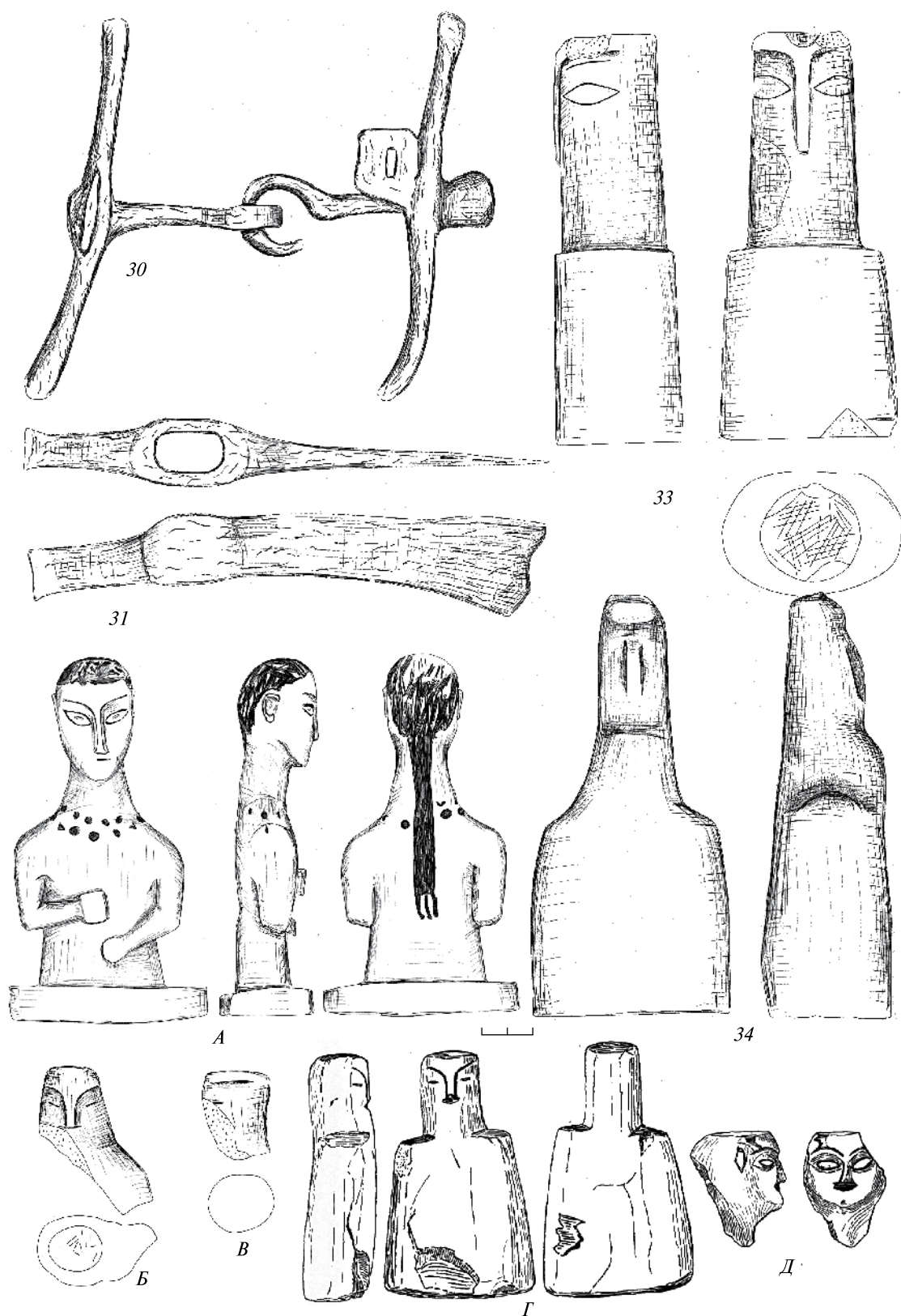

Рис. 4. Находки 30, 31, 33, 34 из катакомбы 182 и аналогии (А–Д) изваяниям. 30 – удила; 31 – топоры; 33, 34 – статуи. 30, 31 – железо, 33, 34 – мел. А – депаспортизованное изваяние; Б, В – фрагменты статуй из раскопа 4; Г, Д – статуи из катакомбы 65 (по: Плетнева, 1989).

Fig. 4. Finds 30, 31, 33, 34 from catacomb 182 and the analogies (А–Д) to carved images

в камеру ранее зафиксировано на Дмитриевском могильнике в единичном случае — в катакомбе 169 (Плетнева, 1989. С. 176).

Инвентарь погребений катакомбы 182 также не выделяется из вещевого комплекса Дмитриевского могильника. Присутствие в его составе лунниц и зеркал-амулетов, орнаментированных полусферическими выступами, сближают катакомбу 182 с комплексами, относимыми С.А. Плетневой к поздней хронологической группе (вторая половина IX — начало X в.) (Плетнева, 1989. С. 162).

В число находок из катакомб Дмитриевского могильника входит еще два изваяния (рис. 4, Г, Д). Они обнаружены С.А. Плетневой в катакомбе 65 (1989. С. 100). Камера катакомбы была прорезана поздним дромосом, погребения полностью разрушены, часть костей погребенных, среди которых исследователем отмечены молочные зубы и локтевая кость длиной 23 см, сложены кучкой. В этом же скоплении обнаружена лошенная кружка, внутри которой лежали бронзовые поясные бляшки, бусы и фрагмент мелового изваяния (рис. 4, Д), другое изваяние (рис. 4, Г) находилось рядом с костями (Плетнева, 1966. Л. 12). Автор рассматривает данный комплекс как погребение ребенка 7–9 лет (Плетнева, 1989. С. 100). Размеры локтевой кости соответствуют более старшему возрасту 13–14 лет. Возможно, количество погребенных в катакомбе 65 было больше одного. Размеры камеры (0,8 × 0,9 × 1,4 м) указывают на то, что погребенный (или погребенные) не были взрослыми.

Помимо статуэток из описанных выше комплексов с Дмитриевского могильника происходит еще несколько подобных предметов. Два фрагмента меловых изваяний (рис. 4, Б, В) обнаружены в раскопе 4, расположенном в центральной части могильника. Предметы находились в слое, переотложенном в результате склоновой эрозии, на глубине 0,4 м от современной поверхности. Следует отметить, что нематериковые отложения могильника в целом и раскопа 4 в частности практически не содержали находок. Появление данных изделий в слое может быть связано либо со вторичным проникновением в одну из расположенных неподалеку катакомб, из которых предметы были выброшены, либо фрагменты были целенаправленно помещены в землю в ходе ритуальных действий, а впоследствии переместились вместе с грунтом вниз по склону.

Как это часто бывает, наиболее интересная находка оказалась депаспортизованной. В конце 1990-х годов директор Шебекинского краеведческого музея А. Махлин вскрыл несколько катакомб Дмитриевского могильника. Часть предметов оказалась в Дмитриевской

средней школе, и благодаря усилиям ее директора В.М. Савельева была сохранена. Среди них — вырезанное из мела объемное поясное изображение человека (рис. 4, А). В музее хранится также ряд вещей из катакомб Дмитриевки, однако связать их с конкретными комплексами не представляется возможным.

Описание изваяний. Статуэтка, обнаруженная рядом с погребением 1 катакомбы 182 (рис. 2, В; 4, 33), имеет высоту 16,1 см. Туловище высотой 7,6 см изображено усеченным овальным конусом с шириной основания 5 × 7 см, шириной вершины 4 × 6. Шея и голова показаны усеченным конусом высотой 8,5 см, диаметр основания — 4,1, диаметр вершины — 3,8. Переход от плеч к шее четкий. Нос и брови показаны сплошной линией, они выступают над поверхностью на 0,2 см. Длина носа составляет 4 см, ширина — 0,6 в верхней и 0,4 в нижней части. Глаза миндалевидной формы изображены процарапанной линией, расположены на 1 см ниже линии бровей. Верхняя торцевая поверхность статуэтки (голова) покрыта разнонаправленными процарапанными линиями, вероятно, изображающими волосы. Поверхность изделия тщательно заглажена, в верхней части имеются отколы.

Статуэтка из погребения 2 изготовлена гораздо менее тщательно (рис. 2, В; 4, 34). Высота ее составляет 16,5 см. Туловище высотой 8,2 см изображено усеченным овальным конусом с шириной основания 4,7 × 7,7 см, шириной вершины 4,3 × 6,9. Шея и голова показаны усеченным конусом высотой 8,3 см, диаметр основания — 3, диаметр вершины — 2,7. Переход от плеч к шее плавный, плечи рельефно выделяются. Черты лица изображены крайне схематично. Нос показан путем выборки мела с боковых поверхностей, нижняя его граница не обозначена, он выступает над поверхностью на 0,4 см. Длина носа составляет 2 см, ширина — 0,5. Глаза и рот не изображены. Поверхность изделия неровная.

Фрагменты статуэтки из раскопа 4 представляет собой верхнюю часть изделия. На одном фрагменте (рис. 4, Б) шея и голова показаны усеченным конусом, высота которого составляет 3,2 см, диаметр основания — 3,2, вершины — 2. Нос и брови показаны сплошной линией, они выступают над поверхностью на 0,2 см. Длина носа составляет 1,5 см, ширина — 0,5 в верхней и 0,3 в нижней части. Глаза изображены процарапанными черточками длиной 0,5 см. Под носом расположена такая же линия длиной 0,9 см. Глаза внутренними углами направлены вниз. Они расположены на 0,5 см ниже линии бровей. У статуэтки сохранилось левое плечо (ширина 2,6 см от продольной оси носа), имеющее плавный переход к шее. Верхняя часть головы покрыта

разнонаправленными процарапанными линиями, вероятно, изображающими волосы.

Другой фрагмент скульптурного изображения (рис. 4, В) представлен, вероятно, частью головы — цилиндром диаметром 2.5 см, высотой 3.5. В 0.4 см ниже верхней кромки прослежена процарапанная линия, изображавшая, вероятно, бровь, ниже ее на 0.8 см располагалась такая же горизонтальная линия длиной 0.3 см (возможно, глаз). Часть поверхности цилиндра сколота.

Изваяние из разграбленной катакомбы представляет собой объемное поясное изображение (рис. 4, А). Высота изделия — 14.5 см. Скульптура размещена на основании — параллелепипеде размерами 1.5 × 3.8 × 7.8 см. Высотой туловища — 6.8 см, шеи и головы — 6.2.

Лицо сердцевидной формы высотой 4.9 см, шириной 3, место наибольшего расширения приходится на нижнюю часть лба. Нос и брови изображены одной линией, нос длиной 1.8 см, шириной 0.5 выступает на 0.2. Глаза, изображенные прорезанными линиями, заполненными черной краской, расположены в 0.4 см ниже линии бровей. Они миндалевидные, длиной 1 см, шириной 0.4, внутренними углами направлены вниз. Овальные углубления, изображающие зрачки, имеют длину 0.3 см. Рот — прорезанная черта длиной 0.5 см расположен в 0.2 см ниже края носа. Достаточно реалистично изображенные ушные раковины высоко размещены, их верхний край на 0.2 выше линии бровей.

Верхняя часть головы покрыта частично стертой черной краской, изображающей волосы. Спереди волосы короткие — лоб, виски и уши открыты, на спину до уровня локтей спускается длинная (6.3 см) полоса, заканчивающаяся тремя отрезками. Возможно, это коса.

Шея трапецевидная в плане, плечи покатые. В месте перехода шеи в туловище статуэтку опоясывают две линии, составленные из нанесенных черной краской кругов. Правая рука согнута в локте под прямым углом, заканчивается прямоугульником, вероятно, изображающим сосуд. Левая, согнутая под углом 135°, завершается окружностью, вероятно, изображающей кулак.

Целое изваяние из катакомбы 65 (рис. 4, Г) представляет собой поясное изображение, схожее по основным характеристикам с предметом из погребения 1 катакомбы 182 и фрагментом из раскопа 4. Фрагмент статуэтки — голова человека — отличается наличием выраженного переносья, выступающим носом и подбородком (рис. 4, Д).

Все четыре целые статуэтки из катакомб, описанные выше, являются поясными изображениями

человека разной степени стилизации, таким же следует признать и один из фрагментов изваяния из раскопа 4. Несмотря на различия в степени проработки деталей, для статуй характерны общие стилистические приемы: изображение носа и бровей одной линией и не выраженная переносица. К этому следует добавить, что на всех статуэтках нос не выходит за линию лба. Кроме того, вероятно важной деталью для людей, использовавших статую, было наличие непокрытой головы — даже стилизованные изображения имеют нарезки, призванные изображать волосы.

В материалах других катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры статуарные изображения человека неизвестны. При этом нельзя исключить, что подобные предметы, изготовленные, к примеру, из дерева, не сохранились. Упоминания о присутствии изваяний в катакомбных захоронениях кавказских алан эпохи раннего средневековья нам не известны.

Иконография депаспортизованного изваяния типична для степных древностей. Изображение мужчины с сосудом в одной руке и опущенной к поясу другой рукой имело весьма широкое распространение в эпоху раннего железного века (Ольховский, Евдокимов, 1994. С. 16, 18, 19, 24, 25, 27 и сл.) и средневековья (Кубарев, 1984. С. 17). В материалах салтово-маяцкой культуры поясные изображения мужчин, руки которых расположены в схожей позиции, прослежены на трех практически идентичных поясных наконечниках из Верхнесалтовского могильника (Плетнева, 1967. Рис. 44, 58—60). При этом в руках персонажей отсутствуют сосуды, а лица изображены в манере, схожей с орнаментом “личиновидных” поясных бляшек, которые в свою очередь являются дальнейшим развитием лотосовидного орнамента. Остальные изображения человека, известные в материалах данной культуры, характеризуются совершенно иными особенностями (Флерова, 2001).

Следует отметить, что изображения с подобной иконографией в скифских и тюркских древностях характерны исключительно для монументальной скульптуры, игравшей вполне определенную роль в культовой практике. У алан, как донских, так и кавказских, монументальные изваяния не зафиксированы. Известные в материалах Северного Кавказа раннесредневековые каменные изваяния рассматриваются исследователями как тюркские, европеоидная внешность изображенных объясняется влиянием местного населения (Биджиев, 1993. С. 247).

Депаспортизованное изваяние из Дмитриевского могильника и фрагмент из катакомбы 65 также

воспроизводят европеоидный, типичный для аланского населения донской лесостепи, тип лица. Материал (местный мягкий мел), из которого они изготовлены, не позволяет усомниться в месте производства. Достаточно высокое мастерство скульпторов свидетельствует в пользу существования распространенной практики изготовления подобных предметов, которое в свою очередь говорит о наличии спроса на них. Кроме того, даже весьма примитивные фигурки из катакомб 182, 65 и слоя раскопа 4 демонстрируют устойчивый канон изображения, свидетельствующий в пользу существования традиции их изготовления. При этом количество статуэток, выявленных в могильнике, крайне невелико. Можно предположить, что погребальный обряд в большинстве случаев не подразумевал помещение изделий подобного рода в могилу. На расположенном неподалеку Дмитриевском селище (как и на других подобных памятниках салтово-маяцкой культуры) они также неизвестны.

Это характерно и для культуры скифов и тюрок — изображения, схожие с монументальными изваяниями, в материалах погребальных и поселенческих памятников не выявлены. Вероятно, меловые изваяния Дмитриевки, также как монументальная скульптура евразийских кочевников раннего железного века и средневековья, является атрибутом культа семейно-родственных покровителей, не связанного напрямую с погребальной обрядностью. Можно полагать, что аланское население, оставившее Дмитриевский могильник, изготавливало и использовало в ритуальных целях значительное количество меловых изображений человека, которые лишь в редких случаях помещались в захоронения.

Роль статуэток в погребальном обряде аланского населения Подонья выглядит весьма туманной.

Высказанное С.А. Плетневой предположение о том, что изображения из катакомбы 65 были игрушками, основывалось на присутствии в ней исключительно детских захоронений (Плетнева, 1989. С. 100). В катакомбе 182 изваяния сопровождают взрослые погребения, что делает данное предположение не актуальным. Разнообразие вариантов использования изображений человека в погребальной и поминальной обрядности различных народов (Брыкина, Турнаева, 1995. С. 78–81), в сочетании с крайне узкой источниковой базой не позволяет выдвинуть достаточно аргументированную гипотезу относительно роли подобных статуэток в погребальной обрядности донских алан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Биджиев Х.Х.* Тюрки Северного Кавказа: болгары, хазары, карчаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы: вопросы истории и культуры. Черкесск: Карачаевско-Черкесское полиграф. объедин., 1993. 375 с.
- Брыкина Г.А., Турнаева Т.Н.* Идолы в захоронениях Ферганы // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М.: ИА РАН, 1995. С. 75–87.
- Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 232 с.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л.* Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.: ИА РАН, 1994. 188 с.
- Плетнева С.А.* Отчет Северо-Донецкого отряда Нижне-Донской экспедиции о работе летом 1966 г. // Архив ИА РАН. 966.Р-1. № 32222.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 200 с.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989. 288 с.
- Флерова В.Е.* Образ и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим; М.: Гешарим: Мосты культуры, 2001. 159 с.

ANTHROPOMORPHIC SCULPTURES FROM THE DMITRIEVKA CEMETERY OF THE SALTOVO-MAYATSKOE CULTURE

Vladimir A. Sarapulkin

Belgorod State National Research University, Russia (sarapulkin@bsu.edu.ru)

The archaeological expedition of Belgorod State University carried out the excavations of the Dmitrievka cemetery of the Saltovo-Mayatskoe culture in the Shebekino district of the Belgorod oblast in 2004. Among the complexes under investigation there was a catacomb where two half-length anthropomorphic sculptures carved in chalk had been encountered. Two more fragments of such sculptures were found in the layer of the cemetery. Moreover, the paper publishes a figurine from a destroyed catacomb of the Dmitrievka cemetery kept at the museum of the Dmitrievka secondary school. The author draws attention to the similarity of the Dmitrievka chalk sculptures and monumental stone statues of the early and medieval nomads of Eurasia and suggests the presence of similar ideological prerequisites determining stylistic traits of these images.

Keywords: Dmitrievka cemetery, catacomb burials, Alans, man's sculptures.

REFERENCES

- Bidzhiev Kh. Kh.*, 1993. Tyurki Severnogo Kavkaza: bolgary, khazary, karachaevtsy, balkartsy, kumyki, nogaytsy: voprosy istorii i kul'tury [The Turkis of the North Caucasus: The Bulgars, the Khazars, the Karachai, the Balkars, the Kumyks, and the Nogais: Issues of History and Culture]. Cherkessk: Karach.-Cherk. poligraf. ob"ed. 375 p.
- Brykina G.A., Turnaeva T.N.*, 1995. Idols in Fergana burials. *Pamyatniki Evrazii skifo-sarmatskoy epokhi* [Eurasian Monuments of the Scytho-Sarmatian Epoch]. Moscow: IA RAN, pp. 75–87. (In Russ.)
- Flerova V.E.*, 2001. Obraz i syuzhety mifologii Khazarii [Images and Plots of Mythology of Khazaria]. Jerusalem; Moscow: Geshtarim: Mosty kul'tury. 159 p.
- Kubarev V.D.*, 1984. Drevnetyurkskie izvayaniya Altaya [Old Turkic Statues of the Altai]. Novosibirsk: Nauka. 232 p.
- Ol'khovskiy V.S., Evdokimov G.L.*, 1994. Skifskie izvayaniya VII–III vv. do n.e. [Scythian Statues of the 7th–3rd centuries BC]. Moscow: IA RAN. 188 p.
- Pletneva S.A.*, 1966. Otchet Severo-Donetskogo otryada Nizhne-Donskoy ekspeditsii o rabote letom 1966 g. [The report of the Severnyy Donets detachment of the Lower Don expedition on its fieldwork in summer 1966]. *Arkhir Instituta archeologii RAN*, R-1, № 32222. (Unpublished).
- Pletneva S.A.*, 1967. Ot kocheviy k gorodam. Saltovo-mayatskaya kul'tura [From Nomad Camps to Cities. The Saltovo-Mayatskoe Culture]. Moscow: Nauka. 200 p.
- Pletneva S.A.*, 1989. Na slavyano-khazarskom pogranič'e (Dmitrievskiy arkheologicheskiy kompleks) [In the Slav-Khazar borderland: the Dmitrievskiy archaeological complex]. Moscow: Nauka. 288 p.

К 120-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ИЕССЕНА

© 2017 г. Р.М. Мунчаев*, Н. Мусеибли**

*Институт археологии РАН, Москва, Россия (raufmunchaev@mail.ru)

**Институт археологии и этнографии АН Азербайджана, Баку,
Азербайджанская Республика (museibli@mail.ru)

Поступила в редакцию 26.01.2017 г.

В статье рассматривается вклад выдающегося археолога А.А. Иессена (1896–1964) в развитие российской и азербайджанской археологии и кавказоведения.

Ключевые слова: история археологии, научные школы, кавказоведение, бронзовый век, железный век, скифы, древняя и средневековая история Азербайджана.

В 2016 г. исполнилось 120 лет со дня рождения Александра Александровича Иессена — одного из видных и ярких представителей отечественной науки, внесших неоценимый вклад в становление российской археологии, и прежде

всего — кавказоведения. Несмотря на успешное развитие историографического направления в археологии, особенно в последние десятилетия, следует, однако, признать, к глубокому сожалению, что мы стали иногда забывать дела и труды наших предшественников и не всегда воздаем им должное. Возможно, это относится в меньшей степени к А.А. Иессену, потому что сделанное им в науке слишком значительно.

Вся творческая жизнь А.А. Иессена в течение почти 40 лет, начиная от окончания аспирантуры в 1925 г. и до конца жизни (1964 г.) связана с ГАИМК/ЛО ИИМК/ЛО ИА АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург). Здесь он прошел путь от рядового младшего научного сотрудника до ученого с мировым именем. Одновременно, с 1927 по 1960 гг. Александр Александрович работал в Государственном Эрмитаже, который был для него таким же родным домом, как ИИМК. Здесь он создал Отдел истории первобытной культуры, которым и руководил много лет.

А.А. Иессен родился 23 июля 1896 г. в Петербурге (Крупнов, Пиотровский, 1965; Крупнов, Мунчаев, 1966). Он учился в 1915 г. в Михайловском артиллерийском училище и в 1916–1917 гг. участвовал в Первой мировой войне; затем по 1922 г. служил в рядах Красной армии. В 1925 г. Александр Александрович заканчивает Ленинградский Университет, а в 1929 г. — аспирантуру ГАИМК и становится сотрудником этого научного коллектива на долгие-долгие годы.

Интересы А.А. Иессена с самого начала его научной деятельности были связаны с Кавказом. Еще аспирантом он издает свою первую

научную работу “Культура Ялойлу-Тепе в Закавказье” (Иессен, 1929). Но важнейшей проблемой, разработка которой заняла его всю жизнь, стало изучение металлургии меди и бронзы на Кавказе. Первым капитальным трудом А.А. Иессена стала монография “К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе” (Иессен, 1935). Это выдающееся исследование, в котором убедительно доказана самобытность и глубокая древность кавказской металлургии. Рассмотрев на основании всего накопленного к тому времени материала наиболее существенные вопросы, связанные с этой проблемой, А.А. Иессен выделил три периода в развитии металлургии Кавказа. Основные положения своего труда он повторил в докладе, сделанном им в 1936 г. в Ленинграде на Международном конгрессе по иранской археологии и искусству (Иессен, 1936). Подчеркнем, что все дальнейшее активное изучение древнейшей кавказской металлургии проходило под знаком обогащения новыми фактами, конкретизации и углубления выводов А.А. Иессена, а также решения многих из тех вопросов и задач, которые намечены в монографии 1935 г. и некоторых последующих трудах (Мунчаев, 1975. С. 21). Среди последних отметим работы, посвященные истории освоения и использования рудных ресурсов и металла на территории СССР в древности и, особо, исследование по бронзовому веку Северо-Западного Кавказа, в котором Александр Александрович впервые выделил прикубанскую культуру эпохи поздней бронзы и раннего железа, синхронную соседним кобанской и колхидской культурам (Иессен, 1951).

Как известно, к важнейшим результатам полевых исследований, проведенных на Северном Кавказе в предвоенные годы, относятся итоги деятельности экспедиции ГАИМК под руководством А.А. Миллера в Кабардино-Балкарии. А.А. Иессен, как и его коллеги Б.Б. Пиотровский, А.П. Круглов, Б.Е. Деген, Е.Ю. Кричевский и др., являлся участником данной экспедиции. Он стал одним из главных организаторов издания ее бесценных материалов. Подготовленный к печати объемный труд материалов экспедиции А.А. Миллера с обширным очерком А.А. Иессена, в котором впервые в науке были охарактеризованы основные этапы культурно-исторического развития Кабардино-Балкарии и Северного Кавказа в целом в древности и средневековье, вышел в свет в самом начале войны (Иессен, 1941. С. 7–50). Его тираж считался уничтоженным в те сложнейшие для Ленинграда годы, но, к счастью, был обнаружен в полном виде сразу после окончания войны. Этот сборник трудов

Северокавказской экспедиции, широко известный как МИА № 3, давно стал библиографической редкостью, но по-прежнему остается одним из востребованных научных изданий в российской археологии и кавказоведении.

Подчеркнем, что А.А. Иессена всегда особо привлекала тема раннебронзового века Северного Кавказа, связанная с осмыслением памятников типа Майкопского и Новосвободненских курганов. Широкою известностью получил (и не потерял своего значения до сих пор), в частности, его труд по хронологии “больших кубанских курганов” (Иессен, 1950). Выход в свет этой оригинальной работы, в которой впервые были систематизированы все известные к середине XX в. памятники майкопской культуры, положил конец спорам и путанице с датировкой памятников типа Майкопа-Новосвободной, определил их хронологическое положение в ряду памятников бронзового века Северного Кавказа (Мунчаев, 1975. С. 28). Напомним, что всего за два года до издания этой работы А.А. Иессена была опубликована статья М.И. Артамонова, в которой он отнес знаменитый Майкопский курган и связанные с ним памятники к предскифской эпохе на Северном Кавказе (Артамонов, 1948), повторив, по сути дела, выводы, сформулированные еще в предвоенные годы Б.Е. Деген-Ковалевским (Деген-Ковалевский, 1939). А.А. Иессен расчленил материалы их на две группы: раннюю — майкопскую и относительно позднюю — новосвободненскую, и показал, что эти памятники характеризуют ранний этап эпохи бронзы на Северном Кавказе. Таким образом он окончательно положил конец спорам, продолжавшимся около 50 лет о хронологии Майкопского кургана и связанных с ним других памятников.

Мы помним, насколько значительны заслуги Александра Александровича и в изучении культур Северного Кавказа предскифского и скифского времени, а также вопросов взаимоотношения местных племен с киммерийцами и скифами. Немало сделано им и в области изучения памятников собственно скифской культуры. Говоря о широте научных интересов А.А. Иессена, его глубокой эрудиции, нельзя не вспомнить такие его известные работы, как книга по греческой колонизации Северного Причерноморья (Иессен, 1947), статьи о древних связях Северного Кавказа с Западом (Иессен, 1952а), работу “Ранние связи Приуралья с Ираном” (Иессен, 1952б) и многие другие.

Нам хотелось бы в настоящей статье особо остановиться на последнем десятилетии творческой

жизни А.А. Иессена, когда его интересы оказались почти целиком связаны с изучением древнейшей и средневековой истории и культуры Азербайджана. Тогда, в начале 50-х годов XX в. была организована совместная многолетняя экспедиция Института археологии АН СССР и Института истории Академии наук Азербайджана под руководством А.А. Иессена. Она официально именовалась Азербайджанской экспедицией, но нередко ее называли Оренкалинской (или даже Бейлаганской), так как одной из основных ее задач являлось исследование городища Орен-Кала (Оренкала) — средневекового города Бейлаган. Азербайджанская экспедиция действовала с 1953 по 1960 гг., в ее состав входило несколько отрядов, обеспечивших широкомасштабные археологические исследования на территории Азербайджана, и прежде всего — Мильско-Карабахского региона (Иессен, 1965а). Она стала одной из самых крупных экспедиций в стране, беспримерных по широте поставленных и реализованных задач. Результатом ее деятельности явилось открытие более 50 разновременных памятников в Мильской степи и Карабахе, целый ряд из которых подвергся значительным стационарным исследованиям.

С самого начала главной целью исследования экспедиции явились раскопки городища Орен-Кала. Обширные раскопки, проведенные там под руководством О.Ш. Исмизаде

и Г.М. Ахмедова, позволили исследовать его достаточно широко и показать, что Орен-Кала представлял собой развалины отмеченного в письменных источниках города Бейлаган (Иессен. 1941. С. 15–33; 1965б. С. 10–35; и др.).

Следует отметить, что по результатам исследования Оренкалинской экспедиции А.А. Иессена были изданы два тома трудов Азербайджанской экспедиции (МИА, 67; МИА, 125). Значительная часть I тома, включающая в себя не менее десяти статей разных авторов, посвящена как изучению городища Орен-Кала, так и в целом культуры Азербайджана VIII–XII вв. Укажем в данной связи на осуществленные Г.М. Ахмедовым в составе экспедиции раскопки древнего городища у с. Тазакент Бейлаганского р-на, позволившие А.А. Иессену предположить расположение здесь албанского города Пайтаракан (Иессен. 1965б). Не приходится доказывать, насколько важное значение все это имело для изучения непрерывности развития и эволюции культур Азербайджана и всего Южного Кавказа античного и средневекового периода.

А.А. Иессен был глубоко эрудированным ученым и отличался, как показала его работа в качестве руководителя Азербайджанской экспедиции, большими организаторскими способностями. Экспедиция А.А. Иессена на Южном Кавказе не ограничилась исследованием лишь одного крупного археологического объекта средневековой

эпохи, а развернула на обширной территории Мильско-Карабахского региона Азербайджана широкомасштабные раскопки и разведки значительной группы более ранних памятников, начиная с древнего каменного века. Известно, что именно в процессе разведок Александра Александровича в окрестностях Ходжалы в 1954 г. были обнаружены каменные орудия палеолитической эпохи, позволившие поставить вопрос о заселении Нагорного Карабаха в раннем палеолите (Иессен, 1959а. С. 6–8).

Особого же внимания заслуживает тот факт, что благодаря осуществленным А.А. Иессеном совместно со своими помощниками (И.Г. Наримановым и др.) разведкам в Мильско-Карабахской степи удалось выявить группу памятников с расписной керамикой IV тыс. до н.э. (Иессен, 1963). Эти материалы, с одной стороны, показали развитие здесь ранней земледельческой культуры, а с другой – вероятные связи этой культуры с древнейшими памятниками Ближнего Востока, в первую очередь, Месопотамии.

Подчеркнем, что поразительной оказалась научная прозорливость и дальновидность А.А. Иессена, обратившего внимание на эти открытия и показавшего их научную важность (Иессен, 1959а; 1963; 1965а). В данной связи следует отметить, что исследования древностей Мильско-Карабахского региона (а также Мугани) в последующем не только подтвердили в целом предположения, сделанные А.А. Иессеном в 50–60-е годы XX в., но привели к совершенно новым, можно сказать, совсем неожиданным результатам. Последние существенно дополнили, углубили и расширили представления А.А. Иессена о развитии Мильско-Карабахской области и Закавказья в IV тыс. до н.э. Ныне выявлены сотни новых древнейших памятников, отражающих различные периоды культурно-исторического развития Южного Кавказа VI–III тыс. до н.э. Не будем особо распространяться в этой связи, укажем лишь на открытие новой яркой раннеземледельческой культуры, ныне достаточно широко известной под названием лейлатепинская. Это позднехалколитическая культура Закавказья (IV тыс. до н.э.), архитектура, керамика и некоторые особенности погребального обряда которой имеют черты бесспорно месопотамского происхождения (Музеибли. 2012; Museibli. 2014). В настоящее время очевидно, что в первой половине IV тыс. до н.э. имело место проникновение на Южный Кавказ, особенно в Мильско-Карабахскую степь, целых групп ближневосточного населения, что, видимо, и послужило причиной сложения особой

раннеземледельческой культуры. В целом следует отметить, что если результаты Азербайджанской экспедиции под руководством А.А. Иессена обеспечили первый значительный прорыв в изучении древних культур Мильско-Карабахской области, то дальнейшие исследования данного региона позволили разрешить не только целый комплекс важных вопросов развития Южного Кавказа в энеолите и более ранние и поздние периоды, но пролить свет на проблему этнокультурных связей и взаимоотношений между Ближним Востоком (конкретно Месопотамией) и Кавказом, включая и Северный Кавказ IV–III тыс. до н.э. (майкопскую культуру).

Рассматривая значение результатов Азербайджанской экспедиции, следует кратко остановиться еще на нескольких вопросах, связанных с ее деятельностью. Прежде всего это касается итогов раскопок Нахчыванского Кюльтепе I. Это многослойное поселение эпохи неолита, энеолита и бронзового века является одним из наиболее популярных археологических памятников Кавказа. С самого начала работ Азербайджанской экспедиции в ее составе был организован специальный отряд по изучению поселения Кюльтепе I у г. Нахчывана под руководством О.А. Абибуллаева.

Как известно, до 50 – начала 60-х годов XX в. энеолитическими памятниками Закавказья считались памятники так называемой куро-аракской культуры. Однако подлинная культура закавказского энеолита была выявлена по сути дела лишь после раскопок Нахчыванского Кюльтепе I. Это поселение содержало четыре слоя общей мощностью около 22 м. Основными слоями были слой “куро-аракского энеолита” толщиной 8,5–9,5 м и подстилающий его такой же мощный слой истинного энеолита (и неолита) (Иессен. 1963; 1965а, б; Абибуллаев. 1959; 1982). Значение данного открытия, вызвавшего пересмотр периодизации историко-культурного развития Закавказья на заре бронзового века, трудно переоценить. В результате в настоящее время куро-аракская культура отнесена к эпохе ранней бронзы, а памятники позднего неолита и халколита представлены на Южном Кавказе, и особенно в Азербайджане, значительными сериями и успешно исследуются.

В числе исследованных Азербайджанской экспедицией памятников особое место занимает большой курган (№ 3), раскопанный в 1957–1960 гг. в урочище Уч-тепе в бассейне Гаргарчай в Мильско-Карабахской степи (Иессен, 1965в). Это был громадный курган высотой в среднем 13 м и диаметром около 130 м. В центре его имелась каменная насыпь мощностью

до 2 м. Яма основного погребения имела прямоугольную с округленными углами форму и большие размеры (14.30–13.89 × 2.20–2.65 м), глубина достигала 2.60 м. Сверху могила была перекрыта мощным бревенчатым накатом в два ряда, оказавшимся сгоревшим. Непосредственно над могилой был насыпан маленький каменный курганчик. К сожалению, как основная могила, так и богатое впускное погребение были разрушены. А.А. Иессену, непосредственно руководившему раскопками этого большого и весьма сложного памятника, удалось обследовать курган чрезвычайно тщательно (до этого на Кавказе никогда не исследовался курган столь громадных размеров). Теперь, с учетом опыта Александра Александровича, можно копать такие курганы более уверенно.

Но главное, конечно, заключается в научном значении самого памятника. Несмотря на его разрушение, удалось установить, что основное погребение кургана представляется уникальным для археологии Кавказа памятником (Мунчаев. 1975. С. 31, 312). Оно относится, вероятнее всего, к IV тыс. до н.э., и возможно, связано с кругом памятников майкопской и лейлатепинской культур. С интерпретацией этого оригинального комплекса специалистам предстоит еще серьезно поработать.

Необходимо особо подчеркнуть, что еще одна исключительно важная заслуга А.А. Иессена заключается в том, что ему удалось подготовить к изданию почти все исследованные его экспедицией памятники в Азербайджане и ввести их в научный оборот.

В заключение не можем не указать на то, что экспедиция А.А. Иессена стала подлинной кузницей высококвалифицированных кадров для азербайджанской археологии. Именно в этой экспедиции прошли школу такие ставшие широко известными ученые Азербайджана, как Г.М. Ахмедов, О.Г. Абибуллаев, О.Ш. Исмизаде, И.Г. Нариманов и другие.

Мы, естественно, не могли в одной статье коснуться всех направлений разносторонней научной деятельности А.А. Иессена. Но и то, что представилось возможным рассмотреть, достаточно убедительно показывает, насколько значителен объем сделанного этим ученым, как велики заслуги А.А. Иессена перед российской археологией и кавказоведением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абибуллаев О.А. Раскопки холма Кюльтепе близ Нахичевани в 1955 г. // Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции.

Т. 1: 1953–1955 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 67). С. 431–452.

Абибуллаев О.А. Энеолит и бронза на территории Азербайджанской ССР. Баку: Элм, 1982. 316 с.

Артамонов М.И. Третий Разменный курган у ст. Костромской // СА. 1948. Вып. X. С. 161–182.

Деген-Ковалевский Б.Е. Проблема датировки “больших кубанских курганов” // КСИИМК. 1939. Вып. II. С. 14–17.

Иессен А.А. Культура Ялойлу-Тапа в Закавказье // Сборник ГАИМК. Т. 1. Л.: Изд-во ГАИМК, 1929. С. 27–39.

Иессен А.А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Известия ГАИМК. Вып. 120: Из истории древней металлургии Кавказа. М.: Соцэкгиз, 1935. С. 7–237.

Иессен А.А. Древнейшая металлургия Кавказа и её роль в Передней Азии // III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии (Ленинград, сентябрь 1935): доклады. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 91–103.

Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии (Значение древних памятников Республики) // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941 (МИА; № 3). С. 7–50.

Иессен А.А. Греческая колонизация Северного Причерноморья: её предпосылки и особенности. Л.: Тип. им. Володарского, 1947. 89 с.

Иессен А.А. К хронологии “больших кубанских курганов” // СА. 1950. Вып. XII. С. 157–200.

Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951 (МИА; № 23). С. 75–124.

Иессен А.А. К вопросу о древних связях Северного Кавказа с Западом // КСИИМК. 1952а. Вып. 46. С. 48–52.

Иессен А.А. Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. 1952б. XVI. С. 206–231.

Иессен А.А. Азербайджанская (Оренкалинская) экспедиция // Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. 1: 1953–1955 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959а (МИА; № 67). С. 5–14.

Иессен А.А. Городище Орен-Кала // Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. 1: 1953–1955 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959б (МИА; № 67). С. 33–50.

Иессен А.А. Кавказ и Древний Восток в IV–III тыс. до н.э. // КСИИМК. 1963. Вып. 93. С. 3–14.

Иессен А.А. Азербайджанская археологическая экспедиция в 1956–1960 гг. // Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции.

- Т. II: 1956–1960 гг. М.; Л.: Наука, 1965а (МИА; № 125). С. 5–9.
- Иессен А.А.* Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. II: 1956–1960 гг. М.; Л.: Наука, 1965б (МИА; № 125). С. 10–56.
- Иессен А.А.* Раскопки большого кургана в урочище Уч-тепе // Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. II: 1956–1960 гг. М.; Л.: Наука, 1965в (МИА; № 125). С. 153–194.
- Крупнов Е.И., Пиотровский Б.Б.* Памяти Александра Александровича Иессена // СА. 1965. № 1. С. 130–134.
- Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М.* Александр Александрович Иессен // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 3–5.
- Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. 415с.
- Мусеибли Н.* Лейлатепинская культура эпохи энеолита между Передней Азией и Северным Кавказом // Записки ИИМК РАН. № 7. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 31–38.
- Museibli N.* The grave monuments and burial customs of Leilatepe culture. Baku: Nafta-Press, 2014. 156 p.

TO THE 120th ANNIVERSARY OF ALEKSANDR ALEKSANDROVICH IESEN

Rauf M. Munchaev*, Najaf Museibli**

**The Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
(rauf_munchaev@mail.ru)*

***The Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences
of Azerbaijan, Baku, the Republic of Azerbaijan
(museibli@mail.ru)*

The paper deals with the contribution of a renowned archaeologist A.A. Iessen (1896–1964) to the development of Russian and Azerbaijani archaeology and Caucasian studies.

Keywords: history of archaeology, scientific schools, Caucasian studies, Bronze Age, Iron Age, Scyths, early and medieval history of Azerbaijan.

REFERENCES

- Abibullaev O.A.*, 1959. Excavations of the hill of Kültepe near Nakhichevan in 1955. *Trudy Azerbaydzhanskoy (Oren-Kalinskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii [Transactions of the Azerbaijan (Oren-Kala) Archaeological Expedition]*, 1. 1953–1955 gg. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 431–452. (MIA, 67). (In Russ.)
- Abibullaev O.A.*, 1982. Eneolit i bronza na territorii Azerbaydzhanskoy SSR [The Eneolithic and the Bronze Age in the territory of the Azerbaijan Soviet Socialist Republic]. Baku: Elm. 316 p.
- Artamonov M.I.*, 1948. The Tretiy Razmennyy barrow near the Cossack village of Kostromskaya. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, X, pp. 161–182. (In Russ.)
- Degen-Kovalevskiy B.E.*, 1939. The dating of 'big Kuban barrows'. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [Brief communications of the Institute for Material Culture]*, II, pp. 14–17. (In Russ.)
- Iessen A.A.*, 1929. The Yaloylu-Tapa culture in Transcaucasia. *Sbornik Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury [Collection of Papers of the State Academy of Material Culture]*, 1. Leningrad: Izdatel'stvo Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury, pp. 27–39. (In Russ.)
- Iessen A.A.*, 1935. Anent the earliest copper metallurgy in the Caucasus. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury, 120. Iz istorii drevney metallurgii Kavkaza [Proceedings of the State Academy of Material Culture]*. Moscow: Sotsekgiz, pp. 7–237. (In Russ.)
- Iessen A.A.*, 1939. The earliest metallurgy of the Caucasus and its role in the Near East. *III Mezhdunarodnyy kongress po iranskomu iskusstvu i arkheologii (Leningrad, sentyabr' 1935): doklady [Papers read at the 3rd International Congress on Iranian art and archaeology (Leningrad, September 1935)]*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 91–103. (In Russ.)
- Iessen A.A.*, 1941. Archaeological monuments of Kabarda-Balkaria: The value of early sites of the Republic. *Materialy po arkheologii Kabardino-Balkarii [Materials on the Archaeology of Kabarda-Balkaria]*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 7–50. (MIA, 3). (In Russ.)
- Iessen A.A.*, 1947. Grecheskaya kolonizatsiya Severnogo Prichernomor'ya: ee predposylki i osobennosti [Greek Colonisation of the North Pontic Area: Its Prerequisites and Specific Traits]. Leningrad: Tipografiya imeni Volodarskogo. 89 p.

- Iessen A.A., 1950. Anent the chronology of 'big Kuban barrows'. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, XII, pp. 157–200. (In Russ.)
- Iessen A.A., 1951. The Kuban metallurgical centre in the late Copper-Bronze Age. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and investigations for archaeology of North Caucasus]*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 75–124. (MIA, 23). (In Russ.)
- Iessen A.A., 1952a. Anent early relations between the North Caucasus and the West. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [Brief communications of Institute of Archaeology]*, 46, pp. 48–52. (In Russ.)
- Iessen A.A., 1952b. Early relations between the Urals area and Iran. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, XVI, pp. 206–231. (In Russ.)
- Iessen A.A., 1959a. The Azerbaijan (Oren-Kala) expedition. *Trudy Azerbaydzhanskoy (Oren-Kalinskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii [Transactions of the Azerbaijan (Oren-Kala) Archaeological Expedition]*, 1. 1953–1955 gg. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 5–14. (MIA, 67). (In Russ.)
- Iessen A.A., 1959b. The Oren-Kala habitation site. *Trudy Azerbaydzhanskoy (Oren-Kalinskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii [Transactions of the Azerbaijan (Oren-Kala) Archaeological Expedition]*, 1. 1953–1955 gg. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 33–50. (MIA, 67). (In Russ.)
- Iessen A.A., 1963. The Caucasus and the Ancient Orient in the 4th – 3rd millennia BC. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]*, 93, pp. 3–14. (In Russ.)
- Iessen A.A., 1965a. The Azerbaijan archaeological expedition in 1956–1960. *Trudy Azerbaydzhanskoy (Oren-Kalinskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii [Transactions of the Azerbaijan (Oren-Kala) Archaeological Expedition]*, II. 1956–1960 gg. Moscow; Leningrad: Nauka, pp. 5–9. (MIA, 125). (In Russ.)
- Iessen A.A., 1965b. From the historical past of the Mil-Karabakh steppe. *Trudy Azerbaydzhanskoy (Oren-Kalinskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii [Transactions of the Azerbaijan (Oren-Kala) Archaeological Expedition]*, II. 1956–1960 gg. Moscow; Leningrad: Nauka, pp. 10–56. (MIA, 125). (In Russ.)
- Iessen A.A., 1965c. Excavations of a big barrow in the Uch-tepe. *Trudy Azerbaydzhanskoy (Oren-Kalinskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii [Transactions of the Azerbaijan (Oren-Kala) Archaeological Expedition]*, II. 1956–1960 gg. Moscow; Leningrad: Nauka, pp. 153–194. (MIA, 125). (In Russ.)
- Krupnov E.I., Munchaev R.M., 1966. Aleksandr Aleksandrovich Iessen. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [Brief communications of Institute for Material Culture]*, 108, pp. 3–5. (In Russ.)
- Krupnov E.I., Piotrovskiy B.B., 1965. In memory of Aleksandr Aleksandrovich Iessen. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 1, pp. 130–134. (In Russ.)
- Munchaev R.M., 1975. Kavkaz na zare bronzovogo veka [The Caucasus at the Dawn of the Bronze Age]. Moscow: Nauka. 415 p.
- Museibli N., 2012. The Leilatepe Eneolithic culture between the Near East and the North Caucasus. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk [Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS]*, 7. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 31–38. (In Russ.)
- Museibli N., 2014. The grave monuments and burial customs of Leilatepe culture. Baku: Nafta-Press. 156 p.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

СЛАВЯНЕ НА ДУНАЕ. ОБРЕТЕНИЕ РОДИНЫ / Отв. ред. Р.А. Рабинович, И.О. Гавритухин. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2015 (STRATUM plus; № 5). 360 с.

Сборник статей “Славяне на Дунае. Обретение Родины” опубликован в № 5 журнала “STRATUM plus” за 2015 г. Его издание — результат сотрудничества специалистов Высшей антропологической школы (Кишинев, Молдова) и Института археологии РАН (Москва, Россия). Он посвящен 150-летию со дня рождения выдающегося историка и археолога-слависта Любора Нидерле¹. В вводной части приводится биография Л. Нидерле со списком его трудов, очень интересными фотодокументами, подготовленная Д. Елинковой и И.О. Гавритухиным, а также статья В.Я. Петрухина о роли Л. Нидерле в изучении раннеславянской истории. Во Введении, написанном И.О. Гавритухиным, определена цель публикации сборника: познакомить русскоязычного читателя с современным состоянием исследований по раннеславянской археологии Южной Европы и Среднего Подунавья. Задача эта, безусловно, актуальна. Археологи Восточной Европы не часто обращались к теме колонизации славянами Подунавья и Балкан. После издания работ И.П. Русановой, О.М. Приходнюка и В.В. Седова, в той или иной степени ее затрагивавших, прошло более 20 лет.

По содержанию статьи по раннеславянской тематике, включенные в сборник, делятся на два блока. К первому относятся работы М.М. Казанского и П.В. Шувалова, посвященные общим вопросам славянских способов ведения войны.

М.М. Казанский опубликовал статью о вооружении славян, призванную дополнить и уточнить те положения о составе их войска и военной тактике, которые он неоднократно высказывал ранее (2005–2009; 2008; 2011 и др.). Принципиально новым в этих работах было нахождение о существовании у славян конных подразделений, а не только отрядов легко вооруженной пехоты. Конные воины, по мнению автора, были лучниками, имели наборные защитные панцири или кольчуги; допускалось использование клинкового оружия. Пехотинцы были вооружены копьями, дротиками, топорами, вероятно, также и луками. В статье 2015 г. эти выводы подкреплены сводом находок предметов вооружения, наиболее полным из всех существующих, что является несомненной заслугой М.М. Казанского. Наличие у славян конных подразделений этим сводом полностью доказано.

У меня вызывает сомнение лишь вывод о том, что эти кавалерийские отряды были “степного типа” (с. 74)

и использовали так называемые гуннские луки (Казанский, 2005–2009. С. 467; 2011. С. 49). По моему мнению, луки у славян отличались от гуннских, хотя общие типы стрел и имеются. В лесостепи не найдено костяных накладок на луки, кроме находки на поселении Хитцы (упоминаемой М.М. Казанским), и более ранних, конца IV – V в., происходящих с селища Ксизово (Верхний Дон) и из могильника Сторожевое (Полтавщина) (Моисеев и др., 2015. С. 19–21. Табл. 3). Это при том что в комплексах на территории степи луки с костяными деталями в раннем средневековье хорошо известны (Круглов, 2005). Отмечу, что перечисленные более северные находки происходят из пограничных со степью районов.

Шпоры, найденные на славянской территории, не являются деталью снаряжения степных всадников. Наблюдение о концентрации находок шпор в Верхнем Поднепровье и прилегающих районах, сделанное М.М. Казанским в статье 2015 г., вполне справедливо, но у этого факта есть очень простое объяснение. Именно в этом регионе зафиксировано большинство разгромленных в ходе военных действий городищ, раскопанных широкими площадями (вроде Демидовки, Никодимово), откуда происходят не только шпоры, но и другие предметы воинского снаряжения и вооружения.

Сопоставляя находки оружия и свидетельства письменных источников, М.М. Казанский сделал заключение о двух этапах развития военной тактики славян. До 580 г. основную массу составляла легкая пехота, есть сведения об отдельных конных отрядах, в том числе и на византийской службе в составе этнически смешанных подразделений. После 580-х годов в источниках “все чаще фигурирует войско, экипированное профессиональным оружием”.

П.В. Шувалов проанализировал сообщения “Стратегикона” Псевдо-Маврикия о славянах, т.е. опять обратил к теме, которая достаточно давно находится в сфере его интересов. Проведенный им анализ текста (по содержанию, композиции, употреблению терминов) позволил сделать остроумный вывод о наличии первоначального ядра сообщений о славянах и двух последующих редактированиях, которые его существенно изменили. Тем не менее основные сообщения о “партизанской” тактике боя славян (отсутствие лагерей и обозов, хитрость, опыт в переправах через реки, попытка победить врагов криком, а не строем и т.д.) и об их легком вооружении, по мнению П.В. Шувалова, почерпнуты из личного опыта редактора “Стратегикона”, т.е. отражают реальность. Выводы П.В. Шувалова вполне соответствуют заключению о военной тактике славян, сделанному М.М. Казанским.

¹ В номер журнала включены также две статьи о неонорманизме в древнерусской археологии. Специалистом по этому периоду я не являюсь и считаю, что эти статьи должны оценить профессионалы.

Статьи М.М. Казанского и П.В. Шувалова позволяют поставить вопрос о соответствии раннеславянских приемов ведения войны по сообщениям письменных источников и археологическим данным.

Посмотрим, каким было оружие населения лесостепного и лесного Поднепровья в более ранний период — в римское время и в начале эпохи Великого переселения народов. Я не рассматриваю вооружение населения черняховской культуры, которое своеобразно и связано с римскими, центральноевропейскими и степными традициями, а также роскошные княжеские комплексы типа Концешт и Волниковки, отражающие интернациональную культуру знати оседлого населения гуннского времени. Единый свод находок оружия лесостепного и лесного Поднепровья I — начала V в. пока отсутствует (его готовит О.А. Радюш), поэтому я ограничусь примерами.

Копья и дротики хорошо известны населению зарубинецкой культуры. Их наконечники происходят, например, из могильников Чаплин, Горошков, Корчеватое, Велемичи-1, имеются также находки на поселениях (Кухаренко, 1964. С. 42; Максимов, 1972. С. 79; Радюш, 2011). Распространены они и на памятниках поздней фазы культур штрихованной керамики и днепро-двинской (Егорейченко, 2006. С. 82, 83; Шмидт, 1992. С. 85, 86). В поздnezарубинецких древностях и на памятниках киевской культуры наконечники копий встречаются реже, но также известны, например, на поселениях Лески-3 (Куштан и др., 1999. С. 35. Рис. 3, 1), Попово-Лежачи-4, Шишино-5 (Обломский, Радюш, 2007. С. 35), Ульяновка-1 (Терпиловский, Абашина, 1992. Рис. 36, 12), Александровка-1 (Терпиловский, Шекун, 1996. Рис. 38, 27), датирующихся периодом от первых веков н.э. до гуннского времени. На поселении Шишино-5 найден вток (Обломский, Радюш, 2007. С. 35).

Проушные топоры в поздnezарубинецко-киевской среде появились в первые века н.э. Одной из самых ранних находок является экземпляр из Картамышево-2 (Горюнова, 2004. Рис. 6, 10). Встречена также серия обломков лезвий (Мядзведзеў, 1999. С. 293).

В северной части лесостепи к востоку от Днепра и на юге лесной зоны известны находки “кинжалов” с вырезами у рукояти (Радюш, 2014. Рис. 1).

Стрелы разных типов распространены чрезвычайно широко. В гуннское время на памятниках киевской культуры известны трехлопастные стрелы с ромбической формой пера (Терпиловский, Абашина, 1992. С. 65; Обломский, Радюш, 2007. С. 35).

На памятниках киевской культуры достаточно часты прямоугольные пластины из железа, в том числе и с отверстиями для креплений, но предметов, которые однозначно могли бы служить деталями наборных панцирей, нет. Часть кольчуги происходит из погр. 2 мог. Инясево (Хреков, 2007. Рис. 116, 1). Шпоры в Поднепровье впервые появились на рубеже н.э. — в I в. н.э. на поздnezарубинецких памятниках (Оболонь, Марьяновка, Ездочное) (Терпиловский, 2004. Рис. 3, 15;

Хавлюк, 1975. Рис. 9, 12; Зиньковская, Медведев, 2005. Рис. 4, 12). В раннеримское время они известны и на городищах культуры штрихованной керамики (Егорейченко, 2006. С. 84). На памятниках киевской культуры до недавнего времени шпоры были редкостью, но в последние десятилетия количество находок значительно увеличилось. Серию теперь образуют даже шпоры со вставками эмали (Радюш, 2010; 2012). Прочие детали снаряжения всадника редки, тем не менее в Брянской обл. на поселении Бересток-Ивник найдены двучастные удила с бронзовыми многогранными в сечении кольцами, а на селище Новоямское-3А — железный стержневидный псалий (исследования А.М. Обломского 2015 г.).

Таким образом, население территории, где обитали предки славян до их так называемой исторической экспансии, обладало оружием ближнего боя в виде копий, топоров, кинжалов, метательным — дротиков). Ему были известны лук и стрелы (с конца IV — начала V в., так называемых гуннских типов), защитное вооружение в виде кольчуг. Воины были не только пехотинцами, но и всадниками. Весь комплекс вооружения очень похож на реконструируемый М.М. Казанским для раннего средневековья.

М.М. Казанский отмечал, что всадники с защитным вооружением являются профессиональными воинами (2011. С. 48), с чем вполне можно согласиться. Такие группы обычно пытаются как-то себя обособить, что проявляется в формировании так называемой культуры престижа. Ее элементы в Поднепровье хорошо известны уже в позднеримский период (находки плетей, которые, вероятно, служили символами статуса, шпор со вставками эмали, рогов для питья с богато орнаментированными цепочками: Ахмедов и др., 2015. С. 156–158). Конечно, находки оружия в силу принципиальной бедности погребального инвентаря у славян, начиная с поздnezарубинецкого периода, и немногочисленности их на поселениях, не подвергшихся военному разгрому, не позволяют поставить вопрос о численности воинских группировок. Тем не менее дружины у ранних славян (по крайней мере, в профессиональном смысле) выделяются, по-видимому, уже в позднеримское время.

Получается, что между данными археологии и письменных источников имеется противоречие. Характер вооружения предков славян до VI в. и ранних славян в VI–VII вв. примерно одинаков, вероятно, близкими были и способы применения оружия, и тактика боя. Логично было бы предположить, что в набегах на Византию принимали участие в первую очередь дружины профессионалов, в частности, кавалеристов. Тем не менее ранневизантийские письменные источники (и самый информативный из них — “Стратегикон” Псевдо-Маврикия) настойчиво указывают на то, что славяне в VI — начале VII в. были преимущественно легко вооруженными воинами-пехотинцами, практически не знающими военного строя. В работах историков начиная с XIX в. именно так и характеризуется оружие и военная тактика славян. Те же положения

приняты и в учебниках по истории России, включая школьные.

Не доверять свидетельствам очевидцев (даже учитывая редактирование и переписывание текстов) оснований нет. А что если применение партизанской тактики славянами в VI в. диктовалось не их приемами боя в местах первоначального обитания, а другими соображениями? Ведь о трудностях войны с регулярной византийской армией славяне и анты знали из собственного опыта. Одно из первых прямых столкновений оказалось для них неудачным (история полководца Германа по Прокопию Кессарийскому, 518 г.: VII.40). Гораздо эффективнее, используя местность (леса, горы), собираться там, где удобно, и наносить неожиданные удары. Необходим также сбор информации о противнике (система обороны, дислокация войск), для чего партизанские рейды весьма удобны. Не исключено, что такая система ведения войны применялась именно против Византии и послужила прелюдией к массовому вторжению и началу расселения к югу от Дуная, которое произошло в середине VI в. (штурмы крепостей, включая г. Топир, первая зимовка славян на византийской земле, 548–551 гг.: Прокопий, VII, 38–40). Набеги, нападения из засад и т.д. использовались славянами и позднее, о чем свидетельствует “Стратегикон”, но вряд ли они оставались основным способом ведения войны.

Во второй блок включены статьи, в которых дается обзор раннеславянских памятников на конкретных территориях, в первую очередь в ключе проблемы начала заселения их славянами. В разделе сборника “Съли суть словѣне по Дунаеви...” к этой теме относятся статьи Н. Профантовой, Д. Елинковой, Г. Фусека и И. Станчу, исследовавшие раннеславянские материалы к северу от Среднего Дуная.

В работе Н. Профантовой рассматриваются славянские древности на территории Чехии VI–VII вв., относящиеся к пражской культуре. Приводятся подробная карта памятников, характеристика современного состояния исследований, краткие сведения о наиболее полно раскопанных поселениях и могильниках, обзор украшений и находок гребней как показателей этнокультурных связей. Хронология определяется по вещам, используют и радиоуглеродные даты. Новая их серия позволяет датировать памятники пражской культуры в Чехии между 560/580–680/700 гг. Недочетом статьи является отсутствие характеристики керамики — основного материала на пражских памятниках, правда, имеются ссылки на статьи, где ее анализ приводится.

В статье Д. Елинковой о пражской культуре в Моравии помещена подробная карта лангобардских и раннеславянских памятников. Характеристика пражского керамического комплекса Моравии детально и дана по фазам развития культуры, связи определяются в основном по украшениям. Интересен очерк распространения прочерченных знаков на керамике. Специально рассмотрен вопрос о соотношении культур меровингского круга в Моравии и пражской.

По находкам вещей и лепной керамики меровингского круга на раннеславянских памятниках (например, Бржецлав-Либица, Урчице, Бржецлав-Поганско, Пржитлуки), погребению-ингумации 114 в Пржитлуках сделан вывод о частичном сосуществовании двух массивов населения. Появление славян в Моравии отнесено ко времени около второй половины—конца VI в. (с опорой в первую очередь на радиоуглеродные даты), но не исключено, что это произошло до 568 г., т.е. до распространения власти Аварского каганата в Карпатской котловине. Этот вывод представляется весьма правдоподобным, особенно если учесть упоминаемый И.О. Гавритухиным во Введении факт находки сосудов пражского типа в германском кургане в Журани (Южная Моравия) с погребениями знати, которые Я. Тейрал датирует концом IV—началом V — VI в. (Tejral, 2013. Р. 406, 407).

Статья Г. Фусека начинается с краткого обзора ситуации в Словакии до появления славян. По письменным источникам (археологические памятники демонстрируют менее отчетливую картину) после 470 г. в северной части Карпатского бассейна уже не было германских королевств, а в первой половине VI в. здесь известны славяне. Правда, при этом основным аргументом служит история Ильдигиса, изложенная Прокопием Кессарийским, где точных географических привязок нет. Сложность локализации славян в этом отрывке показана в статье И. Станчу (с. 164, прим. 1). Г. Фусек дает общую характеристику пражской культуры региона, описывает постройки и керамику. Детальная характеристика керамики при этом не приводится. В статью включены рисунки основных форм по фазам относительной хронологии памятников Словакии, но составил их редактор И.О. Гавритухин по более ранним работам Г. Фусека. Рисунки достаточно наглядны, но все-таки сделаны не самим автором статьи. Имеется карта памятников, но их названия на ней не обозначены. Анализ археологических источников фактически отсутствует, дан лишь обзор литературы.

В статье И. Станчу о румынской части Карпатского бассейна указано, что ранее поиски славян на территории Румынии имели политический смысл. В настоящее время частью исследователей многие теории пересмотрены. Приводится список современных работ. В качестве ключевого ставится вопрос, по каким признакам можно определить проникновение славян на эту территорию? По мнению автора, с которым я согласен, маркером их продвижения служит появление “новой культурной среды”, имеющей сильные связи к северу и северо-востоку от Карпат.

Славянские древности рассматриваются отдельно по двум регионам: в Трансильвании и Северо-Западной Румынии. Особое место занимает вопрос о времени появления и широкого распространения сосудов, сделанных на гончарном круге медленно-го вращения в Трансильвании. По наблюдениям автора, это происходит во второй половине VII — VIII в. На других славянских землях Центральной Европы допустима более ранняя дата — конец VI — первая

половина VII в. Наиболее ранняя лепная керамика из славянских комплексов (вторая половина или последняя треть VI — первая половина VII в.) сопоставима с пражской, хотя встречается и посуда других форм. В более поздних комплексах (вроде жилищ 6 и 18 поселения Пояны VII — начало VIII в.) пражские формы сочетаются с “лепной керамикой Аварского каганата”. Интересен пространственный анализ поселения Братей 1 и этнокультурный — могильника Братей 3 с попыткой выделить раннеславянский компонент, близких к пражскому.

В Северо-Западной Румынии в бассейне Верхней Тисы выделяется специфический горизонт древностей Лазурь-Пишкол (вторая половина VI — первая треть—середина VII в.). На памятниках этого периода преобладает лепная керамика, близкая к пражской. Некоторые формы горшков, по мнению автора, сопоставимы с посудой колочинской и пеньковской культур. На втором этапе распространяется керамика, сделанная на гончарном круге медленного вращения. Рассмотрены основания для датировок (украшения, ^{14}C , дендрохронология).

Сильная сторона статьи И. Станчу заключается в ее строгой конкретности. По каждому из двух регионов дается источниковедческий анализ материала, работа снабжена хорошими картами.

В разделе сборника “...Да и за Дунай, за Дунай...” помещены статьи А. Плелерского, Дж. Янковича, Д. Радичевича, Н. Хрисимова, посвященные поиску раннеславянских материалов на Нижнем Дунае и к югу от него. Их обзор я буду проводить в направлении с запада на восток.

Статья Н. Хрисимова о раннеславянских памятниках в северо-восточной части Балкан (Болгария и Румынская Добруджа) очень предметная. Фактически, она представляет собой каталог памятников с картой и публикацией материалов, краткими комментариями и историографией. По сделанному им обзору автор пришел к выводу, что наиболее ранняя славянская керамика в Нижнем Подунавье и Болгарии относится к пеньковской и пражской традициям, причем иногда сосуды этих культур встречены вместе на одних и тех же памятниках. Пеньковская керамика происходит только из ранневизантийских городов и крепостей (явные случаи — Овидиу, Халмир, Берое, Новиодун, Голеш, Нова Черна и Диногоция вместе с пражской керамикой). Ее находки можно связать с первым поколением славян на византийской службе. Вторая волна славянского заселения представлена памятниками группы Вылчедрым-Якимово и Хлинча 1 с сосудами форм, близких к поздним пражским и сосудам культуры Луки Райковецкой, но уже с керамикой, сделанной на круге медленного вращения. Судя по сведениям каталога, слои с ранней славянской керамикой датируются, преимущественно, от царствования Юстиниана I до начала правления Ираклия, т.е. второй—третьей четвертью VI — началом VII в.

К сожалению, не все материалы, помещенные в каталог, можно однозначно интерпретировать как раннеславянские. Схематичны рисунки и фотографии лепных сосудов из Тома, Эгисса, Капидавы, Буджака, Стырмена (рис. 2, 8, 11, 15). Что-нибудь определенное сказать об этой керамике до ее полной публикации с описанием довольно трудно. Керамика из Козлодую (Митреви-лозя), Якимово (Надурвата) (рис. 17) слишком сильно измельчена, а лепные сосудики из Дортика (рис. 19, 1, 2) слишком просты по форме. Точная культурно-хронологическая идентификация материалов из этих пунктов невозможна. Неоднозначно отнесение к славянской традиции женского труположения с двумя пальчатыми фибулами типа IG по И. Вернеру и двумя браслетами с расширяющимися концами из могильника Енисалы. На территории пеньковской культуры эти труположения выделяются в особый культурный тип, возникший, вероятнее всего, на стыке славянской и кочевнической традиций (Приходнюк, 1998. С. 30—33; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 122; Обломский, 2012. С. 16—18).

Указание на то, что раннеславянская керамика происходит только из византийских памятников, не совсем точно. Слои поселений с этой керамикой в Бабадаг-Топрайкёй (пеньковского облика) и Любеново (пражской традиции) отложились уже после разрушения крепостей, а биконический сосуд из Козлодую представляет собой урну погребения по обряду кремации. Тем не менее в целом выводы Н. Хрисимова надежно обоснованы.

Статья Дж. Янковича “О славянизации Северной Иллирии и Далмации” охватывает обширную территорию практически всей западной части Балканского полуострова к югу от Дуная. Она начинается с обзора письменных источников о первоначальном расселении сербов. По сообщению Константина Багрянородного, сербы переселились на земли империи при императоре Ираклии (610—641 гг.). Прочие письменные источники знают сербов в VII в. Далее приводится очерк о пальчатых фибулах, распространение которых на Балканах связывается со славянами. В Предисловии к сборнику И.О. Гавритухин отмечает, что пальчатые фибулы присущи культуре не только ранних славян, но и других народов, на что в последнее время неоднократно указывали специалисты. Обычай носить парные пальчатые фибулы был также известен не только славянам. Славянская принадлежность пальчатых фибул тех или иных форм должна аргументироваться специальными типологическими исследованиями.

Большая часть статьи посвящена конкретному описанию памятников с керамикой, которую Дж. Янкович считает раннеславянской, и критическому анализу археологических источников.

У меня сложилось впечатление, что эти памятники делятся на две группы. К первой относятся византийские крепости, где обнаружена лепная керамика, имеющая параллели в раннеславянских культурах Восточной Европы: Царичин-град (горшок без выраженного

венчика с валиком в верхней части, слабопрофилированный округлобокий сосуд, сковородки с высокими венчиками — набор пенсковской традиции), Баргала (сосуды пражского типа). Эти находки из Центральных Балкан, как и на более восточных территориях, представляют собой свидетельства проживания славян в византийских городах.

Вторую группу составляют, преимущественно, памятники Далмации. Керамические наборы VI—VII вв. воссоздаются по городищу на Елице, Кршче, Жабляку, Враняку и др. (рис. 7—9, 11, 12, 14). Лепная посуда встречается вместе с гончарной, в том числе и сделанной на круге медленного вращения. Судя по рисункам, набор состоит из сильнопрофилированных горшков с изогнутыми и прямыми раструбообразными венчиками, баночных сосудов, сковородок, крышек с высокой ручкой — “сачей” (термин, заимствованный из сербской этнографии), больших конических плошек. Встречены сосуды с ручками. Края горшков иногда орнаментированы насечками и вдавлениями. Комплекс очень своеобразен и не похож на набор посуды ни одной из славянских культур за пределами Балкан. Сам Дж. Янкович считает, что он образовался из слияния традиций местного населения и пришельцев-славян. Подобные элементы смешения автор видит в конструкции построек, продолжении использования местных церквей. Такой же набор посуды происходит из каменных курганов-поминальников “громила”, специфичных для Далмации (рис. 10). На реке Дрина отмечена серия захоронений VI—VII вв., совершенных по обряду кремации. В результате автором сделан вывод о том, что славянская культура начинает распространяться к югу от Среднего Дуная и в городах империи не позднее 580-х годов, т.е. еще до времени правления императора Ираклия. Складывающаяся культура — смешанная, сочетающая традиции славян и местного населения.

Вывод Дж. Янковича очень интересен, но непонятно, какое отношение керамический комплекс памятников второй группы имеет к славянам, если и с пражской, и с пенсковской культурами, материалы которых представлены в Подунавье, он имеет мало общего.

Статья Д. Радичевича о раннеславянских памятниках Сербского Подунавья по замыслу очень похожа на работу Дж. Янковича. Она начинается с краткого обзора исследований, проводившихся по славянской тематике. Далее приводится каталог всех памятников, которые так или иначе упоминались в этой связи. Затем даются комментарии, в основном сводящиеся к анализу хронологии конкретных памятников, выделению комплексов находок, т.е. к проблемам источниковедения.

Д. Радичевич приходит к выводу об отсутствии в Сербском Подунавье поселений, сопоставимых с пражскими. Близкая к пражской керамика происходит пока только из византийских крепостей района Железных Ворот на Дунае, из слоев второй половины — конца VI — начала VII в. С этим же проникновением Д. Радичевич связывает распространение некоторых

типов пальчатых фибул. Вероятно, славяне были привлечены к защите византийских границ после 585 г., когда местное население “пострадало в результате аварского похода”.

Каков же облик прочих археологических памятников, включенных в каталог? В тех случаях, когда керамический набор более или менее представителен (Колут-Бачан, Колут-Ритска долина, Апатин-Магаречин млин, Панчево-Ливаде, Ритопек-Река; к этому списку можно добавить еще Падей-Вишневача) (Трифуновић, 1999—2000. Табл. XX; XXI), он оказывается очень близким по составу к происходящему с памятников Далмации (рис. 2, 4, 5, 7, 8). Д. Радичевич указывает на аналогии лепной керамики Среднего Подунавья на поселении Хоргош, ранее датированном V — началом VI в. Теперь по гончарной посуде и радиоуглеродным датам его относят к VII—VIII вв. Своеобразен не только керамический комплекс этих памятников, но и разнообразны по конструкции постройки. Они представляют собой наземные дома, в том числе с ямами внутри (Колут-Бачан, Колут-Ритска долина), слегка углубленную в грунт юртообразную постройку (Колут-Ритска долина), сооружение неправильноовальной формы с печью-камином (Апатин-Магаречин млин), подквадратные полуземлянки с печами в углах (Дубовац-Кошича-брег, Ритопек-Река). Две кольцевидные канавки, серия наземных построек и полуземлянок раскопаны на поселении Хоргош, стуб. 76 (Трифуновић, 1999—2000. План 2. С. 69—72). Вслед за В. Иванишевичем и И. Бугарским Д. Радичевич сопоставляет сосуды с высокими венчиками, происходящие из Сербского Подунавья, с аварской керамикой, в том числе и с территории соседней Венгрии. Эти параллели вполне правдоподобны, особенно если учесть наличие на сербских памятниках юртообразной постройки и кольцевых канавок, которые также вполне могли быть остатками юрт.

А. Плетерский в статье о ранних славянах в Восточных Альпах и на соседних землях, как и И. Станчу, ставит вопрос, как определить распространение славянской культуры: в виде этноса или “модели образа жизни” с присущим этой модели языком? Автор останавливается на первом варианте, хотя противоречия между двумя вариантами нет. Далее рассматривается вопрос, как найти археологические следы славян между Дунаем и Адриатикой? А. Плетерский отмечает, что в конце VI — начале VII в. здесь распространяется население, изготавливавшее лепную и примитивную гончарную посуду, новое для региона. Слабое место статьи — полное отсутствие анализа лепной керамики. Новации в местной керамике, которая на большинстве памятников сильно отличается от посуды пражского типа, и появление наземных жилищ А. Плетерский объясняет переходом на традиции местного населения. Сложность выявления признаков миграции славян заключается в присутствии в регионе, кроме славянского, местного романизованного населения (влавов). Карта областей его концентрации приведена на рис. 1. В качестве первых славянских памятников к востоку

от Альп называются Нова-Табла (даты по ¹⁴С—535, 543 и 547 гг.) и доаварский могильник с кремациями Гросспрюфенинг в Баварии середины VI — первой половины VII в. с серией сосудов, близких к пражским.

Анализируя сборник в целом, необходимо отметить, что в нем представлены работы ведущих специалистов из восьми стран, исследования которых для многих восточноевропейских коллег труднодоступны. Большинство авторов впервые публикуются на русском языке. Все они подготовили обзоры специально для русскоязычного читателя. Особо хочется отметить роль коллег из Молдавии, которые в далеко не простые для своей страны времена сумели найти средства для издания сборника по раннеславянской археологии — тематике, не самой популярной на сегодняшний день в Европе.

Статьи сборника неравноценны в силу как субъективных (личность автора), так и объективных (состояние изученности раннеславянских древностей той или иной страны) причин. Тем не менее они позволяют построить схему заселения ранними славянами Карпатской котловины и Балкан.

Проникновение славян на территории, лежащие к северу от Среднего Дуная (Чехия, Моравия, Словакия), произошло около середины VI в., а может быть и ранее. В это время здесь появляются первые памятники пражской культуры. К этому же периоду или к несколько более позднему времени относятся кремации могильника Гросспрюфенинг в Верхнем Подунавье. В Трансильвании памятники пражской культуры появляются около второй половины — последней трети VI в., в бассейне Верхней Тисы — не позднее середины VI в., единичные памятники южнее Дуная к востоку от Альп — около середины VI в.

Славянское присутствие на территории Византии, предположительно, связанное со службой славян в гарнизонах крепостей, на Средних Балканах, у Железных Ворот на Дунае, в Нижнем Подунавье и к югу от него, зафиксировано около второй половины — конца VI — начала VII в. Лепная керамика, по которой выделяется славянский культурный элемент, относится к пражской и пеньковской традициям. Находки пеньковской керамики наиболее отчетливы в Нижнем Подунавье и в более южных областях Болгарии. Вторая волна славянского заселения этой территории представлена памятниками групп Вылчедрым-Якимово и Хлинча I, датирующимися первой половиной VII в. и более поздним периодом.

Проблема поиска славянских элементов в культурах Аварского каганата и Ипотешт-Киндешт-Чурел угрожает стать хронической. Насущно необходимы публикации памятников раннего средневековья Воеводины, Срема и Далмации и выделение там особой культуры (или нескольких родственных культур) с условным названием “типа Хоргоша” с местными (влашскими), степными-аварскими (по крайней мере, для Воеводины) и славянскими элементами. Вопрос об их соотношении в археологическом комплексе,

связи с предшествующими, последующими и соседними культурными группами требует специального исследования.

Разумеется, эта схема далека от идеальной. Она, естественно, будет уточняться, особенно в плане хронологии и культурной атрибуции многих памятников. Тем не менее сборник, опубликованный в “STRATUM plus”, позволяет представить себе общую картину заселения славянами Южной и части Центральной Европы на современном этапе изучения материалов. И именно в этом я вижу главную заслугу его составителей: цель, поставленная ими, несомненно, достигнута. Сам факт издания этого сборника имеет большое научное значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахмедов И.Р., Обломский А.М., Радюш О.А. Брянский клад вещей с выемчатыми эмальями (предварительная публикация) // РА. 2015. № 2. С. 146—166.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996 (Раннеславянский мир; Вып. 3). 295 с.
- Горюнова В.М. Поселение Картамышево II (постзарубинецкая эпоха) // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: Докл. науч. конф., посв. 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова. Санкт-Петербург, 14—17 ноября 2000 г. / Ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб.: Петербургское источниковедение, 2004. С. 43—87.
- Егорейченко А.А. Культуры штрихованной керамики. Минск: БГУ, 2006. 207 с.
- Зиньковская И.В., Медведев А.П. Поздnezарубинецкое поселение Ездочное-1 на р. Оскол // Днепо-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж: ВГУ, “Истоки”, 2005. С. 3—12.
- Казанский М.М. О раннеславянской коннице // Русское время. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа, 2005—2009 (STRATUM plus; № 5). С. 457—471.
- Казанский М.М. Оружие “западного” и “южного” происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов / Ред. А.Н. Наумов. Тула: ГМЗ “Куликово поле”, 2008. С. 304—325.
- Казанский М.М. О славянском панцирном войске (VI—VII вв.) // Древности антов. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа, 2011 (STRATUM plus; № 5). С. 43—50.
- Круглов Е.В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4: Хазарское время. Донецк: ДонНУ, 2005 (Труды по археологии). С. 73—142.
- Кухаренко Ю.В. Зарубинецкая культура. М.: Наука, 1964 (САИ; Вып. Д1-19) (Археология СССР). 67 с.

- Куштан Д.П., Сиволап М.П., Терпиловський Р.В. Пізньозарубинецьке поселення на Черкащині // Археологічний літопис Лівобережної України. 1999. № 2. С. 34–36.
- Максимов Е.В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев: Наукова думка, 1972. 183 с.
- Моисеев А.В., Козмирчук И.А., Обломский А.М. Поселение и могильник Ксизово-16 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015 (Раннеславянский мир; Вып. 16). С. 15–29.
- Мядзведзеў А.М. Кіеўская культура // Жалезны век і раньняе сярэднявечча / Ред. В.І. Шадыра, В.С. Вяргей. Мінск: Беларуская навука, 1999 (Археалогія Беларусі; Т. 2). С. 290–297.
- Обломский А.М. Структура населения лесостепного Поднепровья в VII в. н.э. // Древнейшие государства Восточной Европы / Ред. Е.А. Мельникова. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. С. 10–33.
- Обломский А.М., Радюш О.А. Вещевой комплекс // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 10). С. 27–39.
- Приходнюк О.М. Пеньковская культура. Воронеж: ВГУ, 1998. 170 с.
- Прокопий Кессарийский. История войн. Цит. по Иванов С.А., Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Прокопий Кессарийский // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I / Ред. Л.А. Гиндин, Г.Г. Литаврин. М.: Наука, 1991. С. 170–250.
- Радюш О.А. Украшения и снаряжение всадника круга восточноевропейских выемчатых эмалей в бассейне верхнего течения Псла и Сейма // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 2 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ “Куликово поле”, 2010. С. 9–19.
- Радюш О.А. Предметы вооружения и кавалерийского снаряжения зарубинецкой культуры // Военная археология. 2011. № 2. С. 6–31.
- Радюш О.А. Всадническое снаряжение лесных и лесостепных культур Поднепровья во II–III вв. // *Inter Ambo Maria*. Северные варвары на пути из Скандинавии к Черному морю: Тез. докл. 3–7 октября 2012 г. Гаспра, Крым, Украина. Симферополь, 2012. С. 239–251.
- Радюш О.А. О северной границе распространения так называемых “кинжалов с вырезами” // Римские орлы и сарматские драконы. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа, 2014 (STRATUM plus; № 4). С. 231–248.
- Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. Lublin: UMS, 2004. 224 с.
- Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев: Наукова думка, 1992. 224 с.
- Терпиловський Р.В., Шекун О.В. Олександрівка-1 – багаточислове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. Чернівці: Сіверянська думка, 1996. 127 с.
- Трифунюк С. Населля Лимиганата и Словена у Банату и Бачкој // Гласник Српског археолошког друштва. 1999–2000. № 15–16. С. 158–180.
- Хавлюк П.І. Зарубинецька культура Південного Побужжя та лівобережжя Середнього Дністра // Археологія. 1975. № 18. С. 7–19.
- Хреков А.А. Каталог памятников. Лесостепное Подонье. Саратовская обл. // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 10). С. 108, 109.
- Шмидт Е.А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. М.: Прометей, 1992. 207 с.
- Tejral J. The connection between the Region North to the Danube and Northern Europe. Some Aspects of Ethnic and Social Identity of the Fifth Century Elites // *Inter Ambo Maria*. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / Ed.I. Khrapunov, F.-A. Stylegar Kristiansand. Simferopol: Dolya, 2013. P. 383–408.

Институт археологии РАН, Москва

А.М. Обломский

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ. ВЫП. IV / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина; сост. С.В. Кузьминых, А.С. Смирнов, И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2015. 266 с.

Сборник статей из продолжающейся серии “Очерки истории отечественной археологии” составлен на основе докладов участников круглого стола “История археологической науки для настоящего и будущего”, прошедшего в феврале 2013 г. в Институте археологии РАН. Как отмечено в редакционной статье, изучение истории археологии в последние годы приобретает все большее значение, хотя и воспринимается среди ученых по-разному (с. 4). Представленные в сборнике статьи российских и украинских специалистов освещают широкий спектр проблем археологии, касающихся как истории науки, ее источниковедческих возможностей, так и ее актуализации в современном обществе.

Сборник начинается статьей *И.В. Тункиной*, посвященной открытию позднескифских памятников Крыма в 1820–1830-х годах (с. 8–40). Основное содержание связано с детальным анализом сведений, отраженных в архивных материалах. Автором возвращены в научный оборот казалось бы навсегда утраченные данные об археологических памятниках, исследованных И.П. Бламбергом, П.И. Кёппеном, А.Я. Фабром и Ф. Дюбуа де Монпере в Крыму. Хотелось бы обратить внимание на замечание И.В. Тункиной о необходимости критического анализа не только опубликованных работ, но и архивных материалов, о чем говорилось и в других работах исследовательницы (2002. С. 20).

И.Л. Тихонов в статье “Археология в художественных музеях Санкт-Петербурга конца XIX – начала XX века” затрагивает одну из ключевых проблем археологических исследований – хранение и музейное изучение археологических коллекций. Этот аспект верно связан автором с особенностью развития российского музейного дела, которое не воспроизводило путь западноевропейских музеев, а шло своей дорогой, хотя и “европейский путь” музейного строительства вполне очевиден, что и было отмечено И.Л. Тихоновым (с. 42). Более того, российская археология в XVIII – начале XIX в. только формировалась и преобладавший тогда в Европе “антикоцентризм” стал ведущим направлением фондообразования петербургских музеев, как академических, так и художественных. Впрочем, и само обучение художественному мастерству для многих русских художников начиналось со знакомства с древностями Помпей и Геркуланума. Обращение к этой теме В.П. Брюллова привело к созданию всемирно известного шедевра (с. 44, 45). Важно и то, что автор статьи рассмотрел и научное творчество ученых, заведовавших в музеях Санкт-Петербурга древностями (А.Н. Оленина, А.А. Половцева), что позволило проследить трансформацию отношения к археологии в музейной практике на протяжении XIX в. Безусловно, интересен сюжет, связанный с личностью Г. Шлимана и его коллекцией, в Музее Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штиглица (с. 55).

Отметим, что практически все петербургские художественные музеи формировали свои археологические фонды путем приобретения (дар или покупка) частных коллекций. Естественно, что эти материалы были эклектичны и случайны. То же можно сказать и о большинстве российских музеев того времени, за исключением музеев Академии наук, а также Московского, Петербургского и Казанского университетов, часть коллекций которых была тематической (особенно антропологические, географические и геологические кабинеты-музеи: Тихонов, 2003. С. 103–108, 112). Так что вряд ли это можно считать особенностью художественных музеев Санкт-Петербурга (с. 59), как считает И.Л. Тихонов.

В какой-то степени продолжением темы, рассмотренной И.Л. Тихоновым, стала статья *А.С. Вдовина*, *М.А. Дэвлет* и *С.В. Кузьминых*, посвященная социально-культурным аспектам коллекционирования древностей Енисея. Показательно, что представленные в ней материалы еще раз продемонстрировали важность архивной информации для изучения археологических памятников и коллекций (некоторые из которых были уникальными¹), находившихся в частной собственности и впоследствии утраченных (с. 64, 67). К сожалению, такого рода собирательство стало, в основном, результатом масштабного расхищения древностей, в данном случае – в Минусинской котловине (с. 81), о чем писали еще современники событий (с. 68). Остановить грабеж они были не в состоянии, поэтому настаивали на публикации материалов, желая спасти их от окончательной гибели. И надо сказать, что здравомыслие, а зачастую и просто бескорыстное желание внести свою лепту в изучение родного края (может быть и не без влияния этих призывов) приводило некоторых собирателей к передаче материалов в музеи, как местные, так и столичные².

Можно провести своеобразную параллель между событиями тех дней и возрастающим увлечением коллекционированием археологических артефактов в наше время, ставшим следствием “демократизации” отношения общества к древностям, легкой доступности информации об археологических объектах и средствах поиска. Есть правда отличие: базировавшееся в XIX – начале XX в. на “крестьянской археологии” частное коллекционирование, как и антикварное дело в настоящее время, изменило свой источник. Сам процесс коллекционирования принял иные формы. Однако остается один неизменный аспект, существенно обесценивающий такие собрания, что и было отмечено авторами статьи, – слабая документированность находок, отсутствие аннотаций к ним (с. 76).

¹ Например, археологическая коллекция енисейского губернатора А.П. Степанова (с. 65, 66).

² Коллекции И.Т. Савенкова, И.А. Лопатина и др. (с. 72–76).

Для российской науки, безусловно, представляет интерес история приобретения Национальным музеем Финляндии древностей из Минусинской котловины у “медника-литейщика” И.П. Товостина (с. 78–80), а также анализ научных экскурсий российских ученых, например, Н.Ф. Катанова. Коллекция Н.Ф. Катанова, в том числе и минусинские древности, стала основой миссионерско-этнографического музея Казанской Духовной академии (Руденко, 2013. С. 111); одна часть ее была передана в Казанский городской музей (ныне Национальный музей Татарстана), другая – в Минусинский, что отметили авторы статьи (с. 83). По их мнению, “археология играла значительную роль в культурной жизни Енисейской губернии” (с. 81). Этот вывод был сделан на основании большого числа частных собраний, которые и стимулировали музейное строительство в российской провинции, а также быстрого роста городских музеев на территории Енисейской губернии (с. 84), вызванного, безусловно, поступлением археологического материала.

Практически не известную страницу истории российской археологии открывает знакомство со статьей А.С. Смирнова “Охранная археология до и после 1917 года (вторая половина XIX – первая треть XX века)”. Автор справедливо указывает на то, что многие достижения в деле организации охранных работ позднего периода советской эпохи и постсоветского времени – “хорошо забытое старое” (с. 99). Это блестяще показано на ряде примеров, в частности, – служебной записке начальника строительных работ В.С. Семичева, составленной при проектировании Южной железной дороги, и докладов, опубликованных (!) в трудах IV Археологического съезда (с. 100, 101). Вывод автора о том, что к концу XIX в. происходит формирование основных принципов новостроечных работ и создание соответствующей нормативной базы, дополняется анализом разработок советских археологов 1930-х годов (М.И. Артамонова, М.П. Грязнова, Б.А. Латынина), в дальнейшем также не востребованных и забытых.

Исследованием А.С. Смирнова открывается цикл статей, посвященных археологии советского периода. Далее, в работе Н.И. Платоновой “РАИМК и компания по изъятию церковных ценностей в Петрограде” показаны отношения Церкви и Советской власти в начале 1920-х годов, в первую очередь – на фоне страшного голода в России. Изъятие ценностей у Церкви, в которой советская власть видела идеологического врага, начинавшееся как компромисс между руководством РПЦ и властью, превратилось в бесконтрольный и насильственный грабеж, сопровождавшийся репрессиями священнослужителей (с. 115, 116). Сотрудники РАИМК, привлекавшиеся для работы в комиссии по изъятию в качестве экспертов, также стали жертвами этого процесса (с. 118), помимо них, в таких комиссиях (особенно в провинции) было много преподавателей духовных учебных заведений и т.п. (Руденко, 2013. С. 98).

Противоречия первого десятилетия советской власти анализируются в статье И.А. Сорокиной “Государственная система управления культурным наследием и наукой в 1921–1925 годах” (отчасти ставшей продолжением статьи Н.И. Платоновой). Автор, опираясь на архивные источники, показывает, что советская власть сделала немало для сохранения культурных ценностей, в том числе и археологических. Здесь нет противоречия с мнением Н.И. Платоновой. И в том, и в другом случае решающее слово было за политикой: церковь и все, связанное с ней, была идеологическим противником новой власти. Изъятие и экспроприация культурных ценностей у населения шли параллельно с другой актуальной задачей: попыткой сберечь от стихийного разграбления хотя бы часть предметов, имевших культурное и историческое значение, а также сохранить теперь уже народное достояние – памятники древней материальной культуры, после национализации земли ставшие государственной собственностью.

Как верно отмечает И.А. Сорокина, на первых порах решения и действия советской власти были спонтанными (с. 120), что в целом вполне объяснимо: не было ни опыта, ни примеров, ни кадров. Тем не менее, и в статье это показано весьма детально, власть прилагала серьезные усилия для решения этой проблемы. Делались попытки выстроить музейную систему учета, хранения и даже (в последующем) исследования памятников старины. По сути, на этом основании (конечно, с учетом стремления к объединению и централизации, что, в принципе, было своевременным) делались попытки создания музейно-административных структур – МУЗО и Главмузея.

Принцип изложения материала в статье И.А. Сорокиной позволяет последовательно представить достаточно сложный путь формирования разных руководящих структур, которые должны были отвечать за сохранность культурного наследия, а в применении к археологическим древностям – еще и за их изучение (в том числе, полевое). К последнему относится и любопытный сюжет о разработке инструкции к “Открытому листу” (с. 126), выдаваемому Главмузеем.

В сущности, будущее всех созданных структур было заранее predetermined – внедрение марксизма в музейное дело. Классовая идеология в отношении памятников старины была не столь насильственной (с. 129), но, скорее, естественной для новых времен, поскольку именно музейная сфера в первые послереволюционные годы стала прибежищем и старых идей, и людей, думавших не “по-большевистски”, и чистка здесь была лишь делом времени. После I Всесоюзного музейного съезда (1930 г.) эти тенденции стали основной линией музейного строительства, а чуть позже начались и гонения на краеведение и краеведов, олицетворявших стихийность и анархию мысли, не организованную по-новому.

Хочется подчеркнуть, что И.А. Сорокина объективно осветила работу многих музейных структур, действовавших в 1920-х годах, и официальные постановления советской власти. Она справедливо

отметила, что не будь их, волна стихийных погромов и разорения приняла бы такие масштабы, что последствия ее были бы катастрофическими для отечественной культуры, а итог действий по учету и преумножению культурного достояния страны Советов следует признать положительным (с. 133, 134).

Статья *И.Е. Сафонова*, посвященная вкладу В.А. Городцова в разработку периодизации эпохи металла, показывает историю вопроса и современные оценки. На первый взгляд, она несколько выпадает из предшествующей серии статей, однако это не совсем так. Сюжет статьи касается теоретической основы периодизации ранних древностей, революционной по сути, что очень подходило к переживаемой Россией эпохе со всеми присущими ей противоречиями. Об этом же говорилось в предшествующих материалах. Более того, как отметил И.Е. Сафонов, в разработках В.А. Городцова ощущается влияние марксистских идей, во многом принятых ученым в отношении предложенной им концепции (с. 142). История ее подтверждает жизнеспособность идей, в основе которых лежат верно определенные постулаты (с. 143, 144). Намеченная В.А. Городцовым связь между изменением технологий, развитием форм изделий и археологической периодизацией, безусловно, остается важным сюжетом археологических занятий.

Продолжением темы статьи И.Е. Сафонова является материал *С.В. Кузьминых* и *И.В. Белозеровой*, посвященный лекционному курсу В.А. Городцова “История археологии” или, как его охарактеризовали авторы, — “несвоевременному опыту”. Лекции ученый читал еще до революции 1917 г., а после нее его востребованность как лектора существенно возросла (с. 148). Кроме археологии, он читал и ряд оригинальных курсов, например, “Историю первобытного искусства”, о которых только упоминается в статье (с. 150). Курс “История археологии” возник для В.А. Городцова, как явствует из приведенных дневниковых отрывков, внезапно и времени для его подготовки и тщательной проработки не было (с. 151). Более того, он остался незавершенным (с. 152). Познакомившись с опубликованными в статье конспектами лекций, можно признать их концепцию оригинальной, отличающейся от уже имевшихся, например, С.А. Жебелева, хотя и не лишенной личных оценок, может быть не всегда справедливых, деятельности как отдельных ученых, так и целых учреждений (с. 155). Безусловно, у В.А. Городцова существовали свои симпатии, — например, изучение Месопотамии (с. 159, 160). Авторами в целом критически оценен лекционный курс В.А. Городцова (с. 162, 163), однако отмечено, что равный по объему и охвату курс в России на тот момент разработан еще не был (с. 160).

Источниковедческий аспект изучения одного из памятников салтово-маяцкой культуры, Алексеевского городища, затрагивается в статье *Г.Е. Афанасьева* “Забытые страницы истории полевого изучения Алексеевского городища на Тихой Сосне”. Тщательный анализ материалов предшествующих исследований, в том числе писем (с. 173, 177) и публикаций, начиная

с 1920-х годов, и 1960-х годов (С.А. Плетнева), а также полученных артефактов (прежде всего, строительных материалов, деталей архитектуры крепостных стен и планировки), позволили автору не только усомниться в выдвинутых ранее датировках, но и аргументировано доказать (с. 209, 210), что данное городище относится не к XVII–XVIII вв., а к салтовской культуре.

Статья *С.П. Шавелева* “Археологическое краеведение в России: противоречивые фазы развития и перспективы” возвращает нас к проблемам археологического научного знания в свете любительских (краеведческих) изысканий в России начиная с XIX в. Автор представляет краткий исторический экскурс в историю отечественного краеведения, описав и охарактеризовав отдельные его этапы. Отметим, что в отличие от многих исследователей этого явления С.П. Шавелев проводит достаточно резкую грань между дореволюционным и советским краеведением (имеется в виду краеведение до 1930-х годов), считая, что налицо “понижение общего уровня кадров” (с. 220), характеризующее, по его мнению, коренную перестройку самого движения.

Это, впрочем, не удивительно, поскольку дореволюционное краеведение имело совершенно иной состав участников, как социальный, так и культурный. Перед страной в первые годы советской власти стояли сложнейшие задачи, которые в принципе не решала и не могла решить царская Россия, — всеобщее народное образование и просвещение. Наследие царизма было не столь оптимистичным, как его иногда рисуют в современных исследованиях. Неграмотность, нищета, бескультурье, ужасающие условия жизни значительной части населения — таковы повсеместно черты общественного быта первых советских лет. И эту деградацию общества, усиленную тяготами Первой Мировой войны и разгоравшейся Гражданской, можно было наблюдать не только в деревнях, но и в городах. Пришедшие в краеведение в первые советские годы в большинстве своем учителя и представители интеллигенции выполняли насущные для того времени задачи — просвещали, образовывали, популяризовывали научные знания (с. 220).

Добавим, что в основном это делалось в крестьянской среде, реже — среди городских обывателей и совсем редко — среди рабочих. Базой этих занятий были школы, избы-читальни, краеведческие музеи в селах или уездных центрах. Советские краеведы, и это верно отмечено С.П. Шавелевым, “искренне желали вписаться в культурную политику нового большевистского государства” (с. 225). Верно и то, что в историографии 1990-х годов сделанное ими для науки, в том числе и для археологии, преувеличено, а некоторые (касающиеся периода Великой Отечественной войны) не самые позитивные поступки просто затушеваны (с. 225). Такой взгляд на проблему позволяет оценить перемены, произошедшие с советским краеведением в послевоенный период, который автор оценивает весьма критически, считая, что на местах оно становится противоречивым вследствие того,

что талантливое и прогрессивное меньшинство тонет в массе некультурных, самозванных и необразованных местных ура-патриотов, от которых немало вреда (с. 226, 227). Подлинный триумф последних наступил в 1990-е годы, после распада СССР, когда в период идеологического безвременья и, как заметил С.П. Щавелев, “экспансии так называемой массовой культуры” безграмотность и дилетантизм стали приниматься за “инновационность”, борьбу с “совковой идеологией” и т.п., в бывших союзных республиках еще и приправленную национализмом. Впрочем, автор настроен критически воспринимать и саму советскую науку в финальной фазе советской истории, утверждая, что советская “кастовая наука” также была подвержена антинаучной идеологизации, как и дореволюционная (с. 227). Правда, в целом его позиция здесь скорее позитивная, чем негативная, поскольку в дальнейшем он отмечает плодотворный союз кастовых ученых и краеведов в столичных городах и ряде областных центров (например, Воронеже) (с. 228).

Как мне кажется, проблема намного глубже и в настоящее время выливается в весьма опасное явление — попытку ревизии достижений отечественной археологии, придание археологии статуса “служанки” идеологии под видом “метаистории”, когда археологические методы исследования и интерпретации их подменяются искаженными, тенденциозно подобранными, вырванными из общего контекста фактами, необходимыми для конструирования каких-то особых древних и средневековых “ментальностей”. Кризис российской интеллигенции начала XXI в., в том числе и научной, приводит к появлению квазинаучных явлений и квазиученых (особенно в некоторых бывших республиках СССР), пропагандируемые взгляды которых постепенно смыкаются с идеологией расизма, национальной и конфессиональной нетерпимостью, русофобией. Попадая в популярную литературу, эти идеи начинают самостоятельную “жизнь”.

Современное состояние краеведения рисуется С.П. Щавелевым весьма противоречивым и безотрадным. С одной стороны, это некое срастание части научно-педагогических кадров с определенными кругами финансово обеспеченных лиц, считающих себя исследователями местной и даже всемирной истории, с другой, — возрастающее количество краеведов-лекционеров самого разного характера начиная от филателистов и заканчивая историческими реконструкторами, среди которых наряду с благородными порывами, как пишет автор, уживаются вульгарная нажива и спекуляции (с. 229).

К этому добавляется проблема незаконных раскопок, пополнивших ряды краеведов-коллекционеров новыми членами. Эта новая фаза криминальной археологии воспринимается по-разному в профессиональной среде, как археологической, так и музейной, о чем С.П. Щавелев достаточно подробно писал в своих статьях (с. 230). Автор верно подметил еще одну печальную особенность сегодняшнего дня: наличие фальсифицированной информации и фальшивых артефактов

(с. 231), число которых с каждым годом растет в геометрической прогрессии. Кроме констатации фактов, С.П. Щавелев предлагает для решения данной проблемы развивать подготовку и улучшать трудоустройство специалистов общего профиля (археологов, историков, архитекторов), которые “затем по роду своей деятельности могут специализироваться на изучении тех или иных древностей того или иного региона”, в том числе путем экспертизы краеведческих проектов (с. 232). В этой связи любопытен взгляд на подготовку специалистов в области археологии, изложенный в статье О.М. Мельниковой, завершающей сборник. Автор ее вполне резонно отмечает, что “время романтиков прошло”, и студенты чаще всего предпочитают иные специальности, нежели археологию (с. 257).

Прежде чем перейти к упомянутой статье О.М. Мельниковой, остановимся на предшествующей ей работе украинских коллег В.А. Колесниковой, А.С. Яненко и И.В. Черновол “История археологии в Украине: направления исследовательского поиска”. Авторы детально и скрупулезно рассматривают основные направления современной украинской археологии в области истории науки (с. 235, 236). Ведущим вектором исследования является персоналистика, которой занимаются специалисты многих научных центров (с. 237, 238). Примечательная особенность украинских исследований — достаточно широкое распространение изучения персональных музейных коллекций (Национальный музей Украины, Национальный Киево-Печерский заповедник, Харьковский исторический музей, Черниговский национальный педагогический университет им. Т.Г. Шевченко и др.: с. 238, 240). Нельзя не отметить и занятия историографией археологии в университетах практически всех крупных городов и в учебных заведениях областных центров Украины, а также в ряде музеев (с. 240, 241). Безусловно, интересны исследования жизни и творчества украинских археологов, специализировавшихся в определенных археологических направлениях, например, в керамологии (с. 241). Вывод авторов об успешном развитии истории археологии (с. 242) в Украине обоснован.

Обращает на себя внимание и замечание украинских ученых о междисциплинарности историографических исследований и отсутствии (не в Украине) общего интеллектуального исследовательского пространства в области истории археологии. Вполне логичным в этом контексте является предложение авторов развивать это коммуникативное направление в виртуальном и реальном пространствах (с. 243). Обширная библиография дополняет статью, являясь важным источником сведений по рассматриваемому вопросу.

В статье О.М. Мельниковой “История и историография археологии в контексте предмета археологии, интеллектуальной истории и современных практик воспроизводства науки” выдвинута идея рассмотреть историко-научное и историографическое направление в археологии в качестве самостоятельной субдисциплины. В эту сферу исследовательница включила

разнообразные каналы дисциплинарной коммуникации, а ее существование, как она считает, является безусловным критерием научной дисциплины — истории археологии (с. 252). Сам по себе этот процесс до конца XX в. был стихийным, хотя в поздний советский период его появление было уже обозначено (с. 254). Тем не менее автор предостерегает от рассмотрения прикладных проблемно-тематических историографий в качестве собственно историографии и истории археологии (с. 255).

Важен и другой аспект, который касается этики научного творчества, распространяющейся среди археологов через восприятие профессиональных ценностей на основе историко-научных знаний, т.е. в процессе обучения (с. 256). Тема образования в области археологии в вузах не только актуальна, но и принципиально важна для будущего науки и здесь есть много проблем, о которых подробно говорится в статье О.М. Мельниковой.

Подводя итог, стоит отметить, что рецензируемый сборник может рассматриваться как опыт темати-

Казанский государственный институт культуры

ческой коллективной монографии, дающей срез как актуальных проблем, связанных с историко-научными и историографическими исследованиями в российской археологии, так и практических вопросов, в основе которых — уважительное отношение к трудам предшественников, определяющееся нормами профессиональной этики, которая должна целенаправленно внедряться в образовательный процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Руденко К.А. Музеи Церковного историко-археологического общества Казанской епархии и Казанской духовной академии. Казань: ГБУ РЦМКО, 2013. 128 с.

Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб.: СПб ГУ, 2003. 332 с.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.

К.А. Руденко

ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГОРОДЦОВ. ДНЕВНИКИ. 1928–1944. В ДВУХ КНИГАХ / Сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых; отв. ред. П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский. Кн. 1: 1928–1935. 687 с., ил. Кн. 2: 1936–1944. Прил. 695 с., ил. М.: Триумф принт, 2015

Отрадно, что предельно сложная и циклопическая по масштабу работа по выведению из архивного полунелуны и квалифицированной публикации записей выдающихся археологов прошлого не прекращается. Через несколько лет после того, как увидели свет огромные по объему и информативности дневники нумизмата и антиквара А.В. Орешникова, ветерана Государственного исторического музея (Шавелев, 2013; здесь же обзор предыдущих рецензий последних лет), были опубликованы дневники и другого маститого “гимовца” — Василия Алексеевича Городцова (1860–1945). По сути, это первая полная академическая биография выдающегося русского ученого, одного из основоположников отечественной археологии, содержащаяся в его многолетних записях, примыкающих к ним по тематике рукописях мемуарного толка, помещенных в Приложениях, и, наконец, в Очерках, Примечаниях, Комментариях и Указателях, обрамляющих эти документы. В итоге довольно полно обрисована музейная, научная, педагогическая, административная деятельность В.А. Городцова, его личная жизнь и духовный мир. Общий печатный объем двухтомника приближается к полутора тысячам страниц укрупненного формата.

Над изданием трудились и высокопрофессиональные архивисты, и действующие археологи, имеющие большой опыт не только полевых и музейных, но и историографических работ: Ирина Валентиновна

Белозерова (Отдел письменных источников, ГИМ) и Сергей Владимирович Кузьминых (ИА РАН). Хорошо известные специалистам по предыдущим публикациям, в том числе — в соавторстве, они удачно дополнили друг друга и в этой “городцовиане”.

Ответственным редактором выступил член-корреспондент РАН, заместитель директора ИА РАН Петр Григорьевич Гайдуков. Соредактором — Андрей Дмитриевич Яновский — заместитель директор ГИМ по научной работе, большой знаток архивных фондов, включая огромный городцовский.

Первый том открывается тремя очерками за авторством составителей. Вводный этюд “Василий Алексеевич Городцов и его дневники” знакомит читателя с замыслом и содержанием издания, состоящим из исторических, археологических, этнографических сведений, накопленных Василием Алексеевичем за годы жизни и научной деятельности.

Далее следует энциклопедического формата биографическая справка. Перечень предыдущих попыток составить биографию В.А. Городцова дополняется тут рассказом об основном месте хранения его большого архива, переданного сыном Мстиславом Васильевичем Городцовым (1899–1968) в 1957 г., — особом (№ 431) фонде Отдела письменных источников ГИМ. Из-за величины и сложности фонда его научное описание делалось поэтапно, а полностью было завершено сотрудниками отдела, включая И.В. Белозерову, в 1985 г.

Личные дневники археолога насчитывают 80 тетрадей размером $\frac{1}{4}$ листа, напоминающих современные записные книжки большого формата. Василий Алексеевич вел их в 1892–1944 годах. К сожалению, часть рукописных тетрадок — за 1920-е и 1939–1940 годы — была сожжена автором в пору беспощадного к “бывшим” красного террора, “в те времена, когда нам слали на дом повестки и никто нас не щадил...”. А В.А. Городцов, “бурсак” по первому образованию, то есть почти законченный служитель культа да еще царский офицер, подполковник в отставке, принадлежал сразу к двум расстрельным категориям. К счастью, репрессии обошли его стороной! Причиной сожжения 60 тетрадок за 1917–1930 гг., как явствует из записей ученого, стал душевный кризис, вызванный смертью жены в 1928 г., а также тем, что сначала востребованный новой властью, в 1929 г. Василий Алексеевич был уволен из большинства учреждений, в которых работал, и остался фактически без средств к существованию. Позднее автор и сам сожалел, что в минуту душевной слабости уничтожил часть личных бумаг. Что-то было восстановлено им в последующих дневниках, зато все оставшиеся в архиве тетради — за 1928–1944 гг. — представляют собой замечательный источник сведений об истории археологии России, а также о множестве политических, экономических, культурных, научно-академических событий, происходивших в стране и мире.

Следующий очерк посвящен “Археографическим примечаниям” и облегчает внимательному читателю знакомство со структурой текста, порядком купюр отдельных небольших по общему объему и явно второстепенных по содержанию мест документа, а также поясняющих дополнений составителей к авторским записям, прочим публикаторским тонкостям, которые и делают это издание академическим.

Завершается вводная часть первым в историографии опытом систематической биографии ученого — большим очерком “Жизненный и научный путь В.А. Городцова (по архивным документам и воспоминаниям)”. Рассказано о родословной будущего археолога, тесно связанной с воспоминаниями о детстве, отрочестве и юности; трудных годах учебы в Рязанской духовной семинарии (чаще осуждающе называемой и им самим, и составителями “бурсой”, что явно противоречит ее в основном положительным оценкам, данным ими же); военной службе, закалившей характер и сведшей В.А. Городцова с полевой археологией, привившей ему практические навыки, впоследствии пригодившиеся на раскопках и в музейной работе. Показаны его семейная жизнь и родственные связи, характер и творческие способности, бытовые пристрастия; наконец, описан переход Василия Алексеевича под влиянием и с помощью П.С. Уваровой с военной службы в науку; прослежены этапы его карьеры в Историческом музее и других учебных и академических учреждениях; показаны большой вклад в развитие науки о древностях на рубеже XIX–XX вв.

и в первые десятилетия XX в. и ее спасения в поэтапное возрождение археологии после революции.

И этот вводный биографический очерк, и остальные тексты двухтомника, написанные составителями в соавторстве, отличают живой литературный стиль, огромная эрудиция, скрупулезность в деталях, документированность наблюдений, выводов, оценок. Работа с наследием В.А. Городцова многие годы была частью и смыслом их жизни, ведь только финансируемый Российским гуманитарным научным фондом период подготовки дневников В.А. Городцова к изданию продолжался с 2008 г.

Прочтение любой скорописи составляет нелегкую задачу. Правда, будучи почти профессиональным богословом и весьма профессиональным военным, Василий Алексеевич, как видно по ряду иллюстраций, вел свои дневники вполне библиотечным, каллиграфическим почерком, сопровождая рассказ о пережитом рисунками и позднейшими примечаниями. Так что дешифровка рукописей почти не потребовалась.

Правда, при внимательном чтении можно заметить и явные “очитки” публикаторов рукописи. Их, впрочем, буквально раз, два — и обчелся. Например, очередную свою доморошенную философию “Когда замрет жизнь на земле, то вся ее поверхность покроется книгами... Что же нужно?” (Кн. 2. С. 24) Городцов завершил расхожим в просторечии оборотом “Почем же я знаю”. Но в книге напечатано “Почему же я знаю”. Да и слово “Земля” в контексте будущего планеты пишут с заглавной буквы, а не со строчной.

Сложнее обстоит дело с пониманием и оценками самой личности Василия Алексеевича. Составители и комментаторы его дневников постарались учесть противоречивую ситуацию, сложившуюся в отечественной историографии, когда предшественников либо чересчур ругали (в советский период), либо слишком хвалили, не замечая “пятен” на репутационном “солнце” (в постсоветское время). У того же В.А. Городцова находились не только рьяные поклонники (Жук, 2005 и др.), но и пристрастные критики (Формозов, 2006. С. 28–31). Мне уже доводилось рецензировать панегирический опыт его биографии (Шавелев, 2009), равно как пропагандировать более трезвые оценки его как археолога (Формозов, 2007. С. 120–122).

Составители рецензируемого двухтомника исходили из тех же посылок: “В истории российской археологии В.А. Городцов — одна из культовых фигур, но в оценке его вклада в науку наблюдаются две тенденции: или неуместное восхваление заслуг исследователя, или их принижение” (Кн. 1. С. 69). Относительно научных идей, концепций и атрибуций составителям и комментаторам дневника удалось, пожалуй, выдерживать объективный подход. Они же тонко замечают, “что даже его ошибки несли на себе яркую печать таланта и смелых поисков” (Черных, Кузьминых, 1991. С. 100). Что касается непростого характера Василия

Алексеевича, коллизий его отношений с учениками и коллегами, то здесь, отмечая подобные конфликты, они, как правило, обходят острые углы и не вдаются в детали того, кто прав, а кто виноват. В отдельных случаях публикаторы даже парируют претензии к ученому. Да, высшего образования он не имел, но компенсировал отсутствие университетской школы упорным чтением. Да, языками международного общения не владел, но читать со словарем стремился на нескольких языках. Да, далеко не все изученные им памятники раскопаны достаточно аккуратно, но ведь время какое было! Да, в вопросах приоритета того или иного археологического открытия он порой перегибал палку, незаслуженно оттесняя коллег, но и его соперники тоже хороши... Да, многочисленных учеников сортировал на “агнцев и козлищ” не вполне справедливо, но и ученики не раз предавали своего наставника. Можно понять такую позицию биографов. Тем более что в литературе, на которую я сослался, достоинства и недостатки В.А. Городцова отмечены.

Как же в итоге без “восхваления” и “принижения” можно оценить уровень его как археолога? Не будучи, по сути, кастовым, т.е. профессиональным ученым (не случайно попытки избрать его в Академию наук закончились ничем), Василий Алексеевич сумел в конце концов достичь европейского уровня в археологии и как теоретик, и как практик, что еще раз подтверждает обнародование дневников. Хроника его жизни содержит многочисленные примеры критического самоанализа, пересмотра взглядов, поиска новых решений научных проблем. Но самое главное состоит в том, что Василий Алексеевич оказался достойным тех задач, которые российская история в свои переломные моменты ставила перед отечественной наукой. Когда многие коллеги погибли на фронтах, эмигрировали или просто вынуждены были отойти от научных занятий, Городцов с полной отдачей трудился на ниве археологии, преодолевая выпадающие на его долю лишения и несчастья. Именно он, приняв эстафету от поколения Уваровых и Спицына, пронес ее до конца, передав в руки следующих за ним поколений археологов. Каких душевных и физических мук ему это стоило, ярко рассказано в дневниках. Так что частые и щедрые эпитеты — “один из крупнейших отечественных археологов” (Кн. 2. С. 3) и т.д., — которыми публикаторы награждают своего героя, в целом можно признать оправданными.

Будучи, как и практически все археологи, оставшиеся после революции в России, внешне лояльным к советской власти, Городцов в личных записях поминутно критикует политику большевиков и новые порядки. Выходец из нижнего слоя разночинцев, практически бедных крестьян, Василий Алексеевич не утратил ни здравого житейского смысла, ни офицерской смелости суждений. “Нравы московские, можно сказать, перепрестольные, где пролетарии соединились со всех стран” (Кн. 2. С. 21), подвергаются меткому сарказму под его пером.

Раздражают В.А. Городцова и “восточные рожи” в московских банях, и явно богатеющие при НЭПе евреи, которые “прославляют и Ленина, и Сталина, а больше Иегову” (Кн. 2. С. 22). Сколько ни кивай в сторону априорной для интеллигенции политкорректности, но доля инородцев среди комиссаров, порушивших русскую культуру и российскую государственность накануне и после революции, была очевидна для всех и велика.

Василий Алексеевич в своих дневниках то заносчив, то самокритичен: “Я всегда был слабым борзописцем” (Кн. 2. С. 21).

Поскольку он сам наводнил свой дневник воспоминаниями о родителях и остальных членах семьи, о детстве и юности, составители двухтомника вполне логично поместили после собственно дневников ряд документов из архива: “В ночном (воспоминание о давно-давно минувшем детстве)”, “Сведения о научной деятельности профессора В.А. Городцова”, “Памятка о совершенных подвигах и выдающихся событиях жизни В.А. Городцова (1922–1944)”. Эти мемориальные тексты не только дополняют дневники, но и восполняют утраченные их части (за 1920-е годы).

Великолепно подобраны и скомпонованы многочисленные иллюстрации, повышающие информативность издания: фото- и живописные портреты самого Городцова, его родных и близких, коллег и сотрудников; яркие рисунки из текста дневников; титульные листы его книг и статей; зарисовки рабочих моментов в ходе раскопок с его участием и самих археологических памятников.

Книга завершается едиными для обоих томов списками литературы и сокращений, указателем имен. Текст дневников снабжен по годам примечаниями и комментариями составителей. Этот справочный “конвой” первоисточника очень информативен, ради него был проделан огромный труд по поиску и проверке разнообразных сведений.

Столь фундаментальное издание было подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (уже бывшего) и “Столичного археологического бюро”. Качество полиграфического исполнения двухтомника высокое. Тем удивительнее отсутствие как в первом, так и во втором томе общепринятых до последнего времени элементов издательского описания. Так называемая техническая страница почему-то предшествует иллюстрациям (поэтому страницы с ними оказались не пронумерованы), а не завершает, как положено, каждый том издания. В ней указано издательство — “Триумф принт” и типография — “Наука”, но больше ничего: ни имен редакторов (литературного и технического), корректоров, авторов дизайна и верстки; ни размеров тиража; ни объема в учетно-издательских и печатных листах; ни формата бумаги, ее сорта; ни даты подписания издания в печать; ни адреса издательства. Зато есть электронный адрес Интернет-магазина, где торгуют книгами этого издательства.

Можно ли назвать полностью научным издание, где опущена вся эта информация? Не первая ли это ласточка заката бумажной книги и ухода всех научных текстов в Интернет?

Сейчас присуждаются несколько государственных и общественных премий за научные и просветительские труды и руководство Института археологии РАН и Государственного исторического музея не должно упустить шанс представить этот уникальный двухтомник на подобный конкурс. Титанический труд И.В. Белозеровой и С.В. Кузьминых, а также П.Г. Гайдукова и А.Д. Яновского должен быть оценен по справедливости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жук А.В. Василий Алексеевич Городцов в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности. Омск: ОмГУ, 2005. 536 с.

Курский государственный медицинский университет

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак, 2006. 344 с.

Формозов А.А. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. Изд. 2-е, доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007. 184 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема в трудах В.А. Городцова // Проблемы изучения древних культур Евразии / Ред. Д.А. Крайнов. М.: Наука, 1991. С. 94–101.

Щавелев С.П. Рец.: *А.В. Жук.* Василий Алексеевич Городцов в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности. Омск: ОмГУ, 2005. 536 с. // РА. 2009. № 1. С. 184, 185.

Щавелев С.П. Рец.: *А.В. Орешников.* Дневник. 1915–1933. В 2-х кн. / Сост. П.Г. Гайдуков, Н.Л. Зубова, М.В. Катагощина, Н.Б. Стрижова, А.Г. Юшко. М., 2010–2011 (Научное наследство; Т. 34) // РА. 2013. № 2. С. 140–145.

С.П. Щавелев

XX-е УРАЛЬСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ. Ижевск, 25–29 октября 2016 г.

Наблюдаемое в последние годы оживление коммуникативного пространства отечественной археологии, в том числе через проведение конференций разного уровня и тематики, не стало исключением и для Урала, научная среда которого, без преувеличения, формировалась в течение почти полутора столетий (если точкой отсчета считать IV Археологический съезд, прошедший в Казани в 1877 г.). В республиках и областях обширного Волго-Уральского региона сложились собственные научные традиции и школы, разные институты, выполняющие академические, учебные, охранно-спасательные и музейные функции. Сформировались и свои традиции проведения конференций, среди которых можно отметить такие, как Северный археологический конгресс и Берсовские чтения (Екатеринбург), Этнические взаимодействия на Южном Урале (Челябинск), Ананьинский мир (Казань), Бадеровские чтения (Пермь и Ижевск). Но идея выстраивания и координации горизонтальных научных связей на пространстве Урала, включая Предуралье и Западную Сибирь, сформулированная 70 лет назад О.Н. Бадером и реализованная им в форме Уральских археологических совещаний, оказалась настолько продуктивной, актуальной и востребованной, что обеспечила им многолетнее существование.

Юбилейное XX Уральское археологическое совещание состоялось 20–29 октября 2016 г. в Удмуртском государственном университете им. В.А. Журавлева (Ижевск). Оно было приурочено к нескольким мероприятиям республиканского уровня – 85-летним юбилеям самого университета, а также Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. В работе совещания приняли участие более 100 человек из 47 российских и международных научных, образовательных и музейных учреждений. Тема совещания определялась заведомо широко с учетом праздничного формата мероприятия – “Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию”. Она была реализована в выступлениях участников и во время дискуссий в ходе двух пленарных и восьми секционных заседаний, на которых археологами Екатеринбургa, Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Кургана, Москвы, Перми, Салехарда, Самары, Санкт-Петербурга, Саратова, Стерлитамака, Сыктывкара, Тюмени, Ульяновска, Уфы, Челябинска (все – Российская Федерация), Будапешта (Венгрия) был представлен 91 (12 пленарных и 79 секционных) доклад.

На первом пленарном заседании в докладах руководителей вузовских и академических центров А.М. Белавина (Пермь), И.О. Васкула (Сыктывкар), Г.П. Головчанского (Пермь), Г.Б. Здановича (Челябинск), В.А. Иванова (Уфа), М.Г. Ивановой, О.М. Мельниковой (Ижевск), Т.Б. Никитиной (Йошкар-Ола),

В.В. Овсянникова (Уфа), А.Г. Ситдикова (Казань), Н.М. Чаиркиной (Екатеринбург) были озвучены проблемы современного состояния археологической науки, как общие для гуманитарной сферы, так и связанные с особенностями регионов и отраслевой специфики науки и образования Поволжья и Урала.

Р.Д. Голдина (Ижевск) представила участникам совещания итоги многолетних исследований крупнейшего в Восточной Европе Тарасовского могильника (I–V вв. н.э.), проводимых археологами Удмуртского университета. Она также обратилась с просьбой к участникам совещания поддержать перед компетентными структурами Удмуртской Республики инициативу по созданию на основе имеющихся материалов могильника музейно-экскурсионного комплекса (зона строящегося моста через р. Кама, Сарапульский р-он).

Традиционную активность проявили уральские археологи в обсуждении докладов на секционных заседаниях. На секции “Культурные процессы на Урале в эпоху камня” (руководители – д-ра ист. наук А.А. Выборнов и А.И. Юдин) было заслушано 14 докладов, посвященных проблемам выделения археологических культур, специфике культурных процессов на протяжении эпох мезолита, неолита и при переходе к эпохе раннего металла. Общей для многих докладов – К.М. Андреева (Самара), А.А. и А.Ф. Шориных (Екатеринбург), С.Ю. Зыряновой и В.Т. Ковалевой (Екатеринбург), А.И. Юдина (Саратов), А.А. Выборнова, А.И. Королева и А.А. Шалапинина (Самара) – стала тема миграций как механизма технических и технологических новаций. Новые интерпретации уже известных материалов были представлены в докладах И.В. Калининной (Санкт-Петербург), В.Н. Широкова и С.Н. Савченко (Екатеринбург), О.В. Ереско (Самара), Е.Л. Лычагиной и Н.С. Батуевой (Пермь).

География докладов секции “Динамика и особенности культурогенеза на территории Урала в эпоху раннего металла” (руководители – д-ра ист. наук А.Ф. Шорин и Г.Б. Зданович) отличалась широтой представленных материалов, охвативших пространство от таежного Приобья на севере до степного Южного Зауралья на юге, от Волги на западе до Обско-Иртышского междуречья на востоке. В 11 докладах были представлены как первичная презентация материалов, так и углубленный анализ объектов и культурных ареалов с привлечением комплексных методик исследований, соответствующих современным мировым стандартам. Традиционно большое внимание было уделено памятникам Аркаима и Аркаимской долины, досейминского и сейминского культурно-хронологических горизонтов на Урале, в которых нашли отражение

многообразные модели и практики межкультурного взаимодействия.

Темы металлургии и металлообработки, фортификационного искусства, хозяйственных практик были озвучены в восьми докладах, прозвучавших на секции “Историко-культурные области лесного Урала в раннем железном веке” (руководитель — канд. ист. наук С.В. Кузьминых). Оживленный интерес и обсуждение вызвали доклады, посвященные иткульской культуре Зауралья: *О.В. Зимин* и *В.В. Илюшиной* (Тюмень) — ее гончарным традициям, *С.В. Кузьминых* (Москва) и *А.Д. Дегтяревой* (Тюмень) — цветной металлообработке. Спорность ряда устоявшихся стереотипов в оценке хозяйственных занятий носителей гляденовской культуры рубежа эр показал в докладе *М.Л. Перескоков* (Пермь). Единственный доклад по кочевнической тематике, сделанный *С.В. Сиротин* (Стерлитамак), был посвящен трансформациям в погребальной обрядности кочевников Южного Урала на примере курганного могильника Переволочан I.

Одной из самых представительных и полемических площадок совещания оказалась секция “Специфика формирования этнокультурного пространства Урала в эпоху великого переселения народов и раннего средневековья” (руководители — д-ра ист. наук В.А. Иванов и Н.П. Матвеева, канд. ист. наук Н.А. Лещинская). Тематика 18 заслушанных докладов охватила лесные и степные пространства Камского бассейна, Поволжья, Западной Сибири и Северного Казахстана. Большая серия докладов касалась итогов всестороннего анализа реперных памятников Волго-Уральского региона, значимых для понимания историко-культурных трансформаций в эпоху турбулентности (Тарасовский, Мокинский, Митинский могильники). К обсуждению были предложены результаты источниковедческого анализа с применением широкого спектра исследовательских методик отдельных категорий вещевого и керамического инвентаря, прозвучавшие в докладах *Е.В. Голдиной* (Ижевск), *Р.Р. Руслановой* (Уфа), *М.Л. Перескокова* (Пермь), *Л.И. Липиной* (Ижевск), *Ю.А. Подосеновой* (Пермь), *А.П. Зыкова* (Екатеринбург), *И.Ю. Пастушенко* (Ижевск), *А.Ю. Емельяновой* (Ижевск), *А.Н. Сарапулова* (Пермь), *Е.П. Казакова* (Казань), а также антропологических материалов, представленных *Н.Г. Брюховой* (Пермь), *И.Г. Широковым* (Санкт-Петербург). Не остались без внимания исследователей и вопросы хронологии уже известных памятников, которые озвучили *Д.В. Шмурашко* (Пермь), *И.В. Грудочко* (Челябинск); правомерности использования сравнительно-статистических методов для оценки культурных явлений в переломные эпохи — *Н.П. Матвеева* (Тюмень), *В.А. Иванов* (Уфа). Новизна и широта современных возможностей археологических исследований ранней истории угров-мадьяр прозвучала в докладе *А. Тюрка* (Будапешт, Венгрия).

На секции “II тысячелетие н.э. на территории Урала: проблемы этногенеза, культурогенеза и политогенеза по данным археологии” (руководители — д-ра ист. наук К.А. Руденко и Л.Д. Макаров) было заслушано 12

докладов. Основные проблемы, вынесенные на обсуждение, касались сопоставления археологических и этнографических источников в изучении погребальной обрядности; формирования поселенческих структур и роли городской археологии в реконструкции этапов градообразования на Урале; некоторых элементов организации сакрального пространства в традиционных обществах Урала. Дискуссию вызвало стремление пермских ученых, озвученное в докладах *А.М. Белавина* и *Н.Б. Крыласовой*, а также *А.Н. Сарапулова*, поднять хронологическую границу ломоватовской и родановской археологических культур Верхнего Прикамья до рубежа XI–XII вв. Эвристические возможности комплексного источниковедческого анализа ряда уникальных ювелирных украшений XIII–XVI вв. для реконструкции торговых путей по обе стороны Уральской горной системы были представлены в докладе *К.А. Руденко* (Казань). Иной аспект реконструкции древних путей больших и малых миграций в Прикамье продемонстрировали *П.А. Корчагин* и *Е.С. Черепанова* (Пермь), обратившиеся к анализу водно-волоковых путей на основе письменных, топонимических и картографических источников.

На секции “Междисциплинарные исследования в уральской археологии” (руководитель — д-р ист. наук Н.М. Чаиркина) были представлены восемь докладов. Круг обсуждаемых проблем был достаточно широк и отражал разнообразие спектров применения методов естественных наук в археологии. Современный уровень и эффективность междисциплинарного подхода в реконструкции природной среды, поселенческих и погребальных структур убедительно продемонстрировали научные коллективы из Екатеринбурга в докладах *Н.М. Чаиркиной* (с коллегами), *Л.Н. Коряковой*; Ижевска — *И.В. Журбина* (с коллегами), *Л.Ф. Князевой*; Уфы — *Н.Б. Щербакова* (с коллегами).

На секции “История уральской археологии” (руководитель — д-р ист. наук О.М. Мельникова) было заслушано пять докладов, посвященных разным аспектам истории уральской археологии. В основу докладов были положены новые архивные источники, целенаправленно выявляемые авторами в архивных собраниях. Так, *К.А. Руденко* (Казань) представил свои размышления относительно отношения крестьянства Казанской губернии к археологическим памятникам в начале XX в. *С.Н. Панина* (Екатеринбург) проанализировала документы, касающиеся биографии одного из ярчайших деятелей уральской археологии 1920–1930-х годов А.А. Берса. События, связанные с деятельностью научных организаций по охране археологических объектов ХМАО-Югры в 1960–1980-е годы, были проанализированы *А.В. Союровой* (Екатеринбург). Единственный историографический доклад *Г.Н. Журавлевой* и *А.К. Байковой* (Ижевск) был посвящен становлению и развитию проблематики социальных реконструкций в работах археологов Прикамья. В ходе обсуждения было высказано мнение о целесообразности организации историко-научной секции в рамках Уральского археологического совещания, так

как историко-научная и историографическая проблематика оказывает важное социализирующее действие на молодое поколение археологов.

Археологическое наследие не только является объектом исследования археологов-профессионалов, но все чаще привлекает внимание специалистов в области музейного дела и сферы туризма. Комплектование археологических коллекций и экспонирование археологического наследия в разных музеях (вузовских, государственных, ведомственных и т.д.), музеефикация памятников археологии способствуют повышению роли археологического наследия в образовательном процессе, развитию популяризации археологических объектов и их охраны. Эти вопросы обсуждались на секции “Археологическое наследие Урала в музейном деле и образовании” (руководитель – д-р ист. наук Т.И. Останина), на которой были представлены доклады *Т.И. Останиной, Т.К. Ютиной, О.А. Казанцевой, Н.Л. Решетникова, Е.А. Кизиловой*, посвященные вопросам комплектования археологических музейных коллекций; представления археологического наследия в музеях; использования его в образовательном процессе и др. Обсуждались также проблемы необходимости разработки особых правил учета и хранения археологических коллекций в музеях (использование опыта ГИМ); процедуры передачи археологических предметов и коллекций на хранение в государственные музеи и их каталогизации, как одной из гарантий сохранения и передачи следующим поколениям. Особое внимание было уделено проблемам подготовки кадров в области археологического музееведения.

На заключительном пленарном заседании выступили руководители секций, единодушно признавшие успешность проведенного совещания и необходимость сохранения его как значимого фактора поддержания преемственности исследовательских традиций и важнейшего коммуникативного канала региональной науки. Как позитивное явление было отмечено увеличение среди участников совещания молодых ученых, их внимание к систематизации и введению в научный оборот материалов, отложившихся в фондохранилищах вузовских и академических центров; активное участие в полевых и научных исследованиях. Все это было озвучено в докладах *К.М. Андреева, Н.С. Батуевой, Н.А. Волокитиной, И.В. Грудочки, А.Ю. Емельяновой, О.В. Ереско, Е.А. Каравашкиной, Е.Н. Митрошина, А.Е. Митрякова, К.В. Моряхиной, И.К. Новикова, М.Л. Перескокова, Е.В. и Р.Р. Руслановых, А.Н. Саранулова, И.Г. Широкова*.

Вместе с тем в ряде выступлений прозвучала обеспокоенность отсутствием Федерального государственного образовательного стандарта по направлению “Археология”, несмотря на наличие укрупненной группы специальностей и направлений подготовки 46.00.00 “История и археология”, следствием чего становится недостаточная профессиональная подготовка квалифицированных кадров среди молодых археологов, что в условиях роста объемов полевых (прежде всего, спасательных) работ следует признать недопустимым.

В качестве устоявшейся тенденции можно назвать целенаправленную работу по выявлению новых источников по истории уральской археологии, их осмыслению и публикации, а также высокий уровень научных исследований, представленных археологическими центрами Москвы, Екатеринбурга, Ижевска, Казани.

Помимо этого, были высказаны сомнения в современных способах оценки эффективности труда ученого, поставившие в маргинальное положение монографические издания, необходимые для осмысления накопленных материалов.

Участники совещания отметили слаженную работу Оргкомитета, живую, доброжелательную и плодотворную атмосферу совещания, во многом обеспеченную комфортной средой новой Учебно-научной библиотеки Удмуртского университета. При отсутствии финансовой поддержки в проведении совещания со стороны Российского гуманитарного научного фонда, его организаторы сумели сделать так, чтобы живая традиция проведения Уральских археологических совещаний в отечественной науке не прерывалась. Для участников совещания были открыты залы Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда, Музейно-выставочного комплекса им. М.Т. Калашникова, Архитектурно-этнографического музея-заповедника “Лудорвай”, предоставлены возможности ознакомиться с археологическими материалами в фондах университета и Института истории, языка и литературы.

Представленные материалы были опубликованы к началу работы Уральского археологического совещания в сборнике “Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию” (XX Уральское археологическое совещание / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск, 2016. 424 с. Их издание стало возможно благодаря финансовой поддержке депутата Государственной Думы РФ д-ра ист. наук А.Е. Загребина.

Самарский государственный социально-педагогический университет
Челябинский государственный университет
Институт археологии РАН, Москва
Удмуртский государственный университет,
Ижевск

Казанский государственный институт культуры
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

*А.А. Выборнов
Г.Б. Зданович
С.В. Кузьминых
Н.А. Лещинская,
О.М. Мельникова,
Е.М. Черных,
Т.К. Ютина
К.А. Руденко
Н.М. Чаиркина*

НОВЫЕ ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НАУКАХ О ПРОШЛОМ

Тюменским государственным университетом совместно с Институтом проблем освоения Севера СО РАН, Институтом археологии и этнографии СО РАН и Институтом экологии растений и животных УрО РАН 7–11 ноября 2016 г. была проведена V Международная научная конференция “Экология древних и традиционных обществ”. Успех мероприятия во многом стал возможным благодаря финансовой поддержке РГНФ (грант 16-01-14030) и Тюменского университета. Конференция была посвящена вопросам взаимодействия человека, природы и общества с древних времен и до современности. Ее цель — обмен опытом, методиками и подходами к интерпретации полученных результатов между международными научными коллективами, крупными научными центрами и региональными исследовательскими группами.

В конференции заочно приняли участие около 180 специалистов из 11 стран, их доклады опубликованы в двухтомном сборнике материалов (Экология древних и традиционных обществ. Вып. 5. Ч. 1. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. 242 с.; Экология древних и традиционных обществ. Вып. 5. Ч. 2. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. 276 с.). Непосредственно на форуме присутствовали 95 участников из России, Германии, Киргизии и Великобритании, в своих сообщениях представившие новые методы исследовательской работы, существующей на стыке гуманитарных и естественных наук; а также попытавшиеся ответить на дискуссионные вопросы относительно связи природы и общества в исторической ретроспективе. Сделанные доклады продемонстрировали успешное применение комплексных исследований в археологическом почвоведении, исторической экологии человека, биоархеологии, археозоологии, археоботанике, этноэкологии, ландшафтной археологии, истории культурных ландшафтов, палеогидрологии, геоинформационных и экспериментальных технологиях и т.д. Показателен значительный рост доказательной базы и новый уровень научной аргументации археологических и этнографических исследований.

В ходе работы секции “Историческая экология человека” были представлены материалы биоархеологических исследований, раскрывающие особенности образа жизни, патологий, заболеваний и диеты древнего и средневекового населения Северо-Восточной Европы, Уральского региона и Средней Азии; озвучены новые данные, полученные путем исследования ДНК, палеогельминтов, химического и изотопного состава костных остатков человека.

Большой интерес вызвал доклад *А.П. Бужиловой* об адаптации населения Восточной Европы в мезолите, продемонстрировавший высокие физические нагрузки людей в условиях низких температур, тенденцию к большей оседлости и увеличению доли пресноводных рыб в рационе, а также рост продолжительности жизни. *А.А. Козлов* в своем сообщении выявил существенное влияние на здоровье недостатка витамина D у населения с нарушением традиций питания при переходе

арктических групп на современный образ жизни. Международная группа исследователей в составе *С.В. Шапрановой*, *Р. Краузе*, *Л.Н. Коряковой*, *Ж. Луайе*, а также *Е.В. Перерва* в своих докладах показали важность изучения детских погребений эпохи бронзы для палеоэкологических реконструкций, так как дети более чутко реагируют на изменения факторов среды обитания, что позволяет отслеживать перемены в образе жизни целых коллективов. В докладах *Н.А. Дубовой*, *В.В. Куфтерина*, *Р.М. Сатаева* был представлен комплексный подход к изучению создателей древних цивилизаций по материалам Алтын-депе, Гонур-депе (Туркменистан) с применением данных палеоантропологии и археологии, с акцентом на палеоэкологические аспекты.

Существенные результаты были получены *С.С. Тур*, *С.С. Матрениным* при исследовании характера и типов травм для реконструкции военных акций кочевников Алтая в саянбийско-жужанский период; а также прижизненной трепанации черепов — *Н.Г. Брюховой*, *А.В. Слепцовой*. На представительной выборке *Н.Я. Березиной* было продемонстрировано, что в определенные хронологические периоды этот обычай играл очень большую роль в жизни палеопопуляций северокавказского и предуральяского регионов. Анализ демографических показателей в древности и в Средневековье, сделанный *М.А. Балабановой*, показал, как минимум, два вида факторов, непосредственно влиявших на процессы адаптации населения в условиях степного ландшафта и кочевого хозяйства, — общие, обусловленные спецификой номадизма, и локальные — миграции в позднесарматской группе и военные столкновения — в золотоордынской. Особый интерес вызвал доклад *С.М. Слепченко*, посвященный новому для отечественной науки направлению — археопаразитологии, — обрисовавший историю ее становления, задачи и методы, а также наиболее интересные результаты исследований. Помимо этого, *Ж.В. Марченко*, *В.С. Пановым*, *А.Е. Гришиным*, *А.В. Зубовой* были продемонстрированы данные по структуре питания населения бронзового века Барабы по изотопным данным; а также по минеральному составу костной ткани разных половозрастных групп из захоронений Притоболья эпохи Великого переселения народов и показаны изменения в питании сравнительно с ранним железным веком (*Н.С. Ларина*, *Н.П. Матвеева*).

Секция “Реконструкция природного окружения древних и средневековых обществ” была нацелена на выявление основных факторов среды, влияющих на развитие древних социумов в их динамике. Были заслушаны методические доклады об основных подходах к реконструкции экологических условий в разные эпохи на территории Евразии, представлены результаты реконструкции климата и ландшафта с применением палеогеографических, палеопочвенных, палинологических, палеонтологических, палеоботанических, дендроклиматических и геохимических методов по материалам отдельных памятников.

Доклад *Я.В. Кузьмина* и его обсуждение продемонстрировали не ослабевающий интерес к теме расселения первых людей на территории Евразии, в том числе палеоэкологическому фону этого процесса. Серия докладов была посвящена почвенно-археологическим исследованиям (*А.Л. Александровский, Т.С. Демкина, А.В. Борисов, Т.Э. Хомутова и др.; Н.Н. Каширская; Л.С. Песочина; М.В. Бобровский; А.С. Проценко, Р.Р. Сулейманов; А.С. Якимов, Л.Р. Бикмулина, А.И. Баженов*). В частности, был отмечен прогресс, достигнутый в методическом плане, особенно с внедрением анализа мелких углей в почве, объективной диагностики нарушений культурного слоя за счет корневых выворотов, пожаров, а также динамики облесения, позволяющих выявить широкий спектр антропогенных воздействий на почвы и ландшафты. *М.В. Бобровским* в докладе были подчеркнуты глубокая давность и масштабность антропогенных факторов в развитии экосистем Европейской части России. Перспективный метод анализа реконструкции периодов увлажнения по анализу пигментного профиля торфов был предложен в сообщении *М.А. Климина*.

Большое внимание привлекли новые почвенно-археологические данные, свидетельствующие о значительных изменениях лесных и лесостепных ландшафтов. Все это позволило по-новому взглянуть на характер природной среды времени мезолита и неолита в бореальных областях. Для бронзового, раннего железного века и средневековья они свидетельствуют о кратковременных климатических изменениях, хорошо согласующихся с традиционными палеоботаническими данными (*А.А. Гольева, К.Ю. Кирюшин; А.А. Гольева, Н.Б. Щербаков, И.А. Шутелева; Н.А. Шишлина и др.*). Ряд авторов на основе палинологических, карпологических, археозоологических источников предложили реконструкции природного окружения отдельных поселений (*Н.Е. Прилепская, Н.К. Панова, Т.Г. Антипина; С.С. Трофимова, Е.Г. Лаптева, Н.Б. Крыласова и др.; А.А. Трошина, А.С. Сыроватко*). Обобщение новых палиностратиграфических данных рубежа II—I тыс. до н.э. и оценка их роли в социальных и культурных процессах рубежа бронзового и раннего железного века, сделанные в докладе *Н.Е. Рябогиной, И. Шнеевайса*, вскрыли ряд противоречий и проблем интерпретации данных, по мнению авторов, ведущих к необходимости формулирования новых, более частных гипотез.

Были заслушаны доклады, демонстрирующие результаты совместных геолого-геоморфологических, геоархеологических, палеосейсмологических, палеоусловных, палеокарпологических, а также картографических исследований, направленные на реконструкцию природных условий во время обитания людей на территории Якутии и Дальнего Востока (*И. Хлахула, А.А. Крупянко*); юго-западной части Западной Сибири, бассейна верхней Камы, юго-востока Алтая и юго-запада Тувы (*С.И. Ларин, Н.С. Ларина, С.А. Лаухин и др.; Д.А. Демаков, Е.Л. Лычагина, С.В. Копытов и др.; А.Р. Агатова, Р.К. Непон; В.А. Зах и др.*). Они позволили проследить изменение климата, ландшафтов и водного режима и объяснить процессы распространения и развития археологических культур, а также специфику

хозяйственной деятельности их носителей. Это еще раз ярко продемонстрировало эффективность комплексных геоархеологических исследований для обоснования или опровержения научных гипотез и важность диалога представителей разных научных направлений.

Секция “Система жизнеобеспечения древних и традиционных обществ” продемонстрировала новые данные по культурной адаптации, анализ моделей функционирования общин в разных хронологических и территориальных диапазонах. В ее ходе были рассмотрены конкретные приспособительные стратегии древних коллективов на базе археозоологических, палеоботанических данных, анализа состава керамики, архитектуры и устройства зон обитания, а также типов землепользования.

Интересными были выступления, касающиеся функционального зонирования поселенческих комплексов, а также анализа отдельных нестандартных орудий и комплексов, относящихся к эпохе мезолита от Приуралья до Восточной Сибири (*Е.Н. Митрошин, Е.Л. Лычагина, Д.А. Демаков и др.; Ю.Б. Сериков; А.М. Кузнецов, Е.О. Роговской*).

Обобщающий доклад *П.А. Косинцева* содержал обзор данных о становлении скотоводства в Поволжье и на Урале, развивший идею о распространении его из Причерноморья. Другая область производящего хозяйства — земледелие — по-прежнему в ранних материалах надежно аргументирована только для Средней Азии и Европейской части России (доклады *А.В. Борисова, Н.А. Дубовой и др.*). Международным коллективом авторов (*А. Штоббе, М. Гумниор, Л. Рюль, Л.Н. Корякова, Р. Краузе*) не была подтверждена роль земледелия в экономике синташтинской культуры бронзового века Зауралья, тем самым были опровергнуты выдвинутые ранее гипотезы. Не были поддержаны также предположения о значительном масштабе фортификаций и развитой металлургии на синташтинских поселениях, однако было констатировано упрощение архитектуры жилого пространства на каждой новой фазе обитания. Комплекс археологических и палеоботанических доказательств развитого земледелия в Средневековье для Западной Сибири был представлен *А.А. Адамовым, О.М. Короней, Н.Е. Рябогиной*, ими было обосновано его заимствование из Приуралья. Солидный анализ динамики агрокультур по материалам раннесредневекового Приморья продемонстрировала *Е.А. Сергушева*. Новую разработку для выявления сельскохозяйственных угодий по микробиологическим индикаторам внесения удобрений представила *Е.В. Чернышева*. Тему изучения искусственно сформированных почв на материалах культур славян и викингов подняли *И. Шнеевайс и К. Виднер*.

Серия докладов была посвящена анализу возрастного состава животных, соотношению домашних видов в стаде, типу животноводства и структуре мясной диеты древнего населения Средней Азии, Приуралья и таежных областей Западной Сибири (*О.П. Бачура, Е.В. Гладилина, Д.Н. Шаймуратова, Л.В. Сатаева, Н.В. Рослякова, Н.Л. Моргунова; И.А. Файзуллин*). Среди них были доклады молодых исследователей,

содержавшие интерпретации находок костных остатков рыб и птиц — важной части пищевого рациона, на которую редко обращают внимание археологи. Интерес также вызвал доклад *В.В. Илюшиной* о возможностях анализа состава древней керамики как источника природных и историко-культурных реконструкций на конкретных примерах.

Н.П. Матвеева в своем сообщении показала, что на фоне сдвига ландшафтных зон к северу в западном секторе Западной Сибири в эпоху Великого переселения народов сформировались благоприятные условия для вхождения этой территории в хозяйственный ареал кочевников и регулярных меридиональных кочевков населения. Кратковременные флуктуации климата исследовательница связала с волнами проникновения новых этнических групп. Впечатляющие обобщения по динамике природопользования крупных регионов в позднем голоцене представили *С.В. Ушаков*, *М.С. Мостовенко*, в период освоения Сибири русскими — *Л.В. Татаурова*, *Ф.С. Татауров*.

Оценка степени влияния природных и политических факторов на экономику Золотой Орды содержалась в докладе *Е.Ю. Лебедевой*, *Л.В. Яворской*, *Е.Е. Антипиной*, которые показали преобладание этнокультурных традиций и международной торговли в производстве и потреблении в городах и лишь незначительное проявление природной обусловленности хозяйства в сельской местности. *Т.Ф. Хайдаровым*, *Д.Н. Маслюженко*, *Е.А. Рябининой* были выдвинуты идеи о негативном влиянии эпидемий и эпизоотий на развитие тюрко-татарских государств. Из затронутых проблем интересной представляется недостаточно исследованная пока роль экологического фактора в истории степных и лесостепных государств позднего средневековья.

Секция “Культурные ландшафты” состояла из докладов, посвященных пространственному измерению культурных процессов древности, Средневековья и Нового времени. Особое внимание было уделено возможностям интерпретации археологических данных в свете нарративных и картографических источников, проблемам исторического ландшафтоведения, эволюции структур расселения и землепользования, сохранения природного и культурного наследия и ландшафтной ремедиации.

Были заслушаны доклады, посвященные экологическому анализу освоения пространства в последние столетия. Весьма важным в методическом плане стало исследование *О.Н. Трапезниковой*, *А.А. Фролова*, посвященное оценке трансформации системы сельского расселения Северо-Западной Руси под воздействием экологических факторов на рубеже Средневековья и Нового времени. *Л.А. Китова*, *Г.В. Любимова* уделили внимание историографии экологических исследований, *Е.М. Климина* — специфике заселения и урбанизации приморских территорий от Крыма и Балтики до Дальнего Востока. *А.В. Ивановым* было рассмотрено, в какой тип ландшафтов были вписаны средневековые города в Крыму и как было организовано землепользование

в их окрестностях. Изучению культурного ландшафта, сохранению, развитию и продвижению устойчивого использования исторического и культурного наследия были посвящены доклады *С.А. Коваль*, *А.А. Тишкина*, *М.К. Хабдулиной*, *А.В. Харинского*.

Ю.В. Латушко, *К.С. Ганзей*, *Я.Е. Пискарева* с соавторами показали, что при освоении островов залива Петра Великого близость материка позволяла диверсифицировать культурную специализацию на островах и влияла на скорость восстановления природных ландшафтов, нарушенных человеком. Один из докладов был основан на данных экономической статистики второй половины XX в.

В целом можно отметить следующие наиболее важные результаты работы конференции: за счет увеличения спектра естественно-научных методов появилась возможность извлекать новую информацию из уже исследованных объектов, а также расширить представления об истории развития природной среды и ее влияния на разные стороны жизнедеятельности человека; в связи с пониманием важности для археологических построений региональных микротрендов наметилась тенденция к хронологической и территориальной детализации изменений природного окружения, на которые общество могло реагировать в течение жизни одного поколения. Удалось показать важность перехода от глобальных обобщений к конкретизации влияния природных процессов на жизнедеятельность отдельных древних коллективов и формирование культурных ландшафтов позднего голоцена; возросла доказательность реконструкций, выполненных с помощью мультидисциплинарного подхода, что еще раз продемонстрировало эффективность комплексных исследований на стыке наук и важность преодоления “языкового барьера” между гуманитарными и естественно-научными направлениями; развилась позитивная тенденция активного внедрения геоинформационных и математических подходов в археологические и исторические исследования, а также разработки моделей природопользования древних и традиционных обществ в разных ландшафтно-климатических условиях; была поставлена задача сформулировать четкие правила работы с культурным слоем как с природным телом путем привлечения обширного арсенала естественно-научных методов, ориентируясь на их будущий прогресс. При внедрении их в практику как обязательной части процесса раскопок ожидается ответная реакция в изменении образовательного процесса подготовки специалистов-археологов и историков.

Всеми участниками были отмечены важность и результативность состоявшегося форума, а также было принято решение провести VI Международную научную конференцию в 2020 г. в Тюмени. Посвятить ее решено разработке методических аспектов изучения формирования культурных и природных ландшафтов, систем природопользования человеческих обществ, физической и социально-культурной адаптации в разные эпохи.

Тюменский государственный университет
Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

Н.П. Матвеева
Н.Е. Рябогина

АНАНЬИНСКИЙ МИР: КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО, СВЯЗИ, ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ. 28–30 ноября 2016 г., г. Болгар (Республика Татарстан)

28–30 ноября 2016 г. в г. Болгар (Республика Татарстан) прошла конференция “Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации”, организованная Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань), Институтом археологии РАН (Москва), Болгарским государственным историко-архитектурным музеем-заповедником. В ее работе приняли участие специалисты из Воронежа, Йошкар-Олы, Ижевска, Казани, Коломны, Костромы, Красноярска, Москвы, Перми, Самары, Санкт-Петербурга, Сыктывкара, Ульяновска, Уфы, Юрино (Марий Эл) (все – Российская Федерация), Кишинева (Молдова), Донецка, Киева (Украина), Хельсинки (Финляндия). На обсуждение были вынесены 45 докладов, охвативших широкий диапазон проблем, связанных с изучением позднего бронзового и раннего железного веков Северной Евразии. Особое внимание было уделено археологии ананьинской культурно-исторической области (АКИО), ее хронологии, развитию комплекса материальной культуры, взаимодействию с археологическими культурами леса, лесостепи и степи Восточной Европы и Западной Сибири.

Мероприятие открыл директор Института археологии АН РТ А.Г. Ситдинов, отметивший важную роль конференций в изучении археологии бронзового и раннего железного веков Волго-Уралья. Со времени предыдущего собрания скончались Г.В. Бельтикова, А.Н. Башенькин, Е.А. Беговатов, В.П. Денисов, В.А. Коренько, Л.Т. Яблонский, исследования которых в той или иной степени были связаны с ананьинской проблематикой. *С.В. Кузьминых* (Москва) и *А.А. Чижевский* (Казань) предварили пленарное заседание кратким сообщением о жизни и научной деятельности ушедших из жизни коллег.

На пленарном заседании было заслушано пять докладов. *С.В. Кузьминых* (Москва) и *А.А. Чижевский* (Казань) обратились к обсуждению общих проблем археологии предананьинского и ананьинского времени на северо-востоке Европы, характеристике материальной культуры, трансформации археологических культур финала позднего бронзового века (ПБВ) и формирования культурных образований раннего железного века (РЖВ), выявлению их ареалов, контактов и исторических судеб.

В.И. Завьялов и *Н.Н. Терехова* (Москва) рассмотрели проблему появления железообработки у носителей АКИО. Ими было установлено, что эта технология пришла в Волго-Камье в начале I тыс. до н.э. с Кавказа. Кавказские кузнецы передали местным мастерам способы выплавки железа и простейшие приемы его обработки. Высокие технологии – цементация и мягкая закалка, применявшиеся на Кавказе, остались неизвестны кузнецам ананьинского мира. Собственный технико-технологический стереотип сложился здесь лишь к VII–VI вв. до н.э.

В.И. Гуляев (Москва) представил на обсуждение исследование о мотиве медведя в скифо-сибирском искусстве. Он дал подробную характеристику изображений медведя и амулетов из его когтей, найденных на территории Лесостепной и Степной Скифии и Южного Урала. Докладчик пришел к выводу о том, что конская упряжь и поясные крючки с мотивом медведя в памятниках АКИО появились в результате культурных контактов с населением Лесостепного Подонья. Эти предметы были рассмотрены им как отражение культа медведя, существовавшего на Среднем Дону и в Волго-Камье в V–IV вв. до н.э.

М.С. Макарова (Пермь) познакомила коллег с первым полным сводом предметов металлической миниатюрной скульптуры гляденовской культуры. Исследовательницей были выделены семь крупных групп изображений: медвежьи, волчьи, пресмыкающиеся, орнитоморфные, насекомообразные, антропоморфные и полиморфные существа, внутри которых были намечены более дробные морфологические дефиниции.

Е.В. Детлова (Красноярск) и *С.В. Кузьминых* (Москва) обратились к переписке одного из основоположников ананьинской археологии А.М. Тальгрена с его австрийским (а затем немецким) коллегой Г. фон Мергартом, внесшим заметный вклад в сибирскую археологию. Основное внимание в докладе было обращено на полемику, развернувшуюся между учеными по проблемам хронологии и культурной принадлежности Сеймы, Турбино, Галича, фатьяновских, ананьинских и енисейских древностей.

На заседании сессии 1 “Ананьинский мир: древности эпохи поздней бронзы Восточной Европы” прозвучало пять докладов. *Ю.И. Колев* (Самара) попытался выявить роль андроновских традиций в генезисе археологических культур ПБВ лесостепного Волго-Уралья. *Е.С. Азаров* (Москва) обратился к изучению поселений эпохи поздней бронзы Поочья, оставленных носителями культуры текстильной керамики (КТК). На основании сопоставления с синхронными поздняяковскими памятниками были выделены характерные черты планировки поселений КТК, определены особенности конструкции жилищ и их интерьера. *А.В. Лыганов* (Казань), *С.В. Кузьминых* (Москва) и *А.А. Чижевский* (Казань) дали подробную характеристику маклашеевского очага металлообработки. Два этапа функционирования очага напрямую связаны с этапами развития маклашеевской культуры. Каждый из них – ранний атабаевский и поздний маклашеевский – характеризуются особым набором типов изделий при сохранении единых рецептов сплавов. *М.Ш. Галимова* и *А.В. Лыганов* (Казань) представили результаты исследования материалов Пестречинской II стоянки, раскопанной в 2013 г. Основной комплекс принадлежит к редкому типу памятников ПБВ,

относимых ранее А.Х. Халиковым к займищенскому этапу приказанской культуры. В РЖВ и эпоху великого переселения народов здесь же отложились немногочисленные находки АКИО и азелинской культуры. Особенно интересен фрагмент сосуда прохоровской (раннесарматской) культуры. *В.А. Подобед, А.Н. Усачук и В.В. Цимиданов* (Донецк, Украина) рассмотрели проблему происхождения конской упряжи маклашевской культуры. По их мнению, разнообразие форм стержневых трехдырчатых костяных псалиев, их многочисленность в Северном Причерноморье и, напротив, унификация и относительная малочисленность в Волго-Камье свидетельствуют о появлении данного типа псалиев у носителей маклашевской культуры в результате влияния степных культур Северного Причерноморья и, возможно, карасукского мира.

На заседании сессии 2 “Ананьинский мир: общие проблемы изучения раннего железного века” было сделано восемь докладов. *А.А. Хисьяметдинова и А.А. Чижевский* (Казань) представили концепцию комплексного исследования оборонительных сооружений городищ Волго-Камья эпох раннего железа и раннего средневековья, включающую археологические, геоморфологические и геологические методы. Городища в рамках этой концепции рассматриваются как природно-антропогенные комплексы, история которых подразделяется на три периода: начальный (догородищенский), основной (городищенский) и реликтовый (постгородищенский). Собственно городищенский период подразделяется на три этапа, являющихся историческими в развитии фортификации на территории Волго-Камья. *Т.В. Рябкова* (Санкт-Петербург), обратившись к изображениям оружия на новомордовских стелах, пришла к выводу о большой достоверности данной изобразительной традиции. Аналогии оружию, переданному рельефными изображениями на стелах, присутствуют в виде реальных предметов на территории от Передней Азии и Кавказа до Волго-Камья. Докладчик не исключил влияния переднеазиатской скульптуры на формирование изобразительного канона стел новомордовского типа.

А.Ю. Скаков (Москва) предпринял попытку выделения кавказских предметов в материальной культуре АКИО и предположил, что они являются результатом торговых контактов населения АКИО с Кавказом. Он отметил, что кавказский импорт в Волго-Камье состоял из предметов элитного вооружения, конской упряжи и украшений женского костюма. *Н.Ю. Смирнов* (Санкт-Петербург) на основании изучения костяного предмета из погребения 94 Зуевского могильника предположил, что это часть плети. Аналогии таким предметам известны, по его мнению, в синхронных степных культурах Восточной Европы. Кроме того, с деталями плетей он связал ряд предметов, происходящих из других могильников АКИО. *Д.А. Топал* (Кишинев, Молдова) проследил эволюцию антенных наконечников скифских акинаков. Он определил ареал этого типа мечей, выделил ранние и поздние варианты, сделав основной упор на изделия с орнитоморфными наконечниками.

С.Я. Ольговский (Киев, Украина) всесторонне проанализировал археологические данные и установил, что так называемые ольвийские зеркала и крестовидные бляхи с элементами скифского звериного стиля не имеют прямого отношения к Ольвии, так как изготавливались в скифских ремесленных центрах, и скифы сами распространяли их вплоть до Урала и Поволжья. *М.Н. Дараган* (Киев, Украина) провела исследование находок человеческих черепов, выявленных на ряде городищ Днепровской Левобережной лесостепи. Лишь часть из них рассматривается в связи со штурмом городищ и последующим уничтожением его обитателей. Большинство находок – погребения. С культовой практикой, в том числе с культом предков, связаны черепа, найденные рядом с жертвенниками, черепами или скелетами собак, предметами культовой пластики и т.п. *С.Н. Кореньюк, А.Ф. Мельничук* (Пермь) и *Е.М. Черных* (Ижевск) обратились к анализу человеческих погребений на памятниках АКИО Среднего и Нижнего Прикамья. Большая их часть – детские, но есть и захоронения взрослых. Они были как полными, так и частичными, встречались также захоронения отдельных черепов. Погребения совершались на поселениях, часто рядом с культовыми постройками или внутри них. В докладе отмечен ритуальный характер погребений и их связь с человеческими жертвоприношениями.

На заседании сессии 3 “Ананьинский мир: регионы АКИО в раннем железном веке” было заслушано девять докладов. *В.В. Овсянников* (Уфа), изучив материалы поселений бассейна р. Белой, происходящие из раскопок 50–80-х годов XX в., произвел переоценку хронологии и культурной принадлежности керамических коллекций этих памятников, выделив древности финала ПБВ (маклашевская культура), сосредоточенные в основном в низовьях р. Белой, а также РЖВ (постмаклашевские и ранние памятники ананьинской культуры шнуровой керамики). Верхняя дата существования памятников РЖВ, по мнению автора, ограничивается V в. до н.э. *Е.М. Черных и А.Е. Митряков* (Ижевск) провели сопоставительный анализ двух систем хронологии Зуевключевского I городища. Первая базируется на стратиграфии памятника и аналогиях, вторая – на датировках ¹⁴С. Расхождения двух систем значительны и составляют от 100 до 1000 лет. Авторы отмечают большую точность системы хронологии, выработанную с помощью традиционных археологических методов, но подчеркивают, что в ряде случаев радиоуглеродные даты ее существенно дополняют. *В.С. Патрушев* (Казань; Йошкар-Ола) представил результаты исследования 10 поселений АКИО Марийского Поволжья. По его мнению, они были оставлены прафинскими (текстильная керамика) и прафинно-пермскими (гладкая керамика с ямкой, шнуром и гребенкой) группами населения. *А.В. Новиков* (Кострома) подвел в своем докладе итоги исследования поселений с керамикой АКИО на территории Костромского Поволжья, выделив три локальные группы памятников, определив их хронологию и дав характеристику керамического комплекса. На основе подготовленного свода памятников

с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой докладчик предпринял попытку определения западной границы ареала АКИО. *С.Н. Коренюк* (Пермь) представил обзор изделий в зверином стиле, происходящих из памятников АКИО Пермского Прикамья. По видовому признаку им выделено восемь групп предметов в зверином стиле (изображения кошачьих, медведя, волка и т.д.), сюда же отнесены и фигурки насекомых. Кроме того, намечены группы антропоморфных и полиморфных изображений. Полемику вызвало отнесение к ананьинскому времени крупных ажурных блюх с изображением богини в окружении разных существ. Последние традиционно ранее относились к средневековым древностям.

А.Е. Митряков (Ижевск), тщательно изучив коллекцию керамики Грехневского I поселения на Верхней Вятке, высказал предположение о том, что наличие разных типов орнаментации на посуде данного поселения невозможно интерпретировать только как результат контактов разных групп населения АКИО. Автор предложил выработать новые подходы к интерпретации этого явления.

Е.В. Волкова (Самара) подвела итоги раскопок городища Манчиха на Самарской Луке в 2016 г. Керамический материал памятника представлен двумя основными группами: белогорского типа и типа "Царев курган". *А.В. Михеев* (Йошкар-Ола) проинформировал коллег об исследованиях оборонительных сооружений Ардинского городища в 2013 г., отметил наличие догородищенского слоя с керамикой АКИО под валом и усомнился в существовании оборонительных сооружений ананьинского времени. По его мнению, вал Ардинского городища был насыпан только в эпоху раннего средневековья. *А.С. Проценко* (Уфа) в 2015 г. провел рекогносцировочные исследования известного Кара-Абызского городища. В докладе была представлена коллекция полученных материалов. Особый интерес вызвало значительное количество наконечников стрел, найденных в ходе шурфовки памятника.

На заседании сессии 4 "Ананьинский мир и памятники с текстильной керамикой" прозвучало семь докладов. *М. Лавенто* (Хельсинки, Финляндия) дал характеристику памятников с текстильной керамикой на территории Финляндии. Он отметил, что поселения этого типа размещаются возле озер, рек и на берегу моря и для них характерны небольшие жилища. Обитатели поселений занимались подсечным земледелием. На ряде памятников зафиксированы также остатки металлообработки и бронзовые изделия. Время появления текстильной керамики на территории Финляндии, судя по данным ^{14}C , относится к III тыс. до н.э., хотя известна и более ранняя дата — V тыс. до н.э., пока единичная.

С.В. Кузьминых (Москва) обратился к проблеме кельтов акозинско-меларского типа (КАМ) и их связи с археологическими культурами Восточной и Северной Европы. По мнению автора, КАМ — специфичное оружие носителей культур с текстильной керамикой. За пределами этой области они изготавливались

в культурах, соседствующих и взаимодействующих с КТК. *В.В. Сидоров* (Москва) сделал обзор памятников с сетчатой (текстильной) керамикой лесной зоны Восточной Европы. В общем массиве выборки этой керамики им были выделены разные способы текстильного оформления поверхности; докладчик также представил свое видение происхождения носителей КТК. *О.А. Лопатина* (Москва) рассмотрела дискуссионную проблему — как наносились текстильные отпечатки на поверхность керамики. Опираясь на этнографические, археологические и экспериментальные данные, она установила, что значительная часть подобных отпечатков выполнена особыми инструментами, которые прокатывали по поверхности, создавая рельефные отпечатки. Такими инструментами могли служить еловая шишка, валик, обмотанный нитями, плетеные и витые шнуры и т.д.

А.С. Сыроватко (Коломна) провел исследование возможностей нанесения текстильных отпечатков на керамику с помощью еловой шишки. Он показал, что в период возникновения керамики такого облика зона еловых лесов достигала места формирования данной традиции. Интересны наблюдения докладчика о концентрации разных типов нанесения текстильных отпечатков (мелкоячеистая, рябчатая, нитчатая и т.д.) по географическим ареалам Русской равнины. В докладе *[А.Г. Векслера]* и *М.Г. Гусакова* (Москва) были затронуты проблемы поздней стадии дьяковской культуры. Материалы памятников Замоскворечья и широкий круг аналогий в синхронных культурах привел авторов к выводу о непрерывности существования дьяковской культуры с рубежа IX/VIII в. до н.э. до VI/VII в. н.э. С I по IV вв. н.э. происходило, как полагают авторы, угасание дьяковской культуры, окончательно исчезнувшей к VI/VII в. *М.М. Савенкова* (Воронеж) в своем сообщении проанализировала ряд категорий предметов эпохи раннего железа: грузила для ткацкого станка, грузики дьякова типа и рогатые кирпичи на предмет оценки возможности их использования в качестве составляющих частей орудий текстильного производства.

На заседании сессии 5 "Ананьинский мир: проблемы конца АКИО и постананьинское время" было заслушано пять докладов.

А.А. Чижевский (Казань) на основании изучения материальной культуры памятников позднего этапа АКИО пришел к выводу о сохранении единого культурного пространства на позднем этапе существования данной области. Сохраняются и региональные отличия, прежде всего, между лесными и лесостепными частями ананьинского мира. Неравномерность распределения позднеананьинских памятников по регионам обусловлена как разной степенью изученности этих территорий, так и недостаточной разработанностью хронологии керамических комплексов, на которых основывается датировка большей части памятников АКИО. *И.О. Васкул* и *В.А. Семенов* (Сыктывкар) произвели обзор памятников ананьинского времени бассейна р. Вымь. Материальный комплекс этих

селищ представлен керамикой баночной и горшководной форм с гребенчато-шнуровой орнаментацией.

Ю.П. Чемякин (Екатеринбург) рассмотрел круг памятников бассейна р. Обь с керамикой кульминского типа. В докладе представлена общая характеристика орнаментальных традиций керамики кульминского типа, выявлен ее ареал. Отмечено, что истоки данной керамики исследователи связывают с памятниками гамаюнской и атлымской культур ПБВ. *С.Н. Кореньюк* и *М.Л. Перескоков* (Пермь) обратились к обсуждению вопроса о хронологии рубежа ананьинской и гляденовской культур в Пермском Прикамье. Докладчики пришли к выводу о том, что рубеж между этими культурами пролег в конце III — начале II в. до н.э. *Е.В. Волкова* и *И.Р. Газимзянов* (Казань) представили данные краниологического исследования черепов из Гулюковского могильника на Нижней Каме. В коллекции выделены две серии черепов. Первая (европеоидная) принадлежала поздним сарматам, вторая (домонгольского времени) оказалась неоднородной: женские черепы с монголоидными (уралоидными) чертами, мужские — с европеоидными.

Пять выступлений были представлены в виде стендовых докладов. *М.Р. Гисматуллин* и *Ю.В. Крылов* (Ульяновск) сделали обзор находок ананьинского времени, происходящих с территории Ульяновской области. Наибольший интерес среди них вызвал

бронзовый чекан, оформленный в зверином стиле. *А.А. Красноперов* (Ижевск) рассмотрел некоторые проблемы хронологии постананьинского времени. По мнению докладчика, наиболее хронологически близкими к поздним могильникам АКИО по погребальному обряду среди некрополей пьяноборской культуры являются Трикольский и Шидалинский могильники, которые по инвентарю следует датировать I в. до н.э. — I в. н.э. *Э.И. Оруджов* (Киров; Казань) представил обзор керамического комплекса Кривоборского городища, хранящегося в фондах Кировского музея. Памятник отнесен докладчиком к ананьинской культуре гребенчато-шнуровой керамики и датирован в пределах VI—III вв. до н.э. *Е.Г. Шалахов* (Юрино, Республика Марий Эл) познакомил участников конференции с находками керамики с дюны “Красный Выселок” в Поветлужье. Эти материалы, судя по аналогиям, относятся к КТК. *А.В. Шипилов* (Казань) показал материалы ПБВ и РЖВ из фондов Музея археологии Республики Татарстан, полученные в ходе раскопок Игимской стоянки в 1970—1971 гг.

На заключительном заседании были подведены итоги конференции. Отмечено, что основным результатом ее работы является координация исследований в области археологии позднего бронзового и раннего железного веков Волго-Уралья и сопредельных территорий. Следующую конференцию “Ананьинский мир” было решено провести в 2020 г.

Институт археологии РАН, Москва
Институт археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук РТ, Казань

С.В. Кузьминых

А.А. Чижевский

К ЮБИЛЕЮ АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ОБЛОМСКОГО

5 августа 2017 г. исполнилось 60 лет Андрею Михайловичу Обломскому — общепризнанному как в ближнем, так и в дальнем зарубежье российскому специалисту по раннеславянской археологии.

Уже на кафедре археологии исторического факультета МГУ, который А.М. Обломский окончил в 1979 г., обозначилась область его научных интересов. Кроме кафедральных и других экспедиций, полевую школу юбиляр прошел в ставшей ныне легендарной экспедиции Киевского педагогического института под руководством Надежды Михайловны Кравченко — одного из учителей Андрея Михайловича. Там же он познакомился не только с женой, Верой Михайловной, но и с молодыми Евгением Леонардовичем Гороховским, Натальей Серафимовной Абашиной, в Институте археологии Академии наук УССР — с Борисом Викторовичем Магомедовым, Ростиславом Всеволодовичем Терпиловским (область интересов и подход к материалу у Андрея Михайловича и Ростислава Всеволодовича, пожалуй, наиболее близкие). Сейчас эти имена знает любой образованный славист. Так была заложена основа тесного сотрудничества, в современной историографии уже фигурирующего как московско-киевское (или киевско-московское) направление (даже школа)

раннеславянской археологии конца XX — начала XXI в. и относящегося к наиболее плодотворным.

После университета А.М. Обломский окончил аспирантуру Института археологии Академии наук СССР. Научным руководителем его диссертации «Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры» и учителем стала Ирина Петровна Русанова. Следует сказать, что по ряду ключевых позиций Андрей Михайлович не соглашался со своими учителями, которые, безусловно, поддерживали самостоятельность суждений и исследовательского пути ученика-коллеги (сейчас именно этого А.М. Обломский добивается от своих аспирантов). Кроме ряда выводов, в основном подтвержденных позднейшими исследованиями, в диссертационной работе юбиляром были сформулированы и основы собственной детальной типологии лепной раннеславянской керамики (такая по сути русановская работа с ней — одна из визитных карточек упомянутого выше московско-киевского/киевско-московского направления/школы).

После защиты кандидатской диссертации в 1983 г. А.М. Обломский остался в Институте археологии. Самостоятельная полевая деятельность Андрея Михайловича началась в 1982 г. с должности начальника разведывательного отряда Новгород-Северской экспедиции (руководитель — Андрей Васильевич Куза). С 1984 г. А.М. Обломский — начальник Раннеславянской экспедиции, плодотворно функционирующей и ныне, т.е. более 40 лет (!). Сначала ее основные работы были сосредоточены в Сумской и Белгородской областях, вскоре в орбиту исследований была включена и Курская область. Умение увидеть болевую зону, провести вдумчивые разведки, эффективные раскопки ключевых памятников, быстро ввести в научный оборот и осмыслить полученный материал на широком фоне, знакомом, как правило, и по работе с лекциями, — таков почерк юбиляра. Важное подспорье здесь — замечательная команда, сложившаяся в экспедиции, и удача (только кладов найдено не менее пяти!).

В 1980–1990-е годы А.М. Обломским были выделены или обоснована правомерность выделения ряда групп позднезарубинецкого горизонта и вариантов киевской культуры, ключевых для восточных ветвей славянского этногенеза в рамках его основной зарубинецкой линии. Показана сложная картина формирования и разница во взаимоотношениях среднеднепровского, сейминско-донецкого, деснинского, верхнеднепровского вариантов киевской культуры между собой и с черняховской культурой, их участие в генезисе славянских культур V–VII вв. (работа с хронологически и территориально компактными группами памятников — еще одна из визитных карточек московско-киевского/киевско-московского направления раннеславянской археологии). Докторская диссертация «Днепровское лесостепное Левобережье

в поздне римское и гуннское время (середина III – вторая половина V в. н.э.)” была блестяще защищена в 2001 г., что признал официальный оппонент (и один из главных неофициальных), на тот момент ведущий археолог-славист Валентин Васильевич Седов.

С середины 1990-х годов началась работа А.М. Обломского в Верхнем Подонье. Были проведены масштабные раскопки ряда ключевых памятников III–V вв., выделены группы Каширка–Седелки (в рамках второй половины III – первой половины IV в.), Чертовицкое–Замятино (конец IV – V в.), не так давно открыты ее продолжение и зона непосредственных славяно-финских контактов в V–VII вв. в верховьях р. Воронеж. Материалы группы (фактически – культуры) Чертовицкое–Замятино были соотнесены с одним из поликультурных центров гуннской эпохи и стали сенсацией, получившей международный резонанс.

Полевые и научные работы обрисовывали все большую необходимость их более широкого и четкого структурно-организационного оформления. Так, в 1996 г. с монографией А.М. Обломского и И.О. Гавритухина, посвященной Гапоновскому кладу, получила практическую путевку в жизнь серия книг “Раннеславянский мир: археология славян и их соседей”, ныне представленная 17 выпусками (18, посвященный юбилею, находится в печати) и являющаяся одним из авторитетнейших изданий по эпохам римских влияний и Великого переселения народов в Восточной Европе. В 2002 г. в ИА РАН в отделе славяно-русской археологии была создана группа (она планировалась еще при жизни И.П. Русановой), в 2014 г. преобразованная в отдел археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья; и группу, и отдел заслуженно возглавил Андрей Михайлович.

Институт археологии РАН, Москва
Государственный военно-исторический
и природный музей-заповедник “Куликово поле”, Тула

А.М. Обломского как организатора лучше всего характеризует слово “коллективность”, подразумевающее слаженную работу многих специалистов (в некоторых проектах под руководством юбиляра их более 20). Возможно поэтому он часто пишет в соавторстве, хотя собственных материалов и идей хватает с избытком. Показательно, что в ряде публикаций, для которых Андрей Михайлович выступал в качестве инициатора, разработчика, редактора, корректора, добытчика средств на издание, он фигурирует лишь как один из авторов и “составитель” или “ответственный редактор”.

Организационная и административная работа не стала препоной для новых циклов исследований по проблемам, в решении которых вклад А.М. Обломского и так общеизвестен: разработки с опорой на новые своды по позднезарубинецким и киевским памятникам (отсутствие сводов и каталогов по многим проблемам – одна из болевых точек отечественной археологии), а также, конечно, по изделиям круга восточноевропейских выемчатых эмалей и связанных с ними памятников. Среди последних – Брянский клад, отработанный начиная с разведок и раскопок и заканчивая коллективной монографией.

Все сказанное – только несколько черт к портрету А.М. Обломского. Мы не упомянули про его работу с учениками, коллегами из “провинциальных” центров, о его международной деятельности, об исследованиях социальных структур, направлений и характера контактов в Восточной Европе эпохи Великого переселения народов, континуитете и прерывистости в раннеславянской истории, о памятниках первых веков н.э., да и, конечно, о многом другом. Надеемся, что об этих и других сторонах деятельности и достижениях Андрея Михайловича у нас будет повод написать к следующим юбилеям.

*От друзей и учеников
И.О. Гавритухин, О.А. Радюш
А.М. Воронцов*

К ЮБИЛЕЮ НАТАЛЬИ БОРИСОВНЫ КРЫЛАСОВОЙ

Наталья Борисовна Крыласова родилась 12 мая 1967 г. в Перми в семье инженеров. В 1984 г. окончила среднюю школу № 65, параллельно получив диплом художника-оформителя, и поступила на историческое отделение филологического факультета Пермского государственного педагогического института (ПГПИ, с 1994 г. — университета), с которым оказалась связанной на всю жизнь, пройдя путь от заведующего лабораторией археологии и этнографии до профессора кафедры древней и средневековой истории России.

Свою первую научную работу — статью, посвященную результатам исследования печей в крестьянских домах, — она опубликовала еще студенткой.

С 1986 г. Наталья Борисовна принимала участие в работах Камской археолого-этнографической экспедиции (КАЭЭ) ПГПИ на Саламатовском городище, селище и могильнике Телячий Брод, с блеском представляя материалы своих археологических исследований на Урало-Поволжских и Всесоюзных студенческих археологических конференциях. Тема дипломной работы Н.Б. Крыласовой “Костюм средневекового населения Верхнего Прикамья VII–XI вв.” получила продолжение в кандидатской диссертации по специальности “Археология”, которую она защитила в 2000 г. в Институте истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. В кандидатской диссертации и монографии, выпущенной по итогам

ее защиты, был обоснован и использован комплексный подход к такому сложному материально-духовному источнику, как костюм. Методы анализа и реконструкции костюма, продуманные автором еще в студенческие годы, в настоящее время используются многими коллегами в Урало-Поволжском регионе.

Еще в 1989 г., будучи студенткой 4 курса, Наталья Крыласова пошла работать руководителем археологической секции и методистом Пермского городского Научного общества учащихся, действовавшего в городском Дворце пионеров. Руководителем секции Наталья Борисовна оставалась вплоть до 1992 г., когда перешла в Уральский филиал Всероссийской академии живописи, ваяния и зодчества преподавателем кафедры гуманитарных дисциплин. В 1998 г. ее пригласили в Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (ПГГПУ) заведующей лабораторией археологии и этнографии.

Сюда Наталья Борисовна пришла уже сформировавшимся ученым-археологом, имеющим 25 научных и 8 научно-методических публикаций, в том числе учебно-методический комплекс для средней школы “Страницы истории Земли Пермской” в двух частях с рабочими тетрадями и методическим пособием для учителей-краеведов. Напечатанный общим тиражом в 110 тыс. экземпляров и рекомендованный Департаментом образования Пермской области в качестве школьного учебника, он стал первым в Уральском регионе школьным учебником исторического краеведения.

Вскоре Наталью Борисовну избрали на должность преподавателя кафедры отечественной истории. Как преподаватель и методист она разработала полтора десятка учебных и специальных курсов по истории материальной культуры, истории Урала, вспомогательным историческим дисциплинам. По сей день она — единственный специалист в Пермском крае по всеобщей истории материальной культуры и истории костюма.

С 1988 г. Наталья Борисовна является держателем открытого листа и активным полевым археологом. Под ее руководством отрядами КАЭЭ Пермского педагогического института/университета и отдела истории, археологии и этнографии Пермского научного центра УрО РАН исследовано полтора десятка городищ, селищ и могильников эпохи средневековья, изучено около 1000 средневековых погребений, исследованы производственные средневековые металлургические комплексы, выявлены уникальные ритуальные комплексы и жилые сооружения. Ее самой большой археологической любовью был и остается Рождественский археологический комплекс — средневековый город Афкула — единственное поселение средневекового Прикамья, которое может считаться абсолютно историческим, так как сведения о нем имеются в точных письменных источниках.

Как ученый Наталья Борисовна исповедует важнейшую истину: во главе всего стоит археологический материал — главный источник всех научных построений. Как следствие — ее крупные публикации в большинстве своем не тривиальны и открывают новые методические приемы работы с материалом, формулируют новые цели и задачи археологического источниковедения.

Важным для понимания средневекового мира Урало-Поволжья и соседних территорий стало исследование под названием “Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма)”, выполненное Натальей Борисовной совместно с д.и.н. В. А. Ивановым, в котором был сопоставлен костюм степного и лесного населения. Оно показало, что новинки декора костюма из степи у лесных жителей меняли свой статус социального маркера на статус оберега, получали новое развитие, не зависящее от степной моды, их новое значение (вплоть до перемены пола потребителя) становилось понятным для всех финно-угорских соседей предуральских угров. При этом смысл деталей костюмного убранства у обитателей степи и жителей леса никогда не совпадал.

В 2007 г. Наталья Борисовна опубликовала одну из самых важных своих работ “Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья”. Опираясь на тщательный анализ материального мира, представленного многочисленными археологическими находками, автор реконструирует мир нематериальный, то, что современным языком называется качеством жизни. Этот труд Натальи Борисовны фактически обосновывает новое научное направление в изучении прошлого народов Западного Урала — археологию повседневности. Монография стала основой докторской диссертации, которую Наталья Борисовна защитила в 2008 г. в Институте истории материальной культуры РАН.

Следует отметить, что делая исторические выводы, юбиляр всегда держала и держит в центре своего внимания непосредственные результаты полевых исследований. Раскопки — основной источник поступления научной информации в археологии. В силу этого Наталья Борисовна со всей своей энергией включилась в процесс написания и издания книг серии “Археология Пермского края. Свод археологических источников”, осуществляемый археологами ПГГПУ и научного центра УрО РАН. Основная задача этой серии — максимально полная публикация материалов многолетних раскопок конкретных памятников. Перу Натальи Борисовны в указанных изданиях принадлежит самая важная часть — типология и классификация материальной культуры, описание погребального обряда (если речь идет о могильниках) и, как всегда, большинство иллюстраций.

За многолетний период плодотворной научной деятельности Натальей Борисовной опубликовано более 200 научных и научно-методических работ, посвященных разным аспектам средневековой археологии Предуралья, что свидетельствует о широком исследовательском кругозоре их автора.

Заслуги Натальи Борисовны высоко оценены не только коллегами, но и научным сообществом: она — лауреат премии Пермского края в области науки I степени. С честью носит самое высокое ученое звание — профессор.

Благодаря усилиям Н.Б. Крыласовой и ее коллег в ПГГПУ в 2000-е годы фактически сформировалась новая научная археологическая школа, исследующая историческое и культурное своеобразие пермского края как культурно-экологической и историко-этнической территории в центре Евразии.

Коллеги, друзья и ученики Натальи Борисовны искренне поздравляют ее с юбилеем, желают творческих сил, новых научных свершений, крепкого здоровья и настоящего человеческого счастья.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

*А.М. Белавин,
А.Н. Саранулов*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Российская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

Все материалы, представленные для опубликования в журнале, должны в **обязательном порядке** сопровождаться подписанным авторами «**Договором о передаче авторского права**» (см. Приложение и сайт <http://www.naukaran.ru>).

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале:

1. Все рукописи предоставляются в **двух** экземплярах, распечатанных через **1,5 интервала** (шрифт Times New Roman — для основного текста, кегль 14, Symbol — для греческих букв, MathematicalPi2 — для рукописных и готических символов) на лазерном или струйном принтере на белой бумаге (формат 290 × 210) с одной стороны листа **с обязательным приложением электронной версии** (на диске).

2. К рукописям (по разделам «Статьи», «Публикации», «Дискуссии») должны быть приложены краткое **резюме (на русском и английском — не менее 1 стр.)**, **ключевые слова (термины — на русском и английском языках)**.

3. Все нестандартные буквенные и иные обозначения в тексте рукописи должны быть четко и разборчиво вписаны от руки.

4. На отдельной странице приводятся **подробные сведения об авторах** (с обязательным указанием почтового и электронного адресов, контактного телефона).

5. Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и резюме) **не должен превышать 40 тыс. знаков** (с пробелами) и содержать **не более 8 иллюстраций**. Для раздела «Заметки» объем рукописи не должен превышать 15 тыс. знаков.

6. Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

ПРИРОДНАЯ СРЕДА ВЕРХОВЬЕВ ХАБУРА

Ш. Н. АМИРОВ

Институт археологии РАН, Москва (мэйл каждого автора)

Резюме.....

Ключевые слова:

7. Рисунки и чертежи представляются в двух экземплярах, выполненные тушью или отпечатанные на лазерном принтере, а фотографии — на глянцевой бумаге. Не принимаются ксерокопии архивных документов, особенно плохой сохранности (чертежи и пр.), только фотографии. Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельной странице на русском (и желательно на английском) языке.

8. Постраничные примечания даются через два интервала внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

9. Ссылки на литературу и источники даются в круглых скобках: фамилия автора (без инициалов, кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год, страница, рисунок и т.п.

10. Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке на отдельной странице и состоит из двух частей: первая — работы на кириллице, вторая — на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года к ним проставляются литеры а, б, в..., включая первое упоминание.

11. К Списку литературы должен быть приложен Список сокращений на отдельной странице.

11. Источником библиографического описания является титульный лист издания. Год издания в монографиях и сборниках ставится после города издания, в конце сноски. При ссылках на периодические издания необходимо указать том, №, выпуск, включая иностранные издания. Например:

монография: Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.

статьи: Амиров Ш. Н. Природная среда верховьев Хабура // РА. 2000. № 3.

источники: Псковские летописи. Т. 1. М.; Л., 1941.

архивные материалы: Чернов С. З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г.// Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

12. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

13. На статьях, присланных с доработки, необходимо сделать соответствующую пометку.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакцией не рассматриваются!

Сдано в набор 12.05.2017 г. Подписано к печати 26.07.2017 г. Дата выхода в свет 31.07.2017 г. Формат 60 × 80 ¹/₈
Цифровая печать Усл. печ. л. 24.0 + цв. вкл. Усл.кр.-отт. 7.4 тыс. Уч.-изд.л. 24.0 Бум.л. 12.0
Тираж 306 экз. Зак. 1232 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»), 121099, Москва, Шубинский пер., 6